

ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ПОВЕСТЬ О САГОРОМО

ПОВЕСТЬ О ТАКАМУРА

ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ПОВЕСТЬ
О САГОРОМО
*
ПОВЕСТЬ
О ТАКАМУРА

Перевод В. И. Сисаури

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАТАЛИС»
РИПОЛ КЛАССИК
2007

ББК Ш5(5Я)4-611.2
УДК 895.2
П42

Перевод с японского В. И. Сисаури

Повесть о Сагоромо (Сагоромо моногатари); Повесть о
П42 Такамура (Такамура моногатари) / Предисловие, перевод с
японского и примечания В. И. Сисаури — М.: Наталис —
Рипол Классик, 2007. — 448 с. — (серия «Восточная кол-
лекция»)

ISBN 978-5-8062-0245-2 (Изд-во «Наталис»)
ISBN 978-5-7905-5051-5 (Рипол Классик)

В романе японской писательницы XI века Сэндзи повествуется о жиз-
ни и приключениях блестящего молодого человека по имени Сагоромо.
Совершив немало ошибок, порой не задумываясь об их роковых последст-
виях для людей, с которыми он оказался связан, этот изысканный аристо-
крат все же способен и на любовь, и на сострадание, и на раскаяние.

Замечательный перевод В. И. Сисаури бережно сохранил стиль писа-
тельницы. «Повесть о Сагоромо», насыщенная поэзией, передаст несрав-
ненный аромат прошлых времен. Следуя за увлекательным сюжетом,
любопытный читатель познакомится также с правами и обычаями,
культурой и искусством средневековой Японии.

«Повесть о Такамура» принадлежит кисти известного каллиграфа и
поэта IX века Оно Такамура.

ББК Ш5(5Я)4-611.2
УДК 895.2
П42

ISBN 978-5-8062-0245-2
Издательство «Наталис»
ISBN 978-5-7905-5051-5
Рипол Классик

© Сисаури В. И., предисловие, перевод с японского и
примечания, 2007
© Издательство «Наталис», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Повесть о Сагоромо	
Часть первая	39
Часть вторая	125
Часть третья	210
Часть четвертая	318
Повесть о Такамура	426
Приложение	
Записки без названия	443
Список сокращений	447

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

В настоящем издании представлены два произведения японской литературы эпохи Хэйан (794—1185): «Повесть о Сагоромо» (*Сагоромо моногатари*) и «Повесть о Такамура» (*Такамура моногатари*).

«Повесть о Сагоромо» принадлежит к числу крупнейших произведений указанного периода. Она была создана во второй половине XI в. и на протяжении нескольких веков оставалась одним из самых популярных произведений. В «Записках без названия» (*Мумё дзоси*) указывается, что это произведение ставят непосредственно после «Повести о Гэндзи» (*Гэндзи моногатари*), созданной Мурасаки-сикибу в начале XI в.¹, что само по себе является высокой оценкой, т. к. последнее произведение всегда признавалось вершиной древнеяпонской прозы.

Однако никто из ведущих представителей национальной филологии², ставивших целью возрождение старой японской литературы, не составил комментариев к «Повести о Сагоромо» и не написал о ней трактата, хотя с точки зрения общей идеи и художественных достоинств она должна была войти в поле зрения ученых. Может быть, по этой причине приблизительно с XVII в. популярность ее сходит на нет.

Автором «Повести о Сагоромо» издавна признавалась Фудзивара Катако, дочь Мурасаки-сикибу. Основанием этому служила запись из первого свитка *Какайсё* (Трактат о реках и морях) Ёцу-

цудзи Ёсинари (1326—1402), комментариев к *Повести о Гэндзи*³. Мнение это повторялось в различных трактатах и держалось до начала XX в., но в настоящее время почти единодушно принята точка зрения об авторстве Сэндзи, служившей у принцессы Байси. В «Моих собственных мыслях» (*Хэкиансё*) Фудзивара Тэйка цитируется стихотворение «Не я ли как дерево...» (*Тани фукаку*) из первой главы третьей части «Сагоромо» и сказано: «Говорят, что эту повесть создала Сэндзи, служившая у принцессы Байси, бывшей жрицы Камо»⁴. В *Тёдо утаавасэ* (Песенное соревнование между предметами домашней утвари)⁵ цитируется стихотворение «Как дать ему знать» (*Кадзю таэ*) из 22-й главы первой части «Повести о Сагоромо» и говорится, что его сочинила Сэндзи⁶.

О жизни писательницы известно не много, и сведения очень противоречивы. Она была дочерью Минамото Ёрикуни (974?—1058?), сына Ёримицу (948—1021), и предполагается, что она родилась в начале XI в. Дед писательницы, Ёримицу, славился своим мастерством в стрельбе из лука, а кроме того, своим поэтическим дарованием: его стихотворения были включены в такие антологии, как «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Сюи вакасю*), «Второе собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Госюи вакасю*), «Собрание японских песен, подобных золотым листьям» (*Кинрё вакасю*), «Второе собрание красот поэзии» (*Дзоку сика вакасю*). Младший брат Ёрикуни, Ёрииэ (ум. 1069), был знаменитым поэтом, чьи стихи сохранились в антологиях «Второе собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», «Собрание японских песен, подобных золотым листьям», «Собрание красот поэзии» (*Сика вакасю*), «Второе собрание красот поэзии». Сам Ёрикуни особыми поэтическими талантами не отличался. Семья его была близко связана с могущественным министром Фудзивара Митинага (995—1018): внук последнего был женат на дочери Ёрикуни. Ёрикуни служил правителем различных провинций, состоял при дворе императрицы Дзётмонъин, супруги императора Итидзё, которая была дочерью Митинага, и закончил службу чиновником четвертого младшего ранга, заместителем начальника Правых императорских конюшен. От четырех жен у него было одиннадцать сыновей, некоторые из которых — Ёридзанэ (1015—1044), Ёрицуна (1024?—1097), Ёрисукэ (годы жизни неизвестны), Моромицу (годы жизни неиз-

вестны) — были знаменитыми поэтами, принимавшими участие в официальных поэтических турнирах и чьи стихотворения сохранились в императорских антологиях и личных собраниях⁷. Сведения о дочерях Ёрикуни неопределенны. Одна из них⁸, будущий автор «Сагоромо», как предполагается, вышла замуж за правителя провинции Ава Фудзивара Такасада (годы жизни неизвестны), и у нее родился ребенок. Тогда же она стала кормилицей принцессы Байси. Во «Втором собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии» (№ 1096) сохранилось ее стихотворение, написанное по поводу измены Такасада: «Узнав, что Такасада тайно посещал даму Госэти, поэтесса, не называя себя, послала ей письмо:

Все время слышу
Тайное пенье
Кукушки.
Можно ль не заметить забора,
За который птица влетает?»⁹

Известно, что Такасада в 1042 г. убил Минамото Садасуэ, и Сэндзи возвратилась в отчий дом, вероятно, вследствие этого преступления. По-видимому, тогда-то ее стал навещать Минамото Такакуни (1004–1077), человек, близко стоявший к верховному советнику (*кампаку*) Фудзивара Ёримити (992–1074), сыну Митинага, сделавшего такую же блистательную карьеру, как и его отец. Сам Такакуни дослужился до чина заместителя старшего советника. Ему принадлежит сочинение по буддизму «Трактат о райской земле» (*Аньёсё*), стихотворения его включены в различные императорские антологии. Считается, что он является автором «Повестей старшего советника из Удзи» (*Удзи дайнагон моногатари*)¹⁰, сборника рассказов, до нашего времени не дошедшего, который явился образцом для знаменитого сборника «Стародавние повести» (*Кондзяку моногатари*). Таким образом, Сэндзи выросла в доме, который блистал литературными дарованиями, и, может быть, в течение некоторого времени была связана с придворным, известным не только своими поэтическими, но и прозаическими произведениями. В 1046 г. Сэндзи поступила на службу к принцессе Байси. Ее брат Ёридзанэ был близок с Минамото Морофуса (1009–1077), сыном принца Томохира, получив-

шим фамилию Минамото, и племянником Ёримити. Морофуса занимал верховные должности, дослужился до первого министра и был известен своим талантом как в сочинении стихов, так и прозы на китайском языке. В 1040 г. он был назначен управляющим двора принцессы Байси, и вполне вероятно, что, когда принцесса стала жрицей Камо, мог рекомендовать сестру Ёридзанэ на службу в ее свиту. Возможно, что этому способствовал и Такакуни.

Принцесса Байси (1039–1096) была четвертой дочерью императора Госудзаку (годы правления: 1036–1045). Мать ее, как и ее старшей сестры, принцессы Юси, была Гэнси, дочь главы Палаты обрядов принца Ацуюсу (999–1019), и внучка императора Итидзё (годы правления: 986–1011) и императрицы Тэйси, племянницы Митинага. В свите императрицы Тэйси служила Сэй-сёнагон, автор знаменитых «Записок у изголовья» (*Макура-но соси*)¹¹. Митинага покровительствовал Ацуюсу, после безвременной смерти которого Гэнси была удочерена Фудзивара Ёримити. Она поступила на службу к императору Госудзаку (годы правления: 1036–1045) и была провозглашена императрицей, но на девятый день после рождения Байси скончалась. Новорожденную вместе с ее старшей сестрой взял на воспитание тот же Ёримити.

После восшествия на престол императора Горэйдзэй в 1046 г. Байси была назначена жрицей Камо, однако из-за слабого здоровья, в правление того же императора, в 1058 г. сложила с себя священные обязанности. Дочь Ёрикуни, поступившая на службу, будучи опытной придворной дамой, состояла при ней в должности *сэндзи*, дамы, которой поручалась передача устных повелений госпожи письмоводителю. Как часто бывает в истории эпохи Хэйан, она стала известна под этим титулом.

Служба при дворе подразумевала обязательное участие в различных литературных, прежде всего — поэтических, соревнованиях. Принцесса Байси очень любила изящную словесность и отличалась к тому же незаурядным поэтическим талантом. Ее стихотворения были включены в различные императорские антологии: «Собрание красот поэзии», «Второе собрание старых и новых японских песен» (*Сёку кокин вакасю*), «Новое собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» (*Син сюи вакасю*).

В «Повести о процветании» (*Эйга моногатари*)¹² о ней сказано:

«Прежнего императора звали Госудзаку-но ин. Его четвертая дочь, Такакура-доно¹³, была жрицей Камо. Она прекрасно сочиняла стихи, будучи еще ребенком. Ее прислуживающие дамы состязались в сочинении стихов на разные темы и так проводили все время в душевном покое»¹⁴.

В исторических источниках сохранились сведения о двадцати пяти поэтических соревнованиях, организованных принцессой, которых, как можно предполагать, в действительности было гораздо больше. В них принимало участие не только ее окружение, но приглашались и дамы, служащие у сестры Байси, принцессы Юси, и у императрицы Хироко, супруги императора Горэйдзэй (годы правления: 1045–1068), а также мужчины, в числе которых были два брата Сэндзи, Ёрицуна и Ёрисукэ. Из окружения самой Байси в соревнованиях принимала участие девятнадцать раз дама Мимасака, и в протоколах осталось тридцать семь ее стихотворений (два ее стихотворения помещены во «Втором собрании японских песен, не вошедших в прежние антологии»).

Сэндзи принимала участие в поэтических соревнованиях, организованных принцессой, шестнадцать раз, и в протоколах осталось тридцать четыре ее стихотворения. Кроме того, четыре ее стихотворения включены в императорские антологии: два во «Второе собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», одно в «Новое императорское собрание японских песен» (*Син тёкусэн вакасю*) и одно в «Собрание японских песен, подобных яшмовым листьям» (*Гёкуё вакасю*). Стихотворения Сэндзи ценил такой знаток японской поэзии, как Фудзивара Тэйка, который в своем дневнике *Мэйгэцуки* (Записки при яркой луне) написал о Сагоромо: «Стихи в повести замечательны, а остальное нет» (1233, 3 месяц, 20 день)¹⁵. Он же ставил стихи из «Сагоромо» рядом со стихами из «Гэндзи»: в *Моногатари хякубан утаавасэ* (Сравнение ста стихотворений из повестей) он исследовал стихотворения из обоих произведений. Отец его, Сюдзэй (Тосинари, 1114–1204), в молодости находился под влиянием поэзии Сэндзи, а в начале XIII в. «Повесть о Сагоромо» наряду с «Гэндзи» была обязательным чтением поэтов, чем-то вроде эстетического трактата эпохи¹⁶.

Кроме стихотворных конкурсов принцесса организовала знаменитое состязание в сочинении повестей, которое состоялось в 1055 г., третьего дня пятого месяца в ночь бледения дня обезьяны¹⁷.

В «Повести о процветании» об этом сказано: «Она придумала новое соревнование в сочинении повестей. Двадцать участниц было разделено на две группы, левую и правую. Это было очень интересно»¹⁸. Условия этого конкурса не совсем ясны. Естественно, что в одну ночь авторы не могли создать по целой повести. По-видимому, они сочиняли лишь стихотворения к повестям, написанным заранее. Соревнующиеся были разделены на левую и правую команды, в каждой было по девять участниц, — таким образом, к соревнованию было написано восемнадцать повестей. Сэндзи представила повесть «Заместитель старшего советника, плавающий среди жемчужных водорослей» (*Тамамо-но асоби гондайнагон*). Название основано на стихотворении Миядзи Такакадзэ (X в.) из «Последующего собрания японских песен» (*Госэн вакасю*), № 72: «Как чомга плавает среди жемчужных водорослей в весеннем пруду, не зная роздыха, так и я беспрерывно томлюсь от любви». Таким образом, название представленной на конкурс повести имеет значение: «советник, который беспрерывно погружен в любовные муки». Это произведение пользовалось всеобщим признанием в эпоху Камакура (1185–1333). Оно было довольно длинным, в нем насчитывалось около пятнадцати героев, действие разворачивалось в течение большого отрезка времени. Кроме стихотворения, сочиненного во время соревнования, в «Собрании японских песен, подобных листьям, срываемым ветром» (*Фуё вакасю*)¹⁹ — тринадцать стихотворений из этой повести.

Из восемнадцати произведений, сочиненных во время этого соревнования, только одно дошло до нашего времени — «Второй советник, не переваливший гору Встреч» (*Аусака козну гонтюнагон*), принадлежащее кисти дамы Косикибу. Эта небольшая повесть включена в сборник «Повести второго советника по прозванию Плотина» (*Цуцуми-тюнагон моногатари*).

«Повесть о Сагоромо», по-видимому, была написана в 70–80-е гг. XI в.²⁰ В части, посвященной избранию жрицы Камо, писательница использовала воспоминания о собственной службе у принцессы Байси. 23 дня 2 месяца 1092 г. Сэндзи скончалась.

«Повесть о Такамура» долгое время считалась пропавшей и была обнаружена только в 20-х г. XX столетия в трех списках. Повесть носит различные названия, в обнаруженных рукописях она озаглавлена «Повесть о Такамура» (*Такамура моногатари*) и «Собрание Оно Такамура» (*Оно Такамура сю*), а кроме того, в старых источниках она упомянута под названием «Дневник Такамура» (*Такамура никки*).

Герой повести, Оно Такамура (802–852), — лицо историческое. Он был выдающимся поэтом, писавшим на китайском и японском языках. Его отец, Минэмори, был известным поэтом, писавшим по-китайски. Он был назначен одним из составителей первой императорской антологии китайской поэзии, созданной в Японии, «Собрание возвышающихся над миром произведений» (*Рёунсю*), и написал к ней предисловие.

Такамура в молодые годы не занимался науками. Отец его в то время был назначен правителем провинции Муцу, и молодой человек проводил целые дни, разъезжая верхом и стреляя из лука. Когда семья возвратилась в столицу, император Сага (годы правления: 810–832), узнав о его образе жизни, сокрушенно воскликнул: «Неужели сын Минэмори будет простым воякой?» Эти слова заставили юношу раскаться. Он поступил в университет, занимался историей и литературой и проявил огромный талант. Он поступил на службу в Императорской архив. Такамура был в составе комиссии, которая выработала «Истолкование свода законов Тайхорё» (*Рё-но гигэ*, 833).

Однако карьера его неожиданно прервалась. В 834 г. послом в Китай был назначен Фудзивара Цунэцугу, а Такамура — его помощником. Это посольство в Китай оказалось последним, в 894 г. японцы начали готовить шестнадцатое посольство, которое так и не было отправлено. Пятнадцатое же посольство было весьма несчастливим: из-за бури вынуждено было возвратиться домой. В 837 г. повторилось то же самое. Тогда же выяснилось, что корабль, на котором плыл Цунэцугу, дал течь, и на следующий год при новом отправлении было решено предоставить послу корабль, на котором плавал Такамура, а его самого отправить на корабле посла. Узнав об этом, Такамура под предлогом болезни плыть в Китай отказался. Он сочинил по этому поводу поэму на китайском

языке «Путь на Запад» (*Сэйдое*), в которой излил свой сарказм, чем навлек на себя гнев отрешившегося к тому времени императора Сага; ему грозило повешение, но он был лишен аристократического звания и сослан на остров Оки. Там он сочинил поэму на китайском языке «Изгнание» (*Такукогин*). Такамура был прощен в 840 г.²¹, ему было возвращено его звание, он дослужился до советника *санги*, имел третий ранг, — таким образом, он достиг очень высокого положения.

Упомянутые китайские поэмы Такамура до нашего времени не сохранились. Шесть его японских стихотворений были включены в «Собрание старых и новых японских песен», и одно из них избрано Фудзивара Тэйка для знаменитого сборника «Собрание ста стихотворений ста поэтов» (*Хякунин иссю*, № 11).

Кроме того, Такамура был известен как каллиграф, и если как поэта его ставили рядом с великим китайским поэтом Бо Цзюйи (772–846), то как каллиграфа — с патриархами этого искусства, Ван Сичжи (321–379) и Ван Сянчжи (344–388).

Рассказы о нем были включены в различные сборники, но все они позднего происхождения.

Время создания «Повести о Такамура» неизвестно. Ямагиси Токухэй отмечает, что в «Собрании старых и новых японских песен» нет ни одного стихотворения из повести. В дальнейшем имя Такамура не встречается в императорских антологиях, но начиная с «Нового собрания старых и новых японских песен» (1205) его стихотворения вновь помещены в антологиях, — все они взяты из повести. Это позволяет считать, что «Повесть о Такамура» была создана в период, предшествующий составлению «Нового собрания старых и новых японских песен», и в антологии включались стихи из нее, созданные не Такамура, а неизвестным автором повести²². Его мнение не является общепринятым, и Эндо Ёсимото считает, что повесть создана в первой половине XI в.²³

Казалось бы, столь драматичная жизнь поэта могла привлечь внимание писателей, но в «Повести о Такамура» автор главное место уделяет любви поэта к своей единокровной сестре. Насколько это соответствовало реальности — неизвестно. В «Собрании старых и новых японских песен» есть стихотворение Такамура (№ 829):

«Написано, когда его младшая сестра покинула мир:

Хочу, чтобы слезы мои
 Превратились в дождь.
 Тогда поднялась бы вода в реке трех дорог,
 Что ты должна пересечь,
 И ты возвратилась бы»²⁴.

В седьмом свитке «Сборника литературных образцов нашей страны» (*Хонтё мондзуй*)²⁵ помещено письмо Такамура правому министру Фудзивара Мимори²⁶. В нем речь идет о двенадцатой дочери министра, что не совпадает с «Повестью о Такамура». Никаких других свидетельств, относящихся к сюжету произведения, не сохранилось. В целом повесть, по-видимому, плод воображения автора.

3

«Повесть о Сагоромо» входит в группу крупных произведений хэйанской прозы повествовательного жанра, которые можно сравнить с романом: «Повесть о дупле» (*Уцухо моногатари*, вторая пол. X в.), «Повесть о Гэндзи», «Проснувшись ночью» (*Ёва-но нэдзамэ*, середина XI в.) и «Повесть о втором советнике Хамамацу (Хамамацу-тэнагон моногатари», вторая пол. XI в.)²⁷. «Сагоромо» — психологический роман из жизни современного автору общества. Сочинения, предшествующие перечисленным произведениям, невелики по объему. Такова «Повесть о Такэтори» (*Такэтори моногатари*, нач. X в.) и «Повесть об Отикубо» (*Отикубо моногатари*, вторая пол. X в.), не говоря о «Повести об Исэ» (*Исэ моногатари*) и «Повести о Ямато» (*Ямато моногатари*), представляющих собой сборники небольших отрывков с одним или несколькими стихотворениями в них.

При исследовании японской прозы периода Хэйан нужно прежде всего иметь в виду, что в Японии не существовало ни героического эпоса²⁸, ни волшебной сказки, возникающих на поздних этапах мифологического мышления, которые в других культурах являются источником развития последующих повествовательных жанров. В эпоху Хэйан ритуал сохранял свое значение — не произошло еще десакрализации мифа, необходимого условия появления волшебной сказки.

В произведениях эпохи Хэйан присутствуют некоторые сказочные сюжеты. В прозе этого периода национальные мифы не получили отражения, и встречающиеся сказочные сюжеты, по-видимому, иноземного происхождения²⁹. А. А. Холодович пишет о «Повести о Такэтори»: «Почти все сюжетные элементы этой новеллы заимствованы из китайских литературных источников, а то — через Китай — даже из индийских»³⁰. Влияние сказки мы находим в «Повести о Такамура»: во второй ее части рассказывается о сватовстве героя к дочерям министра: первые две наотрез отказываются от предложения, младшая соглашается. В «Повести об Отикубо» представлен сюжет, разительно напоминающий сказку о Золушке. В «Повести о дупле» использованы некоторые сюжеты, тоже заимствованные, по всей вероятности, извне. В первой главе, «Тосикагэ», отчетливо видны элементы волшебной сказки: это путешествие в страну мертвых, которое имеет значение инициации юношества³¹. Музыка, которой обучается Тосикагэ, имеет все признаки тайной науки волшебных сказок, которую юноши приобретают во время обряда инициации³². Имеются и другие соответствия: завязка, где описывается сказочная семья, счастливое и спокойное существование которой прерывается необходимостью героя отправиться в далекий путь³³; или преодоление различного рода препятствий, пропастей, гор и рек, через которые героя переносят различные животные³⁴. Показательно, что эти элементы сконцентрированы в части главы, посвященной пребыванию героя за пределами Японии и его путешествию к преддверию буддийского рая. Сюжет второй главы, «Тадакосо», представляет собой поразительную вариацию на сюжет древнегреческого мифа об Ипполите. Является ли это сходство случайным? Небольшую завершенную новеллу представляет собой и эпизод из третьей главы, рассказывающий о замысле принца Камуцукэ похитить прекрасную Атэмия, о чем стало известно отцу красавицы, Масаёри: он посадил в экипаж дочери миловидную служанку, которую похитил и на которой женился Камуцукэ. Как бы ни решался вопрос о происхождении этих сюжетов, надо заметить, что таких примеров в древнеяпонской прозе очень мало.

Что же касается принципов построения крупного художественного произведения, то в начале эпохи Хэйан таковых не знали. Подобных сочинений в то время не было не только в Японии, но и в Китае.

В середине 30-х гг. Х в. знаменитый поэт Ки Цураюки создает «Дневник из Тоса» (*Тоса никки*), в котором применил историографический принцип для создания художественного произведения, не имеющего никакого отношения к историографии. Дневники в японской литературе — художественный жанр³⁵. Содержание их могут составлять воображаемые события, рассказанные от имени вымышленного автора («Дневник из Тоса» написан от имени женщины), или мемуары, представленные как дневниковые записи. Форма дневника диктовала необходимое условие: предполагалось, что автор описывает собственную жизнь и что он записывает события в тот же день, когда они происходят. Отсюда два важных положения: дневник — сочинение о современности, и герой (автор) его — реальное лицо. Созданный Цураюки жанр получил распространение в женской среде: дамы описывали свою жизнь, в которой особое место занимали перипетии отношений с возлюбленным.

Цураюки создал литературную композицию, которая не основывается на последовательно развивающемся сюжете и элементы которой могли не иметь между собой ничего общего. То, что происходит с героями в тот или иной день, не предсказуемо предшествующим развитием. Автор мог включать в свое сочинение самые различные события своей жизни, — при этом целостность произведения обеспечивали единство героя и хронологический принцип построения.

В конце Х в. появился «Дневник эфемерной жизни» (*Кагэро никки*), история отношений писательницы с мужем. Произведение это можно считать и повестью, как и «Дневник Идзуми-сикибу» (*Идзуми-сикибу никки*), но с точки зрения композиции перед нами типичные дневники: отрывки начинаются с указания даты и ограничиваются описанием событий данного дня.

Приблизительно в то же время, что и «Дневник эфемерной жизни», был создан первый большой роман японской литературы — «Повесть о дупле», произведение философско-религиозного характера, посвященное описанию жизни бодхисаттвы в его земном воплощении. Роман начинается с истории Киёвара Тосикагэ, который, отравившись в Китай, достиг обители Будды, обучился райской музыке и возвратился в Японию. Он передал свое знание дочери, а она своему сыну, Накатада, который и является воплощенным на земле бодхисаттвой. «Повесть о дупле» представляет

собой сочинение, проповедующее истинность буддийского учения, в ней описывается способность музыки творить чудеса: слушая ее, больные забывают о своих страданиях, глупые умнеют, злые становятся добрыми; музыка несет в сознание слушателей идею бренности всего сущего, основное положение буддийского учения. Незыблемости мира Будды автор противопоставляет эфемерность земных желаний. В описании суетного мира отчетливо проявляются черты политического романа: во второй части произведения подробно описываются интриги Масаёри, добивающегося провозглашения своего внука наследником престола.

Героем повести является не обычный человек, а бодхисаттва, хотя он возрождается на земле в семье японского аристократа и, кроме выполнения своей миссии, т. е. исполнения священной музыки, которая указывает слушающим ее путь к спасению, служит при дворе японского императора. Мы не входим в данном случае в обсуждение вопроса об идее перерождений, по которой жизнь любого человека — лишь звено в длинной цепи, и, таким образом, герой дневника тоже мог явиться возрожденным на земле высшим существом. Литературные памятники свидетельствуют, что это представление постоянно присутствовало в сознании японцев. Однако в «Повести о дупле» специально оговаривается, что герой ее — бодхисаттва, в то время как в дневниках таких указаний нет. Избрав бодхисаттву героем своего произведения, автор, естественно, обратился к агиографической литературе. Жизнеописание становится главным принципом композиции. В противоположность создателям дневников автора «Повести» интересует не то, что происходит в определенный день, но из каких крупных эпизодов складывается биография героя, что приводит к концепции времени, которая совершенно отличается от отраженной в дневниках. В начале «Повести о дупле» речь не идет о современности: повествование открывается словами «давным-давно», а исторические события, упомянутые в первой главе (посольство в Китай), относятся к периоду, отстоящему более чем на век от времени сочинения произведения. Время в этой части мыслится крупными периодами, этапы его занимают неделимые промежутки в несколько лет, и отмечаются лишь те события, которые имеют отношение к сюжетному развитию. Кроме буддийской литературы, в этом, по-видимому, проявилось влияние и других повествовательных жанров. Вторая глава, «Та-

дакосо», является жизнеописанием героя, повествование в котором развивается непрерывно, от начала до конца подчинено логике сюжета и свободно от фрагментарности дневников. Мы уже говорили о близости сюжета этой главы к греческому мифу.

Однако для построения крупной композиции в распоряжении автора было мало сюжетных элементов, и для картины повседневной жизни своих героев он обратился к стилю дневников. Повесть содержит описания праздников, паломничеств, музицирования — событий, друг с другом не связанных. Кроме того, стихотворения, которые герои посылают друг другу, часто не образуют с прозой нерасторжимого целого; многие из них сопровождаются лишь краткой пометкой, кем и по какому поводу они созданы, — в этом, кроме дневников, можно усмотреть влияние поэтических антологий, в которых некоторые стихотворения снабжаются подобными объяснениями.

Таким образом, в «Повести о дупле» были соединены противоположные принципы литературной композиции: элементы непрерывно развивающегося повествования и фрагментарная структура дневников. Но с точки зрения стиля подлинного синтеза в повести не произошло.

«Повесть о дупле» была первым крупным произведением хэйанской прозы, определившим ее дальнейшее развитие. Жизнеописание становится основным принципом композиции последующих произведений, уже без связи с буддийской житийной литературой, хотя мотив избранничества героя играет определенную роль³⁶. В «Повести о Гэндзи» о миссии бодхисаттвы не говорится, но указывается, что Гэндзи находится под особым покровительством богов³⁷. Мурасаки-сикибу не использует мотива чудесного музыкального дара, который в «Повести о дупле» является признаком избранности героя, и хотя неоднократно упоминается о музыкальном мастерстве Гэндзи, оно не выходит за пределы человеческих возможностей. В «Проснувшись ночью» нет речи об избранности героини — наоборот, это самая обычная женщина, конечно аристократка, — но под влиянием «Повести о дупле» автор наделяет ее музыкальным даром, который она получает от богов: два раза девице является небожительница, которая обучает ее особому мастерству игры на лютне³⁸. Тема избранничества получает в «Повести о Сагоромо» большое значение: герой становится императором и избавляет страну от несчастий. Отмечен и его

музыкальный талант — его исполнение музыки влияет не только на людей, но и богов: на звуки его игры является небесный отрок, затем, в ответ же на игру Сагоромо, отцу его во сне является бог Камо и предупреждает о решении Сагоромо уйти в монахи³⁹.

Под влиянием «Повести о дупле» Мурасаки-сикибу создала произведение, посвященное жизни избранника богов, хотя две повести значительно отличаются друг от друга. В «Повести о Гэндзи» нет буддийской концепции о противопоставлении небесного мира вечной истины и суетного земного мира, нет элементов политического романа, нет и разнообразных характеров, представленных в «Повести о дупле» (Масаёри, Михару Такамото, мачеха Тадакосо и др.). Мурасаки-сикибу ограничивается отношениями своего героя с женщинами — это становится главной темой произведения. Она не использует сложной конструкции «Повести о дупле», в которой противопоставлены буддийский мир и мир земных страстей. Основу композиции произведения представляет биография героя от рождения до смерти, с некоторыми второстепенными персонажами. Широко использован принцип композиции дневников: подробно изображается повседневная жизнь, описываются праздники, процессии, исполнение музыки и т. д., приуроченной к определенному дню. При этом Мурасаки-сикибу преодолела неровность стиля «Повести о дупле», и различные по происхождению элементы составляют в ее произведении достаточно единое целое.

Таким образом сложилась структура японского романа, явления уникального в истории древних литератур. Отсутствие сюжетного фонда заставило авторов обратиться к типу дневника, созданного Цураюки, и к изображению современной им повседневной жизни. Несмотря на ссылки на древность, авторы крупных повестей описывали современную им придворную и столичную жизнь. Любовные перипетии занимают в этих произведениях большое место. Описание чувств приближает их к типу психологического романа, ярким примером которого является «Повесть о Сагоромо».

Жанр «Повести о Такамура» определяют по-разному, исходя из наименования различных списков, в которых кроме «повести» она озаглавлена «дневник» или «собрание стихотворений», связанных прозаическими отрывками. «Повесть» отличается от жанра дневника, в этом произведении развитие подчинено определенному

сюжету и нет дробной фиксации каждодневных происшествий. «Повесть» не является и собранием стихотворений, хотя они занимают в ней большое место. В этом она отличается от таких знаменитых произведений, как «Повесть об Исэ» и «Повесть о Ямато», в которых центральное место занимает стихотворение, а обрамляющая его проза объясняет, кем, когда и по какому поводу оно было создано.

«Повесть о Такамура» гораздо короче «Повести о Сагоромо», и с этой точки зрения они относятся к двум разным жанрам — как небольшая повесть и роман. Однако между ними много общего: оба произведения представляют образец зрелого повествовательного стиля, и темой обоих является любовная страсть.

«Повесть о Такамура» состоит из двух неравных частей: истории Такамура и его сестры и истории его женитьбы. Обе части значительно отличаются друг от друга и слабо соединены между собой, — единственным связующим звеном, кроме главного героя, является появление призрака сестры. Кроме того, как уже говорилось, во второй части присутствуют фольклорные мотивы и стихотворения не занимают такого места, как в первой части.

Первая часть произведения, наиболее важная, представляет редкий в хэйанской литературе образец повести со сквозным сюжетом. Неизвестный автор демонстрирует незаурядное мастерство: повествование развивается логично, не отклоняясь от основной темы. Некоторое влияние жанра дневника можно усмотреть только в эпизоде, посвященном лунной ночи двенадцатого месяца. «Повесть о Такамура» можно сравнить с уже упоминавшейся второй главой из «Повести о дупле» — «Тадакосо». В обоих случаях перед нами законченная новелла, не связанная с традицией дневников. Но если в «Тадакосо» аналогии с древнегреческим мифом столь поразительны, что невольно наводят на мысль о заимствовании, то в «Повести о Такамура» автор создал, по-видимому, сочинение на совершенно оригинальном материале.

4

Как все литературные произведения, хэйанские повести можно рассматривать с двух точек зрения: как источник информации об обществе, в котором они были созданы, и как литературные

произведения. В «Повести о дупле», «Гэндзи», «Сагоромо», созданных на протяжении приблизительно ста лет, содержится объективная информация о церемониях, праздниках, государственном устройстве, условиях жизни, но даже поверхностное сравнение этих произведений показывает, что каждый писатель создал свой субъективный мир, что аспекты жизни общества, привлекающие одного автора, остаются незамеченными другим, что к одному и тому же явлению они относятся по-разному.

Возьмем для примера эпизод провозглашения наследника престола из восемнадцатой главы «Повести о дупле» и заключительную часть «Сагоромо», рассказывающую о восшествии героя на престол. В первом случае автора интересуют прежде всего политические последствия происшедшего события: Масаёри, дед принца, занимается формированием Ведомства двора наследника престола и, естественно, распределяет должности между своими приверженцами. В «Сагоромо» ни о чем подобном даже не упоминается.

«Повесть о Сагоромо» очень близка к произведению Мурасаки-сикибу: общество изображается под тем же углом зрения и в нем избираются те же типы. Действие «Сагоромо» разворачивается в столице, за исключением святилища Камо, где жила жрица, и некоторых храмов, в которые герой совершает паломничества. Путешествие на Цукуси совершают второстепенные персонажи. Здесь нет мощного зачина «Повести о дупле», путешествия в страну Будды. В центре повести — отношения Сагоромо с женщинами. Тем не менее некоторые отличия заметны в характере героев Мурасаки-сикибу и Сэндзи. Сагоромо, как и Гэндзи, обладает поразительными достоинствами: необыкновенной красотой и замечательными талантами. Один его вид приводит окружающих в восхищение; его называют воплощенным на земле Буддой. Однако в своих отношениях с женщинами Сагоромо значительно отличается от Гэндзи. Последний время от времени испытывает поражения в поисках наслаждений, но в большинстве случаев полностью отдается своему женолюбию, внушает женщинам горячую любовь к себе и наслаждается счастьем со своими избранницами. Сагоромо же в любви несчастен. Его страсть к Гэндзи-мия остается неразделенной, Вторая принцесса испытывает к нему непреодолимое отвращение, жена Сагоромо относится к нему недружелюбно и иронично, его роман с Асукаи

неожиданно прерывается. Сагоромо гораздо ближе к Каору, герою последних глав произведения Мурасаки, чем к самому Гэндзи⁴⁰. Мурасаки в главе «Принц Благоуханный» дает следующую характеристику Каору, который в то время был в чине второго военачальника (*тюдзё*):

«Тюдзё же, презирая мир с его преходящими утешами и понимая, что любая привязанность станет в будущем преградой на его пути, не позволял себе предаваться страстям и воздерживался от связей, которые могли осложнить его жизнь. Вполне возможно, впрочем, что он еще не встретил особы, способной взволновать его воображение. О тайных же похождениях, о которых обычно столь неодобрительно отзываются в мире, он и вовсе не помышлял. <...> Тюдзё словно рожден был для того, чтобы все им восхищались, ни одна женщина не могла устоять перед ним; довольно было нескольких случайно брошенных слов, чтобы покорить любое сердце. Стоит ли удивляться тому, что, сам того не желая, Тюдзё оказался связанным со многими женщинами. Разумеется, то были случайные связи, которым он не придавал решительно никакого значения и которые старательно скрывал, и все же совершенно беспристрастным он не был, а ведь ничто так легко не воспламеняет воображения женщины, как внешняя невозмутимость, за которой угадывается чувствительная душа. В конце концов в доме на Третьей линии собралось множество дам, которые горели желанием прислуживать ему. Все они страдали от его холодности, но готовы были мириться с чем угодно, только бы видеть его каждый день. Причем среди дам, которые жили в его доме, полагаясь на столь непрочные узы, оказалось немало особ высокого звания. Как видно, обаяние Тюдзё было настолько велико, что они предпочитали обманывать себя и на многое закрывать глаза единственно ради удовольствия жить рядом с ним»⁴¹. Почти все в данном отрывке может быть приложено к «Сагоромо», и вполне возможно, что Сэндзи вдохновлялась именно этим описанием, характеризуя своего героя во второй главе первой части.

Каору в своей любви несчастен. Чувствуя влечение к Ооикими и ее сестре, Нака-но кими, Каору решил завязать отношения со старшей и устроил брак Нака-но кими с принцем Ниоу. Ооикими же, не отвечая на его чувство, вскоре умерла, и Каору оставалось только бесконечно сожалеть о Нака-но кими. Сагоро-

мо тоже склонен к напрасным сожалениям о невозвратном прошлом. Среди прототипов Сагоромо был, по-видимому, и герой несохранившейся повести «Сам раскаивается» (*Мидзукара кую-ру*), два раза упомянутой в произведении Сэндзи, — предполагается, что прозвание его было «Восемь тысяч сожалений».

Герой Мурасаки-сикибу, Гэндзи, только время от времени подумывает о монашестве и принимает его лишь в конце жизни, как это обычно и происходило в среде придворных, а для Сагоромо пострижение — главное устремление, и он даже предпринимает решительную попытку осуществить свое намерение. Если Гэндзи — характер цельный, то Сагоромо весь в мучительных противоречиях: он постоянно колеблется между религиозными устремлениями, своей неразделенной любовью и почтением к родителям.

Следуя традиции крупных повестей, Сэндзи создает образ идеального героя, избранника богов, возродившегося на земле бодхисаттвы, подобному героям «Повести о дупле» и «Повести о Гэндзи»; с другой стороны, желая показать сложность и противоречивость человеческих чувств, она рисует человека, склонного к ипохондрии, каждый поступок которого сопровождается мучительной рефлексией и сожалениями.

Налицо основное различие между Сагоромо и Гэндзи — отношение авторов к своим героям. Мурасаки испытывала к Гэндзи обожание; описывая различные ситуации, в которых женщины по его вине иногда оказываются несчастными, она не позволяла себе критических замечаний в адрес героя. Не переставая расхваливать ум, красоту и таланты Сагоромо, Сэндзи отмечает его неспособность принять определенное решение, его склонность предаваться напрасному отчаянию. Сэндзи беспристрастнее к своему герою и ясно видит недостатки его характера, приводящего к печальным или трагическим последствиям.

Кроме того, в романе явны пессимистические ноты. Трудно решить, было ли это следствием мировоззрения самой Сэндзи, или в этом проявились общие настроения эпохи — XI век относится к периоду Конца Закона⁴², и время неудержимо двигалось к концу *калпы*⁴³.

Сами достоинства Сагоромо вызывают у окружающих страх; *ююси* (зловещий, предвещающий несчастье) — одно из часто встречающихся слов в романе, которое употребляется при описа-

нии красоты и талантов героя. Поверье, что подобные качества суть признаки недолгого существования на земле, распространено у многих народов. В «Повести о Сагоромо» об этом говорится очень часто, даже несколько назойливо. Чудеса, связанные с игрой Сагоромо на музыкальных инструментах, тоже вызывают гнетущее чувство. Если сравнить эти эпизоды с «Повестью о дупле», в которой музыка приводит к серии аналогичных явлений: небесные светила смещаются, среди ясного неба гремит гром, нарушается последовательность времен года, с небес спускаются небожители, — то налицо существенные различия между двумя произведениями. В «Повести о дупле» эти чудеса были подтверждением буддийского учения, слушатели трепетали в страхе, но и испытывали благостное чувство постижения истины. В «Сагоромо» же подобные явления вызывают одно лишь ощущение гнетущей тревоги.

Женские образы произведения целиком лежат в русле «Повести о Гэндзи». Героини обоих произведений утонченны, возвышенны, благородны, и каждая представляет собой образец женских добродетелей хэйанского общества.

Главной героиней произведения является Гэндзи-мия, идеальная женщина, к которой Сагоромо питает неразделенную страсть. В самом начале повести эта любовь определяется как кровосмесительная, и автор ссылается на Накадзumi из «Повести о дупле» и Каору из «Повести о Гэндзи».

Н. А. Невский писал о браках в архаической Японии: «В древний период японской истории в брак между собою могли вступить все особи мужского и женского пола; исключение составляли только единоутробные братья и сестры, а также родители и их собственные дети; браки между всеми остальными степенями родства не имели никакого ограничения»⁴⁴.

В эпоху Хэйан безусловно запрещалась любовь брата и сестры от одного отца и матери. Мотив любви брата к сестре был довольно распространен в хэйанской литературе. Наиболее яркий пример — Накадзumi из «Повести о дупле», полюбивший свою сестру и умерший от отчаяния, когда она стала супругой наследного принца. В «Повести о Такамура» рассказывается о брате, вступившем в связь со своей единокровной сестрой. В «Повести о Гэндзи» любовь героя к Фудзицубо тоже имеет оттенок кровосмесительной страсти: кроме того, что она является

наложницей отца Гэндзи, Фудзицубо разительно похожа на его мать, Кирицубо, которая умерла, когда мальчику было года три. Что же касается Каору и Ооикими, их родство было далеким, и в самой повести не говорится о том, что оно является препятствием к браку. И в «Повести о Сагоромо» кровное родство между героями довольно отдаленное, т. к. родители Сагоромо девицу удочерили.

Сэндзи, по-видимому, нарочно усилила этот мотив, чтобы подчеркнуть безнадежность страсти своего героя. В такой трактовке любви проявилась определенная болезненность, которая, по-видимому, была свойственна концепции любви в литературе эпохи Хэйан. В дальнейшем Гэндзи-мия становится жрицей Камо, что окончательно ставит преграду между нею и Сагоромо.

В «Записках без названия» Гэндзи-мия посвящаются следующие строки: «Гэндзи-мия, казалось бы, всем замечательна, но не вызывает к себе расположения». Эту оценку образа следует признать справедливой — образ Гэндзи-мия представлен в виде символа, и ему не хватает жизненности.

В эпизодах, рисующих судьбу Второй принцессы, Сэндзи подробно описывает трагические последствия безрассудного поведения Сагоромо. В хэйанском обществе царила определенная свобода нравов. Многоженство было разрешено, фиксированные церемонии брака отсутствовали, мужчина мог некоторое время посещать женщину и затем оставить ее — кроме возможных личных страданий это не имело никаких последствий. Но аристократы, мечтавшие отдать дочь на службу императору или наследнику престола, что при благоприятном стечении обстоятельств и при непрерывных интригах могло возвысить ее до положения императрицы и явиться причиной процветания семьи, всячески оберегали девицу от отважных искателей приключений или страстных влюбленных. В «Повести о дупле» говорится, что даже совсем маленьких девочек не показывали не только посторонним, но даже членам семьи, например деду. Накатада тщательно оберегает свою маленькую дочь от чужих глаз, и крайне недоволен тем, что ее случайно увидел его ближайший друг Судзуси. Как бы в искупление он хочет взглянуть на дочь последнего, которую отец ему издали и в полумраке показывает, за что получает строгий выговор от жены. В таком отношении проявлялись, может быть, какие-то архаические табу. Особенно строгим

становился надзор за дочерьми, когда они подрастали. Девушка жила под надзором матери в задних помещениях дома, окруженная многочисленными прислужницами, ни на мгновение не оставляющими ее одну. Любовные отношения были окутаны атмосферой таинственности: мужчины искали случай послать письмо девушке, о которой толком ничего не знали и которую никогда не видели. За завесу, отгораживающую задние комнаты от парадных, стремились заглянуть все мужчины, являвшиеся в дом, чтобы хоть мельком увидеть тамошних обитательниц. Если же представлялась возможность проникнуть к красавице, тут уж мужчины совершенно забывали о сдержанности или доводах рассудка: не теряя времени, они овладевали девушкой, не смущаясь присутствием прислужниц. Подобная ситуация описывается в «Проснувшись ночью». Герой, второй советник, служащий одновременно вторым военачальником Личной императорской охраны, проник к героине, дочери первого министра, не имея ни малейшего понятия, с кем вступает в связь, и принимая ее за совершенно другое лицо. Только после женитьбы на старшей дочери первого министра он понял, что завязал отношения с ее сестрой⁴⁵. По-видимому, подобное отношение к женщине лежит в основе некоторых приключений принца Гэндзи, хотя Мурасаки не останавливается на возможных трагических для девушки последствиях.

В «Повести о Сагоромо» герой, уклончиво ответив на предложение императора взять в жены Вторую принцессу, не мог пройти мимо открытой двери, ведущей в ее покои. Но при этом он внушил ей сильное отвращение к себе, которое не могло победить ни его раскаяние, ни время, ни рождение сына.

Девушка же могла совершенно не догадываться, чьей жертвой она оказалась. Девушки были совершенно незащищены и, насколько можно судить по повестям, никогда в подобной ситуации к помощи не зывали. Женский идеал предполагал преданность мужчине, мягкость и покорность по отношению к нему. Твердость характера, сопротивление мужчине в хэйанском обществе осуждались. Лукреция никак не могла быть идеалом; судьба Асукаи, решившей умереть, чтобы остаться верной Сагоромо, вызвала неприятное чувство.

В истории Второй принцессы можно усмотреть параллель с судьбой Третьей принцессы, дочери императора Судзаку и супру-

ги Гэндзи, из произведения Мурасаки-сикибу. Влюбленному в нее Касиваги удалось овладеть ею, она родила сына Каору, который официально считался ребенком Гэндзи, и вскоре после родов приняла монашество (главы «Первая зелень», «Дуб»).

Сложными являются и отношения Сагоромо с женой, принцессой первого ранга. Ее можно сравнить с Аои, женой Гэндзи, которая тоже была старше своего мужа и которая так и осталась холодна к нему. Мурасаки не впадает в истоки такой холодности, а Сэндзи анализирует причины недружелюбия довольно подробно.

Что касается Асукаи, то этот образ очень близок к Югао из «Повести о Гэндзи».

В последней части на сцену выводятся еще два образа: мать и сестра второго военачальника. Здесь Сэндзи создает коллизию, которая, очевидно, была по вкусу читателям. Сагоромо, посылая письма сестре второго военачальника, ему совершенно неизвестной, был влюблен в ее мать, которую он случайно увидел; до самой смерти родительницы чувство его колебалось между двумя женщинами. И только в конце романа описывается его счастливая жизнь с дочерью покойной, которая в определенной степени заменила ему недостижимую Гэндзи-мия, хотя он по-прежнему сожалел о ней, о Второй принцессе и об умершей Асукаи.

Таким образом, герои «Повести о Сагоромо» являются повторением типов, выведенных Мурасаки-сикибу. Сэндзи не создала оригинальных характеров, она разработала уже созданные, часто углубляя их.

«Повесть о Сагоромо» можно назвать психологическим романом: интерес автора сосредоточен на внутренней жизни героев, подробно описываются их переживания и мысли. Однако характеры героев не развиваются, до конца они остаются такими, какими были обрисованы в начале. В этом отличие «Сагоромо» от созданного приблизительно в то же время «Проснувшись ночью», который тоже можно определить как роман психологический, где показано развитие характера героини, Нэдзамэ. В «Сагоромо» же, который превосходит «Проснувшись ночью» с точки зрения художественных достоинств, прежде всего стиля, ничего подобного нет⁴⁶.

В образе Сагоромо автор показывает человека, который колеблется между различными побуждениями. Колебания эти коренятся в самом характере героя. Однако для колебаний между

служением Будде и светским существованием молодого человека находится очень интересное объяснение: этому мешают синтоистские боги, которые активно вмешиваются в его судьбу.

В «Повести о Сагоромо» явления богов и будд и всякого рода чудеса играют большую роль. Автор «Записок без названия» относит подобные эпизоды к недостаткам повести. Таких сцен в романе четыре: 1) явление небесного отрока в ответ на замечательную игру Сагоромо на флейте; 2) явление бодхисаттвы Фугэн перед Сагоромо в храме Кокава; 3) явление бога Камо во сне Хорикава и передача ему письма для Гэндзи-мия; 4) явление во сне опять же Хорикава бога, предупредившего его о намерении Сагоромо уйти в монастырь.

Кроме того, она считает невероятными все чудеса (эпидемию и небесные знамения, предвещающие несчастья), связанные с изъятием воли богов о передаче престола Сагоромо. Судзуки Кадзуо видит в этих эпизодах влияние повестей, написанных до «Гэндзи», в которых различные сверхъестественные явления играли большую роль, в то время как произведение Мурасаки-сикibu знаменует новый этап в развитии прозы, в котором главное отдавалось изображению современной жизни. Сверхъестественные же явления предшествующих сочинений связаны с архаическими легендами и мифами⁴⁷. Мы уже излагали нашу точку зрения на генезис хэйанских произведений и не входим в полемику с японским исследователем. Обратим внимание на следующий момент.

Все чудеса, описанные в «Повести о Сагоромо», суть проявления воли синтоистских богов и воли Будды.

Буддизм проник в Японию начиная с VI в., распространился в верхушке общества и стал государственной религией. Существование буддизма и синтоизма в древней Японии не вызвало религиозных войн. Однако нельзя сказать, чтобы в душе японцев не было противоречий.

Из литературных памятников эпохи Хэйан мы видим, что синтоизм сохранял все свое значение. Жрицы Исэ и Камо были шаманками или сивиллами, которые, как сказано в «Сагоромо», в состоянии «болезни» вещали болю богов. На протяжении года во дворце исполнялись различного рода обряды, долженствовавшие оградить императорскую семью от болезней и стихийных бедствий. Сохранилось описание «полевых игр» (*дэнраку*) в столице, относящихся к 1096 г. Оно принадлежит Оэ Масафуса (1041–1111).

Эти полевые игры продолжались несколько дней и ночей без перерыва. По-видимому, это был пример массового экстаза. В описании говорится: «Все жители столицы были подобны сумасшедшим. Возможно, это влияние душ, одержимых лисами», — пишет Масафуса⁴⁸. В дневнике Фудзивара Мунэтада, *Тююки*, тоже говорится об этих играх: «Пляски были похожи на встречу духов в храме Гион⁴⁹, десять тысяч людей (т. е. все) выполняли полевые игры, и было невозможно их остановить»⁵⁰. Синтоизм всячески противился вторжению в свою область буддизма. В ограде богов нельзя было произносить ни одного слова из буддийской терминологии. Лица, вынужденные некоторое время проводить в синтоистском святилище, где было невозможно выполнять буддийские обряды, опасались, как бы это не легло на них тяжким бременем⁵¹. Мать Сагоромо, бывшая жрица Исэ, жалеет, что, сопровождая жрицу Камо, она должна будет прервать выполнение буддийских обрядов (гл. 26 второй части).

В «Повести о Сагоромо» концепция определенности человеческой жизни кармой, волей Будды, усложняется, в ней противопоставление богов и будд выражено с предельной отчетливостью, и сама судьба героя есть не что иное, как борьба за него противоположных сил. Ни в одном другом романе периода Хэйан не говорится столь определенно об этом идеологическом раздвоении эпохи.

5

Стиль «Повести о Сагоромо» всегда ставился очень высоко. В ней двести шестнадцать стихотворений, что составило бы довольно значительный поэтический сборник. Но главное достоинство произведения — проза, насыщенная поэтической лексикой и многочисленными цитатами из стихотворений. Автор «Записок без названия», вынося суровый приговор повести с точки зрения содержания, отмечает «выбор слов», который очаровывает с первой же фразы.

Подобный стиль начал складываться задолго до создания анализируемого произведения. Первая поэтическая антология «Собрание myriad листьев» (*Манъёсю*) была составлена в VIII в., в X в. за ней последовало «Собрание старых и новых японских

песен», и авторы-прозаики обращались к чрезвычайно развитому поэтическому языку не только для того, чтобы придать особую изысканность своему произведению, но и потому, что в их распоряжении не было других средств выражения. Часто тот или иной оборот из стихотворения цитировался без какого-либо отношения к смыслу стихотворения, из которого он был заимствован.

Судзуки Кадзуо указывает, что использование стихотворных цитат и поэтической лексики в прозе началось с «Дневника эфемерной жизни» и достигло вершины в «Гэндзи»⁵².

Использованию в прозе поэтической цитат способствовали, на наш взгляд, различные словесные игры, распространенные в эпоху Хэйан. О них свидетельствует «Повесть о дупле», в которой тоже можно заметить некоторое влияние поэзии. Произведение содержит интересные данные о языковой ситуации в Японии в X в. Например, существовала словесная игра «называние талантов» (*дзаэнанори*)⁵³, упоминающаяся и в «Сагоромо» (третья часть, гл. 29). Она представляла собой юмористическое заключение синтоистских песен и плясок *кагура*. Старейшина задавал присутствующим вопрос о наличии у них какого-то таланта. Ответ должен был быть совершенно абсурдным, нарочито глупым.

Комментатор «Повести о дупле» Коно Тама пишет, что подобная словесная игра была распространена в аристократической среде, и указывает в качестве примера на диалог Накатада и Накадзуми из девятой главы⁵⁴. Диалог этот⁵⁵ насыщен цитатами и поговорками до такой степени, что смысл его становится неясным. Столь же насыщен цитатами из стихотворений разговор Накатада с Хёэ из одиннадцатой главы⁵⁶. По-видимому, это были своеобразные абсурдные диалоги, где участники соревновались к месту или нарочито не к месту шегольнуть знанием поэзии. В «Сагоромо» тоже встречается такого рода прямая речь. Приведем пример из восьмой главы первой части: «Только простолюдны хуреют летом, разве не так? Что плохого, если на меня будет дуть прохладный осенний ветер? Однако батюшка отчего-то заговорил о мучительной жаре. Не спросить ли об этом у перевозчика?» В этом отрывке процитировано стихотворение Осикоти Мицунэ из «Собрания старых и новых японских песен», отрывок из «Повести об Исэ» и, возможно, какая-то поговорка. Однако

при общей насыщенности цитатами текста «Сагоромо» трудно сказать, отражает ли приведенный пример распространенную в то время языковую практику.

Можно предположить, что авторы повестей стремились расцветить свои произведения цитатами и поразить читателей изысканным стилем, как остряки собеседников.

В своем произведении Мурасаки добила гармонического сочетания поэтических и прозаических элементов. Сэндзи в «Сагоромо» следует за своей знаменитой предшественницей. Чаше всего она цитирует стихотворения из «Собрания старых и новых японских песен». Из других антологий наиболее представлены «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии» и «Последующее собрание японских песен». Кроме антологий часто цитируются стихотворения из сборников того или иного поэта: Ки Цураюки, поэтессы Исэ, — а также из *роэй* и *сайбара* (текстов для вокальных произведений с инструментальным сопровождением). Сэндзи обращается и к известным прозаическим произведениям, например, к «Запискам у изголовья». Приблизительно треть всех цитат является общей с «Повестью о Гэндзи»⁵⁷. Цитирование становится главной особенностью стиля Сэндзи; часто писательница доходит в этом до крайности, так что текст порой перенасыщен цитатами⁵⁸.

Характерными для стиля Сэндзи являются зачины первых трех частей произведения, серии заимствований из других произведений, рисующих ту или иную картину. Особенно известно начало произведения, которое открывается отрывком из стихотворения Бо Цзюйи. Использование же цитаты в самом начале романа является приемом, который Сэндзи использует и в «Заместителе старшего советника, плавающего среди жемчужных водорослей». В «Записках без названия» приводится начало повести, представляющее собой цитату из *сайбара* «Что мне делать?» (*Ика ни сэму*): «Отец упрекает меня в том, что я все время где-то брожу»⁵⁹. Неизвестно, было ли такое начало новшеством Сэндзи, которое получило распространение в кружке принцессы Байси, или сама Сэндзи использовала чье-то изобретение, но так же начинается, например, «Второй советник, не переваливший гору Встреч»:

«Ветерок пятого месяца, столь же чарующий, как и дуновение осеннего ветра, приносил с собой аромат цветов цитруса *тати-*

бана, которые, чтобы расцвести, с нетерпением ждали наступления этого времени; на память приходила старая любовь, — прелесть мгновения глубоко проникала в душу; горная кукушка спокойно распевала, совершенно привыкнув к человеческому жилью; едва заметный блеск трехдневного месяца глубоко волновал сердце»⁶⁰.

В этом отрывке использованы две поэтические цитаты: первая из стихотворения неизвестного автора: «Когда вдыхаю аромат цветов *татибана*, которые для того, чтобы расцвести, дожидаются пятого месяца, чудится мне, что это благовония, которыми были пропитаны твои рукава»⁶¹; вторая — из стихотворения Онакатоми Сукэтика (954–1038): «Горная кукушка, ты уже привыкла к человеческому жилью, и чуть вечер, распевая, называешь имя»⁶².

Такое начало избавляло произведение от однообразного традиционного зачина большинства японских повестей («Такэтори», «Отикубо», «Повесть о дупле»), которые, как и каждый отрывок из «Повести об Исэ», открываются традиционно: «давным-давно». Мурасаки-сикибу варьирует это начало: «В какую эпоху это было?» — но вариант этот чисто стилистический.

Совершенно необычно, и не только для древнего японского романа, начало четвертой части, которая открывается прямой речью, к тому же стихотворением. Необычен и конец произведения. Сагоромо, который должен покинуть обитель до смерти императора Сага, чтобы избежать соприкосновения со скверной, выходит из помещения, но задерживается в саду, глядя на цветы, окутанные туманом. Роман на этом кончается. К концу произведения все линии завершены, добавить писательнице нечего, и все же он производит впечатление неожиданной прерванности. «Повесть о Гэндзи» тоже кончается на полуслове, но неизвестно, был ли такой конец задуман Мурасаки или она в силу каких-то причин оставила роман неоконченным. В «Сагоромо» же это эффект, тщательно рассчитанный.

Поэтический стиль не является постоянным в «Повести о Сагоромо», писательница прибегает к нему при описании душевного мира своего героя и его избранниц; но в сценах, описывающих Имахимэ или кормилицу Асукаи и Митинари, стиль резко меняется: здесь нет поэтических переживаний, действие описывается с внешней стороны, — поэтические цитаты отсутствуют и использован словарь рассказов, *сэцува*⁶³.

Общая композиция романа очень стройная. Различные любовные истории изолированы, женщины не встречаются друг с другом, но это не приводит к фрагментарности. Сэндзи умело переплетает сюжетные линии, так что они все время остаются в поле зрения читателя. Первые две части содержат необычные повороты в развитии повествования: похищение Асукаи, рождение сына Второй принцессы, — создающие большое напряжение. Во второй половине романа таких драматических эпизодов нет, в ней преобладает меланхолическое настроение.

Вместе с тем нельзя не признать, что в целом произведению присущ налет искусственности. Мы уже говорили о том, что почти все персонажи повести так или иначе восходят к «Повести о Гэндзи». Стиль Сэндзи вызывал ассоциации не столько с картинами реальной жизни, сколько с известными литературными произведениями.

Это положение относится не только к индивидуальной манере Сэндзи, но и к японской литературе того времени в целом. Например, топонимы, которые японцы достаточно часто употребляли в поэзии, имели значение не только конкретных мест, но и использовались из-за сложных ассоциаций, часто с каким-нибудь стихотворением. В шестой главе первой части «Сагоромо», после появления небесного отрока, император предлагает в жены Сагоромо свою дочь. Сагоромо же думает о ночном платье на равнине Мусаси, имея в виду Гэндзи-мия. Равнина эта упомянута здесь только из-за своей ассоциации с цветком *мурасаки* (воробейник аптечный), под которым подразумевается любимая, — образ из стихотворения неизвестного автора из «Собрания старых и новых японских песен» (№ 867).

Другой пример. В тридцатой главе четвертой части Сагоромо возвращается из Камо и встречает возниц, везущих «любовь-траву», — выражение, заимствованное из «Собрания мириад листьев» и не имеющее значения какого-то определенного растения.

Кроме того, автор говорит о литературных героях из других произведений как о реально существующих людях. В первой части упомянуты Накадзumi и Каору. В восьмой главе четвертой части дамы, прислуживающие жрице, уговаривают Сагоромо поиграть в мяч и приводят пример, как в эту игру играл Серьезный генерал Югири, персонаж «Повести о Гэндзи». Пример этот не совсем корректен, так как Югири упомянут в прямой речи персо-

3 Повесть о Сагоромо

нажей. Но несколькими строчками ниже Сэндзи говорит от своего имени: «Я видела Касиваги», — однако Касиваги не реальное лицо, а опять же персонаж из «Повести о Гэндзи».

«Повесть о Сагоромо» подытоживает предыдущее развитие повествовательного жанра, она связана своими истоками с такими произведениями, как «Повесть о дупле» и «Гэндзи», откуда заимствованы общие принципы композиции, тип героя-избранника, сюжетные линии. Стилль же объединяет его с японской поэзией и с той же «Повестью о Гэндзи». «Сагоромо» является выдающимся памятником хэйанской литературы ее последнего периода и источником сведений о ее эстетике.

Настоящий перевод «Повести о Сагоромо» выполнен по изданию: *Сагоромо моногатари* / Ред. Митани Эйити и Сэкинэ Ёсико. (Серия *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 79). Токио, 1965. Кроме того, мы пользовались следующими изданиями произведения: *Сагоромо моногатари*: В 2 т. / Ред. Судзуки Кадзуо. (Серия *Синтё Нихон котэн сюсэй*). Токио, 1985–1986; *Сагоромо моногатари*: В 2 т. / Ред. Коматия Тэрухико и Гото Сёко. (Серия *Симпэй Нихон котэн бунгаку дзэнсю*). Т. 1. Токио, 1999.

Перевод «Повести о Такамура» выполнен по: *Такамура моногатари* / Ред. Эндо Ёсимото // *Такамура моногатари, Хэйтю моногатари, Хамамацу-тюнагон моногатари*. (Серия *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 77). Токио, 1964; *Такамура моногатари* / Ред. Ямагиси Токухэй // *Хэйтю моногатари, Идзуми-сикибу никки, Такамура моногатари*. (Серия *Нихон котэн дзэнсю*). Токио, 1975.

Перевод отрывка из «Записок без названия», посвященного «Повести о Сагоромо», по: *Мумё дзоси* / Ред. Кубоки Тэцуо // *Мацура-мия моногатари, Мумё дзоси*. (Серия *Симпэй Нихон котэн бунгаку дзэнсю*. Т. 40). Токио, 1999. С. 220–223.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Создание *Мумё дзоси*, первого литературоведческого сочинения, посвященного японской прозе, приписывается дочери Фудзивара Сюндзэй (1114–1204), знаменитого поэта. В действительности она была не дочерью, а внучкой Сюндзэй, которая воспитывалась у своей бабки Кага, сыном которой от первого брака был Фудзивара Таканобу (1142–1205), известный поэт и художник, а от второго — знаменитый Тэйка (1162–1241), поэт, автор работ по поэтике, комментатор произведений классической литературы. Внучка Сюндзэй была известна как поэт: в императорских антологиях содержится 116 ее стихотворений, а кроме того, сохранилось ее личное собрание, *Сюндзэй-кё онна сю* (Собрание дочери вельможи Сюндзэй). *Мумё дзоси* написано между 1196 и 1202 гг. Некоторые исследователи считают, что оно написано Таканобу или Тэйка. Перевод отрывка, относящегося к «Повести о Сагоромо», помещен в Приложении. Отношение автора трактата к «Повести о Сагоромо» было в целом негативным, что, может быть, и несправедливо.

² Национальная филология (*кокугаку*, XVII–XIX вв.) основывалась на изучении древнейших литературных памятников японской литературы. Она возникла как реакция на изучение китайских классиков. Основными представителями *кокугаку* были Када Алзумаро (1669–1736), Камо Мабути (1697–1769), Мотоори Норинага (1730–1801) и Хирата Антанэ (1778–1843).

³ *Какайсё* (Трактат о реках и морях) / Ред. Исида Дзёдзи // *Симэйсё, Какайсё*. Токио: Калокана сётэн, 1968. С. 188.

⁴ *Хэкиансё* (Мои собственные мысли) // *Нихон кагаку тайкэй, бэккэн* 5. Токио, 1996. С. 325.

⁵ Приписывалось знаменитому поэту и комментатору классической литературы Сандзёиси Санэтакэ (1455–1537), но затем была принята точка зрения, что он всего лишь переписал собрание стихотворений, которое относится к 1213 г.: стихи были прочитаны во время выезда отрешенного от престола императора Готоба на гору Коясан. Название объясняется следующим образом: кому-то снилось, что предметы домашней утвари в отсутствие хозяев сочиняли стихи.

⁶ *Тёдо утаавасэ* (Песенное соревнование между предметами домашней утвари) // *Муромати дзидай моногатари тайсэй*. Т. 9. Токио, 1981. С. 349–350.

⁷ Судзуки Кадзуо, послесловие к изданию: *Сагоромо моногатари* (Повесть о Сагоромо): В 2 т. (Серия *Синтё Нихон котэн дзэнсэй*). Токио, 1985–1986. Т. 1. С. 278.

⁸ Сведения о замужестве Сэндзи очень противоречивы. Мы не приводим здесь различных гипотез об этом.

⁹ Под «кукушкой» подразумевается Такасада, под «забором» — дом Госэти, под «тайным пением кукушки» — разговоры, которые тайне ведет Такасада с дамой. Смысл стиха: «Ваша тайна мне известна — ведь видно, что Такасада вас посещает». Стих основан на стихе Хитомаро: «У забора, к которому прилетает кукушка, цветут *унохана*. Безрадостно у меня на сердце: ты ко мне не приходишь» (*Сюи вакасю*, № 1071).

¹⁰ «Удзи дайнагон» («Старший советник из Удзи») было прозвищем Такакуни, поскольку в Удзи располагался его загородный дом.

- ¹¹ Отмечая заимствования из «Записок у изголовья» в «Повести о Сагоромо», Митани Эйити и Сэкинэ Ёсико предполагают, что Сэндзи была хорошо знакома с этим произведением, т. к. оно передавалось в семье принцессы Байси. См.: Митани Эйити и Сэкинэ Ёсико, предисловие к изданию: *Сагоромо моногатари* (Повесть о Сагоромо) в серии *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 79. Токио, 1965. С. 13.
- ¹² Сочинение в сорока свитках, написанное, как предполагается, Адзаком Эмон между 1028 и 1036 гг. Имеется в виду процветание рода Фудзивара.
- ¹³ Принцесса Байси.
- ¹⁴ *Эйга моногатари* (Повесть о процветании): В 2 т. / Ред. Мацумура Хиродзи и Яманака Ютака // *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 75–76. Токио, 1964–1965. Т. 2. С. 471.
- ¹⁵ *Мэйгэцуки* (Записки при яркой луне): В 3 т. Токио: Кокусё канкокай, 1911–1912. Т. 3. С. 341.
- ¹⁶ Судзуки Кадзуо, послесловие, т. 1, с. 266.
- ¹⁷ Бдение в ночь обезьяны (*косин мати*) — бдение в ночь *косин*, ночь 60-дневного цикла, для обозначения которого пользовались комбинацией десяти циклических знаков и двенадцати знаков зодиака. Ночь, обозначенная соединением седьмого знака десятичного цикла и знака обезьяны, считалась для человека опасной. По даосским представлениям, если в эту ночь кто-то заснет, то три червя, обитающие в человеческом теле, поднимаются к небесному владыке и докладывают ему о прегрешениях спящего, отчего этот последний умирает. В такие ночи, чтобы прогнать сон, устраивались различные развлечения.
- ¹⁸ *Эйга моногатари*. Т. 2. С. 471. В действительности участниц было восемнадцать.
- ¹⁹ В антологию, составленную в 1271 г., входят стихотворения, взятые из повестей.
- ²⁰ Митани Эйити и Сэкинэ Ёсико, предисловие, с. 22.
- ²¹ Существует точка зрения, что ссылка его продолжалась 7 лет.
- ²² Ямагиси Токухэй, предисловие к *Такамура моногатари* // *Хэйтё моногатари*, *Идзуми-сикибу никии*, *Такамура моногатари*. (Серия *Нихон котэн дзэнсю*). Токио, 1975. С. 275–276.
- ²³ Эндо Ёсимото, предисловие к *Такамура моногатари* // *Такамура моногатари*, *Хэйтё моногатари*, *Хамамацу-тюнагон моногатари*. (Серия *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 77). Токио, 1964. С. 10.
- ²⁴ Река трех дорог (Сандзу) — протекающая в загробном мире река, через которую должны переправиться умершие. Добродетельные пересекают ее по мосту; грешники, совершившие небольшие прегрешения, — по мелкому броду; страшные грешники — по глубокому.
- ²⁵ Сборник составлен Фудзивара Акихира около 1060 г. Он включает сочинения на китайском языке: стихотворения, прозаические произведения, экзаменационные работы, предисловия к поэтическим сборникам, прошения об отставке и пр. В нем представлено около шестидесяти авторов.
- ²⁶ *Хонтё мондзуй* (Собрание литературных образов нашей страны) // *Хонтё мондзуй*, *Хонтё дзоку мондзуй*. (Серия *Синтэй дзохо кокусэ тайкэй*. Т. 29 (2)). Токио, 1941. С. 170.

- ²⁷ Два последних произведения дошли до нашего времени не полностью.
- ²⁸ В последующие эпохи в Японии сложился жанр, который в русском японоведении называется «феодалным эпосом» (Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутomi. М.: Наука, 1974. С. 316–317). Однако это условное название нельзя понимать как аналогию героического эпоса, сложившегося в различных странах на мифологической основе. Японские *гунки* (записи о войне) представляют собой пример литературы историографической. Это записи о том, что произошло в такой-то период с определенными историческими лицами. Феодалные *гунки* никак не свидетельствуют о том, что в Японии существовал героический эпос.
- ²⁹ Японский сказочный сюжет представлен в мифе о рыбаке и охотнике (*Пинус Е. М.* Японская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 686).
- ³⁰ *Холодович А. А.* На грани мифологии и литературы // Восток. Сб. 1: Литература Японии и Китая. М., 1935. С. 53.
- ³¹ *Проп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52–111.
- ³² Там же. С. 103–106.
- ³³ Там же. С. 46–47.
- ³⁴ Там же. С. 207–210.
- ³⁵ В эпоху Хэйан существовали дневники в собственном смысле слова, которые писались на китайском языке. Они не имели большого значения для развития литературы.
- ³⁶ Этот мотив присутствовал в *Такэтори моногатари*: Лунная дева должна провести на земле какое-то время. Но в этом произведении он был дан в сугубо сказочном контексте.
- ³⁷ *Мурасаки-сикибу*. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари): В 4 кн. / Пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука, 1991–1993. Кн. 3. С. 90.
- ³⁸ *Ёва-но нэдзамэ* (Проснувшись ночью) / Ред. Сакакура Ацуёси // *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 78. Токио, 1964. С. 46–48.
- ³⁹ Интересно, что мотив чудесной музыки, связанный с буддийской и конфуцианской традициями, в *Сагоромо моногатари* относится к синтоистским богам.
- ⁴⁰ Судзуки Кадзуо, послесловие, т. 1, с. 269–270.
- ⁴¹ *Мурасаки-сикибу*. Повесть о Гэндзи. Кн. 3. С. 218–219.
- ⁴² Последний период существования буддийского учения. См. примеч. 29 к первой части «Повести о Сагоромо».
- ⁴³ Время существования видимого мира от его возникновения до уничтожения.
- ⁴⁴ *Невский Н. А.* Роль танцев и обрядовых итриц *утагаки* для полового подбора и заключения браков // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. С. 278.
- ⁴⁵ *Ёва-но нэдзумэ*. С. 55–60.
- ⁴⁶ Судзуки Кадзуо, послесловие, т. 1, с. 268–269.
- ⁴⁷ Там же. С. 273–276.
- ⁴⁸ *Ракуё дэнгакуки* (Записи о полевых играх в столице) / Комментар. Мория Коваси // *Кодай тосэй гайдзюцу* / Ред. Хаясия Тацусабуру. (Серия *Нихон сисо тайкэй*. Т. 23). Токио, 1973. С. 217–222.

⁴⁹ Старое название синтоистского храма Ясака. В нем с 970 г. в шестом месяце совершалась церемония встречи духов, или праздник духов, имеющая целью успокоить злых духов, насылающих болезни.

⁵⁰ *Ракуё дэнгаку ки*. С. 220.

⁵¹ *Мурасаки-сикибу*. Повесть о Гэндзи. Т. 1. С. 283.

⁵² Там же. С. 262.

⁵³ *Цухо моногатари*. Т. 2. С. 28.

⁵⁴ Там же. С. 506–507.

⁵⁵ Там же. С. 29.

⁵⁶ Там же. С. 168–170.

⁵⁷ Судзуки Кадзуо, послесловие, т. 1, с. 262.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ *Мумё дзоси* (Записки без названия) // *Мацуура-мия моногатари*, *Мумё дзоси* / Ред. Хигути Ёсимаро и Кубоки Тэцуо. (Серия *Симпэй Нихон котэн бунгаку дзэн-сю*. Т. 40). Токио, 1999. С. 240.

⁶⁰ *Цуцуми-тюнагон моногатари* (Повести второго военачальника по прозвищу Плотина) / Ред. Тэрамото Наохимэ // *Отикубо моногатари*, *Цуцуми-тюнагон моногатари*. (Серия *Нихон котэн бунгаку тайкэй*. Т. 13). Токио, 1957. С. 389.

⁶¹ *Кокин вакасю*. № 139.

⁶² *Сюи вакасю*. № 1076. Называние имени имело магическое значение, когда проносилось табуированное слово; использовалось во время предложения о браке или во время битвы.

⁶³ Судзуки Кадзуо, послесловие, т. 1, с. 265.

ПОВЕСТЬ О САГОРОМО (САГОРОМО МОНОГАТАРИ)

Часть первая

1

Как ни жаль, что проходит весна юности ¹, удержать ее невозможно. Миновал двадцатый день третьего месяца ². Сад оделся зеленью, и глицинии на острове ³ распустились столь пышно, что казалось, их гроздья висеть не только на соснах, а на всех деревьях ⁴, ожидая прилета горной кукушки ⁵. Махровые горные розы, растущие на берегу пруда, были так великолепны, что брало сомнение: не перенеслись ли мы в деревню Идэ? ⁶

«Разве не в такое время блистательный Гэндзи ⁷ сложил: «Снова броситься в волны глициний...»?» — подумал Сагоромо ⁸, который, сидя в одиночестве, не мог налюбоваться цветами. Он послал очаровательного молоденького слугу сорвать ветку глицинии и горную розу, чтобы отнести их Гэндзи-мией ¹⁰.

В ее покоях дамы Тюнагон и Тюдзё что-то рисовали красками, а она сама, полулежа и опираясь на скамеечку-подлокотник, занималась каллиграфией.

— В лучах заходящего солнца они кажутся еще прекраснее, — сказал Сагоромо, кладя розу и глицинию перед девицей. — Наследнику престола очень хотелось взглянуть на цветы в моем саду, когда придет весна. Если бы сейчас он их увидел!

Приподнявшись, Гэндзи-мия посмотрела на молодого человека. Стоило Сагоромо взглянуть на глаза и лицо, затмевавшие цветы, как его сердце учащенно забилося, он забыл обо всем и, как зачарованный, не мог отвести от нее взора.

— Горные розы — это сама весна ¹¹, — сказала она, беря цветок. Таких красивых рук ни у кого в мире больше не было.

Сагоромо страстно захотелось увезти девушку далеко-далеко, где бы ее никто не мог видеть, чтобы он один всю жизнь наслаждался общением с ней.

— Участь горных роз с их темно-желтым цветом особенно печальна. Как мучительно таить свои думы в сердце и не иметь возможности их высказать! ¹² — сказал Сагоромо.

— Это правда, — согласилась Тюнагон. — Но у них так много листьев! ¹³

«Как же быть?

Не сказать, цвета какого

Эти горные розы,

И не узнать,

Что у них на душе», —

подумал Сагоромо. И уж никто не знал, что на сердце у него самого.

«Как дерево, стоящее без листьев и ветвей...» ¹⁴ — горько вздохнул Сагоромо. Возвратившись в свои покои, он сел и оперся спиной о столб ¹⁵.

«Вряд ли в нашем мире кто-нибудь сравнится с ним», — думали, глядя на него, дамы.

Этот необыкновенно красивый юноша страдал от неразделенной любви, непрерывно пылая, как восемь дымящихся островов в Муро ¹⁶. К чему было сообщать девице о своих чувствах? Сагоромо и не старался найти удобный случай открыться ей.

Сагоромо и Гэндзи-мия с малых лет росли вместе, ни на миг не расставаясь, и не только родители, но и посторонние, в том числе император и наследник престола, считали их родными братом и сестрой. С тех пор как в сердце Сагоромо шевельнулось чувство, по поводу которого сказано: «я — это я, ты — это ты» ¹⁷, не было конца его страданиям. Положение было безнадежным. До тех пор они были очень дружны, но если бы он намекнул Гэндзи-мия о своих чувствах, она бы только подумала, что его любовь постыдна, и, пожалуй, отстранилась бы от него. В свете его осудили бы. Даже отец и мать сочли бы это неслыханным, и им и в голову не пришло бы поженить их, если уж он так ее любит. Тут кто угодно стал бы

скорбеть. Лучше было бы ему забыть о своей страсти. Все это Сагоромо прекрасно понимал сам, но, к несчастью, все больше и больше страдал из-за любви к сестре и с тоской спрашивал себя, что с ним в конце концов будет.

Такое в мире случалось и раньше, но но-прежнему в некоторых семьях юноши и девушки воспитываются вместе, чего нельзя допускать. Если в одном доме с несравненной красавицей живет не родной брат, а посторонний мужчина, родители постоянно начеку. А разве и ныне нет молодых людей, как императорский сопровождающий Накадзуми ¹⁸ или советник Каору, который был в то же время вторым военачальником Личной императорской охраны ¹⁹? То же, что с ними, случилось и с Сагоромо. Когда с возрастом он осознал, что питает столь необыкновенную страсть к Гэндзи-мия, он твердо решил: «Я женюсь только на ней и даже не взгляну на тех, кто ей уступает». Многие предлагали ему в жены своих дочерей, но безуспешно. Сагоромо упрекал только богов, запретивших брак между братом и сестрой.

2

В то время в должности верховного советника ²⁰ состоял господин Хорикава, пятый сын покойного императора. Мать его, родом принцесса, была провозглашена императрицей, среди ее сыновей были отрекшийся от престола император Итидзё и царствующий государь ²¹. Происхождение господина Хорикава, как со стороны отца, так и матери, было столь высоко, что его никак нельзя было бы приравнять к обычным смертным, но за какие-то прегрешения в прошлых рождениях он был объявлен подданным ²². Однако по завещанию отца и император Итидзё, и нынешний государь вершили правление, прислушиваясь к советам одного Хорикава.

Личное благосостояние Хорикава соответствовало его блистательному положению при дворе. Усадьба в четыре *мати* ²³ находилась на Втором проспекте и канале Хорикава ²⁴. Площадь была разделена на три участка, на которых высились хоромы, блистающие, как отшлифованные драгоценные камни, где проживали три супруги Хорикава. Со стороны канала на участке в два *мати* жила связанная кровными узами с советником млад-

шая сестра покойного императора, которая в свое время была жрицей Исэ²⁵. На участке, выходящем на проспект Тоин, проживала дочь нынешнего первого министра, младшая сестра императрицы, супруги отрекшегося от трона императора Итидзё, и соответственно тетка наследника престола. Она пользовалась доверием сменяющих друг друга государей, ее положение было чрезвычайно блестящим и счастливым. На участке, выходящем на улицу Бомон, проживала третья жена Хорикава, дочь принца, главы Палаты обрядов. Хорикава относился к ней превосходно, но по сравнению с другими женами ее положение могло показаться незавидным²⁶. Однако на ее долю выпало несравненное счастье: ее дочь поступила на службу к нынешнему императору, родила сына и была провозглашена Первой императрицей²⁷. Поэтому положение третьей жены Хорикава было очень надежным, и за ее будущее не надо было тревожиться. Супруги верховного советника жили на участках, отделенных друг от друга глинобитной стеной с черепичной крышей, а он постоянно навещал их.

Покойный император поручил Хорикава после своей смерти заботиться о жрице Исэ. В ней чувствовалось необычайное благородство, она выделялась среди дам превосходным характером и редкой красотой. Хорикава женился на ней, и у них родился сын, который был наделен необыкновенными качествами и так хорош, что казался спустившимся на землю небожителем, и которого родители любили беспредельно. Мог ли Хорикава относиться к ней так, как относятся к обычным женам?

В начале нашего повествования Сагоромо было лет семнадцать-восемнадцать. Обычно в этом возрасте молодые люди дослушиваются только до второго советника министра, но он из-за своих редких достоинств был вторым военачальником Личной императорской охраны и имел второй ранг. Юноша настолько затмевал своих сверстников, что родители считали это недобрым предзнаменованием, боялись за него и даже сетовали, что второй ранг присвоен ему слишком рано. Для них он все еще оставался маленьким ребенком. Но император не мог допустить, чтобы Сагоромо служил во дворце как обычный придворный, и присвоил ему второй ранг. Мать молодого человека вопрошала себя, не небожитель ли это спустился на землю, страшась, что пребывание его среди людей будет кратким. Она не хотела отпускать его от

себя даже на службу во дворец, беспрестанно следила за ним, беспокоилась о нем, и у нее не было ни мгновения душевного покоя. Когда бушевала буря или ярко сияла луна, она боялась, что ее сына должно поразить несчастье²⁸, и старалась укрыть его. Чем старше становился Сагоромо, тем чаще должен был он огорчаться и страдать от подобных забот.

Многие находили Сагоромо существом удивительным, не от мира сего, и думали: «Он явился на землю, чтобы спасти нас в период упадка Закона²⁹, это сам шестнадцатый Будда»³⁰ — и, потирая руки³¹, проливали слезы. При взгляде на Сагоромо люди забывали о собственных бедах. Что же говорить о его родителях? Они так любили его, что, если бы он вознамерился совершить что-то недостойное, они, страдая в душе, никак не стали бы ему возражать. А у Сагоромо совершенно и не было тех буйных, легкомысленных наклонностей, которые часто встречаются у мужчин в наше время.

Казалось, Сагоромо не должен был бы проходить мимо скромных девиц, подобных травке в тени деревьев³², к которым можно было бы проявить какое-то участие, но он думал только о том, что наше существование бrenно, что в мире нет ничего прочного³³. Сагоромо считали воплощенным Буддой, и в отличие от прочих мужчин Сагоромо не проявлял интереса к женщинам, за что они на него негодовали. Тем не менее время от времени многие дамы получали от него письмо в одну строчку и хранили его как большую редкость. Нескольких ненароком сказанных слов было достаточно, чтобы женщины испытывали невыразимое блаженство, а когда какая-нибудь счастливица могла вблизи любоваться им, ее единственным желанием было, чтобы ночь тянулась долго, как тысяча ночей³⁴. При расставании же перед рассветом, когда крики петухов, возвещающих новый день, звучат так безжалостно³⁵, ей казалось, что душа вот-вот покинет ее тело. Как же не быть среди представительниц высокого и низкого положения множеству женщин, беспрестанно стенающих о том, что трава морская на каменистом берегу исчезает?³⁶

Страдая от безнадежной любви, Сагоромо не сердился на женщин, но становился все равнодушнее к ним. Однако необыкновенные красавицы привлекали его. Весной, во время цветения вишен, или осенью с ее алыми кленовыми листьями, в изморозь,

снег, дождь и ветер, в сумерки, льющие в душу неизъяснимое очарование, или перед рассветом, когда скрип ложа заглушает шум крыльев бекасов³⁷, Сагоромо неожиданно наносил визит какой-нибудь девице, столь краткий, что сравнить его можно было только с существованием поденки³⁸; в женской груди любовь бушевала сильнее, чем водопад в Инабути³⁹, и стремилась к Сагоромо с такой же силой, с какой волны бьют о берег.

Сагоромо был далек от любовных побуждений, но разве он не родился в развращенном мире? Ехал ли он по дороге в экипаже или проходил мимо хижины из хвороста в горной глуши, в которой проживали люди достаточно благородные, он не мог не обратить внимания на маленькую девочку⁴⁰. Случалось и так, что, желая собрать фиалки, он был так очарован полями, что проводил в них всю ночь⁴¹. Сагоромо помнил, что в *Сутре сети Брахмы* сказано: «Если ты хоть раз посмотрел на женщину...»⁴² — но, хотя передние занавески в экипаже были опущены, боковые окна оставались широко открытыми. Да и как мог Сагоромо не испытывать никакого интереса к женщинам? Ведь мужчины, даже низкого происхождения, исполнены самомнения и бросаются в самые невообразимые любовные приключения.

Сагоромо обладал блистательной внешностью, добрым сердцем, истинными талантами; даже в царстве Когурё и в Танском государстве⁴³ с ним сравнить было некого. Его владение кистью было изумительным. Стилль знаменитых мастеров древности оставался неизменным на протяжении тысячи лет, а о каллиграфии Сагоромо многие, начиная с императора, говорили, что мастерство молодого человека идет в ногу со вкусами времени, что и в современном стиле есть прекрасные, достойные восхищения вещи и что в этом отношении он превосходит знаменитых мастеров прошлого. Когда он играл на цитре или флейте, чистые звуки музыки сотрясали стены облачного чертога⁴⁴ и уносились за пределы нашего мира. Они приводили в движение небо и землю, потрясали души людей⁴⁵. Родители считали его музыкальное мастерство зловещим и запрещали ему играть, да Сагоромо и сам, сознавая, что его исполнение приводит в смущение человеческие души, редко садился за инструмент. Отец и мать хотели бы, чтобы их сын во всем производил впечатление человека не тонкого, самого заурядного, но все, что он делал, было полно необыкновенного очарования. Произносил ли он самые обычные слова,

пел ли с необыкновенным искусством *розэй* и *сайбара*⁴⁶ или читал сутры, все привлекало к нему сердца. Глядя на него, каждый стыдился своего ничтожества. Родители в его присутствии забывали тревоги, начинали улыбаться, и им казалось, что их жизнь продлевается. Но когда они слышали похвалы редкостным достоинствам их сына, им становилось за него страшно.

3

В последние годы жизни покойного императора⁴⁷ высочайшая наложница⁴⁸ по прозвищу Тюнагон родила девочку несравненной красоты. Это была Гэндзи-мия. Император донельзя полюбил ее и страдал от того, что отныне его привязывают к миру узы настолько сильные, что он не сможет спокойно оставить его. Отец и мать Гэндзи-мия скончались, когда ей было три года. Жалея девочку, бывшая жрица Исэ, жена Хорикава, вскоре взяла ее к себе и относилась к ней так же, как к своему ребенку. Господин Хорикава окружил Гэндзи-мию особой заботой и, нежно полюбив ее, пекся о ней даже больше, чем о собственной дочери.

В четырнадцать-пятнадцать лет внешность Гэндзи-мия стала такова, что у всех, кто хоть мельком видел ее, даже у свирепых воинов, на душу нисходил покой. Что же говорить о Сагоромо, который всегда находился рядом? Когда Гэндзи-мия была совсем ребенком, он не переставал восхищаться ее красотой, а потом, осознав собственные чувства, твердо решил: «Я женюсь лишь на девице, похожей на нее, а если нет, то не стоит и жить на свете».

К другим женщинам у Сагоромо душа не лежала. Когда ему рассказывали о какой-нибудь изысканной красавице, он начинал вздыхать, мечтая как-нибудь увидеть ее. Вот если бы у него был плащ-невидимка, как у Ёсока, помощника управляющего Ведомства двора императрицы!⁴⁹ Мог ли он, решив тайно проникнуть к какой-нибудь женщине, не найти содействия? Однако он всегда убеждался, что с Гэндзи-мией даже отдаленно никого сравнить нельзя. Его тайные муки только возрастали, боль в груди не затихала ни на день, как не останавливается водопад в Ёсино⁵⁰. Видя его постоянное уныние, все с сожалением решили, что у него такой характер, но дело было в чувствах, которые сравнивают с узорами на ткани от травы терпения⁵¹.

У жены Хорикава, дочери первого министра госпожи Тоин, детей не было. Она томилась скукой и не переставала изнывать от зависти к другим женам.

— Где бы найти достойную девицу? Я бы удочерила ее и всячески заботилась о ней, — говорила она.

Внешность Гэндзи-мия все превозносили до небес: «Второй такой в нашем мире не найти». Наследнику престола очень хотелось взять ее в жены, и все были уверены, что так и будет.

Царствующий государь, не забывая о завещании отца, всегда думал о Гэндзи-мии с глубоким чувством и очень сожалел, что до сих пор он не мог проявить заботы о ней. Подходящего случая не представлялось, и он даже ни разу ее не видел. «Рано или поздно я с ней встречусь и смогу хорошенько ее разглядеть», — мечтал император и даже поговаривал о том, чтобы поместить девицу во дворец⁵², но господин Хорикава думал: «Еще рано говорить об этом. Я выдам ее замуж, когда красота ее достигнет совершенства». Он размышлял о будущем девицы очень серьезно.

4

Прошел и четвертый месяц. Наступил четвертый день пятого месяца. Вечером Сагоромо выехал из дворца. По улицам сновало множество бедняков, которые несли на продажу тяжелые тюки с ирисами⁵³. Ноги их были так запачканы, что можно было подумать: не грязь ли это глубоких болот близ деревни Тооти?⁵⁴ Глядя на них, Сагоромо подумал: «Как им трудно...

Ирис всплывает и под воду уходит...
Лишь корень плывущий
Можно нам видеть.
Не изведаль никто
Глубину этих грязных болот»⁵⁵.

Он смотрел на ирисы, подвешенные к стрехам богатых хором, и думал о том, что этот обычай исполнен тонкого вкуса. Деревенские жители настолько согнулись под своей ношей, что нельзя было видеть их лиц, и казалось, спина их вот-вот переломится.

Из-за толпы, снующей взад и вперед, экипаж не мог ехать, и сопровождающие громкими криками старались очистить проезд. Сагоромо сказал, глядя на несчастных:

— Не браните их. Им и так тяжело.

— Они привыкли. С чего бы им стало тяжело от такой ноши? — ответили ему.

«Что за безжалостные слова!» — подумал Сагоромо. Он судил о страданиях людей, несущих растения, по тому, как он сам мучился под бременем любви.

Во всех домах, и больших и маленьких, украшали стрехи ирисами, раздавались оживленные голоса. Сагоромо, немного высушившись из экипажа, глядел по сторонам. Даже на убогих хижинах, сплетенных из травы, лежало по одному ирису.

«Для чего же и те, кто живет в таких нищенских условиях, стараются не отстать от других?» — подумал при этом Сагоромо с грустью. Он начал наигрывать на флейте. Из домов можно было видеть его лицо, которое, казалось, сверкало в лучах заходящего солнца, и многие дамы, собравшиеся у решетчатых дверей, любовались им. Даже экипаж Сагоромо, лица и одежда его сопровождающих были необычайно красивыми.

«Ах, как бы мне хотелось стать хотя бы его сопровождающим! Что они чувствуют, находясь все время рядом с ним?» — говорили молодые дамы, от восхищения потеряв голову. Одна из них, не в силах вынести мысли, что он вот так и проедет, не обратив внимания на ее жилище, сорвала ирис, свисающий с крыши, второпях написала письмо и послала миловидную служаночку вдогонку за Сагоромо. Служанка передала письмо одному из слуг, идущих за экипажем, а сама повернула было домой, но тот задержал ее:

— От кого это послание? Что сказать господину? Вручи ему сама.

«Пусть тебе безразлично,
На болоте каком
Рос этот ирис.
Но жаль, если мимо проедешь
Заросших полынью ворот»⁵⁶.

Прочитав письмо, Сагоромо улыбнулся: «Какой тонкий вкус!» Он спросил, от кого это письмо, но служанка ничего не ответила.

Слуга попросил в близлежащем доме письменные принадлежности и подал господину. Сагоромо вытащил из-за пазухи слоенную бумагу, украшенную позолотой, которую обычно использовали для переписки сутр, и азбукой *катанкана*⁵⁷ написал:

Ни одной не осталось
Крыши, под ирисов грудой
Не скрытой.
Как же мне по пути
Было заметить твой дом?

— В ближайшее время я навещу госпожу, — сказал он служанке.

— Заметьте, в какой дом она войдет, — велел Сагоромо слугам и двинулся дальше.

В доме, куда скрылась служанка, подняли дверные решетки, и сквозь просветы в занавесах можно было видеть многих дам, окруженных юными служанками. Сопровождающий, который заметил все это, доложил господину.

«Кто она? Знала ли она меня раньше?» — думал Сагоромо. Однако такие явные признания в любви не находили отклика в его сердце — он мечтал только о недостижимом и мучился, не зная, как же ему поступить.

5

На следующий день Сагоромо сел за письма. Он выбирал цветную бумагу, во множестве разложенную вокруг, украшал ее очаровательными рисунками, — было ясно, что его послания выдавались из общего ряда. Тщательно растерев тушь, он принялся писать. Разве мог человек, хоть немного разбирающийся в подобных вещах, не прийти в восторг от его каллиграфии? Стихи же Сагоромо, вплоть до самых неприятных, все заучивали наизусть, часто переписывая их.

Дочь левого генерала Личной императорской охраны⁵⁸, проживающая во Дворце явленного блеска, Сэньдэн, пользовалась в то время чрезвычайной благосклонностью наследника престола. Не знаю, при каких обстоятельствах Сагоромо мельком увидел

ее. Никакой надежды добиться осуществления своих желаний у него не было, даже письмо ей передать было нелегко. Он давно уже мечтал о возможности встретиться с ней, и в тот день, охваченный страстью, написал:

Как прежде, люблю,
И никак мой рукав
От слез не просохнет.
А сегодня к тому же
Вижу ириса корни...⁵⁹

Как-то раз Сагоромо удалось увидеть принцессу, дочь отрекшегося от престола императора Итидзё⁶⁰, и ему показалось, что это женщина необыкновенная. С тех пор он не переставая мечтал: «Как бы мне хорошенько разглядеть ее лицо?» Он написал придворной даме по прозвищу Сёсё теплое письмо и вложил в него, как делал обычно, стихотворение для принцессы:

Не сгниет ли напрасно
В окруженном горами болоте
Спрятанный ирис?
Не проходит и дня,
Чтоб о тебе я не думал...⁶¹

Он написал еще много писем, но я их не привожу, поскольку они были подобны двум приведенным выше. Мы видим, что при случае он писал благородным дамам, выделяющимся своими достоинствами, но в душе он страдал по одной только Гэндзи-мией.

Он был в верхнем платье темно-желтого цвета, красном платье и длинных штанах из нелощеного шелка. Поднял голову от изголовья и, глядя на ирисы, разросшиеся у пруда, произнес нараспев своим необыкновенно красивым голосом: «Зелено кругом...»⁶²

В ответ на свои послания он получил много писем, столь различных по своему характеру. Каллиграфия дамы из Дворца явленного блеска была замечательна. Она писала:

Подобна соринке,
В болотной воде
Утонувшей...

И даже сегодня
Ириса корень плывущий...⁶³

Она, конечно же, не будет столь безрассудной, чтобы пойти навстречу желаниям Сагоромо, — неразумно было бы и надеяться. На глазах молодого человека показались слезы. Наступил вечер. «Может быть, сегодня представится случай и я смогу встретиться с ней», — подумал Сагоромо и решил поехать во дворец.

В это время прибыл посольный от императора, который требовал к себе Сагоромо. Перед отъездом из дому молодой человек отправился к отцу, которого в тот день еще не видел.

Когда Сагоромо вошел, Хорикава показалось, что по комнате распространился редкостный аромат. Улыбаясь, советник внимательно смотрел на сына.

— Из дворца прибыл посольный, и я направляюсь туда. Не хотите ли вы послать письмо Первой императрице? — сказал Сагоромо.

— Сегодня утром императрица была нездорова, и я хотел навестить ее, но я сам простужен, настроение у меня не очень хорошее, поэтому я решил остаться дома и никуда не пошел. В такую жару императрица могла бы спокойно отдохнуть здесь, но обычно государь очень неохотно дает ей разрешение покинуть дворец⁶⁴.

Попрощавшись с отцом, Сагоромо вышел из комнаты.

— Какая сильная стоит в этом году жара! Зачем государь вызывает меня? — пробормотал он.

Мать услышала его и с горечью подумала: «Если ему так жарко, к чему ехать во дворец? Разве нельзя приказать прислуживающим дамам махать веерами и спокойно сидеть дома?» Сагоромо был в красном платье, расписанном золотом, в таком же верхнем платье, в вышитых узорами пурпурных на зеленой подкладке шароварах. Цвет тканей казался неземным, сочетание красок было поразительным. Все в одежде молодого человека пленяло изысканностью. «Почему он вырос таким? Если бы он был заурядным существом, у нас не было бы причин для тревог», — думала мать, глядя ему вслед и проливая слезы.

Прислуживающие дамы, находящиеся неподалеку, говорили между собой:

— Недаром госпожа так беспокоится. Действительно, он так красив, что становится страшно.

Во дворце в тот вечер особого празднества не устраивалось, было скучно. Низкие дождевые тучи затянули небо. Чтобы как-то развеселить императора, пожаловал наследник престола и что-то ему рассказывал. В передних покоях находилось множество молодых придворных: сын первого министра, служивший заместителем второго советника, военачальник Левого дворцовой стражи и сын левого генерала, который был одновременно советником *сайсё* и вторым военачальником Личной императорской охраны. Но Сагоромо не явился, и император, у которого настроение было таким же хмурым, как обложенное тучами небо, лишившееся своего блеска, послал за ним.

— Пусть на пиру все, не скрывая своих способностей, исполняют музыку, — распорядился государь, когда появился Сагоромо.

— Это будет замечательно! — воскликнул наследник престола.

Было приказано принести различные струнные инструменты и флейты. Второму советнику дали лютию, начальнику Дворцовой стражи — цитру, советнику *сайсё* — японскую цитру, Сагоромо — флейту, а младшему военачальнику Личной императорской охраны, сыну принца, бывшего главой Палаты обрядов, вручили органчик. Все они были знаменитыми музыкантами.

— Пусть все по очереди полностью проявят свое мастерство, — распорядился император. — Если кто-нибудь будет играть без воодушевления, я рассержусь.

— Мои способности очень скромны, но в ансамбле с другими я могу произвести неплохое впечатление. Когда я сяду за инструмент один, все вынуждены будут страдать, слушая мое бречанье, — сказал заместитель второго советника. — Но ежели вместо меня второй военачальник Личной императорской охраны исполнит все, что он знает, государь получит большое наслаждение.

— Он до такой степени неговорчив, что один никогда не играет и уж вряд ли согласится заменить кого-либо, — возразил император, с упреком глядя на Сагоромо.

Тот начал отнекиваться:

— Ваше желание приводит меня в смущение. Мне ли скрывать какое-то музыкальное искусство? Что мне делать? Отец меня совершенно не учил играть на флейте. Иногда он сам смеялся ради беретса за этот инструмент, но я и так не могу.

— Нет-нет, что за разговоры, — перебил его император. — Мне говорили об известных тебе тайных произведениях⁶⁵. Сыграй же сегодня неведомые нам пьесы.

— Если среди замечательных музыкантов, удивляющих своим сокровенным мастерством, заиграет тот, кто не знает, с какой стороны взяться за флейту, он только все испортит, — твердил Сагоромо с необычайным упорством, не прикасаясь к инструменту.

— С малых лет я люблю тебя не меньше, чем твой отец. Если ты не хочешь выполнить моего желания, когда речь идет о таком пустяке, как я могу рассчитывать на тебя в важных делах? Оставь никчемные разговоры, — серьезно сказал император.

Сагоромо пришел в уныние и взял в руки флейту.

— Что хорошего можно ожидать, если человек, не знающий, как обращаться с флейтой, заиграет наравне с другими музыкантами? Никак не пойму... — повторял он.

Его удрученный вид был настолько очарователен, что государь не мог на него сердиться. Все предвкушали необыкновенно прекрасное исполнение. Музыканты заиграли один лучше другого. Никогда в императорском дворце не звучала такая дивная музыка. Очередь дошла до флейты.

— Ну что, ты так и намерен не играть? — спросил император с серьезным видом.

Сагоромо еще раз попытался уклониться:

— Если бы я знал, что так будет, я бы не пришел сегодня...

Но без флейты было не обойтись, и он сыграл несколько тайных произведений, стараясь играть как новичок. Несмотря на слухи о необыкновенном мастерстве Сагоромо, нельзя было и вообразить, что он играет столь изумительно. «Какое великолепное исполнение!» — думал император, сожалея, что до сих пор не слышал этого.

— Я больше ничего не знаю. Да и эти пьесы я выучил, подражая отцу. Однако он меня толком ничему не обучал, и в моем исполнении много ошибок, — сказал Сагоромо, откладывая флейту.

«Эти рассказы совершенно неправдоподобны. Его игра совершенно не похожа на манеру его отца. Кто же научил его такому поразительному искусству?» — думал изумленный государь.

— За то, что ты столько времени скрывал свое мастерство, я на тебя сердит. Поэтому сегодня ты должен сыграть все, что знаешь... — сказал он.

Сагоромо не мог не подчиниться, но он был в затруднении. Во Дворце щедрых наград, Кокидэн, находились принцессы⁶⁶, и он с мучительной тревогой думал, что они могут услышать его игру.

Хотя луна была скрыта тучами, от стоящих перед императором фонарей было светло как днем, но лицо Сагоромо затмевало их своим блеском. Опираясь спиной на столб, он в замешательстве начал играть. Звуки достигали облаков. Император и все, кто находился в девятиярусном дворце, проливали слезы. Небо, с которого лил дождь, стало зловещим, — уж не явились ли привлеченные музыкой духи?

«Если бы мой отец был здесь и слышал меня, он бы был испуган больше всех», — подумал Сагоромо и сам заплакал так горько, что рукава его платья вымокли насквозь.

Чистые звуки флейты плыли ввысь. Вся небесная ширь удивительно изменилась, неожиданно потянуло холодом, сердца охватила печаль. Засверкала молния, показались необыкновенные облака. «Не глас ли это богов?» — подумалось присутствующим. Звезды сияли так же ярко, как луна. В вышине раздались несравненной красоты звуки различных инструментов, сливаясь с музыкой флейты. Император, наследник престола и все придворные в страхе спрашивали друг друга, что бы это значило.

Сагоромо, охваченный тоской, сыграл все тайные произведения, которые знал.

«По сверкающей молнии
Взберусь на неба равнину
И по мосту,
Что выстроят облака,
Уйду в беспредельную ширь», —

подумал он.

Разве могли не внимать с изумлением дивным звукам даже жители лунной столицы? Небесная музыка зазвучала ближе, и на пурпурном облаке с высоты спустился невыразимой красоты небесный отрок, с прической *бидзура*⁶⁷, в благоухающих одеждах. Он накинул на Сагоромо тонкое, как паутина, платье⁶⁸. Тот не верил, что видит это наяву. Очарованный, играя на флейте, он приблизился отроку и, повернувшись к императору, произнес:

— Поднимусь в чертог,
Где в девять слоев
Висят облака,
Огромное небо
Оставив на память.

Неизбывная печаль охватила Сагоромо. Он двинулся было вслед за посланцем небес, но император и наследник престола в тревоге схватили Сагоромо за руки. Лицо отрока исказилось от муки, и он горько заплакал.

— В вашем мире нет никого, кто бы мог в чем-либо сравниться с Сагоромо. Не в силах спокойно внимать его флейте, я спустился за ним с небес. Но если господин, обладающий десятью добродетелями ⁶⁹, будет плакать и сожалеть, что Сагоромо поднялся в небо, я сегодня оставляю его здесь...

Все это он изложил в великолепных стихах и произнес невообразимо прекрасным голосом.

Сагоромо же, горько плача, подняв глаза к отроку, произнес нараспев с необычайно глубоким чувством:

— Многие узы удерживают меня на земле, и, как я ни сожалею, сегодня мне не уйти...

Жители столицы уже давно говорили, что Сагоромо — небожитель, спустившийся на землю, а в ту ночь император, смотря на происходящее чудо, ошеломленно думал: «Так это правда!» Облачный паланкин с проливающим слезы отроком исчез в вышине. Император, глядя ему вслед, не мог поверить, что это все произошло на самом деле.

Над ними вновь простирались обычные небеса, и только нездешний аромат витал во дворце. Сагоромо не спускал глаз с неба и, казалось, все еще видел перед собой отрока и внимал его стихам. В лице его было блаженство и страстная тоска. Император беспокоился все более и более.

«Чем отвлечь его? Сделать министром? Но вряд ли он будет польщен и рад. Да и отец его, наверное, не согласится», — думал он, не зная, что предпринять.

От Второй императрицы у него было три дочери. Первую назначили жрицей Камо ⁷⁰. Вторую принцессу отец считал существом необыкновенным, у нее была ослепительная внешность и превосходный характер. Государь любил и холил ее больше, чем

остальных дочерей, и не собирався отдавать ее в жены простому подданному. Но в тот день игра Сагоромо на флейте была столь великолепна, что даже небожитель, не в силах спокойно внимать ей, спустился с небес, и император решил отдать свою несравненную дочь в жены Сагоромо: «Плача, я удержал его, и нельзя оставить его без вознаграждения. Как бы Сагоромо ни хотел улететь от нас, он забудет о своем стремлении скрыться в небесах, увидев красоту Второй принцессы».

Тем временем господин Хорикава спрашивал у прислуживающих дам:

— Второй военачальник все еще не вернулся?

В комнате главного управляющего раздавались оживленные голоса. Хорикава велел узнать, о чем идет речь. Правитель провинции Иё ⁷¹ вошел к нему и рассказал, что произошло во дворце. Можно ли представить, что стало при этом с несчастным отцом? Не сон ли все это? Считая сына существом не нашего мира, Хорикава всегда страшился, что не сможет долго видеть его подле себя.

— Произошло именно то, чего мы боялись! — воскликнул он. — Что теперь будет с нами?

Он и его жена упали на постель, и вы можете представить, как были испуганы те, кто находился возле них.

Хорикава решил ехать во дворец. «Я знаю, что произошло, и хочу взглянуть на то место, откуда исчез Сагоромо. Неужели мне будет еще тяжелее?» — рассудил он. Хорикава встал с постели, стал надевать парадное платье, но ноги у него подкашивались, и выйти из комнаты стоило ему больших трудов. Супруга его лежала, натянув на голову одежду, и, казалось, не дышала. Взглянув на родителей, любой бы уверился, что Сагоромо поднялся в небо, что в нашем мире воцарился беспорядок, и спрашивал бы себя, что будет со всеми.

Наконец, экипаж выехал из усадьбы. Советник даже не взял с собой сопровождающих, что тоже было нарушением заведенного порядка. «Я хочу, по крайней мере, увидеть то место, откуда Сагоромо поднялся в небо. Смогу ли я дожить до завтрашнего дня?» — думал Хорикава, проливая такие слезы, от которых он не различал дороги, что они могли бы переполнить собой экипаж. Путь казался ему бесконечным, как будто он ехал в Танское государство.

У ворот в крепость экипаж остановила стража. Вне себя от горя Хорикава вошел в девятиярусные чертоги. Там не было заметно никакой тревоги. Костры сигнальной службы горели ярче обычного, перед дворцами сидели слуги и разговаривали между собой: «Благодаря исключительным достоинствам второго военачальника и нам посчастливилось видеть посланца небес... Но рядом со вторым военачальником, красота которого как будто заполняет собой весь мир, и небесный отрок не так уж красив».

«Так и есть!» — подумал Хорикава. В голове у него помутилось, он не мог ступить ни шагу. Подбежавшие слуги взяли его под руки и повели во Дворец чистоты и прохлады.

— Прибыл господин верховный советник! — зашумели придворные, поднимаясь со своих мест.

Сагоромо в страхе подумал, что отцу рассказали о небесном отроке, и устремился ему навстречу. Можно ли описать состояние Хорикава, когда он увидел сына и понял, что тот остался на земле?

— Почему ты собрался скрыться от нас в небе? Как ты можешь покинуть нас даже ради райского блаженства?.. — начал он, но был так потрясен, что не мог договорить.

Сагоромо с печалью смотрел на отца. Если бы он улетел в небеса, как бы доживали родители оставшиеся им дни?

Хорикава кое-как справился со слезами и приблизился к императору, который рассказал ему обо всем, что произошло. Хорикава не верил своим ушам.

— Я его ничему особенно не обучал. Но отсутствие талантов вредит человеку, и когда Сагоромо начал служить, я, помню, сказал ему, чтобы он должным образом овладел необходимыми науками. Однако мне и в голову не приходило учить его музыке. Не знаю, у кого Сагоромо перенял свое умение играть на флейте, которое привело всех в восхищение. Я всегда думал, что музыкальные способности посылают нам боги. Как бы там ни было, Сагоромо — мой единственный сын, и не надо, чтобы он чем-то изумлял меня. Пока я жив, я хочу только видеть его каждое мгновение подле себя живым и невредимым, — никакого другого желания у меня нет. Если он обладает каким-то необыкновенным искусством, для меня это совсем не в радость. Таланты сына меня только страшат. Не принесут ли нам они в конце концов горе? Сегодня я совершенно потерял голову. Если бы сейчас я увидел пустые небеса, в которых скрылся сын, я бы до завтрашнего дня

не дожидая и ничто меня не смогло бы удержать в этом мире — ни служба при дворе, ни многочисленные семейные узы. И я исполнен глубокой благодарности к государю за то, что он удержал Сагоромо и что я по-прежнему могу видеть его.

Хорикава явно страшился ужасных последствий и смотрел на сына с такой тоской, что все, начиная с императора, проливали слезы. На самого Сагоромо исполнение музыки, которое окончилось столь неожиданно, произвело гнетущее впечатление, и он хранил глубокое молчание. Император подозвал его к себе и, преподнося чашу с вином, произнес:

— Не сердись на меня, что остался
Без небесного платья из перьев.
Свой соломенный плащ
Тебе отдаю,
Чтобы укрылся ты от дождя ⁷².

У Сагоромо забилося сердце. Он догадался, что император хочет отдать ему в жены Вторую принцессу, и подумал: «Вот если бы он вручил мне ночную одежду, чтобы спать на равнине Мусаси ⁷³, это действительно было бы утешением». Но об этом желании не знала ни одна душа. С почтительным видом Сагоромо ответил:

— Если б одежда была
Травой *мурасаки* окрашена,
То не променял бы ее
Даже на платье
Девы небесной ⁷⁴.

Император не понял, что имелось в виду. Вторая принцесса, как и Гэндзи-мия, была связана с Сагоромо родственными узами, и слова о траве *мурасаки* можно было отнести к ней. Сагоромо, в смущении держащий в руках чашу, при блеске светильников казался еще красивее, чем обычно, и никакая женщина, даже принцесса, не могла бы с ним сравниться. «Вряд ли, однако, Вторая принцесса уступит ему в красоте», — подумал император.

Близился рассвет, и, казалось, слышалось пение кукушки ⁷⁵. Придворные стали развезжаться. Хорикава и Сагоромо, сев вместе в экипаж, уехали домой.

Вы можете сами вообразить, как встретила Сагоромо его мать. Она понимала, как ему должно быть тяжело, и, своими руками приготовив различные кушанья, стала кормить сына. Молодой человек и вправду испытывал сильные страдания.

— Мне совсем не хочется есть. Я хотел бы немного отдохнуть, — с этими словами он направился было в свои покои.

«Если я хоть на миг отпущу его от себя, я не смогу оставаться спокойной», — подумала мать и стала настойчиво упрашивать сына остаться у нее. Она велела присутствующим дамам разостлать постель. Сагоромо лег, но ни на мгновение не мог сомкнуть глаз. Он все время грезил о чудесном явлении. Душа его блуждала в горних пределах, он с тоской вспоминал внешность и голос небесного отрока. «Неужели отец прав и мое существование в этом мире будет кратким?» — думал он в унынии.

В усадьбе находился приглашенный верховным советником монах высокого ранга из храма Совершенной чистоты в Ковата⁷⁶. Хорикава, который так и не лег спать, сел с ним недалеко от покоев, где расположился Сагоромо, и, рассказав ему о событии той ночи, сулившем страшные последствия, просил с утра начать молитвы. Кроме того, желая всячески предотвратить несчастье, он послал чиновников из домашней управы за другими монахами-чудотворцами.

Слушая в постели торжественные голоса, Сагоромо думал: «Почему батюшка так хлопочет? Я всегда делаю вид, что не замечаю его тревоги. Но что в конце концов станет со мной из-за моей невозможной любви?» Он так сильно плакал, что изголовь его могло уплыть со слезами. Сагоромо и сам знал, что любовь его постыдна, но, постоянно находясь рядом и разговаривая с Гэндзимия, чувствовал, как вновь и вновь в сердце его вскипает страсть. Так дожил он до того дня, стеноя от безнадёжности. Предстоящая женитьба на Второй принцессе, любимице императора, была для него великой честью, но Сагоромо не испытывал никакой радости и только твердил про себя: «Если бы это была травка *мурасаки*!

Втайне от всех
Ночью надел я
Пурпурное узкое платье ночное.
И спать я не буду
В других разноцветных одеждах»⁷⁷.

Завидую тому, кто сказал: «Не успел сомкнуть глаз, как наступил рассвет»⁷⁸, — Сагоромо подумал: «Наконец-то рассвело». Он открыл двухстворчатые боковые двери коридора, ведущего из покоев матери в восточный флигель, где располагались его комнаты, и выглянул в сад. На ирисах висели капли, как напоминание о дожде, на небе не было ни одной тучи, вершины гор постепенно светлели⁷⁹. Весенний рассвет был необыкновенно прекрасен. Сагоромо вспомнил небесного отрока и музыку, которая звучала ночью в вышине, — душу его охватили тоска и печаль. «Если бы он явился, чтобы увести меня во дворец на небе Тосоцу⁸⁰, я бы, вероятно, в этом мире не остался»⁸¹, — подумал он. Сагоромо развернул сутру там, где рассказывается о бодхисаттве Майтрея и сказано: «Возродится в небе Тосоцу»⁸², и несколько раз неторопливо прочитал его. Его чистый голос был печален, и слушавшие подумали: «А вдруг за ним опять явится посланец с неба Тосоцу?» В это время в сад прилетела кукушка⁸³. Сагоромо, думая, что это неспроста, внимательно прислушался к ее пению.

— О чем напролет
Всю ночь ты тоскуешь?
На ранней заре
У Небесного грота
Кукушка поет⁸⁴, —

произнес он. А потом еще:

— Нет, это не голос
Небесного отрока.
Но пенье кукушки
Дарит надежду,
Что с ним я увижусь.

Спать он не хотел и слушал, как монахи читали сутры. Старик с трудом сдерживал слезы. Мать, приблизившись к Сагоромо, спросила его:

— Почему ты поднялся так рано? В пятом месяце небеса всегда грозят нам бедами⁸⁵.

— Не надо читать сутры слишком громко, — распорядилась она, а про себя подумала: «Не к добру встал он так рано».

— Ведь сказано в сутре: «В пределах ста *юджан*»⁸⁶. Какое же несчастье может произойти? — засмеялся Сагоромо.

К сыну вошел Хорикава.

— В ближайшее время тебе нужно соблюдать пост и никуда не выходить. Я попрошу монахов в течение семи дней читать особые молитвы, а тебе следует глубоко размышлять о заветах Будды. Те, кто огорчает родителей, совершают тяжкий грех, — сказал он.

«Как они беспокоятся о том, что я недолго останусь в этом мире!» — с мукой подумал Сагоромо.

— Разве я собираюсь уйти куда-нибудь? — сказал он и отправился в свои покои.

В столице только и говорили, что о совершившемся чуде. Император велел достать из китайского сундука хроники, описать явление небесного отрока и записать стихотворения, которые сложили он и Сагоромо. Придворные, в ту ночь не присутствовавшие во дворце, бесконечно об этом сожалели. Все ученые книжники, — и те, кто достиг высокого положения, и те, кто еще пребывал в неизвестности, — читая эти стихи, проливали слезы восхищения. Даже те, кто не разбирался в поэзии, повторяли и расхваливали их, а снующий по большим и малым улицам бедный люд с грехом пополам вставлял в свой рассказ о чуде отдельные строки стихотворений.

7

Через месяц наступила невыносимая жара. Никто не догадывался о том, что Сагоромо горел страстью, как зимородок, любящий воду⁸⁷. Как-то днем, не зная, чем заняться, он отправился в покои Гэндзи-мия. В белом однослойном платье из тонкого шелка, девица читала какие-то стихотворения, написанные на красной бумаге. Она сидела к Сагоромо в профиль. Подстриженные спереди пряди красиво обрамляли лицо. По спине струилась густая масса доходящих до пят волос, удивительно красивых, которые, казалось, будут расти до бесконечности. Сквозь легкий шелк просвечивало безупречное тело. Второго такого существа на свете не было. Разве мог мужчина, который ценил женщин, остаться равнодушным, глядя на такую красоту? А тем более тот,

чью грудь переполняла любовь? Когда Сагоромо смотрел на Гэндзи-мию, сердце у него начинало сильно биться. Но он вел себя сдержанно, и можно было подумать, будто сердца у него вовсе нет.

«Наверное, Первая принцесса, о которой рассказано в повести о блистательном Гэндзи⁸⁸, была не так красива, как она. Ведь генерал Каору не любил ее так сильно»⁸⁹, — думал Сагоромо.

— Ах, какая жара! Что ты рассматриваешь? — спросил он.

— Жрица Камо⁹⁰ прислала мне картинки.

Ее освещенное ярким солнцем лицо было необыкновенно красиво и, казалось, наполняло все покои дивным благоуханием. Сагоромо залюбовался ею. Гэндзи-мия смущенно отвела взор и склонилась над картинками. Ее брови, волосы, спадающие на лоб, выражение лица были невыразимо прекрасны.

Всегда, когда Сагоромо смотрел на нее, он чувствовал, что вот-вот заплачет. Он взял в руки картинки и поднес к глазам. Это был замечательный список любовного дневника второго военачальника Аривары Нарихира⁹¹. Сагоромо с болью подумал, что этот человек так же страдал от любви, как он сам. Не в силах сдерживать своих чувств, Сагоромо придвинулся к девице.

— Что ты об этом думаешь? — сказал он. —

Сама посмотри
На старую повесть.
Разве мне одному
Блуждать суждено
По тропам любви?

Голос его прервался, из глаз градом покатались слезы, которых не могла бы сдержать даже плотина рукавов⁹². Он схватил ее за руки, и Гэндзи-мия в страхе низко склонила голову. Вблизи она казалась еще прекраснее, чем обычно. Сагоромо подумал, что он недостоин ее, но сказанного было не воротить. Сердце его билось все беспокойнее. Не зная, как высказать то, что его мучило, он утопал в слезах. Наконец он произнес:

— С твоего нежного возраста я страстно тебя люблю. Все это долгое время ты ни о чем не догадывалась. Мои чувства, без сомнения, в будущих рождениях явятся препятствием к достижению Просветления не только для меня, но и для тебя. Поэтому узнай, по крайней мере, что я люблю тебя так сильно, как никто на свете.

Сколько лет мое сердце
 Любовью горит?
 У дыма в Муро спроси,
 Что над восьмью островами
 Бесперывно встает.

Безудержный поток его слез ошеломил Гэндзи-мия. Ей казалось, что она видит страшный сон.

— Горько, что ты относишься ко мне безразлично, как к совершенно незнакомому человеку, — продолжал Сагоромо. — Пусть я умру, но не совершу по отношению к тебе ничего недостойного. Родители, узнав о моей любви, очень бы огорчились, — мне следовало бы смириться и никогда не заикаться о своих чувствах. Хотя я и питаю к тебе непозволительную страсть, отнесись ко мне с сочувствием, пока я жив. Никто не будет любить тебя так, как я. Увидев твое участие, я и в час смерти буду с нежностью думать об этом мире. Если ты не захочешь никогда больше видеть меня, я все равно буду относиться к тебе по-братски. Понимаешь ли ты, как я страшно страдаю?

Гэндзи-мия от страха не знала, куда деться.

В то время в покои вошла кормилица Дайнагон. Сагоромо поднес к глазам картинку и отодвинулся от Гэндзи-мия. Она же была настолько ошеломлена, что оставалась лежать без движения. Кормилица, увидев ее, испугалась: «Что с ней?»

Проснувшиеся дамы стали наперебой объяснять, что, когда пожаловал Сагоромо, они решили немного отдохнуть от непереносимой жары и заснули. Все окружили Гэндзи-мия. Она находилась в ужасном состоянии и еле нашла в себе силы, чтобы удалиться во внутренние покои. Дамы обратили внимание, что картинки в беспорядке валялись на полу.

Гэндзи-мия понемногу приходила в себя. «Все время я оставалась наедине с человеком, который питает такие страшные мысли, и считала его надежной опорой! О, какое это несчастье расти без родителей!» — она впервые думала о своей жизни с такой скорбью. Кормилицы, видя, что она не встает с постели, беспокоились, что с ней.

«Никто не знает, что Сагоромо любит меня, и мне нужно будет, как и раньше, встречаться с ним, — думала Гэндзи-мия. — Я умру со стыда. Ах, какая горечь оставаться в этом мире!»⁹³

После признания Гэндзи-мия в любви мучения Сагоромо сделались еще непереносимее. Он не знал, как ему быть, и думал только о том, что ему лучше поскорее принять монашество. В унынии он лежал в постели и спрашивал себя, что будет с ним дальше.

Слуга доложил, что отец хочет его видеть. Сагоромо испытывал беспредельные сердечные страдания, мысли его были мрачны, но, если бы верховному советнику ответили, что сын его не хочет выходить из комнаты, в доме поднялся бы переполох. Сагоромо встал и, не поправляя костюма и не завязывая лент, пошел к отцу.

Тщательно одетый, он не доставил бы Хорикава столь большого наслаждения. «Именно в таком виде и нужно им любоваться», — думал советник, смотря на сына и улыбаясь во все лицо.

— Сегодня ночью Первая императрица должна вернуться сюда. Отправляйся во дворец, чтобы сопровождать ее. К тому же государь недавно упрекнул меня, что я все время держу тебя дома, — сказал Хорикава. — Наследнику престола не терпится видеть Гэндзи-мия у себя на службе, и государь часто повторяет, чтобы она поскорее переехала во дворец. Я предполагал устроить ее въезд, когда спадет жара. Но правый министр не мог дожидаться, когда его дочери, которую он так заботливо воспитывал, исполнится двенадцать-тринадцать лет, — и я узнал, что он готовится отправить ее к наследнику престола в восьмом месяце. Нехорошо, если обе девицы въедут во дворец одновременно. Поэтому я думаю отложить въезд Гэндзи-мия до зимы или до нового года. Как ты думаешь? Наследник престола и император торопят меня, а мне бы не хотелось огорчать правого министра.

Слушая отца, Сагоромо думал: «Итак, решено». Он чувствовал в груди страшную тяжесть и боялся бледностью выдать себя. Стараясь казаться как можно равнодушнее, он ответил:

— Было бы прискорбно, если бы вы задержали въезд дочери правого министра. Что же касается службы Гэндзи-мия, вы всегда говорили, что с этим спешить не надо. К тому же я слышал, что возле дочери министра неотступно, как тень, ходит заместитель второго советника и старается получить девицу в жены. Поэтому ее отец беспокоится и спешит со въездом.

— Я сам так думаю. Все давно уверились, что Гэндзи-мия поступит на службу к наследнику престола, и никто даже в шутку не приближается к ней с ухаживаниями. К тому времени, когда Гэндзи-мия будет въезжать во дворец, красота ее достигнет совершенства, и вряд ли дочь правого министра, которую отец воспитывал в строжайшей тайне, выдержит с ней сравнение. Так ли ослепительна красота этой девицы, что она и дальше будет вести себя, будто она внучка императора, и заирать нос? Рассказывают, что министр донельзя холит ее, не выпускает из спальни и, кроме матери и кормилиц, к ней никто не приближается. Не кончится ли это, как с единственной дочерью принца из «Сам рассказывается»?⁹⁴ — засмеялся Хорикава.

«Я случайно увидел ее ночью при свете ламп. В ней не было ни малейшего изъяна, как в белой яшме, но поговаривают, что она высокомерна», — вспомнил Сагоромо и чуть улыбнулся. Хорикава заметил его улыбку.

— Когда я был молодым, я посещал многие дома, заглядывал повсюду сквозь занавеси и видел множество самых разных женщин. Однако совершенных женщин мне приходилось видеть редко. Чаще, чем в благородных домах, я находил красавиц в зарослях хмеля⁹⁵, где, как я думал, никакая красота не могла бы существовать. Я стал взрослым, но встретиться с женщиной, о которой мечтал, было крайне трудно. Мой покойный отец во всем потакал мне, но относительно моих поисков любовных приключений был крайне строг и поругивал меня. Он не позволял мне отлучаться из девятиярусных чертогов, я пускался на разные ухищрения, чтобы ускользнуть оттуда, и не оставалось такого места, куда бы я не ходил. Но сейчас я думаю, что мой покойный отец был прав. Какой бы большой семьей был я в противном случае обременен! С тремя женщинами в конце концов я не смог расстаться, и они затмили для меня всех прочих. А других, о которых я поначалу думал, что никогда не смогу их забыть, я постепенно совсем перестал посещать, — вспоминал прошлое Хорикава.

— Если с молодых лет выбрать замечательную супругу, это со всех точек зрения — благо. Когда мужчина живет один, то, даже если его сердце не склонно к безрассудным поступкам, он невольно заблуждается.

— За то, что ты не улетел в небо, государь пожелал отдать тебе в жены Вторую принцессу. Но ты за все это время не послал ей ни

одного письма, и боюсь, что император очень недоволен. Выбери счастливый день, отправься к принцессе и в разговоре с прислуживающими ей дамами намекни о своих чувствах. Мне тоже хотелось бы, чтобы ты женился на ней.

«В какое трудное положение я попал! Вряд ли я долго останусь в этом мире, а император и отец хотят, чтобы я женился», — думал при этом Сагоромо. Совет отца был так же для него излишен, как одежда в жаркую ночь.

— Вряд ли это было истинным желанием государя. Что он подумает, если я начну посылать принцессе письма?

Видя, что сын не проявляет заинтересованности, Хорикава недовольно подумал: «Видно, она ему не по душе». Он ничего больше не прибавил, лицо у него было печально. Сагоромо бесшумно поднялся и, выходя, пробормотал:

— В бухте ветер ревет
И волны бушуют.
Но там, где жгут морскую траву,
Дым от костра,
Не колеблясь, струится⁹⁶.

Водопад Инабути...

Он отправился в покои матери.

Глядя на него, госпожа с тревогой произнесла:

— Сейчас такая жара! Ты, видно, очень мучаешься. Ты очень похудел.

Госпожа не потеряла очарования юности. Никто бы не подумал, что это мать Сагоромо, ее можно было принять за молодую девушку. Недаром Хорикава, который в молодости посещал, не оставляя ни одного дома, множество женщин, воспылал к ней безграничной любовью.

— Только простолюдины худеют летом, разве не так?⁹⁷ Что плохого, если на меня будет дуть прохладный осенний ветер?⁹⁸ Однако батюшка отчего-то заговорил о мучительной жаре⁹⁹. Не спросить ли об этом у перевозчика?¹⁰⁰ — улыбнулся он, и, казалось, повсюду разлилось очарование.

Молодые дамы, глядя на Сагоромо с восхищением, были глубоко взволнованы. Одна из них, по прозвищу Накадзукаса, прошептала:

— Есть люди, которые вздыхают о конце Восточной дороги ¹⁰¹. Как легко их понять!

— Что вы сказали? Я жду продолжения ваших слов, — спросил, посмотрев на нее, Сагоромо.

— Ах, как быть? Он услышал меня...

Ее смущение было приятно юноше. Он обвел глазами присутствующих дам.

— Отец советует мне написать письмо Второй принцессе, — вновь повернулся он к матери. — Родительское сердце в своей слепоте беспримерно ¹⁰², но другие, наверное, поднимут меня на смех. Государь в шутку предложил мне жениться на принцессе, и Вторая императрица, услышав об этом, огорчилась. Если же я напишу принцессе о своих чувствах, императрица и вовсе будет относиться ко мне с неприязнью. В ночь, когда спустился на землю небесный отрок, император был изумлен и, желая загладить свою вину за то, что заставил меня играть, предложил мне в жены принцессу. Уже одно это — великая честь для меня. Государь хотел только пошутить надо мной. Я — лицо незначительное, не увлекаюсь поисками любовных приключений, и мне более всего подошла бы девица, подобная молоденькой травке в тени дерева, о которой никто не знает. Если же нет, лучше не связывать себя узами в нашем кратком существовании.

Слезы показались у него на глазах.

Мать его при этом побледнела и сказала:

— Ты всегда говоришь о зловещих вещах. Нужно произносить только то, что предвещает добро. Поступай так, как подсказывает тебе твое сердце. Будем ли мы с отцом настаивать на том, что тебе не по душе? Брак не может состояться, если Вторая императрица будет против. Однако недавно дама Санъи рассказывала: «Я слышала, как придворные говорили между собой: “Государь изъявил свою волю, а Сагоромо пропустил его слова мимо ушей. Беспрецедентная наглость!”». А о Второй императрице она ничего не сказала.

9

Вечером Сагоромо отправился во дворец. По дороге он спросил, где дом, «ворота которого заросли полынью» ¹⁰³; и сопровождающий, который тогда проследил, куда вошла служанка, указал его.

— На следующий день я пришел сюда, но ставни были закрыты. Я стал расспрашивать соседей, и мне ответили: «Той дамы здесь нет. Обычно сюда приезжает много придворных. Это дом правителя провинции Нагато, который уехал на остров Цукуси ¹⁰⁴. Сестра его супруги — кормилица дочери принца Накадзукаса. Время от времени она останавливается здесь, чтобы избежать опасности со стороны Духа земли или Срединного бога ¹⁰⁵».

Сагоромо, услышав это, подумал: «У кормилицы есть дочь по имени Сёдзё. Не она ли по рекомендации помощника старшего советника министра была исполнительницей пляски *Пяти мановений*? ¹⁰⁶ Для своего положения она очень мила. Она-то, наверное, и прислала мне письмо. Вряд ли это была женщина мне неизвестная».

10

Первая императрица с сыном приехала в родительский дом. В усадьбе на Втором проспекте ¹⁰⁷ все было готово к ее приему. Каждый день из дворца приходили посыльные. Дамы, которые находились в услужении у императрицы, были полны оживления, но она сама оставалась в задумчивости, держалась сдержанно, и, казалось, что-то тяготило ее. Хорикава знал, что в то время ее влияние при дворе было очень большим, и всячески заботился о ней.

Среди жен Хорикава госпожа Тоин, дочь первого министра, была подобна хвое кипарисовика ¹⁰⁸, но, по-видимому, оттого, что у нее не было детей, о которых надо было заботиться, она старалась, чтобы ее собственное положение было как можно более блестящим, следила за модой и гордилась тем, что не уступает другим женам верховного советника. Госпожа любила все необычное. Она всегда была весела и ни у кого не вызывала ненависти.

11

После того как Сагоромо признался Гэндзи-мия в своих чувствах, пылающих подобно восьми островам в Муро, а девица, не отвечая ему, опустила глаза в землю, у него на сердце стало совсем уныло, и он, горько вздыхая, спрашивал себя, что с ним

будет дальше. Утешиться Сагоромо никак не мог. Ему бы тайно отправиться к какой-нибудь даме, чтобы развеять мучительные думы, но он не мог забыть прикосновения к руке Гэндзи-мия, с которым не могло сравниться никакое удовольствие. Как человек, глядящий на луну над Горой брошенной тетки ¹⁰⁹, он не мог утешиться.

В то время в свете особенно расхваливали красоту Сэнъэдэн, проживающей во Дворце явленного блеска, которая служила у наследника престола, хотя сравнить с Гэндзи-мией ее все-таки было невозможно ¹¹⁰. Сагоромо решил отправиться во дворец, чтобы как-нибудь встретиться с ней и отвлечься от своих мук. К тому же наследник престола настойчиво справлялся о нем.

— Меня печалит, что я вижу тебя так же редко, как травку на каменистом берегу, которая исчезает во время прилива ¹¹¹, — сказал он, увидев Сагоромо.

— Я очень плохо себя чувствовал. А в такую жару вообще лень ходить на службу.

— Почему у тебя все время плохое настроение? Открой мне, ничего не утаивая, — сказал наследник, придвигаясь ближе к Сагоромо.

— Что приводит меня в такое уныние? Посмотрите на меня. Я так исхудал; думаю, что вот-вот умру, — сказал он, вытянув руки, такие красивые и белые, какими может похвастаться редкая женщина ¹¹². Они вовсе не казались исхудавшими, и наследнику захотелось положить на них голову.

— Какая изумительная красота! — воскликнул он, укладывая Сагоромо рядом с собой.

— Право же... Ведь такая жара... — старался высвободить руку Сагоромо. Все это было забавно.

— Я совсем не понимаю, отчего ты все время так печален. Тебе не смогла бы противиться даже неприступная Кагуя-химэ ¹¹³. В свете поговаривают, что ты вздумал подражать Накадзуми ¹¹⁴. И даже отец твой уверен в этом и поэтому совершенно не обращает внимания на мое предложение взять Гэндзи-мию сюда.

«Уже окружающие спрашивают...» ¹¹⁵ — с мукой подумал Сагоромо и как можно равнодушнее сказал:

— Это совсем не так, хотя обычные любовные приключения меня совсем не привлекают. Мне хотелось бы испытать великую, трудную любовь...

Было ясно, что за этими словами что-то скрывается.

— Нехорошо, что ты не откровенен со мной. В том, о чем судачат, должно быть, что-то есть.

— Как этот разговор неприятен! Вы сами только и думаете, что о женщинах, поэтому и сейчас... — рассмеялся Сагоромо, а про себя подумал:

«В такой сердце тоске,
Что с ним уж не совладать.
И так мокры рукава,
Что не могут впитать
Льющихся слез».

По виду его можно было догадаться, что он задет за живое.

— Возможно, это и называется «беспрерывно страдать от любви». У меня ведь нет никого, кто был бы мне вместо сестры, как у тебя, — пошутил наследник престола.

Он отправился во Дворец явленного блеска. Сагоромо разочарованно подумал: «Теперь идти туда незачем», — и поехал домой.

12

Когда Сагоромо в сумерки подъезжал к дому, на перекрестке Второго и Дворцового проспектов он повстречал экипаж с дамами ¹¹⁶. Рядом вели сменного быка. Было видно, что ехали издалека. Занавески в окошке раздвинулись, и высунулась бритая голова монаха, который посмотрел на подъезжающих.

«Странно! Или мне мерещится?» — подумал Сагоромо, глядя на экипаж, ехавший довольно быстро.

Сопровождающий подросток нес вещи, которые явно принадлежали монаху. Слуги Сагоромо закричали, чтобы чужой экипаж остановился. Делать было нечего — путешественники стали на перекрестке. Подростка засыпали вопросами: «На экипаже висят занавески на шелковой подкладке. Это кто-нибудь из высшего духовенства? Если это высокопоставленный монах, почему же он не велит придержать своих быков и уступить нам дорогу, а старается проехать первым? Кто же это?»

— Это экипаж святого отца ¹¹⁷ из храма Нива ¹¹⁸. Его мать совершала паломничество в храм Удзумаса ¹¹⁹ и сейчас возвращается назад. Бык с норовом, побежал слишком быстро, — дрожа от страха, отвечал подросток.

— Ну-ка, посмотрим, взаправду ли это монахиня, — с этими словами сопровождающие Сагоромо подняли занавески.

Из экипажа выпрыгнул монах и, пряча лицо, тотчас быстро скрылся.

— Почему это монахиня пустилась наутек? — засмеялись сопровождающие и бросились за ним следом.

Сагоромо остановил свой экипаж и велел слугам вернуться. Те дали бежавшему скрыться и вновь стали расспрашивать подростка: «Кто же это был?»

— Это монах-распорядитель ¹²⁰ из храма Нива. Дама, которую он давно любит, совершала паломничество в храм Удзумаса. Она попросила у моего господина экипаж, чтобы возвратиться домой. Он с радостью его предоставил, а сам тайком поехал с ней, отпустив всех слуг. Он поступил несообразно со своим положением, и Будда решил наказать его за это преступление. Бык, который был впряжен в экипаж, с норовом. Повстречавшись с вами, надо было бы остановиться и пропустить вас. Но, добившись наконец выполнения своих давнишних желаний, мой господин очень спешил и стал кричать мне: «Вдруг они увидят, что я еду с женщиной! Проезжай поскорее!» В сутрах ведь сказано: «Следуй приказам учителя» ¹²¹. Я состою при господине много лет и, услышав его слова, погнал быка. Теперь он, наверное, прогонит меня.

Он был испуган и опечален. Сопровождающие Сагоромо, проникшись жалостью, оставили подростка и передали своему господину его слова.

— В экипаже, по-видимому, действительно находится дама. Все ее спутники разбежались. Жалко ее, бедняжку, так бросить...

— Почему же вы так поступили? Вы никогда не слушаете, что вам приказывают. Куда направляется госпожа? Оставить ее одну никак нельзя. Спросите у подростка, куда она едет, и проводите ее, — велел Сагоромо, а сам решил ехать своей дорогой.

Через некоторое время слуги вновь подошли к нему и сказали:

— Дама живет где-то неподалеку от Дворцового проспекта. Уже темнеет. Дама горько плачет. Как нам поступить? Подросток не знает, куда ехать. Монах и погонщик убежали, но скоро кто-ни-

будь обязательно придет за экипажем. Монах, по-видимому, прячется неподалеку. Факела у него нет, а уже темно.

Сопровождающие велели оставшемуся подростку отвести экипаж с дороги, и Сагоромо тронулся с места.

«Не знаю, кто там сидит, но если госпожа действительно против воли была похищена монахом, в каком она, должно быть, находится затруднении, — думал он. — В темноте она заблудится. Если я ее так оставлю, монах опять явится и увезет ее с собой». Ему стало жалко даму. Куда же ее отвезти? Уж не в усадьбу ли отца, на одну ночь? Сагоромо стало смешно, когда он вспомнил, как бежал монах, натянув на голову рясу. Но оставить даму в трудном положении он не мог.

«Может быть, монах успел надругаться над ней?» — подумал он, чувствуя в душе омерзение.

Невозможно было предложить даме переночевать в Асукаи ¹²². Ему стало любопытно, кто она, поэтому он повернул назад и пересел в ее экипаж. Было темно, и нельзя было ничего ясно разглядеть. Он увидел лежащую молодую женщину, натянувшую на голову одежду.

— Я очень сожалею. Только человек бессердечный, каково бы ни было его положение, мог покинуть вас и скрыться. Его любовь не такова, чтобы он последовал за вами в горы Ёсино ¹²³. Если я вас оставлю, с вами ночью может случиться что-нибудь страшное. Да и ваш попутчик, увидев, что я пересел сюда, очевидно, отправился домой. Если вы оказались в таком положении против своей воли, скажите мне, где вы живете, и я провожу вас. Если же это было вашим желанием и вы хотите остаться с тем человеком, я уйду, — говорил он. Его голос и манеры были полны необыкновенного достоинства.

«Какая благородная речь! Кто это?» — подумала дама, не произнося от стыда ни слова. Могла ли она догадаться? — «Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил так красиво. Неужели он покинет меня здесь? — думала она с печалью. — Надо попытаться вспомнить дорогу...»

Однако она только все сильнее плакала в голос и не произносила ни слова. Дама была гораздо милее, чем сначала показалась Сагоромо, и он почувствовал жалость к ней.

— Мне бы ехать своей дорогой... Но неужели вы сели в этот экипаж по собственной воле? Жалея вас, я не мог проехать мимо.

Почему же вы плачете? Этот человек находится где-нибудь поблизости. Мне лучше ни о чем не спрашивать и оставить вас, — говорил он, желая выяснить ее истинные настроения.

В сильном замешательстве дама ничего не отвечала. Она стыдилась условий, в которых жила, и не знала, на что решиться. Но если монах неподалеку поджидает ее? Она произнесла сквозь слезы:

— Дом мой на Дворцовом проспекте, напротив усадьбы старшего советника, где заросли бамбука. Не проводите ли вы меня?

Сагоромо почувствовал умиление. Она явно не была обыкновенной женщиной, и его необычайно влекло к ней. Он хотел узнать, из какой она семьи, и они тронулись с места.

Дом выходил на канал Хорикава. Ставни были закрыты. Ворота поражали жалким видом. Стояла ужасная духота. Сагоромо тихонько постучал, вышел слуга и спросил, кто это.

— Что я должен ответить? — обратился Сагоромо к даме, но она плакала и не произносила ни слова.

— Мне не служит к чести, что я помешал осуществлению ваших намерений, — сказал Сагоромо, и она с тяжелым вздохом попросила сказать только одно: «Из Удзумаса».

— Почему так поздно? Кормилица беспокоится, что вы до сих пор не возвратились, — сказал привратник, впустив приехавших и открывая ставни. Дом наполнял тяжелый дым от чадающих углей, отгоняющий комаров.

— Все беспредельное небо
Наполнили вздохи мои.
И стелется дым
От чадающих углей,
Вверх не могущий подняться...¹²⁴ —

произнес Сагоромо.

Даме становилось все более стыдно перед этим поразительным красавцем: он знал, что она ехала с монахом, речи которого казались ей дурным сном.

«Неожиданно я оказалась в невообразимо ужасном положении. Кто этот человек, который выручил меня? Я так боялась возвращения монаха, что, не думая о позоре, указала господину,

где находится мое жалкое жилище. Что он теперь думает?» — укоряла она себя за неосмотрительность.

В доме подняли занавеси. Раздался женский голос: «Подъезжайте сюда». Экипаж остановился перед главными покоем. Яркий свет освещал некрасивую женщину лет пятидесяти.

— Почему ты до сих пор не возвращалась? Поздно прибыл экипаж? Приехала ли за тобой госпожа Тайфу? — спрашивала она.

Весь ее облик был несказанно безобразен, и Сагоромо охватило неприятное чувство. «Наверное, в доме переполох, что прибыл неизвестный. Чего доброго, еще явятся бить меня», — подумал он.

Он стал торопить даму выйти из экипажа, но она, чувствуя себя при ярком свете еще более неловко, медлила. Она была в нижнем бледно-фиолетовом и верхнем красном платьях, шелк которых сморщился от пролитых ею слез. Лицо и перепутанные волосы тоже были мокры. Верхняя одежда была скромной. Неяркая одежда обличала в ней вкус. Ее застенчивость свидетельствовала о тонкости натуры. Она была очаровательна.

«Какое неожиданное происшествие! Было бы жаль, если бы я проехал мимо этой женщины, — думал Сагоромо. — Но как вспомнишь, что эта бритая башка ласкала ее, становится противно на душе».

Он обратился к ней:

— Вы выйдете из экипажа, и я буду для вас не более чем прохожий. Вы не будете вспоминать обо мне даже так, как о том монахе. А как же насчет дивного лука из Адати?¹²⁵

Она совсем смутилась и поспешила выйти из экипажа. Сагоромо удержал ее.

— Вы даже не отвечаете мне. Если бы вы были благодарны мне за то, что я проводил вас, вы предложили бы мне в такую темную ночь остаться у вас в доме. Но увы!

Он не отпускал ее, и она очень жалобно совсем юным голосом произнесла:

— Не могу предложить
В Асукаи остаться.
В этой деревне
Не сыщешь деревьев,
Чтоб в тени отдохнуть¹²⁶.

Так ли это? Было бы нехорошо, воспользовавшись случайной встречей, проводить ночь в незнакомом доме, но было жаль поворачивать назад, не разглядев хорошенько ее красоту.

— Хочется мне в Асукаи
В густой тени отдохнуть,
Любоваться обликом нежным.
Кто же тебя упрекнет,
Что ты кормишь коней? —

произнес он. Увидев, что она встревожилась, Сагоромо прибавил: — Разве нельзя в ожидании моих людей побыть с вами на веранде?

Они оба вышли из экипажа.

— Как же мне быть? Здесь так неудобно, — беспокоилась дама. Она была очаровательна.

В доме слышался женский голос: «Мужчина? Кто это такой?» Сагоромо не произносил ни слова.

Экипаж его все еще не появлялся, и ему ничего не оставалось, как ждать. Он не дал незнакомке уйти, и они, сидя на веранде, вместе любовались показавшейся на небе луной шестнадцатой ночи. Сагоромо отвел с ее лица волосы и в ярком свете луны увидел прелестное лицо. Она со смущением думала, что дом должен казаться ему совсем невзрачным, но старалась не обнаружить своего беспокойства. Ее грациозные манеры были необыкновенно милы.

Женщина в доме продолжала шуметь.

— Не прибыл ли экипаж? — произнес Сагоромо, но у него не было ни малейшего желания покинуть этот дом. Его беспокоило только, как бы не явился монах. Сидя на веранде, он продолжал разговаривать с дамой.

Он не открывал ей, кто он такой, и на сердце у Асукаи было тяжело ¹²⁷. Сагоромо, таким непредвиденным образом обменявшись с ней клятвами в верности ¹²⁸, был уверен, что связь между ними глубока. Он убедился, что ее чистота не пострадала от грязных намерений монаха.

«Разве наша любовь не была предопределена в предыдущих рождениях?» — думал Сагоромо, чувствуя, как растет его привязанность к Асукаи. Эта ночь, которую он провел, положив голову на изголовье из травы ¹²⁹, показалась ему более редкостной, чем

свидания с благородными дамами, любви которых долго добивался. После этого он часто, скрываясь от людских глаз, пробирался в тот дом, не беспокоясь о том, что ночью и на заре, когда он приходил и уходил, его платье становилось совершенно мокрым от росы.

13

Асукаи была дочерью второго советника министра, который был назначен наместником на остров Цукуси. Родители ее умерли. Ее кормилица, жена главы Управления финансов, приходилась ей дальней родственницей и взяла на себя заботу о ней. Через несколько лет глава Управления финансов скончался, и женщины оказались в крайне стесненном положении. Обратились за помощью к монаху из храма Нива. У него же возникли намерения, не подобающие его сану, он стал строить постыдные планы и попытался похитить девицу. Когда погонщик быков, прибежав домой, рассказал о том, что произошло, кормилица воскликнула:

— Какая низость! Кто же это прогнал монаха? Пойди же, посмотри!

Она продолжала негодовать, когда прибыл Сагоромо с Асукаи.

От монаха не было никаких известий. Кормилица возмущалась: «Презренный! Возьмешь такие намерения!» Но сможет ли Асукаи существовать без его поддержки? Не зная, как быть, кормилица послала монаху письмо, но ответа не получила.

— Если он не хочет с нами знаться, кто же теперь поможет тебе? — сказала она девице. — Ужасное положение! Скоро госпожа Гэндзи-мия должна въехать во дворец к наследнику престола, и верховный советник приглашает многих благородных дам к ней в свиту. Вряд ли среди них найдется такая красавица, как ты. Поступи к ней на службу. От меня тебе помощи никакой. К кому нам еще обратиться? Кто этот человек, который навещает тебя? Он появляется всегда так таинственно... Открыл ли он тебе, кто он?

— Я ничего не знаю, — ответила Асукаи, горько плача. — Неожиданно я оказалась в таком бедственном положении...

Кормилице стало ее очень жаль, и она заплакала сама.

— В прошлую ночь он прибыл сюда и велел своему сопровождающему постучать в ворота, но не было никого, кто бы ему

открыл. Сопровождающий рассердился: «Так нас презирать! Я позову главу городских стражников, чтобы он открыл ворота!» Мы решили, что этот господин — сын начальника Полицейского управления, который служит младшим военачальником Личной императорской охраны и одновременно архивариусом. Немногие слуги, которые были у нас, так перепугались, что больше сюда не показываются. Он человек с положением; это, конечно, прекрасно, но при его таинственности что прикажешь делать? Я стара, мне о будущем заботиться не надо. Я намереваюсь уехать в восточные провинции, куда меня зовут жить. Но тебя-то мне на кого оставить? Ты меня связываешь по рукам и ногам.

— Куда бы ты ни отправилась, я поеду за тобой. Что со мной будет, если я с тобой расстанусь? Неужели ты сможешь со спокойным сердцем бросить меня? А посещения этого господина, которые для меня столь неожиданны, все равно не будут долго продолжаться.

Кормилица не знала, на что решиться. Оставить Асукаи было не на кого. Как-то раз пришло письмо от генерала военного наместничества в провинции Муцу, и она подумала: «Не отдать ли Асукаи ему в жены?»

14

Любовь Сагоромо к Асукаи возрастала с каждой встречей. Он задумывался об их отношениях все серьезнее и собирался обменяться с ней клятвами в вечной верности. Он не считал ее редкостной красавицей, но думал, по-видимому, что это судьба. Сагоромо приходил к ней каждую ночь, и не бывало, чтобы Асукаи в тоске ждала его напрасно.

«Такого мы еще не видели. Эта дама должна быть прямо богиней счастья Китидзётэн¹³⁰, — удивлялись постоянству своего господина его сопровождающие. — Может быть, она и богиня счастья, но живет уж больно в нищенских условиях. Это та самая девица, которую похитил монах из храма Нива? Однако он ловок!..»

Тем временем в доме Асукаи полным ходом шли приготовления к отъезду.

— Оставить тебя здесь одну я не могу и взять с собой не могу, раз этот человек тебя посещает. Как ты будешь без меня? — говорила кормилица, горько плача.

— Я не смогу даже короткое время жить одна. Как же ты соби-
раешься меня покинуть? Меня здесь ждут одни мучения. Увези
меня с собой куда угодно, — говорила Асукаи прерывающимся от
муки голосом.

— Тебе лучше ехать со мной. Конечно, нелепо расстаться с
тем, кто проявляет к тебе глубокие чувства, и жить со мной в жал-
ких условиях. Но оставаться здесь и принести себя в жертву тебе я
не могу. Как быть — ума не приложу. Если бы хоть какая-то
помощь, как раньше я надеялась получить от неразумного монаха,
я, пожалев тебя, осталась бы в столице, терпела лишения и служи-
ла тебе. Если бы этот таинственный господин позаботился о тебе...

Снова и снова возвращаясь к этому разговору, кормилица
продолжала готовиться к отъезду. Асукаи была в растерянности.
Если бы даже это было привычное путешествие, разве в дороге ее
не истерзала бы печаль? Незнакомец не открывал ей своего име-
ни, но его чувства, его разговор располагали к нему. Он никогда
не заставлял напрасно ждать себя, и чем больше они виделись,
тем сильнее Асукаи любила его. «Если я уеду с кормилицей, то
сколько же ночей мне осталось видиться с ним?» — считала она с
тяжелым сердцем. Она робела намекнуть Сагоромо о предстоя-
щем отъезде, но не могла скрыть своей тревоги.

«Не страдает ли она от чувства ненадежности, не зная, кто
я? — размышлял Сагоромо. — Пока не надо никому говорить о
том, что я так сильно полюбил ее. Когда я спрашиваю, кто она,
она отвечает, что дочь рыбака¹³¹, и я...»

Так они упорно скрывали друг от друга свое положение.

Сагоромо надеялся, что Асукаи со временем уверится, как
страстно он ее любит. Трудно загадывать на будущее, но он не ис-
пытывал никакого желания покинуть почтовую станцию Насибара¹³². Так прошло лето, и наступила осень.

15

После того как Сагоромо, заговорив о старой истории, при-
знался Гэндзи-мия в своей любви, он почувствовал, что между
ними нет прежнего доверия. «Так я и знал!» — думал молодой че-
ловек в унынии. Он готов был броситься в волны Нанива и рас-
статься с жизнью¹³³, лишь бы получить ее в жены.

Внешне в их отношениях ничего не изменилось, но, не говоря никому ни слова, Гэндзи-мия стала остерегаться Сагоромо. «Ни в коем случае я не должна слушать опять его признания», — думала она, стараясь не давать ему повода, как источнику среди скал, излить свое сердце¹³⁴.

Однажды в полдень Сагоромо пошел в ее покои. Его мать играла с Гэндзи-мией в шашки.

— Как кстати я пришел! Буду у вас судьей, — сказал Сагоромо, садясь возле них.

Гэндзи-мия, в нижнем платье из зеленого узорчатого шелка «аромат травы»¹³⁵, сидела против Сагоромо. В комнате даже маленькие переносные занавески были убраны, девица почувствовала себя неловко и не могла сделать дальнейшего хода. В присутствии госпожи она не могла отвернуться от Сагоромо и только, наклонившись над доской, как будто ненароком закрылась веером. «Если бы я любовался ее лицом всю ночь, долгую, как тысяча ночей, смог бы я насытить свой взор?»¹³⁶ — думал Сагоромо. Посещения Асукаи показались ему лишь временным развлечением, за что он не мог не упрекать себя. Глядя на волосы, падающие на лоб Гэндзи-мией, Сагоромо думал: «Или только мне кажется, что она так красива? Разве существует другая женщина, подобная ей? Если она не будет навек моей, как я смогу оставаться в этом мире? Девица, которую я посещаю, только немногим уступает Гэндзи-мией, но она не удержит меня в этом мире. Если я не женюсь на Гэндзи-мией, как мне жить?» Слезы готовы были политься из его глаз, но нельзя было забывать о приличиях, и он, пересилив себя, спросил у матери:

— Так кто же выигрывает?

Мать повернулась к Сагоромо и, оставив пустое времяпрепровождение, сказала:

— Вчера вечером за тобой присылали из дворца, но никто не знал, где ты пропадал. Пожалуйста, намекни о своих чувствах ко Второй принцессе в Отделении дворцовых прислужниц. Отец гневается, считая, что ты поступаешь неблагоразумно, не посылая ей писем.

«Никогда еще отец не сердился на меня, — подумал, ничего не отвечая, Сагоромо. — Без его поддержки я никогда не смогу добиться успеха. Отец всегда будет считать меня ничемным существом». На глазах у него показались слезы. У него был такой вид, что перед ним склонились бы и дикие варвары.

— Я никогда не иду тебе наперекор, но что будет, если ты повздоришь с отцом? — сказала мать, тоже плача.

В этот миг она была так красива, что не уступала Гэндзи-мией и казалась ее сестрой.

«Если бы это был не мой отец, я бы стал ему завидовать! Жениться на такой красавице!» — подумал Сагоромо, необыкновенно гордясь в душе своей матерью.

— С какой целью начали работы в западном флигеле у госпожи Тоин? — спросил он.

— Дело вот в чем. У госпожи Хаку, которая состояла при императрице Итидзё, осталась дочь. Разве нужно было изобретать какие-то предлоги?¹³⁷ После смерти матери девица осталась в крайне тяжелом положении. Госпожа Тоин, решив, что это будет утешением в ее скучной жизни, берет ее к себе. Для этого она и велела отремонтировать западный флигель. У госпожи Хаку остался еще сын, но никто не знает, кто его отец. Он очень похож на младшего военачальника, сына принца, главы Ведомства дворцовых служб, и поговаривают, что это его брат. Но так ли это?

— Может быть, и он сын моего отца? Не похож ли он на меня? Я всегда завидовал тем, у кого много братьев. Ведь не останется никого, кто бы вспоминал обо мне, — сказал Сагоромо с грустью.

— Ты всегда кличешь беду! — остановила его мать, сильно покраснев.

«Мать моя страшится, когда я говорю подобные вещи. Что же с ней будет, если я уйду в монастырь?» — подумал Сагоромо и горько заплакал.

— С Первой императрицей ты воспитывался отдельно, но сам прекрасно знаешь, что она относится к тебе как к брату. У нее очень отзывчивая, глубокая душа. И не считай чужой Гэндзи-мией. Ты слишком сдержан, и она недовольна, что ты не относишься к ней по-родственному.

Сагоромо испугался, не побледнел ли он, услышав дорогое имя. Что почувствовала в это мгновение сама девица? Она отодвинулась за переносную занавеску и легла на постель; ей казалось, что душа вот-вот покинет ее тело, как цикада сбрасывает старую кожу.

Под деревьями перед ее покоями разговаривали между собой прислуживающие дамы. Темнело, было душно. Раздавался звон

цикад. Как ни было жарко, но сердце Сагоромо пылало еще большим огнем, и он пробормотал:

— Только один я
В голос не плачу.
Неужели бесчувственной я,
Чем цикады, что в саду
Так громко стрекочут?¹³⁸

Он тихонько пропел:

— Цикады звенят в пожелтевшей листве,
В ханьском дворце осень...¹³⁹

Голос его был удивительно красив и проникал в душу. Молодые дамы почувствовали необыкновенное блаженство. Да и можно ли было не восхищаться Сагоромо? Почувствовав благоухание его одежды и повернувшись к нему, они пришли от его вида в самозабвенный восторг. При этом дамы не могли не беспокоиться, не станут ли Сагоромо, при своей всегдашней серьезности и сдержанности, думать о них плохо. Когда случалось, что Сагоромо, погруженный в печальную задумчивость, что-то напевал про себя, то даже у воинов, не умеющих высказать свои чувства, смягчалось сердце¹⁴⁰, и не оставалось ни одного человека, который не был бы очарован, а уж о дамах, которые давно прислуживали молодому человеку в усадьбе его отца, не надо и говорить. К ним он не проявлял особого расположения, хотя был добр и даже в шутку брошенным словом никого не хотел обидеть. Многих подобное равнодушие обижало, но, тем не менее, были и такие, которые думали: «Сколько бы ни прошло времени, никогда не смогу его забыть».

Наступил вечер. В саду цветы уже распустились, сочетание красок было прекрасно. «Неужели и цветы мучаются от любви? Ведь не только на моем рукаве, но и на них лежит обильная роса»¹⁴¹, — думал Сагоромо. Он никак не мог покинуть эти покои. Цикады звенели в зарослях так громко, как будто они во множестве заполнили все поле, и только он сидел молча¹⁴².

На небе показалась луна. Должно быть, совсем недалеко, на веранде грустит и смотрит на луну Асукаи, и при этой мысли Сагоромо почувствовал в груди сильную любовь¹⁴³.

Когда он приехал к Асукаи, все оказалось именно так, как он представлял себе. Ставень еще не закрывали, и она, лежа на веранде, глядела на луну и сосредоточенно о чем-то думала. Сагоромо стало очень грустно. Обняв девушку, он нежно заговорил с ней. Но образ Гэндзи-мия, которую он видел днем, не выходил у него из головы. «Любовь к Асукаи не даст мне утешения. Как это все неожиданно! Мое чувство к Гэндзи-мия безнадежно, я скоро приму постриг, и Асукаи меня удержать не сможет. И тем не менее... До встречи с ней я не собирался задерживаться в должном мире. Но она очень мила, я беспокоюсь о ней, и забыть ее невозможно. Я живу, не стремясь к тому, к чему стремятся другие. В силу какого предопределения я встретил ее? Я никого еще так не любил. Оставить ее мне будет трудно. Что она почувствует, когда я уйду в монастырь? Кто сказал при расставании: "И это на память оставляю"?¹⁴⁴ Хотя другие хотели бы отдать жизнь за свидание»¹⁴⁵, — подумал он и заплакал.

Глядя в ярком свете луны, как он утирает слезы, Асукаи подумала: «Он похож на человека, о котором в столице ходит так много разговоров»¹⁴⁶. Могу ли я в моем положении рассчитывать на его любовь? Пока он меня не оставит, я по малейшему, как дуновение ветра от крыльев гусей¹⁴⁷, его знаку буду следовать за ним».

Она сама заплакала, но, подумав, что Сагоромо, увидев ее слезы, может обидеться, спрятала лицо у него на груди и еле слышно произнесла:

— Взгляд мимолетный
На ирис бросаешь...
Но, может быть, скоро
Вся высохнет влага
В болоте Асака...¹⁴⁸

Ее нежный голос очаровал Сагоромо. Он ответил:

— Сколько бы лет ни прошло,
Верным останется сердце.
Разве может

Исчезнуть до дна
В Асака болотная влага?

Ты считаешь меня непостоянным, но я открою тебе свое сердце. Я не склонен к легкомысленным поступкам и не говорю женщинам пустых слов. И если даже по разным причинам мне против воли придется взять кого-нибудь в жены, моя любовь к тебе не изменится.

Асукаи было трудно хранить свою тайну, и она подумала: «Если я намекну об отъезде, что же он ответит?» Она совсем не была уверена, что ее решение ехать в провинцию правильно. Ей было стыдно, что она из-за своей бедности вынуждена отправиться в путешествие по восточным дорогам, которое таким людям, как Сагоромо, может предстать только в воображении.

«Лучше ничего не говорить. Я не знаю, когда сольются жемчужные потоки на Заставе встреч¹⁴⁹, надо запастись терпением. Но к чему открывать ему, кто я? Узнав о моем отъезде, он возмутится, но через некоторое время обязательно вспомнит обо мне», — думала она, не в силах сдержать слезы.

«Она плачет, считая меня непостоянным. Живя в жалких условиях и не имея покровителя, она и попала в такое неприятное положение с монахом. Если она думает, что и на меня нельзя положиться, естественно, что она горюет», — с мукой думал Сагоромо.

— Пусть даже дуб *сии* на горе, где линяют ястребы-перепелятники...¹⁵⁰ — поклялся он Асукаи.

17

К приезду Имахимэ, дочери госпожи Хаку, западный флигель был нарядно украшен. Двухлетняя девица на вид была очень простодушна. Тоин, добившись осуществления многолетних желаний, всячески заботилась о ней. Такое обращение казалось окружающим невиданным, все домашние в усадьбе Хорикава восторгались госпожой, а посторонние люди восклицали: «Что за счастливица эта Имахимэ!»

Для своего возраста Имахимэ была слишком наивной, не очень смысленной и совершенно беспомощной. Даже мать, бес-

предельно ее любившая, тревожилась, как она справится с тяготами жизни. Когда мать и кормилица одна за другой скончались, девица находилась в полной растерянности.

Неожиданно ее перевезли к чужим людям и окружили роскошью; к новой обстановке девица никак не могла привыкнуть, терялась еще больше, и ей казалось, что она — не она, что она возродилась в неизвестной стране. У ее покойной матери была дальняя родственница. Она знавалась с влиятельными лицами и роптала на свое невысокое положение. Ее пригласили жить в усадьбу Хорикава, чтобы она была Имахимэ вместо матери. Эта дама при любом случае строила из себя всезнайку, делала вид, как будто она прекрасно разбирается в том, чего в глаза не видела, щеголяла утонченным вкусом, так что окружающим становилось смешно, и по любому поводу высказывала свое мнение. Когда тетка Имахимэ, принявшая монашество, стравлялась о своей племяннице, дама отвечала: «Лучшего и желать нельзя. Ее положение — вопрос моей чести. Почему бы я заботилась об Имахимэ спустя рукава?»

Действительно, она старалась, чтобы все у девицы было устроено самым пышным образом. Она ловкими речами доби-лась того, что в услужение Имахимэ пригласили почтенных дам, с которыми была знакома, многих молодых девиц. Тоин видела, что дама не подходит к своей должности, что она слишком болтлива, вкус ее небезупречен и ее за многое можно укорять. Но сама она не любила входить в детали. Она была миролюбива и плохо разбиралась в людях. Завидуя женам Хорикава, имевшим детей, она была упоена тем, что осуществились ее многолетние мечты, и закрывала глаза на недостатки приставленной к девице дамы. В покоях у Имахимэ собирались являвшиеся с визитом к Хорикава придворные, чиновники домашней управы, развязно разговаривали, вручали дамам любовные письма. Было неприятно слышать, как они читают свои стихи.

Все вокруг Имахимэ, начиная с убранства комнат, изменилось. Не узнавая самое себя, она часто была погружена в глубокую грусть и со скорбью думала: «Если бы матушка и кормилица видели это!» Ее родственница и прислуживающие дамы были неряшливы, полог в ее спальне сильно измят. Все это было тягостно. Имахимэ, не видя выхода, часто тайком проливали слезы. Не вставая с постели и натянув на голову шелковую одежду,

она в слезах думала: «Меня окружают одни никчемные существа. Я навсегда потеряла замечательных, любящих меня людей».

Внешне же она оставалась спокойной и ко всему безучастной, как будто в душе ничто ее не мучило.

18

В первый день девятого месяца происходила церемония дополнительного назначения на должности¹⁵¹, и Сагоромо стал вторым советником министра. После появления небесного отрока господин Хорикава во всем видел только зловещие знаки и говорил императору, что лучше бы не делать Сагоромо советником, но в душе с горечью отмечал, что положение у его сына ничем не лучше, чем у других молодых людей. Да и сам государь недовольно думал: «До каких же пор Сагоромо будет оставаться в том же самом чине?»

После церемонии Сагоромо собрался посетить императора и наследника престола с выражением благодарности и перед отъездом во дворец зашел к отцу. Взглянув на него, тот подумал: «Для чего государь так поспешил сделать его советником? Боюсь, что это сулит недоброе». Он заплакал, хотя в такой счастливый день надо было воздерживаться от слез.

Хорикава, то вставая, то присаживаясь, поправил на сыне костюм, и Сагоромо поехал во дворец. В тот день он выглядел прекрасно; казалось, его окружало какое-то сияние.

Возвратившись домой и проходя мимо флигеля, где жила Имахимэ, Сагоромо захотелось посмотреть, как устроили покои девицы, и, пройдя по коридору, он заглянул к ней. Увидев расположившихся в небрежных позах перед занавесками прислуживающих дам, он подумал: «Не подобает сидеть так у всех на виду». Сагоромо слышал, что большинство дам раньше служило у императрицы Итидзэ¹⁵², но, глядя на них, усомнился в этом. Убранство покоев было странным, и Сагоромо, проходя, на все обращал внимание.

Дамы, заметив его, засуетились, стали торопливо выносить из внутренних покоев переносные занавески и со стуком расставлять их, расправляя спутанные ленты и расстилая их на полу. Каждая из дам (а их было около двадцати) тянула занавеску к

себе. Из-за стука рам, которые двигали взад и вперед, и шелеста одежд стоял такой шум, что ничего нельзя было бы расслышать.

Уйти было бы невежливо. Сагоромо молча ждал, когда они успокоятся. Дамы расставили вокруг занавески, но одежды их — подол, рукава, накидки юных служаночек, штаны — все было в беспорядке. Наконец там и сям из-за занавесок показались подола платьев, и Сагоромо подумал: «А! Поправили, наконец!» Но в это время опять зашелестели одежды, между рамами замелькали руки, и высунулось пять-шесть лиц. Дамам не терпелось хорошенько рассмотреть молодого человека, и, хотя они говорили шепотом, поднялся шум.

— И вправду он очень красив. И глаза красивые, и нос, и рот великолепен... Но и такой-то второй военачальник красив, и такой-то младший военачальник, и императорский сопровождающий, и начальник Императорского эскорта... Разве только Ёситоми, но и он все равно что земля...¹⁵³ А этот великолепен...

Сагоромо было так смешно, что он решил отбросить свою сдержанность.

— Я с непривычки робею перед вами, а тут еще мне кажется, что вы надо мной надсмехаетесь... Досадно, — сказал он, садясь.

Дамы, судя по их голосу и внешности, ничем не выделявшиеся из общего уровня, не нашли, что ответить. Оробев, они притихли, и даже те, кто обычно говорил бойко, толком не отвечали, а только слышалось: «Ну, что уж тут... Не знаю, что сказать. Я не могу...»

— У вас такой красивый голос. Пожалуйста, ответьте ему, — шептали некоторые, подталкивая одну даму плечами и коленями.

Были и такие, которые встали и убежали.

— Ах, оставьте, — сказала та, у которой, как говорили, был красивый голос. — Вы с ума сошли. Как я могу говорить? Я совсем охрипла.

— Ведь ужасно неудобно... — говорили ей. Видимо, дамы, прыская со смеху, окружили ее, а она старалась освободиться от них и убежать.

Убегавших дам хватили за подол, они падали. Кто-то от неудержимого смеха закашлялся. Кое-кто старался утихомирить других:

— Мы подняли такой шум! Перед таким великолепным господином! Разве найдешь такую красоту и такие манеры среди обычных людей?

Все это было в высшей степени неприлично. Сагоромо сидел, опираясь спиной на поперечную балку, и казалось, ему было совсем не место перед теми занавесями. Дамы совершенно потерялись и беспрестанно складывали и раскрывали веера. Щелканье вееров, шум, смех, возня... Сагоромо, улыбаясь, сказал:

— В чем же дело? Или вы думаете, что я прибыл с острова Урума?¹⁵⁴

Сагоромо искоса смотрел на дам. Казалось, что прелестное сияние от его лица заполняло помещение и проникало в задние покои. Если бы в то время его увидела Гэндзи-мия, которую он по-настоящему любил!

Из глубины покоев показалась дама и прошептала тем, кто оставался за переносными занавесками:

— Больше мешкать нельзя. Быстренько сочините стихотворение.

Опять послышалось хихиканье и голоса: «Я никак, ну никак не могу».

— Позор вам, бесстыдницам, — сказала пришедшая, хлопая их по плечам веером.

— Мстят ведь и господам, — зашумели дамы и, должно быть, стали щипать ее.

— Что за ужасные манеры! Отпустите меня, отпустите меня! — вскрикивала она, и можно было догадаться, что ей нестерпимо больно.

Сагоромо не мог вообразить ничего подобного. Такое поведение было просто безобразным.

«Я так и уйду, не увидев Имахимэ», — решил Сагоромо.

В это время раздался громкий возглас, и явилась пожилая дама с самоуверенным лицом.

— Пожалуйста, успокойтесь. О благородной госпоже судят по прислуживающим ей дамам, — из-за вас же у нее будет плохая репутация. Лучше бы не приглашать молодых дам на службу.

Она была в гневе, но говорила тихо. Приблизившись к Сагоромо, она произнесла:

— Мы вас совсем не ждали. Уж не ошиблись ли вы дверью?

К чему оmyвает река Ёсино
Горы Сэ и Имо?
Лишь имя того,

На кого положиться бы нам,
По волнам плывет...¹⁵⁵ —

произнесла она скороговоркой таким голосом, как будто горло у нее пересохло, стараясь говорить грациозно, как молодая девушка.

«Это, наверное, дама, которая опекает девицу», — подумал Сагоромо. По-прежнему опираясь спиной на балку, он произнес:

— В досады словах
Лишь мелкое дно обнажилось.
О, река Ёсино!
Кто вычерпать сможет
Сердечную глубь?¹⁵⁶

Не получая никакого ответа, я начал беспокоиться. Я очень рад слышать вас. Но боюсь, меня плохо отрекомендовали вашей госпоже.

Дама громко рассмеялась:

— Если так, то постарайтесь серьезно добиться свидания с ней. Молодые дамы проливали в душе горькие слезы оттого, что вы не показываетесь здесь. Разве не говорят: «К чему лаять собаке?»¹⁵⁷

— Мне странно, что вы сравниваете меня с собакой. Если же говорить серьезно, я опасался, что мои посещения могут повредить репутации госпожи, и поэтому до сих пор не приходил, но сегодня, когда я стал советником, я решил нанести ей визит. Передайте это вашей госпоже. Мне никогда еще не приходилось сидеть перед занавесями, как здесь, такой прием меня огорчил. Все это показывает, что служба поставлена плохо. На сегодня я все это стерплю, но впредь я рассержусь. — С этими словами он поднялся.

Ветер, который шумел над мискантом¹⁵⁸, неожиданно подул сильнее, поднял занавеси и опрокинул переносные занавески. Никто из дам не бросился поднимать их. «Ах, как неловко!» — только и восклицали они и, спрятав голову в одежды, тесно прижимались друг к другу.

Задние покои просматривались насквозь. Имахимэ лежала в однослойном оранжевом платье, на которое было надето темно-

серое¹⁵⁹, и в алых, с желтоватым оттенком, штанах. Прислуживающие дамы испуганно зашумели и невольно поднялись. Девушка и Сагоромо могли очень хорошо видеть друг друга. Застыгнутая врасплох, Имахимэ даже не отвернулась, и ее изумленное лицо было необыкновенно очаровательно. «Что за беспечность!» — поморщился Сагоромо, но он тут же подумал: «Она гораздо более достойна внимания, чем все ее прислуживающие дамы. Отец ее брата, как говорят, принц, который состоит главой Ведомства дворцовых служб, и, может быть, поэтому она мне кажется удивительно похожей на сына принца, младшего военачальника. Я бы и не подумал, что она дочь моего отца».

Сердце его забилося, но он сразу же упрекнул себя за легкомысленные намерения, и ему стало грустно. Наконец-то родственница Имахимэ подняла упавшие переносные занавески. Сагоромо встал и удалился.

На следующий день он рассказывал отцу обо всем, что произошло накануне.

— Ходил ли ты к госпоже Тоин? Я еще не был у девушки, которая поселилась в западном флигеле. Как она там живет? — спросил отец.

— До вчерашнего дня я туда не ходил, но вчера я решил нанести визит госпоже Тоин и видел дам, прислуживающих девушке.

— Так ты еще не познакомился с Имахимэ? Тоин жаловалась, что ты не относишься к девушке, как подобает брату, и даже не интересуешься, какова она.

Сагоромо вспомнил, как накануне дамы, отталкивая друг друга, старались рассмотреть его сквозь просветы между переносными занавесками, и ему опять сделалось смешно.

«Какое же впечатление она произвела на него?» — думал отец. Сагоромо был так великолепен, что даже он сам стыдился при сыне своего ничтожества. Засмеявшись, Хорикава сказал:

— Госпожа Тоин любит вмешиваться в чужие дела, и из-за этого можно оказаться в затруднительном положении. С давних пор ходят слухи, что я — отец Имахимэ, но это неправда. У меня детей не много, но нет никаких причин признавать ее своей дочерью. Не знаю, почему Тоин поверила подобным небылицам.

Отец рассказывал об этом совершенно хладнокровно, и Сагоромо верил ему. Он с удовольствием вспоминал испуганное лицо Имахимэ.

— Госпожа Тоин, по-видимому, очень скучала, а услышав эту историю, решила, что лучше взять к себе Имахимэ, чем совершенно постороннюю девушку. Прискорбно только, что теперь стали определенно говорить, что она ваша дочь.

— Все эти разговоры совершенно безосновательны. Как-то раз ночью я видел ее. Она показалась мне похожей на сына принца, главы Ведомства дворцовых служб. Брат ее дурачок; поговаривают, что это сын принца. Но для самой Имахимэ совершенно безразлично, кто ее отец, — сказал господин Хорикава.

19

У Асукаи кормилица со слугами готовилась к отъезду. Оставлять девушку одну в столице было никак нельзя. Она часто тайком плакала или с тоской о чем-то думала.

— Если так, никуда не уезжай, — говорила ей кормилица. — Но если ты останешься в столице одна, беспомощная, я не буду знать покоя. Ты сама не знаешь, как будешь жить одна. Пусть у девушки хоть тысяча родственников и кормилиц, от них прок только до тех пор, пока она не связала свою жизнь с мужчиной¹⁶⁰. Господин, который тебя посещает, благороден, тебе предан, на него можно положиться. Покинуть его и скитаться по восточным дорогам — ужасно.

Но в душе кормилица строила планы, куда бы пристроить Асукаи. Ее раздражало, что молодой человек приходил ночью и уходил на заре. Иногда она ворчала, что не может найти ключа, и слуги Сагоромо, вне себя от гнева, готовы были выбить ворота. Про себя они недоумевали, почему кормилица так обходится с их господином.

«Может быть, Асукаи страдает потому, что та безобразная дама, которую я видел тогда при свете ламп, собирается отдать ее монаху? Сама она мне об этом не говорит, но не может не думать...» — предположил Сагоромо. В том доме все казалось ему неприятным, предвещающим недоброе, и он глубоко задумывался о положении Асукаи. «Махнуть рукой и кормилице осуществить задуманное нельзя. Как же быть? Попросить отца взять Асукаи прислуживающей дамой в усадьбу? Но тогда моя тайная возлюбленная узнает о ее существовании, а я не хочу, чтобы даже

в шутку ей сказали, что есть-таки женщина, которая покорила сердца Сагоромо». Поэтому он должен был отказаться от этого намерения. Можно было поместить ее в отдельном доме и тайно посещать. Скоро она, так или иначе, узнает, кто он такой, и вряд ли разлюбит его. Если бы было куда ее поселить...

— У старухи есть основания недолюбливать меня, — говорил он Асукаи. — Я разлучил тебя с монахом, который, кажется, заботился о тебе, а я — человек ничтожный. Если я найду деревню, где не раздавался бы плач ¹⁶¹, мы сразу отправимся туда жить. У меня сварливая жена, которую оставить невозможно, и я стараюсь, чтобы она не узнала о наших встречах. Почему бы я иначе не открыл тебе, кто я? Ты же считаешь меня неискренним и легкомысленным. Хотя я и незнатный человек и не умею красиво говорить, ты не должна опасаться, что я оставлю тебя. Мне кажется, ты мне не доверяешь.

«Ах, если бы все это было правдой! — думала с сомнением Асукаи. — Он выдает себя за младшего военачальника, сына начальника Полицейского управления. Он говорит, у него ревнивая жена...» При этом она верила его клятвам, и предстоящий отъезд в восточную провинцию страшил ее.

Сагоромо не догадывался о ее печалях. Он обращался с ней очень задушевно. Асукаи была подобна цикаде в роще ¹⁶², проливая слезы, и на нее было жалко смотреть.

Асукаи была уже не той, что обычно ¹⁶³. Она подолгу оставалась погруженной в размышления, и слуги предполагали, что это из-за отъезда. Но кормилица ясно видела, в чем дело.

— Ах, бедняжка! Как же теперь быть? Надо сказать об этом твоему господину и во всем положиться на него. Кто бы он ни был, узнав о твоём положении, он ни за что не отнесется к тебе безответственно...

— Если бы я могла положиться на него, я бы так и сделала. Но, может быть, лучше, ничего ему не открывая, скрыться на горных тропах, где не видно горестей мира ¹⁶⁴, — отвечала Асукаи.

Она и впрямь решила не посвящать Сагоромо в свои планы, но чувствовала себя очень несчастной и, считая оставшиеся дни, проводила время в слезах и стенаниях.

Кормилица Сагоромо была замужем за помощником наместника на острове Цукуси. У нее было много детей. Один из ее сыно-

вей, старший помощник главы Палаты обрядов, должен был в будущем году получить назначение в провинцию. Среди чиновников одного с ним положения он отличался прекрасным характером и привлекательной внешностью. Многие высшие сановники и придворные относились к нему благосклонно. Митинари еще не знал никаких душевных страданий, это был утонченный искатель любовных наслаждений, и ему хотелось встретить невиданную красавицу. Он не собирался связывать себя браком. Митинари во всем подражал Сагоромо и сопровождал его, куда бы тот ни отправился ночью ¹⁶⁵. Он посещал только придворных дам, когда они приезжали в собственные дома.

В храме Удзумаса Митинари увидел Асукаи и, забыв о других женщинах, стал посылать девице письма, которые приходились очень по душе кормилице и она сама отвечала на них. Зная, что монах из храма Нива, на помощь которого рассчитывала, был готов отдать жизнь за встречу с девицей, она не могла определенно ответить Митинари и только уверяла его: «Когда вы получите назначение и отправитесь в провинцию, тогда я все и устрою. Если вы действительно любите ее, подождите до этого времени».

После происшествия с монахом кормилица стала думать о будущем с тревогой. Совсем нестати младший военачальник стал навещать Асукаи, но, несмотря на это, кормилица уговаривала ее ехать в восточную провинцию и там найти себе мужа.

Митинари же в это время должен был вместе с отцом отправиться на Цукуси. Одному там было бы очень скучно, ему следовало жениться... Он решил справиться о девице, которую встретил в храме Удзумаса. Слуги рассказали, что произошло в последнее время: «Сюда время от времени заходит младший военачальник, сын начальника Полицейского управления. Но кормилице он не нравится, и она все время ворчит». Митинари эти новости очень обнадежили, и он послал кормилице письмо. Та обрадовалась, что может устроить судьбу Асукаи, и оставила мысли об отъезде девицы в восточную провинцию.

— Если вы действительно хотите взять девицу в жены и отправиться с ней на Цукуси, я пока ничего говорить ей не буду. А перед отъездом пришлите тайно за ней, — сказала она молодому человеку.

Митинари несказанно обрадовался.

— Прискорбно, если она так и останется тайной женой этого незначительного господина. Сделайте так, как я прошу. Вы найдете свое счастье. Не обманите меня, — сказал он.

Отныне опасения кормилицы насчет будущего девицы рассеялись. Ничего не говоря, она стала подыскивать прислужниц для Асукаи. Знакомые, предполагая, что в доме готовятся к приему зятя, посылали поздравительные подарки, которые кормилица, никому не показывая, прятала среди своих вещей. Асукаи ни о чем не догадывалась.

Приближался день отъезда. От Митинари приходили письма, в которых он повторял: «Я боюсь только, что вы перемените решение».

«Это было бы с моей стороны глупо, — отвечала кормилица. — Перед рассветом, не поднимая шума, присылайте экипаж».

Никто не догадывался, что они тысячу раз на дню посылали друг другу письма, только низшие слуги удивлялись, что стали часто писать из восточных провинций.

— Я решила не пускаться в такую дальнюю дорогу. Душа болит из-за твоего нынешнего положения. Генералу из провинции Муцу я напрямик отказала, — объявила кормилица с довольным видом.

Асукаи поверила ей и немного успокоилась. До этого она беспрерывно страдала, проклиная свое изменившееся тело, и призвала смерть: «Пусть поскорее будет как-нибудь покончено со мной! Я сожалею ни о чем не буду». Отныне же она думала только о будущем существе, залоге ее глубокой любви к Сагоромо, и даже заботилась о себе. Все это было очень печально.

Громко завывал ветер, разделяющий травы на полях ¹⁶⁶. Дождь, стучащий в окна ¹⁶⁷, наводил страх. Сагоромо тайком отправился к Асукаи. Он казался похудевшим, к тому же мокрое платье плотно облегало его фигуру. Аромат от одежд, который невозможно было скрыть, наполнял все помещения, и даже в соседних домах почувствовали изумительное благоухание.

— Я никогда еще не выходил из дому в такую погоду. И ведь никто меня не заставлял! — сказал Сагоромо, развязывая и бросаю на пол мокрую верхнюю одежду.

Он крепко обнял Асукаи.

— Каждую ночь, которую я, к моему огорчению, провожу врозь с тобой, я бесконечно страдаю. Ты, наверное, мне не веришь и сердись на меня. Ни к одной женщине я не был так привязан, как к тебе, — сказал Сагоромо.

— Не видел тебя,
И мокры насквозь рукава
Платья ночного.
О, если бы нам
И на ночь одну не разлучаться! —

Но когда было, чтобы ты так недобро смотрела на меня?
Асукаи печально ответила:

— Разве может высохнуть платье,
Что слезами я орошаю,
Глаз в темноте не смыкая?
Так много ночей
Проводим мы врозь!

Все больше ночей
Мы проводим не вместе.
И на мои рукава
Так много слез льется,
Что уплыть в них могла бы.

— Послушай меня. Еще не бывало, чтобы я забыл любимую. Я впервые люблю так глубоко, — сказал Сагоромо.

«Вряд ли это правда», — подумала она горько, но ничего не ответила. Она была очень жалка.

Сагоромо не открывал ей своего имени, она не допытывалась и не укоряла его за это, но и сама ничего не говорила ему о том, что ее ожидало. Что было у нее на сердце? Когда Сагоромо приходил к Асукаи, она подчинялась всем его желаниям, как будто у них была одна душа. Она была очень нежна, и только безграничная любовь к Гэндзи-мия могла заставить его забыть об Асукаи.

Сагоромо возвратился домой поздно ночью. Он немного задремал и во сне увидел Асукаи с большим животом.

— Что это? — сказал Сагоромо. — Почему ты до сих пор мне ничего не говорила? Ты по-прежнему считаешь мои клятвы пустыми.

Еще печальнее, чем обычно, Асукаи произнесла:

— Если бы знала сама,
Куда направляюсь!
Спроси обо мне у волны,
Что жизнь мою
Без следов унесет.

Вдруг раздался голос Хорикава:

— Ты забыл, что сегодня и завтра дни строгого поста. Я боюсь за тебя. Ты не должен открывать даже писем, которые тебе принесут. Этот пост надо соблюдать особенно строго.

Сагоромо вздрогнул от страха. Немного овладев собой, он ответил отцу:

— Я все исполню.

«Как странно! Почему она явилась ко мне во сне? И в таком необычном виде...» Наконец, он догадался, что с ней. «Печальна она всегда, но... Что же предвещает этот сон?» Сагоромо не мог успокоиться. Ему хотелось немедленно увидеть ее, он был в сильной тревоге, но в ту ночь он никак не мог выйти из дому и послал письмо.

«Страдаю больше обычного. Вся душа моя в смятении. Завтра из-за поста я не приду к тебе.

Думал, завтра смогу
Перейти Асука-реку.
Ожидая, когда высохнет брод,
Весь день в мечтах
О тебе провожу ¹⁶⁸.

Я видел сегодня сон, о котором нам надо поговорить. Сердце у меня не на месте».

От нее пришел ответ:

«Завтра начнет прибывать
Речная вода,
И вместо мелкого брода

Увидишь стремнину
И омут страшный».

Письмо под влиянием чувства было написано небрежно, совсем не искусно, но Сагоромо оно казалось совершенно замечательным и полным прелести. Разве это не доказательство его любви к ней?

21

Подошел день отъезда на Цукуси. Митинари написал письмо кормилице: «Перед рассветом прибует экипаж. Не обманите же моих надежд».

Кормилица встревожилась, как бы не явился Сагоромо, но, увидев ненароком его письмо, обрадовалась и ответила Митинари: «Нехорошо подозревать, что я вас могу обмануть. Перед рассветом пришлите экипаж».

Асукаи, погруженная в размышления, лежала в постели. Кормилица вошла к ней.

— Завтра нам надо рано, до рассвета, уехать отсюда. В западной части двора будут рыть колодец, поэтому хозяин дома со всеми домочадцами перебрался в другое место ¹⁶⁹. Как быть? Я хочу попросить кого-нибудь прислать для тебя экипаж. В таких случаях я невольно вспоминаю о монахе-распорядителе из монастыря Нива! Мы так беспомощны в этом мире! Я даже подумываю скрыться в неведомых горах ¹⁷⁰. Горькая жизнь! Сколько замечательных планов я в отношении тебя строила... Но что может сделать бедная вдова? Как тут не печалиться? Поэтому-то прислуживающие дамы тайно обзаводятся благодетелями. Тебе бы написать тому, кто тебя посещает. Благородный человек всегда дает свой экипаж даже дамам, с которыми он ничем не связан. Почему ты не обращаешься к нему с такими просьбами? Ах да! Жена господина Суруга, наша соседка, нам во всем сочувствует, и на нее можно положиться. Надо попросить ее дать нам на завтра экипаж. Я хочу на некоторое время перевезти тебя к кормилице младшего военачальника, который тебя ныне посещает. Ее я знаю с давних пор. После того как он стал посещать тебя, мне неудобно ходить к ней. Что будет, если она услышит о его посещениях?

— Ах, как неприятно! Поездка с монахом была мне хорошим уроком. Почему обязательно надо куда-то переезжать? Как можно ехать к незнакомым людям?

— Что за вздор! Даже простолюдины уезжают из дому при земляных работах. Что же говорить о женщине в твоём положении? Страшно даже подумать!

«Она полагает, что это младший военачальник. Какую ещё глупость она скажет? Я помню, как я видела Сагоромо раньше, когда он время от времени проходил мимо нашего дома. Разве можно перепутать его с кем бы то ни было даже при лунном свете?» Если бы она сказала об этом, кормилица ответила бы, что эти посещения добром не кончатся, и Асукаи не произнесла ни слова. «Какие нелепые планы она ещё строит?» — подумала Асукаи. Её положение во всех отношениях было плачевным, помощи ждать было неоткуда. Но в глубоких чувствах Сагоромо она не сомневалась. Когда у неё будет дитя, Сагоромо её не покинет. Разве можно не верить его словам? Из-за ребёнка он будет любить её ещё сильнее. «Раньше я во всем полагалась на кормилицу. Как она хочет устроить мою жизнь? Если бы даже я поступила на службу к Гэндзи-мией, мне было бы стыдно показаться на глаза таким благородным людям, как он. Я и думать об этом не могу. Какой неожиданный случай свел нас! Куда же мне скрыться? Сейчас тем более я и подумать не могу о службе в его доме». Она долго думала о том, что нет места, где цветут горные груши¹⁷¹.

«А если я умру, родив дитя? Когда меня не будет в этом мире, он перестанет сердиться на меня и на себя»¹⁷². Так она мучилась думами, изнывая в тревоге, и проливала столько слез, что казалась, изголодав её вот-вот уплывет.

Кормилица опять вошла к ней и, собирая вещи, сказала:

— Не думай, что мы уезжаем на одну только ночь. Для того чтобы вырыть колодец, понадобится дней пять или шесть. Пока колодец не оденут срубом, ты поживешь у кормилицы младшего военачальника. Экипаж мне пообещали. Я и надеяться не могла.

— Опять ты о переезде? Я думаю, что ехать никуда не нужно. Как можно оставаться так долго у незнакомых людей?

— В таком случае поезжай в усадьбу в Токива¹⁷³, — ответила кормилица. Этой усадьбой в Западных горах¹⁷⁴ владел отец Асукаи, второй советник министра. — Если не собираешься выполнять предписаний, делай, как хочешь. Я, конечно, ничего

дельного тебе не советую. Но при всем том, если бы я до сроков была подле тебя... Иначе кто позаботится о тебе? Если рождается ребенок, дух Земли обязательно является в дом. А уж если будут рыть колодец, в этом доме тебе никак нельзя будет оставаться. Вряд ли этот господин, на которого ты так полагаешься, будет тебе полезен, когда подойдут сроки. Беременность для женщины — одни страдания. Вообще такие господа, как он, посещают девицу только до тех пор, пока ее родители окружают его заботой. Если эта поддержка хоть немного слабеет, они девицу бросают. А у тебя ни родителей, ни положения — к чему бы ему любить тебя? Все это глупости. Если он серьезно к тебе относится, он и после переезда будет посещать тебя. Не это ли называется путем любви?¹⁷⁵ — засмеялась кормилица.

«Она решила, что это из-за него я не хочу уезжать отсюда», — подумала Асукаи и сказала:

— Ты не права. После того как я обеднела, мысль выйти из дому мне невыносима. А сейчас к тому же я научена горьким опытом.

— Так ли уж плохо обернулась твоя поездка в монастырь? Ведь именно благодаря ей ты имела счастье встретиться с этим господином. Усадьба в Токива так очаровательна, что он, явившись тайно, с удовольствием будет проводить с тобой два-три дня. Здесь кто-то останется и скажет ему, куда ты уехала. Я велю подробно объяснить ему дорогу.

От этих слов Асукаи стало еще горше.

— Вряд ли кто-нибудь будет там меня навешать, — только и сказала она.

«Он говорит, что тревожится обо мне, но, когда я уеду неизвестно куда, будет ли он тосковать так сильно, как герои древних повестей? Если я дам ему знать, что переезжаю отсюда...

О, сии деревья!

Жду, когда в Токива

Осень в рощи придет,

Чтоб увидеть, на самом ли деле

Ваши листья по-прежнему зелены¹⁷⁶.

И после смерти я буду помнить его клятву в лунную ночь, когда он сказал о горе, где линяют ястребы. Что же будет со мной?» — удру-

ченно думала она, пристально глядя на огонь свечи ¹⁷⁷. Из глаз ее полились слезы. Она была необыкновенно трогательна. «Ехать в дальние края с этим Митинари, намерений которого она не знает, — как это обидно!» — с жалостью подумала кормилица, и у нее самой полились слезы.

Перед рассветом послышался скрип колес экипажа и стук в ворота.

— Уже приехали. Что за благожелательный человек! Я и не представляла себе, как быть с экипажем, и обратилась за помощью к соседу, господину Суруга. Он прислал его даже слишком рано, — сказала кормилица.

Асукаи слышала, как отворяют ворота, и душу ее защемило. «Как он печалился, что не может перейти реку Асука! Ночью он обязательно приедет, ему скажут, что я уехала, и он возвратится домой...» — думала она и, представляя, как безутешен будет Сагормо, и, не зная, что готовит ей судьба, не могла сдвинуться с места.

Кормилица открывала ставни, упрекала ее в нерешительности и торопила:

— Иди же быстрее. Люди, которые приехали за тобой, спешат, и мешкать нельзя.

Она отнесла в экипаж красивую одежду и коробку для гробней. Асукаи, сама не своя, не осознавая, что делает, замирая от страха, вышла из комнаты. Слышалось пение петухов.

— О, птицы с пучками волокон!
Расскажите, когда он придет,
Как я колебалась,
Прежде чем выйти
Из Небесного грота¹⁷⁸, —

произнесла она, и безудержные слезы полились у нее из глаз. «Что ждет меня?» — спрашивала она себя, снова остановившись. Наконец, она села в экипаж, за ней кормилица и еще одна служанка.

За воротами их окружили страшные, каких Асукаи никогда не видела, воины с колчанами и стрелами за спиной. От горящих факелов было светло, как днем.

— Скорее, скорее в путь, пока не рассвело, — повторяли воины грубыми, пугающими голосами.

Асукаи ничего не различала вокруг себя. В страхе натянув на голову платье, она легла на пол. «С тех пор как я услышала его стихотворение о дыме, который не может подняться к небу¹⁷⁹, на протяжении долгого времени я носила в душе только облик Сагормо, который клялся мне в верности. Что же случилось со мною? Я просто блуждаю во сне», — думала она.

Они прибыли в Эдо ¹⁸⁰. Послышались громкие крики: «Садитесь на корабли!»

«Это совсем не Токива», — встревожилась Асукаи, ничего не понимая. Она совершенно потеряла голову. Поднявшись, она увидела реку и суда у причала. Она вышла из экипажа. Неподдалеку стоял молодой человек двадцати с лишним лет, высокого роста, довольно красивый. Вид его устроил Асукаи. Он оживленно говорил провожающим его мужчинам, называя их людьми второго советника ¹⁸¹:

— Возвращайтесь домой. Мой отец, помощник наместника на Цукуси, сейчас уже находится в Торикаи ¹⁸². Из-за строгого поста в доме советника я сразу выехать не мог и отстал от отца. Второй советник не совсем здоров, и я опасался, что не смогу получить разрешения на отъезд. Он мне пожаловал превосходного коня. Мой отец очень спешит, и я на этот раз не смогу остановиться, чтобы поразвлечься, в Эгути ¹⁸³.

Его вид и манеры были достаточно приятны.

«Кто это такой? Он похож на тех, кто во время шествия в храм Камо и императорского выезда несет устрашающее оружие перед начальником Полицейского управления», — думала Асукаи неприязненно.

Молодой человек подошел к ней со словами: «Пора садиться». Он взял Асукаи на руки и перенес на корабль. Что было у нее на душе? Кормилица что-то говорила и довольно смеялась, и Асукаи чувствовала ненависть к ней и страшную тоску.

«Кто это? В какой из миров он везет меня?» — думала Асукаи, не зная, кого спросить об этом. Не лучше ли броситься в реку? Она поднялась было, но люди вокруг нее не остались бы при этом безучастными, и она снова легла, натянув на голову платье.

Митинари прилег к ней и всячески старался утешить ее. Асукаи плакала все горше, и слова его были ей ненавистны.

— Что бы ты ни говорила, теперь тебе не стоит упрямыться, — сказал Митинари. — Это глупо. Или, став женой какого-то младшего военачальника, ты беспокоишься, что будут говорить посторонние, и тебе кажется, что сердце твое разбито? Я хоть и незначительный человек, но тебя люблю больше всего и буду заботиться о тебе. Признай же мои хорошие стороны. Все эти непутевые сыновья важных сановников ленивы и нерешительны. Пока верховный советник Хорикава вершит государственными делами, этим молодчикам меня не превзойти. Такие младшие военачальники или помощники начальника императорского эскорта только собираются кем-то стать, а я непременно добыю своего. Подумай сама. В будущем году я возвращусь в столицу, получу доступ во дворец, стану архивариусом пятого ранга. Чье же будущее лучше, твоего господина или мое? Эти господа будут виться вокруг меня, не зная, как заговорить со мной. Не о такой ли судьбе ты мечтала? Или ты сожалешь, что меня не сопровождает свита? В нынешнее время это ничего не значит. Отнесись к моим словам серьезно и отныне спокойно живи, ни о чем не заботясь. Хоть я и не сын важного сановника, никто не отвергает меня с презрением. Еще не бывало, чтобы женщины отворачивались от меня. Выйти за меня замуж стремились дамы более блестящего положения, чем твое. Разве это не судьба, что с тех пор, как я впервые увидел тебя в Удзумаса, сердце мое пылает любовью и не может успокоиться? А с твоей стороны я вижу одну нелюбезность! Госпожа кормилица, пожалуйста, уговорите ее изменить отношение ко мне.

Он стянул с головы Асукаи одежду. Вблизи лицо ее показалось ему гораздо красивее и милее, чем тогда, когда он видел его мельком. Митинари был в восторге. «Как бы мне хотелось, чтобы она поскорее перестала сердиться! Я бы изо всех сил заботился о ней», — думал он.

Кормилица, сев на корабль, совершенно забыла свою стесненную жизнь до того времени. Ее слуги с какими-то вещами в руках напрасно пытались утешить Асукаи. Сокрушенно покачивая головами, они говорили между собой:

«Видно, что госпожа питает к нему глубокое отвращение. Что же он собирается делать? Такие знатные господа наперебой пред-

лагали Митинари жениться на своих дочерях... Подумать только, какое удивительное счастье ей привалило! Почему она так не хотела ехать? Надо было умиловать бога Арамисаки¹⁸⁴. Это он препятствует».

Митинари, слушая эти разговоры, обратился к кормилице:

— Уговорите же ее. Я никогда не думал, что она до такой степени не любит меня. Неужели мои надежды оказались напрасными? Я в полном недоумении...

Настроение у него испортилось. Он вытащил из обтянутого кожей сундучка веера, коробочки с благовониями, необычайно красивую женскую одежду, подаренные ему на прощание. Вещи были превосходные, пленяли глаз сочетанием цветов.

— Госпожа кормилица, это все никчемные вещицы, но возьмите для прислуги. В столице я никому не говорил, что со мной поедет девица, но друзья каким-то образом об этом проводили. Это все от них. Вот это подарил мне мой господин, второй советник, и при этом сказал: «Я не знаю, кого ты возьмешь с собой, но обязательно вручи ей это платье». Я должен выполнить его желание. Отдайте его вашей госпоже. От слез ее одежда совсем вымокла.

— Переоденься-ка вот в это, — сказала кормилица Асукаи. — Ты лежишь в таком виде, что глаза бы мои не смотрели.

— Мой господин хотел подарить мне веер, — продолжал Митинари. — Я сказал ему: «Чем дарить новый, дайте мне на память ваш». Он ответил: «Стыдно посылать старый веер великопной женщине. К тому же я очень к нему привык». Ему было жалко с ним расставаться, но потом он сказал: «Что ж, возьми его на память», — и вручил мне. Мой господин даже в таких мелочах совсем не похож на обычных людей.

Асукаи, слушая его, подумала: «Это он, увидев меня в храме Удзумаса, просил кормилицу выдать меня за него. Ах, я несчастная!» У нее на сердце стало еще тяжелее, и она зарыдала. Митинари преподнес ей веер и сказал:

— Посмотри, это каллиграфия моего господина, от которого все женщины, знатные и незнатные, теряют голову. При взгляде на нее твоя ненависть ко мне утихнет, и ты утетишься.

«Я уже видела этот почерк», — подумала она. Ей хотелось получше рассмотреть веер, но, не желая открывать лица перед Митинари, она лежала и плакала.

— Я тебя так люблю, что отдал бы за тебя жизнь, — продолжал он, — а ты из-за своего юнца готова погубить себя. Чем уж так он тебе понравился? Я гораздо красивее его. Посмотри же на меня.

Он шутя попытался стянуть с ее головы одежду, а она, плача и горя негодованием, воскликнула:

— Боги и будды! Спасите меня от него! Поскорее пошлите мне смерть!

Митинари вспыхнул, поднялся и отошел от нее. Асукаи вытерла слезы, открыла лицо и стала рассматривать вещицу. Это был тот самый веер, который она однажды ночью видела у Сагоромо. От него исходил чарующий аромат, который она ощущала, когда они лежали вместе, сплетя рукава одежд. Проливая слезы, Асукаи прочитала, что было написано на веере иероглифами и знаками азбуки: «Лодочник потерял весла...»¹⁸⁵ Вряд ли он думал об Асукаи, когда писал эти строки, но какое совпадение! Разве могла она не чувствовать при этом глубокую скорбь? Она закрыла лицо веером и плакала так, что слезы могли бы смыть написанное.

«Как дать ему знать,
Что порвался канат, сломаны весла
И к гибели движется лодка?
Лодочник тонет в пучине
Собственных горьких слез», —

сложила она. —

«Пусть веер любимый
Поднимет ветер
И гонит волны в столицу...
Пусть они к тебе отнесут
Бездыханное тело мое.

Неужели я еще не потеряла разум? Сегодня утром в дом принесут от него письмо. Что скажет привратник, отсылая гонца? Читая его стихотворение о реке Асука, думала ли я, что меня ждет такая судьба?

Теперь не Асука-реку,
А безбрежное море я вижу.

И то, что ты
“Завтра по мелкому броду
К тебе непременно”, — сказал...

Так я и не узнала, что он видел во сне. Почему я решила не говорить ему, что жду ребенка? Сейчас бы он хоть немного печалился обо мне. Если когда-нибудь он узнает, что я против воли осталась в живых и стала женой этого человека... ах, лучше смерть! Если бы этот человек был из простых и никак не связан с Сагоромо! Они в близких отношениях, и Сагоромо, видимо, обо всем его расспрашивает. Пусть я умру в дальней дороге, прежде чем этот человек получит власть над моим телом, которое носит ребенка...

Прошло пять дней. Асукаи не брала в рот даже воды. Кормилица заговаривала с ней, но Асукаи с горечью думала, что столько лет она не догадывалась, какое у нее безжалостное сердце, и относилась к ней как к матери. Она не поднимала головы, не смотрела на кормилицу и не слушала ее. Натянув платье на голову, она лежала и плакала.

Увозя Асукаи против воли, Митинари предполагал, что, сначала погоревав, она примирится со своей участью. Когда же он увидел ее отчаяние и готовность расстаться с жизнью, он с горьким чувством спрашивал себя: неужели она так сильно любит своего военачальника? Он решил силой овладеть Асукаи и со злобой схватил ее.

— Я совсем не в том положении, в каком бы вы хотели видеть меня, — произнесла она с мукою, проливая слезы. — У меня нет к вам неприязни, но я давно уже нездорова, а сейчас чувствую себя совсем плохо. Несколько дней мне даже кажется, что скоро моя жизнь прервется. Но, как бы я себя ни чувствовала, скоро все будет по вашему желанию. Пожалуйста, не беспокойте меня, пока я так мучаюсь. Когда кто-то находится рядом, я страдаю еще больше. Почему это — не знаю.

Она и вправду была так слаба и беспомощна, что жизнь ее, казалось, вот-вот угаснет.

«Я слышал, что беременные всегда чувствуют себя плохо, — подумал Митинари. — Так ли? В этом ли дело? Она ничего не ест, ее состояние становится все хуже и хуже». Он опасался за ее жизнь, ему было ее жалко, и он оставил свое намерение. В тревоге он велел монахам читать молитвы. Через некоторое время Митинари

опять подполз к Асукаи. Затаив досаду, он прилег рядом с ней и нараспев произнес: «Нет ни одного дня, чтобы волны...»¹⁸⁶

Ей же его слова были противны.

«Как же быть? Неужели мне суждено прожить с ним долгую жизнь?» — думала она. Ей оставалось только молить в душе богов и будд: «Дайте мне утопиться в этом море».

Кормилица, с различными красивыми вещами в руках, заговаривала с Асукаи, но та даже не смотрела на нее. Так продолжалось несколько дней.

— Я так и знала, что ты будешь упрямиться, — говорила кормилица. — Что бы тебе успокоиться и стать полюбезнее с Митинари! Человек он надежный, к тебе относится прекрасно. Чего же еще?

Слыша, как кормилица выговаривала Асукаи, Митинари щедро вознаграждал ее за такое к нему отношение.

23

Проведя беспокойную ночь, Сагоромо утром отправил Асукаи письмо. Ворота были закрыты, в доме стояла тишина. На стук удивленного посыльного вышел слуга.

— Ночью все куда-то уехали, и кроме меня никого не осталось, — сказал он. — В прошлом месяце дом купила дочь второго помощника наместника на Цукуси, которая должна завтра сюда переехать. Она, может быть, знает, куда отправились прежние владельцы. Мне велели идти сюда и ждать приезда господ.

— Ничего не скрывай от меня, иначе пожалеешь, — пригрозил посыльный.

Он порасспросил у соседей, но никто не мог сказать ничего определенного. Посыльный возвратился и передал господину неожиданную и необъяснимую новость. «Это, несомненно, устроила кормилица, — решил Сагоромо. — Как бы ни страдала Асукаи, она бы не скрылась от меня так поспешно. Она становилась очень печальной, когда я спрашивал ее, не собираются ли они в восточные провинции»¹⁸⁷. Кормилица увезла ее обманом. Какое горе! Я слишком понадеялся, что она никогда этого не сделает, и ничего не предпринял, чтобы предотвратить отъезд. А может быть, просто-напросто тот самый монах увез ее к себе?

Я относился ко всему слишком легкомысленно. Может, об этом она и писала: «увидишь стремнину и омут страшный». Ничего особенно замечательного в ней не было, но мне она всегда казалась очень милой. Я не представлял, что мы когда-нибудь расстанемся, и дал ей уехать неизвестно куда». Ни о чем другом Сагоромо не мог думать. Он был в отчаянии. Всю ночь до утра он провел в унылых размышлениях и так же скорбел, как Асукаи, когда она, плача и мучась, сложила: «Лодочник тонет в пучине...»

«Она, конечно, не так уж знатна, но она была рядом, как трава под сенью дерева, и утешала меня, когда я не мог сдержать жалоб, многочисленных, как капли росы»¹⁸⁸. Может быть, она и вправду привязана к тому страшному монаху? Неужели она любит его? — терзался Сагоромо ревностью и тоской.

Наступила осень. Думая до рассвета об уехавшей, он узнал, что значит «привыкнуть к холоду ночи»¹⁸⁹.

Слез моих бурный поток
Унести бы мог изголовье,
Что мы делили с тобой.
Длинные осени ночи
Один без сна провожу...

Больше всего Сагоромо мучило воспоминание о своем сне, необычный вид Асукаи и вопрос, оставшийся без объяснений. Невозможно описать, как он страдал от этого.

«Неизвестно, что за человек ее похитил, но вряд ли его положение высоко. Если она действительно ждет ребенка, то этот человек будет заботиться о моем младенце, и мне это всего нестерпимее. Через некоторое время ребенок станет похож на меня, как отражение в зеркале, и будет расти в нищете. Это последствия моего неразумного поведения. Разве женщина, мало-мальски благородная, исчезла бы так бесследно? К чему мне любить такую женщину? Вряд ли она действительно ждала от меня ребенка», — пытался успокоить он себя, но сердце у него болело. Отъезд предполагался в восточные провинции — значит, ребенок будет расти в грубой обстановке. Вот наказание за его прегрешения в прошлой жизни.

Будут шептаться:
«Он с Сонохара,

Дерево-веник...»

Почему он должен родиться

В домишке невзрачном?¹⁹⁰

Прислуживающие дамы всегда говорили, что Сагоромо неизменно погружен в мрачные размышления, но в ту осень он был особенно печален и все ночи проводил в стенаниях, думая о звоне цикад на поле, поросшем тростником¹⁹¹. Днем он поневоле отвлекался от своих мыслей, а вечерами, когда небо, о котором издавна говорят, что оно внушает мысли о любви¹⁹², было в тумане, Сагоромо с завистью смотрел на неподвижно стоящие в небе облака¹⁹³. Даже те, кто обитал на склонах Западной горы¹⁹⁴ — существа, которых не мучили никакие желания, даже они должны были бы ощутить уныние: высоко в небе грустно кричали гуси, на листьях хаги лежала жемчужная, как слезы, роса¹⁹⁵, и даже тихое стрекотание цикад было гораздо печальнее, чем обычно. Шум ветра, который недалеко от покоев, в редкой изгороди, клонил ветви мисканта и бамбук, глубоко проникал в душу Сагоромо. «Сколько же ночей прошло?»¹⁹⁶ — в тоске спрашивал он себя. Когда он немного приподнимал занавеси, ветер, колеблющий ветки, покрытые багрянцем, влетал в комнату.

«Пропитав рукава,
Мои слезы дальше текут
И красят листву
В цвет кровавый.
Осенние вечера...»

«Ветер холодный, несущий
Капли вечерней росы,
В осенние ночи
Пронизав нас насквозь,
Пробуждает тоску о любви».

В таких стихотворениях изливал он свое уныние.

Прислуживающие дамы, глядя осенними вечерами, как он утирает слезы, думали: «Ничего, кроме воспоминания о его красоте, мы не унесем с собой в другие миры».

Моросило. Поднимая глаза к обложенному тучами небу, Сагоромо задумчиво бормотал про себя: «Ветер холодный, с вечернего неба струящийся дождь...»¹⁹⁷ Если бы его в такое время увидела Асукаи, которая сложила: «Когда в Токива осень в рощи придет», — она бы немедленно бросилась в быстрый поток¹⁹⁸.

Слабея с каждым днем, Асукаи находилась между жизнью и смертью. «Ненавистнее всего думать, что, когда я умру, похоронный обряд будет выполнять Митинари. Нет, лучше утопиться...» — думала она и ждала удобного случая, но вокруг нее было много народу. Митинари сетовал на Заставу одежд¹⁹⁹, а Асукаи повторяла в ответ все то же. Он был человеком жалостливым, страдал, глядя, как она слабеет, и к ней не приближался.

24

На корабле отца Митинари плыла женщина знатного происхождения. Было видно, что это не обычная прислуживающая дама. Она нравилась Митинари, и на стоянке он отправился к ней.

Стояла темная ночь. Асукаи была рада, что Митинари ушел, а кормилица, узнав, куда он направился, обеспокоилась и рассердилась: «Асукаи только лежит и хандрит. Если бы она отнеслась к нему приветливо, он не стал бы ходить к другим дамам!»

Кормилица, которую Асукаи и без того считала совершенно бессердечной, стала ее уговаривать:

— Ты напрасно так себя изводишь. Женщинам в твоём положении нельзя так терзать себя печальными мыслями. Ты благополучно родишь ребенка, будешь жить себе и снова встретишься с тем, кого не можешь забыть. Где еще можно увидеть такое ребячество?

Асукаи же радовалась тому, что время от времени Митинари будет отлучаться, и думала: «Может быть, я смогу осуществить задуманное. Жалко кормилицу! Она не хотела предоставить меня моей судьбе и безрассудно решила устроить все по-своему. В конце концов она сама поплатится за это. Как она будет жить потом?» Она плакала в голос и ничего не отвечала. Кормилица, разбранив, покинула ее.

Асукаи подняла голову и осмотрелась. Все спали. Она обрадовалась, что наконец-то получила возможность совершить то, что

хотела, и подумала: «Наступает конец моему земному существованию». В такое время люди вспоминают даже тех, кто к ним относился бессердечно. Могла ли Асукаи не думать о Сагоромо? «В столице я беспокоилась: забуду ли я? Перестанет ли он приходить ко мне?»²⁰⁰ Как это было глупо! С такими мыслями она поднялась, чтобы броситься в воду. Из глаз ее лились бурные слезы. Оцепенев, она смотрела в открытое море. На безоблачном небе ярко сияла луна, далеко было видно одно-единственное суденышко, и неясно доносился грустный голос гребца: «Лодка плывет по волнам в проливе Мусиакэ...»²⁰¹

«Есть ли течение,
Чтобы в столицу к тебе
Меня отнесло?
Об этом узнаю,
Погрузившись в пролив Мусиакэ, —

сложила Асукаи. И еще:

Волны широкого моря!
Вы бежите в столицу.
Передайте ему,
Что жду встречи
На дне Мусиакэ-пролива».

Она закрыла лицо рукавом, но двинуться с места не могла и забеспокоилась, как бы не проснулся кто-нибудь из слуг. От страха она задрожала. На ней было только нижнее платье и штаны. Падающие назад волосы она перебросила вперед. Она взяла в руки веер Сагоромо, который лежал у ее изголовья. Грудь Асукаи пронзила боль, слезы застилали ей глаза, и она не могла разобратить, что написано. Но когда она увидела знаки, начертанные Сагоромо как будто накануне, перед ее глазами встал любимый облик, и она подумала: «В этом мире я его больше никогда не увижу. Он не знает, что я сейчас умру. Где он сейчас? Что делает? Спит ли он? Бодрствует ли? Вспомнит ли обо мне, когда проснется?» — думала она в страшном смятении. Перенеся тушечницу к борту, она решила написать на веере стихотворение. В глазах ее было темно, руки дрожали, но она, роняя слезы, написала:

«О, ветер на веере!
Отнеси ему весть:
В быстром проливе
На дне
Стала соринкой».

Она не успела закончить, как заметила, что лодочник очень близко. «Не медли», — сказала она себе и, перегнувшись через борт, заглянула в морскую глубь. Ей стало так страшно, что ее начала бить дрожь. Мужчина удержал ее. «Не удалось!» — подумала она сокрушенно, и ей показалось, что она вот-вот умрет. Лодочник, не говоря ни слова, взял ее за руки и перетащил в свое судно.

«Что же будет теперь?» — Асукаи накрыла рукавом голову и ни о чем не могла думать.

Время близилось к рассвету. «Теперь я уже не смогу...» — думала Асукаи в отчаянии.

Лодочник, плача, стал рассказывать:

— Не бойся меня. Все это время я пытался разузнать, где ты и как живешь. Неожиданно я узнал, что ты отправилась в провинцию. Я подумал, что, может быть, смогу встретить тебя, и отправился вслед. Не сам ли Будда руководил мной? Как я радуюсь, что нашел тебя именно в этот момент! Но почему ты решилась на такое страшное дело?

Когда Асукаи была маленькой, она слышала этот голос, и не забыла его. Это был ее брат.

«В детстве он лишился глаза, и родители не любили его. Когда они скончались, брат почувствовал отвращение к миру, он ходил только по горным храмам и в конце концов стал монахом», — слышала в свое время Асукаи. Она давно мечтала найти его и теперь обрадовалась, что ее спас не чужой человек. Она совершенно успокоилась.

На возвратном пути брат всячески утешал ее. Он старался, чтобы ее никто не увидел. Когда они прибыли в столицу, он отвез Асукаи в усадьбу Токива, где жила монахиня, их тетка.

— Почему ты решила броситься в море? Расскажи все, с самого начала...

— Я всегда думала: к чему жить в этом мире? Когда же против моего желания меня посадили на корабль, жизнь показалась мне

все более горестной. Под влиянием какого-то странного чувства я решила утопиться. Но, после того как я снова с вами встрети-лась, я чувствую себя спокойно и уверенно. Я, как вы, хочу при-нять постриг, — ответила Асукаи, проливая слезы.

Тетка ее тоже горько плакала.

— Ты сейчас в особом положении. Как же ты можешь при-нять монашество? — возразила она. — После рождения ребенка ты и решишь, что делать.

Монах, полный сочувствия к сестре, сказал:

— Так и решим. Ты ждешь ребенка и сейчас не можешь стать монахиней. Лучше тебе жить здесь спокойно до срока. Никому не давай знать о себе...

Вскоре он отправился в паломничество, оставив обеих жен-щин в Токива.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Розы на стих. Бо Цзюйи (772–846) *Чуньчжун юй Лу Сы Чжоу Лян Хуаянгуань тунцзюй* (Вместе с Лу Сы и Чжоу Лян пребывая весной в монастыре Хуаян), ВР № 27: «Повернувшись спиной к светильнику, глубокой ночью восхищаемся лу-ной, топча опавшие листья, сожалеем, что прошла весна юности». *Розы* — му-зыкальное произведение для голоса в сопровождении духовых инструментов.
- ² По японскому календарю новый год начинался весной — таким образом, по-следняя треть третьего месяца является ее концом.
- ³ В аристократической усадьбе устраивался пруд с островом, на котором росли сосны и обвивающие их глицинии.
- ⁴ Стих. Минамото Сигэюки (ум. 1000), С № 83: «С приходом лета распускаю-щаяся глициния думала, что ее гроздьям висеть на одних соснах, но расцвела так пышно, что могла бы покрыть и другие деревья». Цветы глицинии в японской поэзии обычно являются символом весны, но в С относятся к при-метам лета.
- ⁵ Стих. неизвестного автора (приписывается Какиномото Хитомаро, VII–VIII вв.), К № 135: «На острове в пруду распустилась глициния. Когда же прилетит и запо-ет горная кукушка?» Горная кукушка — символ лета.
- ⁶ Деревня Идэ в пров. Ямасиро славилась горными розами после того, как знаме-нитый поэт левый министр Татибана Мороз (684–757) построил там загород-ный дом и насадил на берегу реки эти цветы.
- ⁷ Блистательный Гэндзи — герой романа *Гэндзи моногатари* (Повесть о Гэндзи) Мурасаки-сикибу (даты жизни неизвестны).
- ⁸ Стих. Гэндзи из *ГМ (НКТЕ, т. 15, с. 399)* «Не забыл, как под воду ушел с голо-вой, но это не послужило мне уроком. Снова готов броситься в волны глици-ний, что растут у твоего дома». Стих. обращено к Оборонукиё, из-за которой герой был сослан в Сума. Встретив ее спустя много лет, Гэндзи вновь почувст-вовал любовь к ней. Под словами «под воду ушел с головой» подразумевается ссылка в Сума.
- ⁹ В древней Японии существовало табу на употребление собственных имен. Герои обычно обозначаются по их должности, месту проживания или каким-нибудь прозвищам. В *СМ* собственным именем обозначены только несколько второстепенных персонажей. Сагоромо («узкое платье») — прозвище героя (см. примеч. 77).
- ¹⁰ Гэндзи-мия не является собственным именем героини, но указывает на ее при-надлежность к роду Минамото (Гэндзи — «род Минамото»). См. примеч. 22.
- ¹¹ Возможно, это цитата из стихотворения, но источник не установлен.
- ¹² Игра слов, основанная на понимании слова *кутинаси* (темно-желтый цвет) как *кути наси* (нет рта). В нижеследующем стих. Сагоромо продолжает ту же игру словами: *ивану иро нару хана* — «цветы, цвет которых не называть».
- ¹³ Под «листьями» подразумеваются слова. Этот популярный в древней Японии каламбур основан на использовании в написании слова *котоба* (слово) иероглифа *ха* (лист).

¹⁴ Стих., приведенное в *Хэкиансё* (Мои собственные мысли) Фудзивара Тэйка (1162–1241), но без указания источника, может быть, из-за крайней его популярности в эпоху составления трактата: «Нет ни мгновения, чтобы я не думал о лентах из бумажного дерева, без ветвей и листьев стоящего в глубоких горах». (*Хэкиансё* // Нихон кагаку тайкэй бэккэн, т. 5, Токио, 1996, с. 325). Ленты из бумажного дерева — votивные приношения, изготавливаемые особым образом из коры бумажного дерева. Смысл стих.: «Нет ни мгновения, чтобы сердце мое не тосковало».

¹⁵ Опорные столбы с соединяющими их балками отделяли веранду от покоев.

¹⁶ Стих. Фудзивара Санэката (ум. 998), *Сика вакасю* (Собрание красот поэзии) № 188: «Как я мог сообщить, что в сердце горит любовь, если бы не было дыма над восемью островами в Муро?» В пров. Симоцукэ (совр. Тотиги) в уезде Цуга, в деревне Муро в пруду на территории синтоистского храма Омива над восемью островами постоянно поднимался пар, в стих. обозначенный как «дым».

¹⁷ Стих. Илзуми-сикибу (р. ок. 976), *Илзуми-сикибу сю* (Собрание стихотворений Илзуми-сикибу) № 419, написанного в ответ на стих. принца Ацумити: «Напрасно я горю в одиночестве любовью. Если бы мы могли слиться в единой душе!» Поэтесса ответила: «Ты — это ты, а я — это я. Если бы мы не были разделены, разве могла бы гореть в наших сердцах друг к другу любовь?»

¹⁸ Герой *УМ* Накалзуми безнадежно любил свою сестру и умер после того, как она вышла замуж за наследника престола.

¹⁹ Каору — герой последних десяти глав *ГМ* («Десять глав Улзи»); был безнадежно влюблен в Ооикими, которая официально была его двоюродной сестрой.

²⁰ Верховный советник (*кампаку*) — одна из самых высших должностей в древней Японии. Впервые была создана для Фудзивара Мотоцунэ (836–891).

²¹ Хорикава был пятым (в некоторых списках — вторым) сыном императора, к началу повести умершего, имя которого в произведении не упомянуто. Сообщается о двух братьях Хорикава: императоре Итидзё, который к началу повествования отрекся от престола, и царствующем императоре, который в дальнейшем, после отречения от престола, получит имя Сага.

²² Некоторые сыновья императора объявлялись полданными. Они лишались титула принца и права на престол, и императорским указом им присваивалась фамилия, чаще всего, Минамото.

²³ Столица Хэйан, выстроенная по образцу китайской столицы Чанъань, представляла собой прямоугольник, который с севера на юг и с востока на запад пересекали параллельные проспекты (*одзи*) и улицы (*кодзи*), образуя квадраты в 1,5 га (один *мат*). Усадьбы важных сановников занимали четыре таких квадрата.

²⁴ Усадьба Хорикава с севера выходила на Второй проспект, с юга — на параллельную ему улицу Сандзё-но бомон (или Бомон), с востока — на проспект Нисино тоин (или Тоин), а с запада — на улицу и канал Хорикава (из-за чего советник и получил свое прозвание).

²⁵ При восшествии императора на престол его сестра назначалась на срок его правления жрицей храма Исэ, посвященного богине Солнца Аматаэрасу, от которой, по официальной версии, происходит императорский род.

²⁶ По-видимому, из-за положения ее отца, которое не было столь могущественным, как у первых жен. Возможно, отец ее уже умер, и дама лишилась поддержки.

²⁷ *Тюгу* — титул введен во время царствования императора Итидзё (986–1011), две супруги которого были провозглашены императрицами, первая имела титул *тёгу*, а вторая — *кого*. Различия в положении двух императриц не было.

²⁸ Мать Сагоромо видела в этом знак, что небесная рать явится за ее сыном.

²⁹ Период упадка Закона — последний период развития буддийского учения. Пятьсот лет после смерти Будды Шакьямуни (623–544 до н. э.) представляют собой период «совершенного Закона». Последующая тысяча лет является периодом «подобия Закона», когда истинная вера искажается, но еще строится много храмов и создаются буддийские изображения. Затем наступает период «упадка Закона», который продолжится десять тысяч лет.

³⁰ Шестнадцатый Будда — Будда Шакьямуни. В третьем свитке *ХК* рассказывает о шестнадцати последователях Будды Нёрай (санскр. Татагата), которые проповедуют его учение во всех концах вселенной. Шестнадцатого из них, Шакьямуни, Нёрай послал в наш грешный мир (т. 2, с. 68).

³¹ Потирая руки — жест, означающий просьбу.

³² Стих. поэтессы Исэ (ум. ок. 939), *Исэ сю* (Собрание стихотворений Исэ) № 433: «Не подобра ли я травку, что растет в тени деревьев в глухих горах? На нее ложится обильная роса, но никто не догадывается о ее существовании».

³³ *ХК*, т. 3, с. 89: «В мире нет ничего прочного, все подобно пузырям на воде, струящемуся от жары воздуха».

³⁴ Стих. Аривару Нарихира, *ИМ* № 22: «Пусть долгая ночь / Осенью и будет длинна, / Как тысяча долгих ночей, — / Не останется разве что нам говорить, / Когда иттики уже запоют?»

³⁵ Стих. неизвестного автора, *КР* № 3576: «Когда редко нам удастся встретиться и провести ночь вместе, нет ничего горше, чем крик петуха, возвещающий рассвет».

³⁶ Стих. неизвестного автора, *М* № 1394: «Не трава ли ты морская, / Что растет на каменистом берегу / И, когда прилив нахлынет, исчезает? / Видишь мало ту зеленую траву, / А о ней токуешь — много».

³⁷ Стих. неизвестного автора, *К* № 761: «В ночь, когда ты не приходишь ко мне, я без сна ворочаюсь в постели, и скрип моего ложа перед рассветом заглушает шум крыльев бекасов».

³⁸ Поденка — символ эфемерности.

³⁹ По-видимому, имеется в виду какое-то стихотворение, но источник цитаты не установлен. Водопад Инабути находится в пров. Ямато, уезде Такаити.

⁴⁰ Возможно, намек на первую встречу Гэндзи с Мурасаки из *ГМ* (гл. «Юная Мурасаки»).

⁴¹ Т. е. провел ночь с девушкой из деревни. Стих. Ямабэ Акахито, *М* № 1424: «Я в весеннее поле пошел за цветами, / Мне хотелось собрать там фиалок душистых, / И поля / Показались так дороги сердцу, / Что всю ночь там провел средь цветов до рассвета».

8 Повесть о Сагоромо

- ⁴² *Боммокё* (Сутра сети Брахмы): «Взглянув на женщину один раз, ты можешь лишиться зрения» (*НКТЬ*, т. 79, с. 35).
- ⁴³ Когурё — одно из трех царств древней Кореи, существовавшее в III–VII вв.; Танское государство — китайская империя по наименованию династии, правившей с 618 по 907 г.
- ⁴⁴ Обозначение императорского дворца.
- ⁴⁵ Это часто повторяющееся положение китайской и японской музыкальной философии о влиянии музыки на природу и человека.
- ⁴⁶ *Сайбара* — музыкальные произведения для голоса в сопровождении струнных и духовых инструментов на фольклорные тексты.
- ⁴⁷ Отец Хорикава.
- ⁴⁸ Высочайшая наложница (*миясудокоро*) — императорская наложница высшего ранга.
- ⁴⁹ Ёсока — герой повести *Какурэмино* (Плащ-невидимка), до нашего времени не сохранившейся.
- ⁵⁰ Волопад в Ёсино (пров. Ямато) нередко воспевается в японской поэзии. Стих. неизвестного автора, С № 235: «Нет такого потока, которого зимний холод не сковал бы льдом, но волопад в Ёсино низвергается, не останавливаясь ни на мгновение».
- ⁵¹ «Узоры на ткани от травы терпения» — в японской поэзии метафорическое обозначение любовных страданий. Стихотворение Минамото Тору (822–895), К № 724: «Разве кто-нибудь другой может привести мое сердце в смирение, подобное путаным узорам от травы терпения из Митиноку?» Стих. построено на омонимах *синобу* — 1) название узла в пров. Муцу; 2) даваллия (папоротник); 3) форма глагола *синобу* — «терпеть». В древности в Японии окрашивали ткани следующим образом: материал расстилали на траве и цветах и проводили по нему камнем, отчего сок от растений окрашивал ткань причудливыми узорами. Существует мнение, что такой способ окраски тканей распространился из уезда Синобу. Митиноку — старинное название пяти провинций: Иваки, Ивасиро, Рикудзэн, Рикупо, Муцу.
- ⁵² Имеется в виду въезд девицы во дворец, т. е. ее поступление на службу в задние покои дворца, где проживали императорские наложницы.
- ⁵³ Праздник пятого дня пятого месяца (*танго*) — один из сезонных праздников. В этот день дворцы и дома украшали ирисами (*аямэ*, ирис прямой) и полынью, аромат которых, по поверьям, отгонял злых духов, дарили друг другу эти растения и лекарственные шарики в мешочках, украшенных ими.
- ⁵⁴ По-видимому, цитируется какое-то произведение, но источник не установлен. Деревня Тооти существовала в пров. Ямато, уезде Сики. В поэзии она упоминается довольно часто и имеет значение удаленного места.
- ⁵⁵ Ключевые слова этого стих. употреблены в двух значениях: а) *уки* — «плыть» и *уки* — «несчастный, печальный»; б) *нэ* — «корень» и *нэ* — «плачущий» голос; в) *нагаруру* (от *нагарэ* — «плыть») уподобляется *накаруру* (от *наки*) — «плакать»; г) *коидзи* — «грязь» и *коидзи* — «дорога любви»; д) *аямэ* — «ирис» и *аямэ* — «узоры, нить разговора, разумные основания». Вторые значения слов стих. образуют

- ют следующий смысл: «Моя любовь несчастна и горька. Ничего не остается, как плакать в голос. Никто не знает, как мучителен путь любви».
- ⁵⁶ «Заросшие полынью ворота» — поэтическое обозначение бедного дома.
- ⁵⁷ В эпоху Хэйан существовало несколько графических вариантов азбуки. Древняя *катанкана* (*катакана*) не идентична одноименной современной разновидности.
- ⁵⁸ Левый генерал — государственный совет, личная императорская охрана и императорский эскорт делились на две секции, левую (высшую) и правую (низшую).
- ⁵⁹ Стих. построено на омонимах: *нэ* — «корень» и *нэ* — «плачущий голос».
- ⁶⁰ Сестра наследника престола, в дальнейшем — принцесса первого ранга, супруга Сагоромо.
- ⁶¹ Болото, окруженное горами (вариант — пучина) — постоянный эпитет к слову «спрятанный». Стих. неизвестного автора, М № 2700: «Словно в бездне среди скал, / Где сверкает жемчуг дорогой, / От людей скрываю я любовь. / И пускай я от любви умру, / Людям я тебя не назову». Также стих. поэтессы Кобэн (XI в.), ГС № 875: «Сегодня нечаянно наткнулась на цветок ириса, сорванный на болоте среди скал и потом выброшенный». Кобэн принимала участие в соревновании *моногатари* (см. вступительную статью), на которое представила повесть под названием *Ивагаки нума* (Болото, окруженное скалами), до нашего времени не дошедшую. Смысл стих. Сагоромо: «Как согнет ирис в недоступном болоте, так, может быть, и моя любовь умрет, не высказанная».
- ⁶² По-видимому, это цитата из какого-то стих. Источник не установлен.
- ⁶³ Стих. построено на омонимах: *нэ* — «корень» и *нэ* — «плачущий голос»; *нагарэ* — «плыть» и *накарэ* (от *наки*) — «плакать». Смысл стихотворения: «Я так удручена, что даже не могу выплакать свою печаль».
- ⁶⁴ Нложницы императора могли время от времени уезжать из дворца в родительский дом. Это могло быть связано с беременностью, желанием увидеть мать (которая не могла появляться во дворце) или просто с необходимостью отдохнуть от службы. Для отъезда из дворца требовалось специальное разрешение.
- ⁶⁵ «Тайные произведения» — многие музыкальные пьесы или особые варианты известных произведений хранились в тайне, передаваясь в узком кругу.
- ⁶⁶ Вторая и третья дочери императора от Второй императрицы.
- ⁶⁷ В эпоху Хэйан эту прическу делали детям аристократов в возрасте от 7 лет до обряда надевания головного убора.
- ⁶⁸ Одежда небожителей, надев которую они якобы могут летать по воздуху. Обычно обозначалась как одежда из птичьих перьев.
- ⁶⁹ «Господин, обладающий десятью добродетелями» — имеется в виду император. Десять добродетелей — совокупность буддийских добродетелей, противопоставленных десяти смертным грехам.
- ⁷⁰ Храм Камо, состоящий из двух святилищ, верхнего и нижнего, принадлежал к числу храмов императорской семьи. С 810 г. жрицей Камо (*сайин*) назначалась принцесса, как и в храм Исэ.

⁷¹ Правитель пров. Иё, по-видимому, служил у Хорикава в домашней управе.

⁷² *Миносиро* (соломенный плащ, который надевают во время дождя) может пониматься и как «состояние, имущество» (*ми-но сиро*). Под «соломенным плащом» подразумевается Вторая принцесса.

⁷³ Под «ночной одеждой, чтобы спать на равнине Мусаси» имеется в виду Гэндзи-мия. См. стих. К № 867: «Растет на равнине Мусаси цветок *мурасаки*, поэтому я чувствую нежность и ко всем остальным там травам». Отсюда возникло выражение *мурасаки-но юкари* (связь с цветком *мурасаки*, т. е. многолетней травы воробейник аптечный), имеющее смысл: то, что имеет отношение к любимому, или родственник любимого человека.

⁷⁴ Из корней воробейника аптечного получалась фиолетовая краска.

⁷⁵ Стих. Ки Цураюки, К № 156: «Летней ночью только подумал: не лечь ли спать? — как услышал голос кукушки, и стало светать».

⁷⁶ Ковата — местечко недалеко от деревни Удзи (пров. Ямасиро, уезд Удзи), место захоронения представителей рода Фудзивара, начиная с Фуцуту (775–826), левого министра, основавшего университет Кангакуин и богадельню Сэякуин. Там первый министр Фудзивара Митинага (996–1027) построил храм Дзёмё (Совершенной чистоты).

⁷⁷ Слово *сагоромо* (узкое платье), имеющее в стих. смысл «любимая жена», использовано в *СМ* как прозвище героя.

⁷⁸ Стих. неизвестного автора, *ВР* № 153: «В древности говорили: “Летней ночью не успел сомкнуть глаз, как наступил рассвет”. Видимо, тогда не страдали от мук любви и не проводили ночи в неотвязных думах».

⁷⁹ *МС* № 1: «Постепенно светлеют гребни гор».

⁸⁰ Небо Тосоцу (санскр. Тушита) — в буддийской космологии четвертое снизу небо, на котором жил Будда Шакьямуни до своего рождения среди людей и на котором пребывает Майтрея, будда будущих времен.

⁸¹ Небесный отрок был синтоистским божеством. Имеется в виду, что, если бы он был буддой, Сагоромо обязательно отправился бы с ним.

⁸² *ХК*, т. 3, с. 328: «Если человек выучит *Лотосовую сутру* и будет читать ее наизусть, если он проникнет в ее смысл, то в конце его жизни тысяча будд протянут к нему свои руки, не дадут ему попасть в скорбные круги существования. Он возродится на небе Тосоцу, где пребывает бодхисаттва Майтрея, имеющий тридцать два телесных признака Будды, окруженный толпой бодхисаттв и бесчисленными небожителями». Бодхисаттва — существо, достигшее Просветления и получившее таким образом возможность стать буддой; но вместо того, чтобы погрузиться в нирвану, бодхисаттва остается в земном мире и помогает другим живым существам достичь Просветления.

⁸³ Кукушка считалась птицей потустороннего мира, которая перелетает через Гору смерти, разделяющую эти миры. Стих. неизвестного автора, К № 855: «Когда ты, кукушка, возвратишься в обитель мертвых, Расскажи моей любимой, что я только и делаю, что тоскую и оплакиваю ее». Также стих. поэтессы Исэ, *С* № 1307, написанное в годовщину смерти сына, рожденного ею от импе-

ратора Уда: «Может быть, расскажет мне о любимом сыне кукушка, которая перелетает через Гору смерти».

⁸⁴ Вход в Небесный грот (Ама-но ивато) — в японской поэзии предварение к слову *акэмата* («рассвет»). В Небесный грот удалилась богиня Солнца Аматэрасу, отчего в мире наступила тьма и произошли беды. Выход богини из грота естественно ассоциировался с рассветом.

⁸⁵ Пятый месяц считался несчастливым. В *УМ* и *ГМ* неоднократно говорится о необходимости поста и запрещении справлять свадьбы в пятом месяце. Во Введении к *Окагами* (Великое зеркало) говорится о несчастной судьбе, которая жлет родившихся в пятом месяце. Верование в несчастливые месяцы сохранилось до настоящего времени. В пров. Ямагути первый, пятый и девятый месяцы считаются месяцами, в которые нужно быть осмотрительными, никого не посещать и не справлять свадеб. На острове Ики эти же месяцы называют месяцами богов и избегают устраивать свадьбы.

⁸⁶ *ХК*, т. 3, с. 278: «С помощью этих божественных заклинаний я, о Миром почитаемый, охраняю проповедников Закона и всех, почитающих *Лотосовую сутру*, а также на расстоянии в сто йоджан избавляю праведных от несчастий». Слова принадежат Бисямон (санскр. Вайшравана), одному из четырех небесных владык (стражей стран света), охраняющему север. Миром почитаемый — титул Будды. 1 йоджана равна 14,4 км. Это расстояние, которое можно за день проехать в повозке, запряженной быками.

⁸⁷ *Мидзукюидори* (букв. «любящая воду птица») — разновидность зимородка.

⁸⁸ Первая принцесса — персонаж *ГМ*, внучка Гэндзи.

⁸⁹ Речь идет о том же самом Каору, который был упомянут в гл. 1 (см. примеч. 18). В последних главах *ГМ* он стал генералом. Он любил Первую принцессу, но затем под влиянием любви к Ооикими не вспоминал о ней.

⁹⁰ Жрицей Камо в то время была первая дочь императора.

⁹¹ Создание *ИМ* приписывается Аривару Нарихира (825–880), и в некоторых списках повесть называется его дневником.

⁹² Стих. Ки Цураюки, *С* № 876: «Быстрым потоком несется река слез, ее не смогла остановить даже плотина рукавов».

⁹³ Стих. неизвестного автора, К № 71: «Без остатка облететь — завидная судьба, вишни цветы! Если же останетесь на ветках, то узнаете, что наша жизнь в конце безобразна». Также стих. императора Уда (годы правления: 887–897): «К чему сожалеть, что быстро исчезает на цветах белая роса? Ведь если она останется на какое-то время, узнает, как горек наш мир». Послано поэтессе Исэ в связи со смертью их сына. Приводится в собрании ее стихотворений (*Исэ сю*, № 135).

⁹⁴ *Мидзукара кюору моногатари* (Сам рассказывает) — повесть, не дошедшая до нашего времени. О ее персонаже, дочери принца, ничего неизвестно.

⁹⁵ Заросли хмеля — символ бедности.

⁹⁶ Морскую траву жгли для получения соли. Под «дымом от костра» подразумевается непоколебимая любовь к Гэндзи-мией.

⁹⁷ Может быть, это пословица того времени.

⁹⁸ Стих. Осикоти Мицунэ (даты жизни неизвестны), К № 168, сложенное в последний день 6 месяца: «Сегодня ночью по небесным путям уходит лето и приходит осень. Не повеет ли отсюда прохладный ветер?» Сагоромо под «осенним ветром» подразумевает Гэндзи-мия.

⁹⁹ Под «жарой» подразумевается Вторая принцесса.

¹⁰⁰ Вступление к стих. Аривару Нарихира, ИМ № 9: «В столице таких птиц не было, и никто из них не знал их. Спросили перевозчика. “Да это же “птица столицы”».

¹⁰¹ Стих. неизвестного автора, СК № 1052: «О, крючок на поясе от платья, что делают в провинции Хитати, которая находится там, где кончается Восточная дорога! Как я мечтаю встретиться с милым хоть на краткий миг!» Дама говорит о своем желании встретиться с Сагоромо. *Хитати оби* — пояса, изготовлявшиеся в пров. Хитати; на них писали имя возлюбленного (или возлюбленной) и свое и преподносили в день праздника в синтоистский храм Косима. Жрец связывал пояса и гадал о судьбе. Восточная дорога (Адзумадзи) — дорога от столицы в восточные провинции. Стих. основано на игре слов: *како* — «крючок» и *како* с последующим *то бакари* — «на краткий миг».

¹⁰² Стих. Фудзивара Канэсуке (877–933), Г № 1102: «Совсем не слепо мое сердце, но в путях родительской любви заблудилось».

¹⁰³ См. гл. 4.

¹⁰⁴ Цукуси — старое название острова Кюсю.

¹⁰⁵ Речь идет о запретах, связанных с верой в богов китайского происхождения: Духа земли (Доки) и Срединного бога (Накагами или Тэнъитилзин). Дух земли обитает в каждом доме: весной в очаге, летом в воротах, осенью в колоде и зимой во дворе. При работах, связанных с «возмущением» места, где находится дух, опасались его мести и переселялись в какой-нибудь другой дом. Срединный же бог находится попеременно на земле сорок четыре дня, каждые пять дней меняя направление, и шестнадцать на небе. Двигаться в направлении его пребывания считалось крайне опасным, поэтому при необходимости сначала двигались в другом направлении, проводили какое-то время в другом доме, а затем ехали туда, куда нужно.

¹⁰⁶ Пляска *Госэти* (Пять мановений) — древний японский танец. Исполнялся на пиршестве, следовавшем после церемонии «вкушения риса», ритуального праздника нового урожая. Поначалу его исполняли дамы-аристократки, затем — профессиональные танцовщицы. По преданию, император Тэмму (годы правления: 673–686), находясь в загородном доме в горах Ёсино, играл однажды на цитре. Перед ним появилась танцующая фея. Во время танца она взмахнула пять раз рукавами, что и явилось прообразом *Госэти*.

¹⁰⁷ Имеется в виду та часть усадьбы, где проживала мать императрицы.

¹⁰⁸ *Касива* — древнее обозначение вечнозеленых деревьев (кипарисовика и туи). Является символом старой неизменной любви. Стих. неизвестного автора, К № 886: «Как зимой не меняется хвоя кипарисовиков, растущих в Исоноками, так сердце не может забыть любовь». Исоноками — местность в уезде Ямабэ пров. Ямато. Имеется в виду, что Тоин была самой старшей из жен.

¹⁰⁹ Стих. неизвестного автора, К № 878: «Ни в чем не могу найти утешения, глядя на луну, которая светит в Сарасина над горой, где оставил я тетку». Намек на легенду, изложенную в ЯМ № 156. Под влиянием жены некто, живущий в Сарасина, завел в горы и оставил там старую тетку, которая его воспитала. Всю ночь он не мог заснуть, глядя на луну и представляя, как светит она над горой, и сложил стихотворение, приведенное выше. Утром он отправился в горы и привел тетку домой. С тех пор гора называется Горой брошенной тетки (Обасутэяма).

¹¹⁰ Она упомянута в гл. 5.

¹¹¹ См. примеч. 36.

¹¹² Женская красота являлась эстетическим идеалом в эпоху Хэйан, поэтому с ней часто сравнивается внешность мужчин.

¹¹³ Кагуя-химэ — Лунная фея, героиня *Такэтори моногатари* (Повесть о Такэ-тори).

¹¹⁴ См. примеч. 18.

¹¹⁵ Стих. Тайра Канэмори (ум. 990), С № 622: «Как ни скрывал, но страсть моя стала явной, и уже окружающие спрашивают, не влюблен ли я».

¹¹⁶ В экипажах знатных аристократов, императорских наложниц или представителей высшего духовенства спереди и сзади экипажа с внутренней стороны к занавескам на окнах прикрепляли длинные шелковые полотнища, которые свешивались наружу.

¹¹⁷ *Адзари* (святой отец) — почетный титул монаха высокого ранга.

¹¹⁸ Храм Нива (совр. Нинна) был основан в период правления Нинна (885–889), от чего и происходит его название: (годы) Человеколюбия и Согласия.

¹¹⁹ Храм Удзумаса (другое название Корю) находился в уезде Кадано (старое название Удзумаса) столичной префектуры.

¹²⁰ *Игиси* — монах, направляющий участников (монахов и мирян) во время буддийских служб.

¹²¹ Насчитывается пять обязанностей ученика по отношению к учителю: почитать и уважать его, помнить о его благодеяниях, следовать его наставлениям, неустанно заботиться о нем и, наконец, следовать за ним и восхвалять его.

¹²² Под «Асукаи» здесь имеется в виду дом Сагоромо. Асукаи — название места, известного благодаря одноименной песне *сайбара*: «Нало остановиться в Асукаи. Там тень от деревьев густа, вода студена и есть корм для коня».

¹²³ Стих. Фудзивара Токихира (871–909), К № 1049: «Если бы ты даже улалилась в горы Ёсино, что в стране Морокоси, я бы не остался один и последовал за тобой». В действительности эти горы находятся в Японии, но Токихира помещает их в Китай (Морокоси), по-видимому, чтобы подчеркнуть трудности путешествия. В горы Ёсино удалялись для буддийского затворничества.

¹²⁴ Стих. неизвестного автора, К № 448: «Скорбя о своей любви, я заполнил вздохами огромное небо, и тем стенаниям, что теснятся в моем сердце, уже некуда выйти». Также стих. неизвестного автора, К № 500: «Как непрерывно стелется дым от чадающих углей, отгоняющий комаров, так же горит от любви мое сердце».

¹²⁵ Стих. неизвестного автора, К № 1078: «Натягиваю лук из бересклета, что растет в местечке Адати в провинции Муцу, приглашаю тебя к себе. Не только сейчас,

но и в будущем долго втайне посещай меня». Эта песня исполняется во время синтоистского обряда «увеселения богов» (*ками-асоби*) и поется, когда исполнитель берет в руки лук. Стих. основано на разных значениях слова *хики* — «натягивать лук» и «тянуть (приглашать)». Первая половина стих. является «вступлением» к этому слову.

¹²⁶ См. примеч. 122. «Асукаи» в дальнейшем становится прозвищем героини.

¹²⁷ Этот эпизод аналогичен истории Гэндзи и Югао из *ГМ* (гл. «Вечерний лик»). Гэндзи тоже не открывает возлюбленной своего имени.

¹²⁸ «Обменяться клятвами в верности» — вступить в любовную связь.

¹²⁹ «Изголовье из травы» — часто встречающийся в поэзии образ для обозначения ночи, проведенной в пути, т. е. вне дома.

¹³⁰ Китидзётэн (санскр. Шри) — одно из имен Лакшми, богини красоты и счастья, супруги Вишну.

¹³¹ Стих. неизвестного автора, *СК* № 1703: «Там, где на берег набегают белые волны, проводит свой век дочь рыбака, у которой нет своего дома».

¹³² Стих. неизвестного автора, *Фубоку вакасё* (Изборник японских стихотворений) № 14 884: «Только тебя, никого больше я не люблю. Нет такой почтовой станции, чтобы заставила меня покинуть станцию Насибара».

¹³³ Стих. принца Мотоёси (890–943), *С* № 766: «Так измучен, что ныне готов на все. Пусть я стану бакеном в бухте Нанива (т. е. погибну в волнах бухты Нанива), но хочу встретиться с тобой».

¹³⁴ Стих. Фудзивара Санэката, *Санэката сю* (Собрание стихотворений Фудзивара Санэката) № 100: «Прольется ли твоих слов поток, как изливается источник в скалах? Так, чтобы удовлетворилось мое сердце».

¹³⁵ Узорчатый шелк из продольных белых нитей и поперечных зеленых.

¹³⁶ См. примеч. 34.

¹³⁷ Намек на слухи, что девица — дочь Хорикава.

¹³⁸ Стих. основано на контрасте, широко используемом в японской поэзии. См. стих. принца Тадаёсу из *УМ*: «В траве назойливо звенят цикады, а я, думая о тебе, не говорю ни слова» (*НКТБ*, т. 10, с. 212). Также стих. Сонэ Ёситала (годы жизни неизвестны), *Синсэй розэй сю* (Новое собрание розэй): «Как громко звенят цикады, собравшись во множестве на поле! А я не могу высказать то, что у меня на сердце».

¹³⁹ *Розэй* на стихотворение Сюй Хунь (IX в.) *Сяньян чэн дунлоу* (Поднимаюсь на восточную башню в крепости Сяньян), *ВР* № 194: «Птицы опускаются в заросли трав, / В парке Цинь — уныние. / Цикады звенят в пожелтевшей листве, / В ханьском дворце осень». Парк Цинь — парк во дворце Сяньян, построенном Цинь Ши хуанди. Ханьский дворец — дворец в Чанъани.

¹⁴⁰ См. предисловие Ки Цураюки к *Ко* японской песне: «Без всяких усилий движется она небом и землею... смягчает сердца суровых воинов» (пер. А. Е. Глускиной).

¹⁴¹ Стих. Фудзивара Тадакуни (годы жизни неизвестны), *Г* № 1281: «Не я один, даже растения страдают от любви; ведь белая роса лежит не только на моем рукаве, но и на травах». Под «белой росой» подразумеваются слезы.

¹⁴² См. примеч. 138.

¹⁴³ В китайской поэзии луна играет большую роль в стих., посвященных разлуке родственников, друзей или влюбленных. Находясь в разных местах, они смотрят в одно и то же время на луну и чувствуют единение друг с другом.

¹⁴⁴ Стих. неизвестного автора, *К* № 717: «Хочу расстаться, пока не наступило преисполнение. И (это чувство ненасыщенности) я оставлю в прошлый подарок, который забыть невозможно».

¹⁴⁵ Стих. Ки Томонори (ум. нач. X в.), *К* № 615: «Что такое жизнь? Она ничтожна, как исчезающая роса. И я не жалел бы, если бы смог отплатить ее за свидание с тобой».

¹⁴⁶ Асукаи имеет в виду разговоры о Сагоромо.

¹⁴⁷ Стих. Сонэ Ёситала, *Ёситала сю* (Собрание стихотворений Сонэ Ёситала) № 508: «Неприятно, что утром пролетавшие в небе гуси подняли ветерок, от которого ложится белая роса на листья *хаги*». Также стих. Минамото Сигэюки, *Сигэюки сю* (Собрание стихотворений Минамото Сигэюки) № 123: «Не крылья ли гусей, улетающих на север, подняли этот ветерок? На вершине горы, над которой они пролетели, все цветы опали».

¹⁴⁸ Смысл стих.: «Мы видимся время от времени, но, может быть, это скоро прекратится». См. стих. неизвестного автора, *К* № 677: «Ирис, растущий в Митиноку, на болоте Асака! Долго ли будет помнить тебя человек, бросивший на тебя лишь один взгляд?» Болото Асака находилось в уезде Асака, пров. Муцу.

¹⁴⁹ Застава Аусака (встреч) — застава на горе Аусака, на границе провинций Ямасиро и Оми. По-видимому, в этом месте цитируется какое-то стихотворение, но источник не установлен. Асукаи имеет в виду: «когда мы вновь встретимся».

¹⁵⁰ Стих. неизвестного автора, *С* № 1230: «Пусть опадут листья с горных дубов сии, как теряют перья при линьке ястребы-перепелятники, летающие над ними, — мои чувства к тебе не изменятся». *Сии* — дуб Зибольда (вечнозеленый).

¹⁵¹ Церемония обычно проводилась весной после весеннего назначения и в редких случаях осенью.

¹⁵² Супруга отречшегося от престола императора Итидзё была старшей сестрой Тоин.

¹⁵³ Имеется в виду, что он рядом с Сагоромо кажется безобразным.

¹⁵⁴ Урума — старое название острова Уллындю, который входил в состав корейского царства Силла.

¹⁵⁵ Дама укоряет Сагоромо за то, что, приходясь братом Имахимэ, он не проявляет к ней истинных братских чувств. Горы Сэ и Имо («брат и сестра» или «муж и жена») находятся в пров. Ки.

¹⁵⁶ Сагоромо имеет в виду, что его сердце (отношение к Имахимэ) глубоко, в то время как сердце самой дамы мелко.

¹⁵⁷ По-видимому, здесь имеется в виду какая-то пословица, смысл которой предположительно был такой: «К чему лаять собаке, если она убегает?»

¹⁵⁸ Стих. Фудзивара Ёситала (953–974), *ВР* № 229: «Осенью, как всегда, необычны вечера. Ветер шумит над мискантом, на нижние ветки *хаги* ложится роса».

- ¹⁵⁹ Темно-серое платье — траур, который Имахимэ носила по матери.
- ¹⁶⁰ Возможно, это пословица того времени.
- ¹⁶¹ Стих. неизвестного автора, С № 749: «Где находится деревня Беззвучная, в которой не раздавался бы плач от любовной тоски?» Относи (Беззвучная) — неизвестно, существовала ли деревня с таким названием.
- ¹⁶² По-видимому, это цитата, но источник не установлен.
- ¹⁶³ В древних повестях так сообщается о беременности.
- ¹⁶⁴ Стих. Мононобэ Ёсина (годы жизни неизвестны), К № 955: «Хотел бы убежать на горные тропы, где не видно горестей мира. Но моя любовь стала для меня путями».
- ¹⁶⁵ В 1 гл. второй части объясняется, почему Митинари не сопровождал Сагоромо к Асукаи.
- ¹⁶⁶ Ветер *новаки* — тайфун, дующий между 210 и 220 днями года.
- ¹⁶⁷ *Розы* на стих. Бо Цзюйи *Шанъян байфа жэнь* (Седая дама во дворце Шанъян), ВР № 233: «Осенняя ночь длинна. Совсем не могу уснуть. Никак не наступит рассвет. Догогорающий светильник бросает на стену мою тень. В темноте лишь дождь шумит и стучит в окно».
- ¹⁶⁸ Стих. основано на омонимах: *хирума* — «пока высохнет» и *хирума* — «день». Река Асука ассоциируется с Асукаи.
- ¹⁶⁹ См. примеч. 105.
- ¹⁷⁰ См. примеч. 164.
- ¹⁷¹ Стих. неизвестного автора, КР № 5111: «Сколько я ни говорю, что безрадостен наш мир, но нет таких гор, чтобы в них скрыться. О, горные груши!» Стих. построено на игре слов: *яманаси-но хана* — «цветы горных груш» и *яма нас* — «нет гор».
- ¹⁷² Стих. Фулзивара Асатада (910–966), С № 678: «Если бы я совершенно потерял надежду на встречу с тобой, я, примирившись, не сетовал бы ни на твою жестокость, ни на свое невезение» (букв. «ни на тебя, ни на себя»).
- ¹⁷³ Деревня Токива — западный пригород столицы. Первоначально там находился загородный дом левого министра императора Сага, Минамото Токива. В *СМ* там находится усадьба покойного отца Асукаи, где живет ее тетка, принявшая монашество.
- ¹⁷⁴ Горы, которые тянутся с севера на юг через западный пригород столицы.
- ¹⁷⁵ По-видимому, это цитата из стих., но источник не установлен.
- ¹⁷⁶ Под «листьями вечнозеленого дерева *сиси*» понимаются клятвы Сагоромо в верности.
- ¹⁷⁷ Может быть, это было действием, предписываемым народным верованием для достижения какого-то результата.
- ¹⁷⁸ Во время смуты на четырех заставах, окружающих столицу, совершались жертвоприношения петухов, к которым привязывались пучки волокон (вотивные приношения), специальным образом приготовленные из коры бумажного дерева (*кодзо*). Небесный грот — см. примеч. 84.
- ¹⁷⁹ Имеется в виду стих., которое Сагоромо сложил в день их первой встречи; см. гл. 12.

- ¹⁸⁰ Местечко на реке Ёдогава к югу от Киото, откуда корабли отправлялись на Цукуси.
- ¹⁸¹ Имеется в виду Сагоромо.
- ¹⁸² Торикаи находилось в пров. Сэтцу (ныне Осака) уезда Мидзима.
- ¹⁸³ Порт на реке Ёдогава возле нынешнего Осака; славился «веселыми кварталами».
- ¹⁸⁴ Арамисаки — бог, препятствующий союзу между мужчиной и женщиной.
- ¹⁸⁵ Стих. Сонэ Ёситада, СК № 1071: «О, путь любви! Ты подобен воротам Юра, когда лодочник потерял весла и вынужден отдаться на волю волн». Ворота Юра — название пролива, точное местонахождение неизвестно (предположительно, в пров. Танго или Кию).
- ¹⁸⁶ Стих. Оно Комати (IX в.), Г № 779: «С тех самых пор, когда, отдавшись велению сердца, села в маленькую лодку, нет ни дня, чтобы волны не замочили меня». Стих. построено на игре слов: *уки* — «плыть» и *уки* — «печальный, горестный». Под «волнами» подразумеваются слезы.
- ¹⁸⁷ Это противоречит вышесказанному о том, что Сагоромо не догадывался об отъезде.
- ¹⁸⁸ Стих. из *ГМ*: «Если бы я, по легкомыслию, не связал ветви мисканта, что дорос до стрехи, как стал бы я изливать на него упреки, многочисленные, как капли росы?» (*НКБТ*, т. 14, с. 171).
- ¹⁸⁹ Стих. принца Фусинай (ум. 958) (*Кацура-но мия*), КР № 3324: «Осень — это время, когда мы должны расстаться с близкими. Именно в это время и привыкаешь к ночному холоду».
- ¹⁹⁰ Стих. построено на игре слов: *соно хара* — «это чрево» и Сонохара (название местности в пров. Синано); первая половина слова *хахакиги* (сказочное дерево, которое в древности якобы росло в Сонохара, дерево-веник) и *хаха* (мать). Смысл первой половины стих.: «Будут спрашивать, кто его мать».
- ¹⁹¹ Стих. из *ГМ*: «На поле, поросшем тростником, где все громче звон цикад, спустился посланец из облачного чертога (императорского дворца), и роса моих слез стала еще обильнее» (*НКБТ*, т. 14, с. 38).
- ¹⁹² Стих. Какиномото Хитомаро (годы жизни неизвестны), М № 2373: «Сказать мне, когда я люблю? — / Не бывает, чтоб я не любил. / Но начнет вечереть — / И от страшной тоски / Я спасенья не знаю тогда...»
- ¹⁹³ «Неподвижные облака» сравниваются с Асукаи, которая не осталась, как они, на месте, а исчезла в неизвестном направлении.
- ¹⁹⁴ Западная гора — рай Будды Амида (санскр. Амитабха), иначе — Чистая земля.
- ¹⁹⁵ Стих. неизвестного автора, К № 221: «Не слезы ли это летящих по бескрайнему небу гусей? На *хаги* во дворе у меня, где мучусь любовными думами, пала роса».
- ¹⁹⁶ Стих. Отомо Якамоти (716–785?), М № 4072: «Любуясь на луну, что в небесах плывет / Ночами черными, чернее ягод тут, / Любимая моя / Меня, наверно, ждет, / Считая ночи, что проходят в ожиданье...»
- ¹⁹⁷ *Розы* на стих. Бо Цзюйи *Цюйчжун Юань Цзю цзэн* (Во время осеннего дождя пишу Юаню Девятому), ВР № 301: «Не могу сдержать печаль. Земля покрыта красными листьями и зеленым мхом. К тому же холодный ветер, вечером льет дождь».

¹⁹⁸ По-видимому, имеется в виду: устыдившись, что усомнилась в искренности Сагоромо.

¹⁹⁹ Стих. неизвестного автора, Г № 1160: «Дорога пряма, но нет надежды быстро достичь тех краев. Как ни близка от тела Застава одежд, но...» Застава одежд — застава на реке Коромогава («река одежд») в совр. пров. Иватэ.

²⁰⁰ Стих. неизвестного автора, К № 377. Ки Мунэсада, отправляясь в восточные провинции, провел ночь в доме какой-то женщины для изменения направления. На рассвете он покинул ее и явился к жене, чтобы попрощаться. Он увидел стихи, которые она написала: «Знать сейчас нельзя, и если пролится моя жизнь, я увижу потом: забуду ли я его? или он перестанет меня навешать?»

²⁰¹ Мусиакэ — бухта на границе пров. Харима и Бидзэн (ныне в пров. Окаяма). К юго-востоку от бухты находится остров Нагасима, пролив между островом и берегом называется проливом Мусиакэ.

Часть вторая

1

Зимой в саду все увяло. Кое-какая трава таилась возле канав, столь чахлая, что невозможно было сказать, не засохла ли уже и она; только цветы любви распускались все пышнее ¹. «Даже стихотворение “Рядом с мискантом вянет трава любви”² напоминает о ней», — думал Сагоромо, но он с тоской предчувствовал, что и эти цветы исчезнут под слоем инея.

Землю иней покрыл. На поле,
Что я посетить собирался,
Все растенья увяли.
У кого бы спросить
О росе на траве придорожной?³

Сагоромо так и не узнал, кем была Асукаи, и это причиняло ему такое горе, что он не мог ни думать, ни говорить ⁴. Ее положение было незначительным, и он не мог бы открыто жениться на ней. Но что могло превзойти боль разлуки с ней, когда он еще не насытил своей страсти?⁵ Облик Асукаи, наивный, застенчивый, милый, преследовал его, и он не мог поверить, что их встречи так неожиданно прервались.

Уехавший на Цукуси старший помощник главы Палаты обрядов Митинари был младшим братом правителя провинции Хидзэн. Третий брат, Митисуэ, еще не дослужился до чиновника в

домашней управе верховного советника и только выполнял различные поручения в его усадьбе. Митинари же был чиновником управы, и, когда он не мог покинуть службу, при Сагоромо находился Митисуэ, который, как тень, следовал за своим господином и не оставлял его даже в ночных поездках к дамам. Это он сопровождал Сагоромо, когда тот отправлялся к Асукаи. При этом он не говорил Митинари, куда ездил Сагоромо, а тот не открывал брату, кого он собирается увезти на Цукуси. Видя, как страдает его господин, Митисуэ, никому не говоря ни слова, пытался отыскать пропавшую. Он совершал паломничества в храмы и просил будд и богов указать, куда она скрылась.

Помощник наместника прислал с дороги письмо господину Хорикава: «Жена моего сына Митинари неожиданно покинула мир, поэтому мы остановились в провинции Бидзэн. Прискорбно, что в самом начале нашего пути на новую службу произошло такое несчастье».

— Я не знаю, о ком идет речь. Митинари в строжайшей тайне увез с собой какую-то девицу, и она скорострительно скончалась. Как это печально! — сказал Хорикава.

Митисуэ пришел к погруженному в мрачные размышления Сагоромо.

— Я узнал о необычайном происшествии. Жена Митинари бросилась в море. Когда я услышал, что при этом, плача, говорила ее кормилица, я подумал, что это та самая Асукаи, исчезнувшая неизвестно куда. Брат говорил мне, что разыскивает девицу, которую увидел в храме Удзумаса. По-видимому, он не догадывался, что вы ее посещаете. Если это действительно она, — какое удивительное стечение обстоятельств!

— Может быть, ты и прав. Но если бы он и знал, такого повесу, как твой брат, это бы не остановило, — только и ответил Сагоромо.

«Я поспешил рассказать ему, а может быть, это еще и не так...» — подумал Митисуэ, жалея господина.

«Лучше бы не знать, куда она скрылась, — думал Сагоромо. — Ведь я посещал ее долго, не пару ночей, и вряд ли Митинари не догадывается об этом, хотя брат его утверждает обратное. Митинари увидел ее в храме Удзумаса, потом он, должно быть, сговорился с кормилицей. Это человек беззастенчивый, способный на все. Мне было бы легче, если бы ее похитил монах. А сейчас на

душе у меня отвратительно, мне так обидно... Как бы побыстрее выяснить...»

Его отчаяние и скорбь были беспредельны. С Митисуэ он об этом больше не заговаривал.

2

Наступил новый год ⁶. Сагоромо был назначен старшим советником министра и генералом Личной императорской охраны. С каждым годом он достигал все более высоких чинов. Он блистал во всем, за что ни брался, и такие достоинства внушали за него опасения. Родители Сагоромо ни на миг не забывали о явлении небесного отрока, и сердце у них болело от страха за сына.

Наследник престола изъявил желание, чтобы дочь правого министра поступила к нему на службу, но при этом добавил, чтобы она въехала во дворец после Гэндзи-мия, что крайне опечалило министра. Хорикава же сказал наследнику престола: «Я никогда не был против вашего желания видеть Гэндзи-мия у вас на службе. Однако подождите, пока она еще немного подрастет, а тем временем возьмите во дворец дочь правого министра».

Слушая его непрестанные убеждения, наследник с раздражением думал, что Хорикава совсем не собирается отправить к нему девицу. Правый министр, не имея разрешения верховного советника, не знал, как же ему быть, но, получив его, стал спешно готовиться к въезду дочери во дворец.

Император видел, что Вторая принцесса стала совсем взрослой и красота ее расцвела. Он с сожалением думал, что нет для нее достойных женихов. Мать принцессы, Вторая императрица, считала, что лучше ее замуж не отдавать. Императрица была дочерью покойной высочайшей наложницы Тюнагон ⁷, и у нее была всего одна сестра, Гэндзи-мия. После того как дочь Хорикава въехала во дворец и была объявлена Первой императрицей, она стала пользоваться большой благосклонностью императора и затмила всех остальных его жен. Для Второй императрицы такое положение было мучительным, и она спрашивала себя, государыня ли она еще или уже нет. У нее был мягкий характер, и она не была склонна к соперничеству, но тем не менее она воздерживалась от тесных отношений с Первой императрицей и питала к

семе Хорикава чувства, о которых сказано в песне о Карибанооно⁸. Однако на редкость великодушный верховный советник по любому поводу оказывал ей знаки внимания.

Пообещав отдать Вторую принцессу в жены Сагоромо, император ждал со стороны молодого человека отклика, но тот не написал принцессе ни одного письма. «Наверное, он не расположен...» — решил государь и больше с Сагоромо об этом не разговаривал, но как-то раз сказал Хорикава:

— Кажется, что предложенное вознаграждение флейтиста не прельщает. Жить мне осталось мало, и меня заботит, что Вторая принцесса останется без опоры. Иногда я думаю подыскать ей другого мужа. Или, сделав вид, что не замечаю равнодушия Сагоромо, настоять на браке?

Хорикава понимал, что высочайшее желание тяготило Сагоромо, и с тревогой думал: «Что же из этого выйдет?» Нельзя было противиться воле императора, выраженной столь настойчиво, и советник почтительно произнес:

— Как может мой сын идти против воли государя? Я знаю о вашем желании, но поскольку вы не изволили говорить определенно, я не решался предпринимать какие-то шаги. Для нас это величайшая честь. Я готов выполнить ваше повеление как можно скорее.

— В таком случае назначим церемонию на четвертый месяц, — произнес император.

Хорикава еще раз выразил свою радость, но про себя думал с тревогой: «У Сагоромо к этому браку душа не лежит. Как он поступит?»

Придя домой, Хорикава рассказал ему о своем разговоре с императором.

— Я давно догадываюсь, что тебе это не по нраву, но разве я мог доложить об этом государю? Я ответил ему, что ты согласен. Как быть? Жениться ты не хочешь, но если бы речь шла о девице из обычного дома, можно было бы пропустить предложение мимо ушей. Государь, обратив на тебя внимание, оказывает тебе необычайную честь. Откладывать церемонию нельзя. Приготовься встречать невесту.

Честь была безгранична. Хорикава, убеждая сына поступить своим нежеланием, страдал в душе. Горько сокрушаясь, Сагоромо был благодарен отцу хотя бы за то, что он в противоположность другим родителям щадил его чувства.

— Что может быть почетнее, чем этот брак? — ответил Сагоромо. — У меня не лежит душа к нему просто потому, что я привык жить так, как мне вздумается. Женившись, я буду стеснен, а мне еще некоторое время хочется насладиться свободой. Кроме того, Вторая императрица не согласна, поэтому было бы затруднительно...

— Женщины, и благородные и низкого происхождения, всегда стараются настоять на своем. Мы должны следовать воле государя. Вторая императрица возражает против твоего брака из-за Первой императрицы. В противном случае никаких препятствий не было бы, несмотря на высокое положение избранницы. Подданные по своей воле не могут жениться на принцессах, но не думай, что такое счастье и честь редки. С древних времен до наших дней многие, стоящие по положению ниже тебя, вступали в подобный брак. Не считай себя недостойным этого предложения.

— И днем и ночью сетую на судьбу, которая за какие-то грехи в предыдущих рожденьях предопределила мне взять ее в жены! — воскликнул Сагоромо.

— Государь мудро желает устроить судьбу своей дочери. С материнской стороны у принцессы нет родственников, которые бы заботились о ней. По сравнению с тобой любой принц — неподходящая для нее партия. Император говорит, что, может быть, он пристрастен, но ему кажется, что дочь — красавица. Наверное, принцесса и впрямь существо необыкновенное. Я никогда не хотел, чтобы ты взял в жены дочь обычного подданного, пусть и раскрасавицу. С какой стороны ни посмотри, лучше принцессы тебе жены не сыскать.

Сагоромо вынужден был согласиться с отцом.

«Я не мог бы идти против намерения государя и отца, если бы даже речь шла о чем-то, противном рассудку. Итак, решено. Как я буду жить, отказавшись отныне от своих чувств? Разве это возможно? Я должен буду делать вид, что у меня есть другой интерес для существования⁹. Даже женившись на принцессе, я не оставляю желания найти прибежище далеко в горах¹⁰, а государь, щедро взыскивая меня, рассчитывает на то, что я буду опорой принцессе до самого конца. Я буду страдать, и, хоть в душе у меня нет особых чувств к ней, жалость к ней и благодарность к императору явятся для меня узами, привязывающими к дольному миру¹¹. Мать принцессы против этого брака и уже сейчас приходит

⁹ Повесть о Сагоромо

в отчаяние. Если бы можно было отнестись к благосклонному желанию императора как к пустым словам и незаметно забыть дело!» — думал Сагоромо. Ему было донельзя жалко Вторую принцессу, и втайне от всех он сетовал на то, что император не оставляет мысли об этой женитьбе.

3

У кормилицы Сагоромо, жены старшего помощника наместника на острове Цукуси, была младшая сестра по прозвищу Тюнагон, которая с молодых лет служила в Отделении дворцовых прислужниц. Вторая императрица относилась к ней дружелюбно. Приходя в дом Хорикава, Тюнагон иногда рассказывала о принцессах удивительные истории, к которым Сагоромо жадно прислушивался. После того как император изъявил свое желание выдать за него замуж свою дочь, Сагоромо потерял покой и обходился стороной Дворец щедрых наград¹².

Уезжая на Цукуси, кормилица наказывала сестре: «Заботься о Сагоромо так же, как заботилась я». Между Тюнагон и генералом установились теплые отношения. Обычно она писала ему: «Я должна вам что-то сказать», — и время от времени Сагоромо посещал ее.

Однажды, получив такую записку, Сагоромо отправился к ней, но ему доложили, что Тюнагон прислуживает императрице, которая находится в покоях государя. Сагоромо, досадуя, еще стоял в комнате, когда вдруг услышал, как кто-то наигрывает на цитре в ладу *бансики-тё*¹³, тихонько, для себя, то и дело останавливаясь. Звуки были необычайно красивыми и проникали в самое сердце.

«Должно быть, это Вторая принцесса», — подумал Сагоромо. Очарованный, он приблизился к двери с южной стороны и стал прислушиваться. Створки боковой двери были приоткрыты, внутри виднелся свет. Никто молодого человека не замечал. В жаровне тлел огонь. Монах, читающий ночью в покоях молитвы, видимо, на некоторое время отлучился. Сагоромо бесшумно вошел, задул огонь, взмахнув веером, и двинулся на звуки цитры. Императрица находилась в покоях государя. Было уже поздно. Не было слышно ничьих голосов, лишь раздавались время от времени тихие звуки.

«Может быть, я смогу увидеть ее», — подумал Сагоромо. Пройдя за раздвижные перегородки мимо множества расставленных переносных занавесок, он проник во внутренние покои. Это были комнаты дочерей императора. Перед постелью близко друг от друга лежали две молоденькие девицы. Свет от светильника был слаб. Сагоромо не мог понять, кто из них Вторая принцесса.

«Может быть, та, которая лежит дальше отсюда и наигрывает на цитре», — решил Сагоромо и обратил на нее взгляд. Необыкновенно красивые волосы, каких он никогда не видел, стелились по одежде. В помещении находилось всего лишь три прислужницы. Сагоромо прислушался к их разговору и понял, что речь идет о нем.

— В ту ночь произошло такое необыкновенное событие, что просто страх берет. Ведь своими глазами видели одного из небожителей, о которых раньше знали понаслышке...

— Он был так необыкновенно красив, что сразу было понятно: это существо не нашего мира.

— Но и генерал, который, страдая, играл на флейте и колебался, подняться за ним в небо или нет, при блеске светильников тоже не казался обыкновенным существом. От него так и исходило сияние чарующей красоты. Какая женщина могла бы быть ему под стать? Может быть, потому-то он и не останавливает ни на ком свой выбор. Какая жалость! Он слишком серьезен, и, похоже, что-то терзает его сердце. Если бы он был немного легкомысленнее, какие страдания причинил бы он женщинам!

— Как только взглянешь на такое великолепие, вся душа приходит в смятение. Конечно, где найти жену ему под пару? Предположим, что какая-нибудь замухрышка вроде меня в прошлых воплощениях была его женой...

— Когда дочери принца, главы Ведомства дворцовых служб, рассказали о событиях той ночи, она сразу же принялась рисовать. Портрет небожителя очень ей удался, он был необыкновенно красив и очень похож. А когда она дошла до изображения генерала, то через некоторое время воскликнула: «Кисть не может передать его образ!» — и в конце концов разорвала нарисованное.

Одна из принцесс, Третья, как подумал Сагоромо, немного приподнялась и с досадой сказала:

— Очень жаль, что мне ничего не показали.

Она была еще совсем ребенок, полненькая, красивая, очаровательная.

— Я хотела было вам принести, но дочь принца, к моей досаде, все собрала и спрятала. Похоже, она собирается выйти замуж за генерала, — разоткровенничалась прислуживающая дама.

Вторая принцесса молча касалась рукой струн цитры и посматривала на разговаривающих и смеющихся дам. В неясном свете Сагоромо мог видеть, что она улыбалась.

«Поистине, это ни с кем не сравнимая красавица», — подумал молодой человек. Теперь, когда он увидел принцессу, которую раньше воображал только с чужих слов, сердце его неудержимо устремилось к ней, и он не мог заставить себя уйти. Монах, который куда-то отлучался, возвратился и со стуком закрыл боковую дверь. Делать было нечего. «Как я теперь выйду отсюда?» — подумал Сагоромо и вновь устремил глаза на принцессу.

Та, которая рассказывала о дочери главы Ведомства дворцовых служб, заговорила о даме, которая послала Сагоромо стихотворение о заросших полынью воротах:

— Это сложила дама по прозвищу Сайсё, дочь кормилицы этой самой дочери принца.

Сагоромо с интересом стал прислушиваться к разговору.

— Моя хроническая болезнь опять обострилась, — сказала пожилая дама. — Каждый день надеюсь, что больше не будет приступа, но каждую ночь страдаю ужасно. Сегодня Вторая императрица отсутствует... Пусть кто-нибудь останется вместо меня возле принцесс.

Она удалилась. Это, по-видимому, была кормилица. Одна из оставшихся дам сказала:

— Третьей принцессе буду прислуживать я, Тюдзё, — и стала переодевать принцессу в ночное платье.

«Значит, это была дочь кормилицы из дома принца...» — подумал Сагоромо.

— Уже поздно. Время ложиться, — обратилась Тюдзё к Третьей принцессе, но та не сдвинулась с места и, задремав, опустилась на пол.

Сестра же ее, которая играла на цитре, вскоре положила голову на инструмент и накрыла лицо рукавом. Она не была похожа на обычных людей. Сагоромо она показалась такой красивой, что у него начало щемить грудь, и он сожалел, что должен будет уйти,

лишь поглядев на нее издалека. Охваченный новыми чувствами, Сагоромо укорял себя за то, что раньше, когда он появлялся во дворце с выражением почтения, ему было в тягость говорить со Второй принцессой, отделенной от него занавесью. Увидев ее так близко, он не мог уйти, ничего не сказав. Он осторожно двинулся к принцессе. Она не успела ничего осознать, только жалобно произнесла: «Кто это?»

— Так ждал встречи с тобой,
Что от любовной тоски,
Казалось, с жизнью расстанусь.
Никак поверить не мог
Государя словам... —

произнес Сагоромо.

Догадалась ли в ужасном смятении принцесса, кто это? Охваченная стыдом, не в силах о чем-либо думать, она натянула на голову платье и горько плакала. Вблизи она казалась молодому человеку еще прелестнее, и, забыв о прежнем равнодушии к ней, он и представить не мог, что встанет и уйдет.

— Когда государь сказал мне, что жалует мне соломенный плащ ¹⁴, я не мог не поверить — разве может государь не сдержать своих слов? — но в душе я сомневался. Когда я узнал, что Вторая императрица против нашего брака, меня охватило уныние. Сейчас мы так близки; послушайте же, как мне было невыносимо терпеть это положение. Подумайте спокойно. Если бы государь не изъявил свою волю, разве я решился бы на такой шаг? Я не хотел быть непочтительным по отношению к вам, — прошептал он.

По правде говоря, из-за случившегося не стоило испытывать к нему такого отвращения, но для женщины всегда огорчительно и стыдно столь неожиданным образом завязать отношения с неизвестным мужчиной, тем более для столь утонченного существа, как принцесса. Закутавшись в одежду, она мучительно о чем-то думала. Она была необыкновенно трогательна. Платье ее во многих местах распоролось, и можно было видеть прекрасное тело, восхитительно тонкую кожу. Сагоромо со стыдом подумал, что государь возносил его до своей дочери незаслуженно. Он вспомнил красоту рук Гэндзи-мия, которыми он любовался в тот день, когда повалил дым на восьми островах в Муро ¹⁵.

«Как же это случилось? — спросил он себя. — Теперь мой брак с принцессой неизбежен. Значит ли это, что моей многолетней любви к Гэндзи-мия должен прийти конец? Сам прекрасно понимая, что моя страсть постыдна, я вряд ли смогу относиться отныне к Гэндзи-мия как к постороннему человеку. Она должна въехать во дворец наследника престола, и я хотел скрыться далеко в горах¹⁶. Но в нынешнем мучительном положении не лучше ли мне забыть о краях, где не видно горестей мира¹⁷? Невозможно представить, как убивалась бы принцесса».

У него стало горько на сердце, из глаз готовы были политься слезы. Говорят, что встреча любящих обязательно состоится, как непременно покажется гора «Потом, любимый», но кто знает, когда это произойдет¹⁸? Все более и более подпадая под очарование принцессы, что должен был чувствовать Сагоромо при мысли о разлуке с ней?

Принцесса была ни жива ни мертва, и казалось, что сознание ее помутилось. Наше печальное существование подобно каплям росы, уносимых ветром, и никто не может утверждать, что увидит следующий день. К страданиям Сагоромо добавились опасения за принцессу. При этом он не испытывал желания немедленно исполнить волю императора, но и оставить все как есть было невозможно. Противоречивые мысли обуревали его, и, не представляя, как поступить, Сагоромо негодовал на себя. Он старался успокоить принцессу, которая еле дышала, и проникновенно говорил, проливая слезы:

— Если государь узнает о моем безрассудном поступке, мне несдобровать. Пока не будет объявлено указом о браке, я не смогу чаще, чем раньше, ни видеть вас, ни писать вам. Я попрошу даму Тюнагон передавать вам письма. Пожалуйста, не заставляйте меня тревожиться, притворитесь, что питаете ко мне расположение. Меня утешает, что нам недолго ждать свадьбы.

Когда принцесса услышала о намерении Сагоромо обратиться к Тюнагон, ее охватил стыд. «О, если бы я могла навсегда покинуть этот мир!» — думала она с сердечной мукой, проливая слезы, которые могли унести с собой ее самое.

Послышался голос ночного стражника Правой личной императорской охраны: «Рассвело!»¹⁹ Сагоромо в смятении не мог подняться, но он, как бог горы Кадзураки²⁰, не хотел показываться людям на глаза.

— Как ночь за ночью
Мост строит бог Кадзураки,
Так и я...
Разве было такое,
Чтобы он не явился на место?

Если вы будете так сокрушаться, вы обратите на себя внимание. Нам ничего не препятствовало обменяться клятвами. Скоро вы и сами согласитесь...

Он услышал, как открывается дверь, и понял, что монах выходит из дворца. Сагоромо смог тихонько выскользнуть вслед за ним. Можно было не беспокоиться за то, что его застанут у принцессы.

«Что меня толкнуло к такому неосмотрительному поступку?» — упрекал себя Сагоромо. Выходя из дворца, он подумал о том, что накануне дверь из твердых пород²¹ открылась сама собой и что ночью он испытал блаженство. Он рассердился на себя за эти мысли и, закрывая ее, сложил:

Не к добру
Открытой осталась вчера
Дверь из твердых пород.
Лучше бы мне
Перед нею помешкать!

4

Вскоре от государя возвратилась Вторая императрица и прилегла возле Второй принцессы. Когда проснулись слуги и начали открывать ставни, императрица поднялась и заметила возле дочери бумагу, которую мужчины обычно носят за пазухой для писем. «Что это такое?» — Императрица стала ее рассматривать. Такой прекрасной белой бумаги ей никогда не приходилось видеть. Она была измята, от нее исходил необыкновенный аромат. Тот же аромат витал вокруг лежащей принцессы. Императрица крайне удивилась.

«Как странно! Кто бы мог здесь это обронить?» — подумала она. Грудь ее стеснило, сердце сильно забилося, и она внимательно посмотрела на спящую дочь.

Принцесса проплакала всю ночь, и одежда ее была мокрой, как будто ее окунули в море. Даже волосы, на которые она натянула платье, были влажными.

«Здесь был мужчина, — догадалась императрица. — Какое горе! Кто бы это был? Может ли быть, чтобы кто-то осмелился проникнуть к дочери императора? Государь пожелал, чтобы генерал, столь выдающийся, что можно подумать, это существо не нашего мира, стал ей опорой на всю жизнь, — что теперь будет? В мире повелось, что принцессы не вступают в брак с простыми смертными. Если она станет женой самого обычного подданного, она вынуждена будет смотреть, как он при своем развращенном сердце повсюду заводит амуры. — Императрица хотела, чтобы принцесса не выходила замуж и оставалась подле нее. — Как же это случилось? Если мужчина проник сюда, кто-то из прислуживающих дам должен был помочь ему». Мучительные мысли одолевали ее, но дело было не такого рода, чтобы расспрашивать людей и доискиваться обстоятельств. Сердце матери было разбито. Как можно вынести подобные страдания, если они и длятся всего лишь один миг? У императрицы была возвышенная и серьезная душа, и она была непримирима к любовным историям, даже когда речь шла о связях, которые не нужно было скрывать. С болью в сердце она думала, что несчастье дочери было предопределено ее грехами в предыдущих рожденьях, и, как ни пыталась скрыть от чужих глаз свои чувства, не могла удержаться от слез.

Лежа в постели, принцесса слышала, как плачет императрица, и совсем теряла голову.

5

Остаток ночи Сагоромо провел во дворце Первой императрицы, а рано утром явился в ее покои. Она сидела перед открытой тушечницей и собиралась что-то писать.

— Есть ли у вас красивая бумага? Мне бы хотелось воспользоваться вашей тушечницей, — попросил Сагоромо.

Императрица достала из шкафчика письменные принадлежности и прекрасную бумагу синего цвета с фиолетовым оттенком.

— Вторая императрица и без того недовольна, что ваши сердечные наклонности и перед свадьбой дают повод к упрекам, —

сказала она, смеясь столь пленительно, что тревога Сагоромо в один миг рассеялась и он почувствовал себя счастливым.

— После ваших слов смогу ли я вообще сесть за тушечницу? — улыбаясь, сказал он. — Слабо колеблясь...²² — произнес он нараспев, глядя на императрицу.

В его глазах было столько очарования, что она подумала: «И вправду, он так замечателен, что ни одна из обыкновенных женщин не выдержит с ним сравнения».

Укрывшись возле постели, Сагоромо взялся за кисть. Страдающий облик принцессы неотступно преследовал его, но, опасаясь, как бы письмо не попало кому-нибудь на глаза, он не решался написать, что жаждет вновь встретиться с ней, как с гвоздикой, растушей у изгороди²³. Но разве можно наутро ничего не послать? Печально вздыхая, он написал беспечное послание:

«Что предвещает
Мне сон вчерашний?
Проснувшись,
У кого я смогу
Об этом узнать?»²⁴

Вскоре Сагоромо вновь направился во Дворец щедрых наград, чтобы увидеться с дамой Тюнагон.

— Сегодня утром я была в свите императрицы и, кажется, простудилась. Чувствую я себя очень плохо и до сих пор оставалась в постели, — сказала она ему, появляясь в небрежно накинутом платье.

— Вечером я приходил к вам, но возвратился ни с чем. После отъезда кормилицы я во всем полагаюсь на вас, а вы совсем не вспоминаете обо мне...

— Я как раз хотела вам сообщить о том, что сказал государь, и послала письмо. До вашего брака с принцессой остается мало времени, но почему-то всем кажется, что вы к этому не склонны. С какой стороны ни посмотри, лучшей пары вам не найти.

— Я видел сон, что скоро покину этот мир, поэтому на сердце у меня тоска и я совсем не думаю о женитьбе. Государь хочет, чтобы я на долгие времена был опорой принцессе, но я думаю, что этот брак будет для меня кратковременной радостью, а для принцессы источником скорби. Втайне я не перестаю размышлять о

печальном будущем, которое ее ждет со мной. Каким бы низким ни было мое положение, государь надеется, что мы с принцессой до самой смерти будем жить вместе. А разве ей не останется на память обо мне только небо, которое заволакивается туманом?²⁵ Отец мой считает, что я рассуждаю неразумно, — говорил он, заплакав.

«Почему он всегда об этом говорит?» — подумала со страхом дама и, подавив слезы, произнесла:

— Такой сон... Надо заказать особые молебны. Знала ли моя сестра о ваших настроениях? Однако во всем надо следовать влечению сердца. Вам нужно ответить верховному советнику определенно. Вторая императрица очень беспокоится о браке дочери.

— О моей ветрености ходят вздорные слухи. Императрица составила обо мне превратное представление. Что сказать относительно женитьбы на принцессе? Если бы я был легкомыслен и совсем не думал о ее будущем, я бы только радовался женитьбе. Даже монахам трудно отрешиться от мирского. Невозможно совсем не думать о том, относительно чего строго велено: «А если возле тебя нет монаха, то непрерывно зывай к Будде»²⁶. Для любого это честь, да и меня самого прельщает мысль о женитьбе на такой красавице, — сказал Сагоромо, улыбаясь. Он сиял молодостью и красотой, и даме показалось, что от этого блеска ее собственное лицо становится краше.

«Какие бы грешки за ним ни водились, сейчас он так рассудителен и беспокоится только о том, что счастье Второй принцессы будет непрочным. Справедливо говорят, что это воплотившийся на земле Будда», — подумала дама.

— Не подражайте в ваших речах почтенным отшельникам, — сказала она, рассмеявшись. — Святым вы в нашем мире не прослывете. Я и сама думаю, что если бы вы взглянули на принцессу, то не остались бы таким твердокаменным.

— Вы, женщины, убеждаете с таким искусством, что мне, при всем моем упорстве, приходится уступить. Будда не поддался на искушения, когда к нему послали совратительниц²⁷, а я... — с этими словами он вытащил из-за пазухи приготовленное письмо и протянул ей. — Будьте любезны, передайте это письмо принцессе так, чтобы никто не заметил. Пожалуйста, постарайтесь, чтобы оно не попало на глаза императрице. Она будет презирать меня за мой почерк, о котором так много попусту говорят. Покажите эти

каракули, похожие на следы лапок чомги, одной принцессе, чтобы она узнала о моих чувствах.

— Если я передам тайно, вряд ли это принесет вам пользу. Лучше, если оно попадет на глаза императрице. Государь несколько раз изволил говорить: «Как странно, что генерал не присылает писем принцессе. Неужели у него не лежит душа к женитьбе?» Если я брошу письмо у всех на виду, что в этом плохого?

— Ах, нет, нет! Не делайте этого, — возразил очень серьезно Сагоромо. — Покажите принцессе и сразу же порвите.

Дама посмотрела на него в недоумении.

— По правде говоря, я хотел бы просить вас показать мне вблизи эту принцессу, красоту которой вы все время расхваливаете. Тогда у меня, может быть, появится желание остаться надолго в этом мире. Если сегодня вечером представится возможность, дайте мне увидеть ее, — с необычайным жаром попросил Сагоромо.

«Наконец-то можно вздохнуть с облегчением!» — возликовала дама, но, напустив на себя огорченный вид, сказала:

— Просьба ваша нелепа. Вы еще не женились, и я даже подумать не могу о чем-то подобном. Разве речь идет об обычной женщине, чтобы на нее можно было глядеть в щель в занавесах?

Сагоромо чуть не рассмеялся, но открыл Тюнагон истинное положение вещей, сказать, что он прошел заставу, которая так строго охранялась²⁸, было немыслимо, и он не посвятил ее в происшедшее. Неотступно думая о трогательной красоте принцессы и о ее нынешнем положении, он сказал:

— Вы так несговорчивы. Но все же, если представится возможность, прошу вас...

Разве так трудно
Заставу пройти,
Что на гору Встреч
Путь преграждает?
Не неприступны врата...

Он поднялся. Тюнагон все это показалось странным, но, ни о чем не догадываясь, она ему не ответила. Спрятав письмо в рукаве, она отправилась в покои принцессы.

Третья принцесса уже поднялась, а Вторая все еще лежала в постели. Полог был подвязан и приподнят. Вторая императрица сидела, прислонившись спиной к одному из столбов у постели.

Тюнагон, не входя, заглянула в помещение через просвет между занавесями. Императрица рассматривала, поворачивая во все стороны, сложенную бумагу, которую обычно мужчины носят за пазухой, и, прикладывая рукав к лицу, горько плакала.

«Как странно! Что произошло? — подумала Тюнагон. — Почему именно сегодня он так спешил со своим письмом?» Она припомнила его стихотворение, и в душу ей закралось беспокойство. Если бы можно было прочесть переданное письмо! Без сомнения, это не было обычным приветствием, ей следовало быть с ним осторожной. «Если такое действительно случилось, императрица, чего доброго, решит, что это я впустила его», — подумала она в тревоге и решила припрятать письмо.

Стараясь скрыть истинную причину своих слез, императрица жалобно произнесла:

— Вчера вечером она была совершенно здорова. И вдруг... что с ней? Каждый вечер, когда я оставляю ее, я беспокоюсь. Когда ей станет лучше, придите ко мне.

Она удалилась в свои покои. Тюнагон приблизилась ко Второй принцессе и спросила:

— Как вы себя чувствуете? — но не получила никакого ответа. Она попыталась пригладить волосы принцессы и обнаружила, что они были очень влажными. Изголовье было так мокро от слез, что впору рыбаку закидывать удочку.

«Так и есть, — уверилась Тюнагон. — Как же без посторонней помощи он смог проникнуть к ней? А если ему кто-то помог, почему он поручил передать письмо мне? В чем же дело?» На сердце у нее стало тяжело, она находилась в недоумении, как такое могло произойти. Не говоря ни слова, она внимательно посмотрела на лежащую и, охваченная жалостью, представила себе, как должна страдать императрица. «Она знает, что я отношусь хорошо к Сагоромо, поэтому она непременно будет подозревать меня». Эта мысль ее не на шутку испугала. «Но брака теперь избежать невозможно, и императрица вынуждена будет согласиться», — вздохнула с облегчением Тюнагон. Больше медлить было нельзя, и Тюнагон сказала, положив письмо возле изголовья:

— Сегодня утром генерал просил меня передать вам вот это, и я не могла отказать. Я полагала, что вряд ли Вторая императрица будет против.

Принцесса и без того была ни жива ни мертва. Подумала, вдруг и письмо попадет на глаза, и совсем помертвела. Она сказала было: «Спрячьте его куда-нибудь», — но при мысли, что генерал все без утайки открыл даме, ей стало так стыдно, что она не могла вымолвить ни слова.

Видя, что принцесса не может сдержать слез, дама с горечью подумала: «Как же тут не плакать? Генерал, конечно, замечательный человек, но, когда надо быть предельно осмотрительным, умудрился обронить бумагу! Если его послание попадет на глаза императрице, ей не надо будет гадать, кто тайно проник сюда. Императрица, без сомнения, мечтала выдать дочь замуж не таким образом, и будет достойно сожаления, если она это увидит».

Сам Сагоромо настойчиво просил никому письма не показывать. Тюнагон теперь не могла думать о том, как помочь молодому человеку. Она с состраданием смотрела на принцессу и была так расстроена, как будто все совершилось по ее вине.

6

Покинув дворец, Сагоромо не переставал думать о случившемся. «Я никогда не помышлял о Второй принцессе, и мне были досадны даже упоминания о ней. Почему же по собственной воле я пошел по плававшему мосту грез?»²⁹ Ему казалось, что все это произошло с ним во сне. Сагоромо решил, что женится на принцессе и до самого конца будет заботиться о ней. Но при этом он не мог не досадовать на себя: «Отныне мои слезы будут так же чужды мне, как роса на листьях хаги...»³⁰ В своих горестях Сагоромо должен был винить одного себя. Так много мучительных мыслей обуревало его, что с ними нельзя было сравнить даже тысячу ветвей в роше Синода³¹. Весь день Сагоромо провел в слезах, снова и снова упрекая себя. Что подумали во дворце, увидев, в каком ужасном состоянии находится принцесса? Как он ни жаждал встретиться с ней, это было невозможно. Тем не менее он написал письмо Тюнагон:

«Исполнили ли вы мою просьбу? Весь день я только об этом и молюсь. Неужели сегодня вечером я не увижу желанного блеска?»³² Если я не получу благоприятного ответа, все мои усилия окажутся напрасными...»

— Что за бесчеловечные мысли! — воскликнула дама, но, не в силах гневаться на Сагоромо, улыбнулась. В ответ она написала:

«Утром я попыталась передать письмо, но его принять не пожелали. Не знаю, как быть. Мне кажется, что будущее внушает вам тревогу. Видимо, ваша неустанная приверженность Будде не дала должного результата.

Хоть говорил,
Что тропы любви
Ему неизвестны,
Но на гору Встреч
Давно уж поднялся...»

Читая это, Сагоромо невольно улыбнулся.

— Меня считают грешником, — пробормотал он и, чтобы замолить проступок, красивым голосом проникновенно пропел: «Чтобы и в будущих мирах вращать колесо Закона»³³.

Как ни тревожился Сагоромо о Второй принцессе, он не мог опята просить Тюнагон устроить ему свидание с ней.

Наступил вечер. В глубокой тоске Сагоромо глядел на облака³⁴. «Как же быть? — спрашивал он себя. — С одной стороны, с каждым днем надежды на счастье с Гэндзи-мией тают, но, не смотря на это, мои чувства к ней остаются неизменными. Что касается Второй принцессы, я и раньше был убежден, что мой брак с ней — дело превосходное, с какой стороны ни посмотри, а теперь и говорить нечего. Из-за благосклонного ко мне государя и из-за нее самой я не могу больше колебаться. Но жениться так скоро! Досадно!»

Он снова и снова упрекал себя за поступки, к которым его толкало легкомысленное сердце. Это должно было бы послужить ему горьким уроком.

Он печалился, что расстался с той, которая когда-то сложила: «Вся высохнет влага в болоте Асака»³⁵. Он никак не мог забыть ее и даже не собирался сравнивать с другими женщинами. Каждый раз, когда он видел даму положения более низкого, чем Гэндзи-

мией и Вторая принцесса, он вспоминал об Асукаи. После того как Митисуэ рассказал ему о бросившейся в море жене брата, Сагоромо беспрестанно мечтал увидеть ее, пусть она и стала соринкой на дне моря³⁶.

«Все больше любовью горю
И напрасно гадаю,
Куда ты исчезла.
Скрылась в глухих ли горах
Или в водной пучине?» —

сложил он. Когда он вспоминал об этой «росинке на придорожной траве»³⁷, она казалась ему женщиной несравненной.

Что касается «лианы на горе Встреч»³⁸, то Сагоромо не переставал мечтать, как бы еще раз тайно проникнуть к ней. Избежать брака с ней было невозможно, и Сагоромо, стая, ждал, что будет дальше. Когда Тюнагон рассказала ему, что императрица нашла бумагу, он почувствовал, как в груди у него что-то оборвалось. «Такая непростительная небрежность! — терзался Сагоромо. — Как жаль принцессу! Если императрица обо всем догадалась, брака не избежать». Упрекать Тюнагон было не в чем, Сагоромо оставил мысль снова тайно проникнуть к принцессе. Их мимолетные свидания, подобные пустым мучительным блужданием во сне по тропам любви³⁹, явились бы лишними страданиями для нее, а он не хотел жестоко относиться и к заурядным женщинам. Он боялся совершить новую оплошность, не писал принцессе писем, которые мог бы обронить и дать повод к подозрениям, остерегался громко жаловаться на судьбу. Ни днем ни ночью он не мог сомкнуть глаз. Все время из глубины души его поднимались стенания.

«Если бы знал кто-нибудь,
Как к прежним страданиям
Новые муки любви, о которых
Сказать не могу, подступают
От изголовья и с ног!»⁴⁰

При этом ему хотелось как-нибудь встретиться с дочерью главы Ведомства дворцовых служб, которая, как он слышал в ту ночь, собиралась за него замуж. «Не попросить ли помочь даму

Сайсё, которая живет там, где “ворота заросли полынью”?» — подумал он. Проезжая мимо того дома, он бросил на него взгляд, и ему показалось странным, чтобы в нем жила дама такого положения. Он велел спросить, но, к его сожалению, слуга из того дома ответил: «Здесь живут совсем другие».

7

Наутро после той злополучной ночи Вторая принцесса к матери не явилась. Погруженная в горькие думы, упавшая духом, она оставалась в постели.

«Неудивительно!» — подумала со скорбью императрица. Сетую на неожиданный поворот в судьбе дочери, она затаила свою боль, не пыталась утешить принцессу и делала вид, что не замечает ее. Прислуживающие дамы были в недоумении.

«Почему же она не поднимается с постели?» — встревожился император и приказал начать молитвословия о здравии.

— Церемония бракосочетания принцессы с Сагоромо совсем близко, но вы совсем не спешите с приготовлениями, — укорял он Вторую императрицу.

Она же была объята сильной тревогой. «Какое горе! Не отвратится ли от нее после свадьбы генерал, при взгляде на которого людей охватывает стыд за свое ничтожество? После случившегося нельзя допустить брака с ним. Как бы узнать, кто был этот мужчина? Предположим, я узнаю, что же дальше? Государь никогда не отдаст ее в жены заурядному придворному. Почему на ее долю выпала такая горькая, бессмысленная судьба? Как это безжалостно! — думала она и непрерывно щелкала под одеждой ногтями⁴¹. — Пусть она не выходит замуж, и, пока я жива, я сама буду опекать ее».

Императрица за несколько дней очень изменилась. Император, видя, что она все время проливает слезы и погружена в мрачные размышления, с неудовольствием думал: «Столько месяцев прошло с того дня, как я обещал отдать нашу дочь в жены Сагоромо, а она никак не соглашается».

«Может быть, я как-нибудь замечу, кто навещает ее», — подумала императрица и начала следить, но не могла обнаружить ничего подозрительного, даже крошечного листа бумаги. «Отчего же он перестал приходить к ней?» — еще больше встревожилась она.

Наступил третий месяц. Вторая принцесса очень сильно мучилась и становилась все слабее, и с каждым днем оставалось меньше надежд на ее выздоровление. Ни о чем, кроме болезни дочери, императрица не думала. Государь, который глубоко любил принцессу, страшая за ее жизнь, целыми днями находился во Дворце щедрых наград. Сагоромо, услышав об этом, жаждал если не поговорить наедине, то хотя бы передать принцессе письмо.

Наступила жара. Вторая принцесса чахла все больше и больше. Сагоромо этим беспредельно сокрушался.

Днем, в самую сильную жару, занавеси вокруг постели, устланной куньими шкурами, приподнимали. Вторая принцесса лежала в нижнем платье из красной полупрозрачной ткани и в штанах из необработанного шелка, положив под голову руку. Волосы, которые она давно уже не расчесывала, тем не менее не были перепутаны, стелились ровной волной и были очень красивы. Только челка, которую забыли, когда подстригали, висела, как будто ее закручивали нарочно, и свисала на щеки. Принцесса так исхудала, что ее было не узнать. Бледный лоб в окружении черных волос был еще белее, и принцесса казалась изысканнее, чем раньше. Императрица, глядя на спящую дочь, подумала, что даже легкая ткань была слишком тяжела для нее, как и голова, положенная на слабую руку. Сердце ее мучительно сжалось, из глаз полились слезы. Казалось, принцесса была не в силах даже пошевелиться. Она вся была мокрая от пота, будто ее окунули в воду. Императрица, придвинувшись к дочери, обмахивала ее веером. Платье принцессы распахнулось на груди, всегда столь красивые соски были черными. Императрица задрожала от страха и внимательно осмотрела дочь. Легкое платье не могло скрыть явных признаков.

«Как же быть? И без этого я не знала, как поступить, а сейчас что же мне делать?» Императрица была совершенно растеряна, в глазах у нее потемнело, она не могла собрать мысли. «Говорить тут нечего, это страшное несчастье. Что делать? Лучше бы я умерла, не видя этого!»

На протяжении нескольких месяцев она никому не говорила о своих подозрениях. Но дальше скрывать было невозможно. «Может быть, кто-нибудь знает, как это случилось?» — подумала императрица и вызвала кормилиц Идзумо и Ямато, чтобы расспросить их без свидетелей.

Долго она не могла произнести ни слова и только захлебывалась от рыданий. Кормилицы встревоженно смотрели на нее. Наконец императрица с трудом рассказала, в чем было дело.

— Вряд ли никто из вас ничего не знал. Так почему же до сих пор вы мне не сообщили? Скажите, как все произошло.

Что стало при этом с кормилицами! Они были так испуганы, что не могли вымолвить ни слова и, обнявшись, горько рыдали. Глядя на них, любой бы подумал: «Если бы они о чем-нибудь догадывались, вряд ли бы они так заливались слезами». После долгого молчания они смогли заговорить.

— Несколько месяцев мы видели, что принцесса нездорова, но не понимали причины. Мы только думали с прискорбием, что это злой дух. Ничего предосудительного мы не предполагали и никак не могли догадаться о том, о чем вы изволили сказать. Принцесса всегда в жару чувствовала себя плохо, и у нас не было причин что-то подозревать. Но кто-то обо всем должен знать. И в древних повестях рассказывается, что такое происходит по вине неосмотрительных прислужниц. Мы, сменяя друг друга, все время прислуживали принцессе и не спускали с нее глаз. Тем не менее какой-то мужчина, улучив момент, проник к ней. И как мы недоглядели?

— Вряд ли вы вообще не догадываетесь, кто это. Возможно ли, что к принцессе осмелился проникнуть мужчина и никто бы не знал, кто он? Неужели среди придворных, имеющих право входить во дворец, нашелся такой, кто был бы способен совершенно легкомысленно, как случайно залетевшая птица или мотылек, обменяться с императорской дочерью пустыми клятвами? Но тут не только клятвы, подобные промелькнувшему сну, тут еще и залог на всю жизнь.

Слезы, которые она проливала, прижимая к глазам рукава, сочились через ткань. Словами не выразить ее скорбь.

— Коль уже случилось, надо увезти принцессу из дворца, пока государь ничего не заметил, — сказала одна из кормилиц. — Тем более что в шестом месяце очень много священных праздников, и здесь ей оставаться нельзя⁴².

«Что же предпринять? — думала императрица. — О, если бы я исчезла из этого мира прежде, чем испытать такой стыд!»

Но сколько императрица ни думала, придумать она ничего не могла.

В это время императрице доложили: «Приказывают разостлать циновки⁴³. Сюда должен пожаловать государь». Она еще больше растерялась и пошла к дочери. Принцесса совершенно не догадывалась, что с ней. Она страдала от жары, и на ней было одно только тонкое платье. Мать испугалась, что император может увидеть, что с дочерью, и велела переодеть ее в более плотную одежду.

— Неужели ты не догадываешься о своем страшном положении? — сказала императрица. — Постарайся, чтобы государь ничего не заметил.

— О чем вы говорите? — спросила принцесса. От страха она чуть не потеряла сознания и, натянув на голову одежду, горько заплакала.

Вошел император.

— Как ты себя сегодня чувствуешь? — сказал он, приблизившись к принцессе. — В этом году стоит такая жара, тебе от этого еще тяжелее.

Видно было, что принцесса очень мучилась. Мать ее горько плакала.

— Сегодня ей еще хуже. Почему мне не доложили, что ей так плохо? Нет таких обрядов, которые я не велел бы выполнить, а ее состояние только обостряется. Что же это за болезнь?

Глядя на нее, он сам испытывал непереносимые страдания.

«И нет мужа, который мог бы любоваться такими прекрасными волосами, — с горечью думал император, глядя дочь по голове. — Я хотел, чтобы Сагоромо любовался всю жизнь ее красотой. Если бы не болезнь, можно было бы готовиться к свадьбе, несмотря на жару. Но сколько ей осталось жить?»

Прислужницы причесали принцессу. Волосы были красивые, ровные и очень длинные.

«Подобная длина встречается часто, а вот такую красоту, блеск, изумительную ровность сравнить не с чем. Какое великолепие!» — восхищался про себя император.

Из-за жары и из-за слов матери принцесса готова была потерять сознание, но, несмотря на свои страдания, она была прекрасна.

«Разве можно сравнить ее с кем-нибудь в нашем мире? Даже Гэндзи-мия, которая живет в доме верховного советника и кото-

рую считают несравненной красавицей, вряд ли лучше принцессы», — умилился отец.

«Государь бесконечно ее любит, но, узнав об этом деле, отстранит ее от себя. Разве могут представить обычные люди, что значит такое несчастье?» — думала императрица, закрыв лицо рукавом и проливая слезы. Император был уверен, что она так убивается из-за болезни дочери. На глазах его показались слезы.

— Принцесса чувствует себя плохо, но вряд ли есть основания опасаться за ее жизнь. Разве могут не принести облегчения многочисленные молитвы?

— Положение ее очень серьезно. Я хотела бы переехать в просторную усадьбу, где могла бы целиком отдаться молитвам. Ночами мне становится особенно страшно, что жизнь ее прервется. Прислуживающие дамы тоже считают, что ее положение безнадежно.

— Нет-нет. Ночью, когда я ее не вижу, я очень беспокоюсь. Как же я буду тревожиться, если она уедет отсюда! Да и она сама, вдали от моих забот, не будет ли чувствовать себя беспомощно?

— Вы правы. Но ее положение опасно, и нам остается только уехать из дворца.

Стали готовиться к отъезду, назначили в свиту придворных пятого ранга и чиновников, состоящих при императрице. Император велел продолжать молебны о здравии дочери, настаивая, чтобы их выполняли с предельной тщательностью. «Она в таком беспомощном положении! Когда же я смогу отдать ее человеку, который был бы ей твердой опорой? Увы! — из-за ее болезни приходится опять отложить свадьбу», — горевал он. Снедаемый беспокойством, император рассказал Хорикава о болезни дочери. Когда принцесса была здорова, верховный советник время от времени навещал ее, а услышав о грозящей ей опасности, он встревожился, заказывал молебны и делал все, что в его силах, для ее выздоровления.

Сагоромо узнал, что принцесса из-за болезни покидает дворец, и, не подавая вида, очень встревожился.

— Мне хотелось бы при случае увидеть принцессу всего на несколько мгновений, — умолял он Тюнагон:

— Принцесса находится между жизнью и смертью, Вторая императрица денно и нощно остается при ней. Как же я могу помочь вам? Если вы хотите встретиться с принцессой, сделайте вот что. Императрицу мучит, кто был у дочери. Дайте ей как-нибудь понять, что это были вы.

Сагоромо, однако, не собирался открывать тайну и только горько жаловался. Тюнагон находилась в недоумении.

«Неужели я не встречу еще раз с ней в этом мире, из которого завтра, может быть, уже исчезну?»⁴⁴ — думал Сагоромо, не в силах сдержать слез. Он напрасно старался скрыть горячую любовь к принцессе, и дама про себя решила: «Здесь не простое участие». Понять его она не могла.

— Болезнь возникла из-за сердечных страданий. Для всех это тайна, но принцесса с ее глубоким сердцем не может относиться к происшедшему легкомысленно. Она понимает, что императрица догадывается о случившемся. Как же ей оставаться спокойной? Даже мне больно смотреть на ваше необъяснимое поведение. Было бы лучше обронить то письмо, чтобы оно попало на глаза государыне.

Сагоромо, который не хотел признаваться в содеянном, ответил:

— Печально, что и вы говорите так, как будто не знаете моих чувств. Не сердитесь на меня. Изменить что-либо уже нельзя. Пожалуйста, ничего императрице не показывайте. Собственно говоря, что могу я сообщить ей? Найдя оброненную бумагу, императрица что-то подозревает. Мне очень жаль принцессу, но что преступного в том, что я сквозь щель в занавесах увидел ее? А когда я подошел немного ближе, бумага выпала из-за пазухи. Сейчас императрица гадает, кто бы это был, а когда узнает, что я, будет относиться ко мне еще более недоброжелательно. В таком случае все надежды на брак рухнут. Если же я ничего не скажу, разве не вырастет сосна на скале?⁴⁵

Слушая его, Тюнагон удивлялась: «В его сердце ничего нельзя понять».

Вторая императрица переехала в родовую усадьбу, в которой она давно не была. Дом весьма обветшал, вид запущенной искусственной горки пугал взор, пруд зарос ряской, от прежнего великолепия не осталось и тени. Усадьба была безлюдна, слышно было только кваканье лягушек, оставшихся на старом месте, как верные друзья.

Императрица думала только об одном: «Ах, если бы как-нибудь можно было скрыть позор, чтобы даже присутствующие дамы не знали о ее положении!» Горе ее было беспредельно. Ничто не могло смягчить ее страданий, она не смотрела даже на цитрусы *татибана* и мандарины ⁴⁶.

Вторая принцесса не вставала с постели, и императрица совсем падала духом: «Если я ее оставлю и умру, все в Поднебесной станут сплетничать о ней».

«Это из-за меня матушка так страдает, — думала принцесса. — Если бы я сегодня или завтра покинула этот мир, никто не узнал бы о моем позоре!» Разве она могла успокоиться?

Глядя на страдающих мать и дочь, прислуживающие дамы находились в беспрестанной тревоге.

Кормилица Идзумо была умной женщиной, и императрица с ней часто беседовала.

— Что, если эти слухи пойдут не о принцессе... — сказала однажды кормилица.

Вскоре дали знать в императорской дворец: «Вторая императрица решила, что теперь уже у нее не может быть ребенка, и на это никак не могла подумать. Но, после того как она переехала в усадьбу, признаки стали совершенно явными».

— Совершенно неожиданная новость! — воскликнул император.

У императрицы уже несколько лет назад прекратились обычные женские недомогания, и он даже представить не мог ничего подобного.

— Я слышал, что в пожилом возрасте это тяжело. Поэтому-то императрица так сильно страдает, — говорил император.

Многие удивлялись: «После стольких лет... кто бы мог предположить?» Однако императрице было всего сорок три или сорок четыре года. Она была необыкновенно красива, и по виду

ей можно было дать не более тридцати. Что же тут было странного?

Состояние императрицы и принцессы было в одинаковой степени тяжелым. Каждая из них надеялась, что умрет первой.

Дамы, постоянно находившиеся возле них, ни о чем не догадывались. «Во дворце всему поверили. Таким образом мы сможем сохранить дело в тайне и спасти честь дочери», — думала императрица.

Прошли лето и осень. Наступила зима. Императрица не знала точно сроков, но, вспомнив о найденной бумаге, рассчитала, что время родов близко, и сказала кормилицам. Были выполнены гадания, все было подготовлено. У посвященных в тайну кормилиц сердца были полны тревогой, остальных же, кто ни о чем не догадывался, и близко не подпускали, и им оставалось только молить будд и богов о счастливым разрешении.

Когда до родов оставалось совсем мало времени, телесные страдания отпустили принцессу, но ей было стыдно, что она так изменилась, и страшно при мысли, что ее ждет. Кормилицы хлопотали, изобретая одну ложь за другой и беспокоясь за исход.

«Если как-нибудь дело раскроется, все будут изумлены безрассудным планом матери, станут пересказывать один другому и, возможно, дойдет до государя, — думала в страхе принцесса. — Ах, если бы я сейчас умерла!» От подобных мыслей она страдала душой еще более, чем раньше. Она чувствовала себя совсем беспомощной, как овца, которую ведут на убой ⁴⁷. Ветер, уносивший опавшие листья, пронизывал ее. Подняв голову, она смотрела на деревья — в воздухе кружились листья и уже были видны голые ветви.

— О, ветер холодный,
Сметающий все на пути!
Если б ты не был бездушным,
Черные тучи пригнал бы,
Чтобы скрыть мой позор, —

произнесла она, чувствуя сильную слабость и заливаясь слезами.

Императрица лежала в постели, но из-за тревоги, снедавшей ее сердце, заснуть не могла. Слова принцессы невнятно донеслись до нее, и ей показалось, что жизнь ее вот-вот прервется. «Ах,

кто же этот неизвестный, который причинил нам такое горе? Какими клятвами обменялся он с моей дочерью в прошлых рождениях? Видит ли он хотя бы во сне, как она страдает? Неужели он не догадывается о последствиях? И человек, который из-за этого рисковал бы своей жизнью, и жестокий воин пожалели бы мою дочь. Если бы он хоть немного проникся к ней сочувствием! Тогда бы можно было все открыть, и наши беды разрешились бы само собой», — думала она с горечью.

В это время в усадьбу явился посетитель.

11

С тех пор как распространился слух о болезни Второй императрицы, ее никто не навещал, кроме чиновников, состоявших при ней, и прислуживающие дамы скучали. Они заторопились встречать гостя. Его сопровождающие были пышно одеты, и молодые дамы, собравшись на веранде и гадая, кто бы это был, радовались редкостному событию. Со стороны восточного флигеля показался идущий по открытой галерее господин. Это был Сагоромо.

Он велел спросить у дам, здесь ли Тюнагон. Императрица, услышав о его приезде, с радостью и теплотой подумала о господине Хорикава, который послал сына навестить ее в столь печальном жилище. Она приказала разложить подушки возле занавеси перед ее покоями и пригласить туда гостя. Сагоромо вошел в помещение. В старой усадьбе он казался еще великолепно. Повсюду разлился необыкновенный аромат. Поверх алых одежд разных оттенков на нем было верхнее платье такого же цвета из шелка, отбитого вальком, который так и пылал. Шаровары были затканы узорами в виде цветов горечавки, казавшихся живыми. Судите же, как он сам был прекрасен! Казалось, дева Тацута⁴⁸, прощаясь с людьми, отдала молодому человеку всю свою красоту. Его манеры были столь благородны, что окружающим становилось стыдно за себя, черты лица пленяли совершенством. Вокруг него разливалось очарование; казалось, все начинало ярко сверкать от его присутствия. Дамы, обремененные заботами, чувствовали, как у них становится легче на душе.

Он спросил у появившейся Тюнагон о состоянии императрицы.

— Отец все время говорил мне, чтобы я навестил государыню, но я сам чувствовал себя плохо и до сих пор не мог собраться. Сегодня утром во дворце я услышал, как государь сокрушался о больных. Мне стало страшно. Недомогание императрицы в ее положении естественно, этим можно утешаться, но болезнь принцессы меня донельзя удручает. Мой отец тоже очень горюет.

Дама подробно рассказала о состоянии больных и, видя, как огорчился генерал, сама страдала.

Она передала слова гостя своей госпоже. Императрица была так слаба, что ей было трудно говорить, но Сагоромо нельзя было приравнять к обычным посетителям, и она произнесла:

— Мне хотелось бы уйти из этого мира прежде дочери, но, не знаю почему, моя жизнь, которая должна была бы исчезнуть раньше, чем высохнет роса⁴⁹, тянется до сего дня. Мне было бы жаль покинуть этот мир, не выразив благодарности верховному советнику за его доброе ко мне отношение. Я прошу его позаботиться о моих детях после моей смерти. Я рада, что вы пожаловали сюда и я могу через вас передать свою просьбу.

Голос ее прервался, продолжать она не могла. Тюнагон слушала императрицу со страшной сердечной мукой. Она передала ее слова Сагоромо, и он утер рукавом слезы.

«Как они обе страдают, тревожась одна за другую! — думал он. — Принцесса уже много месяцев больна и не встает с постели». Ему нестерпимо хотелось пройти за занавесь и взглянуть на нее. «На заросшем тростником поле...»⁵⁰ — пробормотал он про себя, заплакав, что сделало его чрезвычайно привлекательным. Казалось, само небо заглянуло к нему в душу: вдруг набежали тучи, внезапно полил дождь, свирепо подул холодный ветер, с кленов посыпались листья, все стало мокрым⁵¹. Сагоромо прижал веер к лицу, сделав вид, что хочет уберечь его, а на самом деле пытаясь скрыть свои слезы.

— Прижимаю к лицу рукава,
Чтоб не видел никто
Слез, что льются, как осенью дождь.
Так мокры стали они,
Хоть выжимай, —

еле слышно произнес он, но привыкшая к его голосу Тюнагон поняла и ответила:

— Под непрерывным дождем
Мокнут люди на Мору-горе
И скоро увидят...
Не ваше ли сердце
В том виновато?⁵²

Недалеко от них находилась кормилица Идзумо, не пропустившая мимо ушей слов Тюнагон.

Сагоромо хотел еще о многом сказать, но вокруг находились прислуживающие дамы, поэтому он ограничился немногими словами и, горько вздыхая, поднялся. Дамы, которые не могли на него наглядеться, провожали его взглядами, полными сожаления. Щеки его от ветра немного покраснели и были красивее, чем парча осыпающихся листьев кленов. Волосы, вокруг которых ветер играл лентами головного убора, удаляющаяся фигура, даже завязки шаровар — все приводило в смущение человеческие души, так что это казалось предвещающим недоброе. Дамы говорили в один голос: «Вот уж поистине... Ведь недаром на землю спустился небожитель, чтобы увлечь генерала за собой».

12

«Приходит конец. Неужели я так и не смогу спасти ее от позора?» — думала императрица, не находя покоя от сожаления, что смерть наступает слишком быстро. Дыхание несчастной готово было навсегда прерваться.

Наступила полночь. «За что суждено мне хоть на краткий срок пережить ее?» — рыдала принцесса. «Кто исчезнет первой?»⁵³ — гадали в страхе прислуживающие дамы. Из императорского дворца один за другим приходили посыльные, встречая друг друга на пути. Господин Хорикава тоже непрерывно справлялся о состоянии больных.

Казалось, что принцесса уже не дышит. Кормилицы обняли ее, и в это время раздался плач младенца. Они еще более захлопотали, не пуская в комнату никого из посторонних, и только объявили, что Вторая императрица разрешилась от бремени. Не было ли это результатом многочисленных молитв? Кормилицы быстро сделали все, что нужно, и наконец-то смогли облегченно

вздохнуть. Послышались громкие голоса гонцов от императора и от Хорикава. Женщины с легким сердцем разбрасывали вокруг постели императрицы вещи, чтобы создать впечатление недавнего разрешения. Они сообщили, что болезнь принцессы очень обострилась и поэтому она находится в задних комнатах, куда никто, кроме них, не должен входить.

Новорожденный был мальчиком необыкновенной красоты. Гонцы с радостной вестью возвратились во дворец. Император ликовал. Были выполнены церемония пожалования меча и другие обряды⁵⁴. Кормилицы были чрезвычайно рады. Что бы ни было потом, тревога, которая владела ими в течение нескольких месяцев, улеглась.

Императрица почувствовала прилив сил. Она взглянула на чудесного мальчика. Он был точным портретом Сагоромо. «На кого он похож? Вот этого я не предполагала!» — залилась она слезами. Она никак не могла допустить, что человек, который в течение месяцев причинял ей жестокие страдания, был Сагоромо, но в такой день плач был бы дурным предзнаменованием, и императрица справилась со своими чувствами. «Бессердечный, черствый человек, который знать не хочет о ребенке...» — думала она.

— Пусть молодая сосна,
Что растет на скале,
Небесных чертогов вершиной коснется.
Но тот, кто ее посадил,
Сюда не приходит⁵⁵, —

произнесла печально императрица.

Кормилица Идзумо рассказала ей о разговоре между Сагоромо и Тюнагон.

— Младенец похож на него как две капли воды, — сказала она. — Те слова кажутся поэтому еще подозрительнее.

«Неужели Тюнагон помогала ему? — подумала императрица. — Сагоромо, более чем кому-либо, следовало быть добрее к моей дочери. Он же делает вид, что он ни при чем... Поэтому-то он не хочет выполнять волю государя. Он знал, что она ждет ребенка. Может быть, он даже прослышал, что я пытаюсь обмануть всех... — Ей не было бы так стыдно, если бы об этом узнал

кто-нибудь другой. — Ребенок будет принцем. Отцовство Сагоромо не может быть препятствием»⁵⁶.

Чувство благодарности к верховному советнику, которое императрица испытывала в течение нескольких месяцев, улетучилось. Глядя на ребенка, который был вылитый Сагоромо, она упрекала его семью в бессердечности.

Многое в последнее время казалось Тюнагон подозрительным, но она старалась об этом не думать, обвиняя себя в излишней недоверчивости. Услышав стихотворение императрицы, она догадалась: «Так и есть, это был он. О чем он думал, когда проник к ней? Это было, однако, непреложной судьбой. Очаровательный младенец будет считаться сыном императора. Господин Хорикава с нетерпением ждет внука, и днем и ночью сетует: «Почему же до сих пор у Сагоромо нет детей? Пусть бы от самой простой женщины!» Если бы он проник в тайну, как бы он обрадовался! А если бы сам генерал знал, что это его сын, смог бы он прикидываться равнодушным? Обо всем остается только сожалеть». Так она сетовала на горести нашей жизни.

Ребенка искупали и уложили спать. Он был вылитый Сагоромо. При взгляде на него Тюнагон была очарована и подумала: «Если бы моя сестра видела его, как бы она втайне ликовала! Если бы сам Сагоромо мог взглянуть на него!»

— Может быть, я ошибаюсь, но ребеночек так похож на генерала, — сказала она Идзумо.

«Уж ей-то нечего прикидываться невинной!» — с недоброжелательностью подумала кормилица и сухо ответила:

— Мне так не кажется. Знатные все друг на друга похожи, даже если между ними нет никаких связей. А тем более при таком родстве. Уже видно, что этот ребенок — настоящий принц.

13

Прошло семь дней. Принцесса терзалась сожалением и стыдом, что против воли осталась в живых. Человеческим страданиям есть предел — к ней возвратилось здоровье. Ей казалось, она очнулась от сна, но ей было стыдно перед кормилицами. Она тихонько плакала, погруженная в думы о своей горькой жизни, которую страдания не оборвали. Императрица во время обрядов

после рождения ребенка⁵⁷ чувствовала себя хорошо. Кормилицы, тревожившиеся за ее здоровье, успокоились и смогли передохнуть. Но вечером после окончания церемоний Вторая императрица скончалась. «Она молилась только о том, чтобы дожить до разрешения дочери», — со скорбью повторяли кормилицы. Принцесса надеялась, что умрет вслед за матерью, но ее желание не осуществилось.

Во дворец с печальным известием послали гонца. Императрица въехала во дворец раньше других супругов императора, стала матерью многих его детей, государь относился к ней сердечно и ценил ее. Императрице было не много лет. Разве мог император не горевать? Он страшился, что и Вторая принцесса покинет этот мир. «Разве ты должна думать только об умершей? Сколько мне самому осталось жить? Или ты не хочешь увидеть меня еще раз? После твоей матери остался сын. Ты бы вместе со мной могла заботиться о нем», — снова и снова писал он дочери и послал свою кормилицу Саньи, чтобы она утешила принцессу.

«Моя мать скончалась из-за меня, — думала в тоске несчастная, — а я все еще живу. Она одна блуждает по дорогам мрака, а мне надо притворяться беззаботной. Какое горе!»

Неужели она была рождена, чтобы терпеть подобные страдания? Ее мать превратилась в дым, и принцесса каждые семь дней присутствовала на поминальных обрядах.

Через сорок девять дней со смерти императрицы в усадьбу явился с визитом Сагоромо. Он встретился с Тюнагон, и она рассказала ему об обстоятельствах кончины государыни. Когда она дошла до стихотворения о молодой сосне на скале, молодой человек густо покраснел. Он был до крайности изумлен, неизбытная печаль охватила его.

— Почему же до сих пор вы так безжалостно скрывали от меня истину? Ведь вам-то должны были быть известны все обстоятельства. Если бы я был посвящен в тайну, мой сын не считался бы чужим ребенком, — горячо заговорил он.

— Нет, вам надо винить собственную бессердечность. Из-за этого все оказались несчастны. Императрица скончалась от душевных мук, принцесса никак не желает оставаться в этом мире. Да и вы сами так сильно мучаетесь... — ответила дама, плача.

— Вы говорите так, как будто я для вас — посторонний человек. Я действительно, забыв о своем положении, совершил грех.

Но ведь императрица была против брака. Почему же вы говорите, что я довел ее до гибели? Я и сам понимаю, что нельзя поступать самовольно, не думая о других. Если вдруг государю станет все известно, он решит, что я поступил непочтительно по отношению к нему. Разве я думал о чем-нибудь подобном, пока государь не изъявил свою волю о нашем браке? Кроме того, я просил вас помочь мне встретиться с принцессой. Если бы вы вняли моим мольбам, я бы увидел, что принцесса ждет ребенка. Но вы вели себя безжалостно, как чужой человек, — сказал он в гневе.

— Недаром говорят: «собственная жадность»⁵⁸. Если бы вы рассуждали так до рождения ребенка... — рассмеялась дама.

Охваченный горестью, Сагоромо ничего больше не произнес и только плакал.

«Похоже, он глубоко любит ее», — подумала с мукой Тюнагон.

— Императрицы, которая была против вашего брака, больше нет. Государь же еще больше настроен в вашу пользу. Когда принцесса поправится, вы будете жить с ней в согласии и сможете видеть Молодого господина, — утешала она Сагоромо.

Он же думал только об одном: «Даже если мой брак с принцессой состоится, причина для сожалений не исчезнет»⁵⁹.

14

Время не приносило утешения. Император, тоскуя по дочери, распорядился, чтобы она вернулась во дворец, как только минет сорок девятый день со смерти императрицы.

«Если бы моя мать была жива и мне нужно было возвращаться вместе с ней, я бы затаила свой позор, как бы это ни было тяжело. Но сейчас ради кого должна я делать вид, что ничего не произошло?» — думала принцесса, по целым дням не вставая с постели.

Император решил выдать ее замуж сразу после Нового года и приказал кормилицам начать необходимые приготовления. Идзумо, никому не говоря ни слова, думала о своей догадке⁶⁰. Спешно готовились к церемонии. Сама же принцесса была погружена в горькие думы о том, что мать ее умерла от страданий,

стремясь узнать, кто был тот мужчина, и повторяла слова о водорослях, которые срезают рыбаки⁶¹.

«Повернуться к нему, как дым от сжигаемой морской травы?»⁶² Против воли выйти замуж? После той ночи, когда он, как призрак, явился, я не хочу видеть его даже во сне. Если я не умру до свадьбы, мне надо будет принять постриг. Разве я смогу жить как ни в чем не бывало? Не из-за меня ли скончалась моя мать? Ведь у нее не было других причин для страданий».

Много дней принцесса сосредоточенно размышляла, как ей осуществить задуманное. Обратиться к кормилицам? Вряд ли бы они в разгар подготовки к свадьбе помогли ей. Ей надо все сделать самой. Ни о чем другом не думая, она даже не принимала лечебные ванны. «Как горько, что я до сих пор пребываю в этом мире. А ведь матушка так заботилась обо мне! Если она и сейчас жалеет меня, пусть поскорее встретит меня на пути в страну мрака», — тосковала принцесса. С каждым днем состояние ее ухудшалось.

Гонцы с письмами от императора приходили так часто, что встречались друг с другом на пути. «Неужели ты не хочешь еще раз увидеться со мной?» — писал отец. Он то сердился на нее, то утешал ее.

Но принцесса во дворец не возвращалась и с каждым днем становилась все слабее. Нечего и говорить, как заботливо ухаживали за ней прислужницы. Однажды вечером ей стало совсем плохо, и она решила, что настал ее последний час. В это время прибыла дама по прозванию Сёсё, чтобы снова попытаться уговорить принцессу вернуться к отцу. Больная была совсем слаба, и все боялись за ее жизнь. Она велела впустить к себе Сёсё. Не зная, как заговорить о своем мудром решении, она под покровом темноты робко сказала:

— Еще несколько дней назад я надеялась, что мне станет лучше, но сейчас я больше не думаю, что останусь в живых. Может быть, мне нужно вступить на путь служения Будде? Если я скажу об этом государю, он не разрешит мне. Я не знаю, как осуществить свое намерение. Если государь, так или иначе, хочет видеть меня в живых... Пожалуйста, сообщите ему сегодня же ночью о моем желании и устройте это для меня.

Дама, плача, возвратилась во дворец и доложила императору о настроении принцессы. Он был настолько поражен, что не мог произнести ни слова.

«Она уже не встает... Если даже пришел ее последний час, как согласиться, чтобы столь красивое существо приняло постриг?» — думал он в смятении.

— Передайте ей, чтобы сначала она возвратилась ко мне, — сказал он. — Моя жизнь не сегодня завтра прервется, и после моей смерти пусть поступает как знает. Пока ей ни о чем другом не надо думать, кроме как о возвращении ко мне.

Сёсё ничего другого и не ждала, но ей было заранее тяжело передавать ответ императора принцессе. Плача, она немедленно отправилась в усадьбу. Войдя к больной, она, сдерживая слезы, рассказала ей, как воспринял государь ее просьбу.

«Ведь я все равно не в силах ехать туда», — подумала принцесса. На следующий день ей стало еще хуже. Едва дыша, она произнесла прерывистым голосом:

— Если бы кто-нибудь хоть немного жалел меня, он равнодушно не оставил бы меня умирать, лишь бы не перечить государю.

— Если сбрить ей волосы... Может быть, ее жизнь хоть на некоторое время продлится... — шептали кормилицы, лежавшие на полу и горько плакавшие. Снова и снова посылали во дворец гонцов с просьбами принцессы.

«Видно, настал ее последний час. Всеми силами я противился ее желанию, но если сейчас я запрещу принять монашество, что с ней будет в будущих рождениях?» — думал император, проливая слезы. Он послал за монахом-настоятелем из Ёкава⁶³, дядей покойной Второй императрицы, и дал ему распоряжение выполнить обряд.

Когда в усадьбе слышали удары в гонг, никто не хотел верить своим ушам. Все, кто был в доме, громко заплакали. Смятение было гораздо большим, чем при смерти императрицы.

Хотя кормилицы рассуждали здраво: «Пусть она примет постриг, лишь бы осталась в живых», — но когда монах, расчесав принцессе волосы, начал брить их, они потеряли голову. Если простая женщина принимает монашество, у присутствующих темнеет в глазах, а тут... Годами кормилицы гладили и причесывали принцессе голову, чтобы выросли волосы длиннее, чем тысяча *хиро*⁶⁴, чтобы ни один из них не выпал. Все это шло на пользу: ни у кого не было таких прекрасных блестящих волос. Присутствовать при пострижении кормилицам было гораздо горше, чем

видеть принцессу умирающей. Не в силах сдержаться, они, повалившись на пол, рыдали в голос. Вместе с ними заливались слезами все прислуживающие дамы.

Совершая печальный обряд, монах почувствовал, как принцесса холодеет, и испугался, что подошел ее конец. Даже он, отрешившийся от мира и не знающий сердечных страданий, был охвачен скорбью, утирал слезы и долго не мог закончить дела.

Узнав о пострижении, император скорбел так, как если бы его дочь скончалась.

Было ли это следствием принятия пострига, но принцесса вскоре почувствовала себя лучше. «Теперь мне хотелось бы некоторое время оставаться в этом мире и служить Будде», — думала она умиротворенно. Она вновь стала принимать лечебные ванны. Ее жизни опасность больше не угрожала.

15

Невозможно передать, как сожалел и горевал Сагоромо, когда узнал о пострижении принцессы. Если бы даже их отношения были самыми обычными, мог ли он безучастно слушать, что персона столь высокого положения приняла постриг? К принцессе Сагоромо не мог относиться вчуже. Ранее, погруженный в свои безумные мечтания, он был холоден к предстоящему браку, но после ее пострижения, никому не говоря о том, что многих привело к столь печальным последствиям, он скорбел донельзя. Пока он размышлял, может ли он навсегда отказаться от своих тайных планов в отношении Гэндзи-мия, пока он выжидал случая вновь тайно встретиться с принцессой, — могла ли она все это время не думать о нем с горечью, как о бессердечном человеке? Перед его глазами стоял пленительный облик принцессы, какой он видел ее в ту ночь, руки его хранили воспоминание от прикосновения к ее волосам, и он думал с тоской: «Я никогда больше не увижу ее такой, какой она была тогда». Душа его была в смятении, он безутешно плакал. Но все было напрасно. Если бы он раньше любил ее так горячо и женился бы на ней, все были бы счастливы. С уходом в монастырь отношения двух людей прерываются, и даже более спокойные мужчины горюют, а Сагоромо, который глубоко любил принцессу, никак не мог прийти в себя

¹¹ Повесть о Сагоромо

от потрясения. «Как я довел ее до пострига?» — терзался он угрызениями. Ночами, когда не таял лед на рукавах⁶⁵, он, дожидаясь рассвета, горел любовью так, как будто возвратился после первого свидания.

16

Издревле луну двенадцатого месяца считают лишенной очарования⁶⁶, но не предубеждение ли это? Поздней ночью луна льет холодное и чистое сияние, в воздухе мелькают редкие снежинки, все вокруг замерзло, — душу охватывает невыразимая шемящая печаль. Ночные птицы кричат в любовной тоске. Сагоромо смотрел на этот пейзаж, далеко уносясь душою и завидуя Цураюки, который в подобное время сочинил: «Я отправляюсь к своей милой...»⁶⁷

Взяв с собой одного Митисуэ, Сагоромо поехал к принцессе. Привратника в воротах не было. Сагоромо вошел в усадьбу. Мрачно возвышались вечнозеленые деревья, которые редко растут в столице; буря завывала страшнее, чем в поле; низко нависало темное небо, двор был засыпан снегом. Никого не было видно, и даже травы уже засохли⁶⁸. Беспредельное уныние охватило приехавшего.

Все в доме, должно быть, крепко спали. Сагоромо не стал будить слуг. В глубокой задумчивости он остановился перед входом. «С похожей на сон встречи с принцессой, когда я обменялся с ней клятвами, я не могу забыть о ней даже на краткое мгновение. У нее были основания оставить дольний мир. Как она, должно быть, страдала! Глядя на младенца, наверное, ни разу не вспоминает обо мне без горечи. Может быть, и сейчас она не спит, погруженная в мрачные размышления. Видит ли она хотя бы во сне, как я тоскую по ней? Она не знает, как сильно я люблю ее», — думал он, утирая слезы рукавами, которые стали насквозь мокрыми.

Послышалось кряканье плавающего в пруду селезня мандаринки⁶⁹. Был ли он тоже одинок?

— Долгую зимнюю ночь
Проводит на волнах

Селезень одинокий.
Но и он знать не может
Горечь страданий моих⁷⁰, —

сложил он, не в силах справиться со своими чувствами. Не было никого, кто бы слышал это стихотворение.

Может быть, в доме кто-то не спал? Сагоромо, приблизившись к двери, прислушался. Внутри было тихо, только было слышно, как ветер бил в решетки и двери. Сердце молодого человека затрепетало. «Как и тогда... так близко... увижу ли ее сегодня?» Он не решался войти, но повернуться и уйти тоже не мог. Сейчас уже можно было не искать проводника в бухту, где собирают прекрасные водоросли⁷¹. Сагоромо нашел незапертую решетку и, дождавшись, когда ветер зашумел особенно сильно, поднял ее. Внутри тускло горели светильники. Молодой человек двинулся в ту сторону, где, по его предположению, находилась монахиня. Он не ошибся.

В ту ночь принцесса, как обычно, не смыкала глаз. Никого в мире не было несчастнее ее. Что можно сравнить с печалью и сожалениями об умершей матери? Ее изголовье, казалось, вот-вот уплывет в потоке слез. Принцесса различила стук решетки, но решила, что это всего-навсего ветер. Вдруг она увидела осторожно приближающуюся фигуру. Ужас охватил ее. Она почувствовала тот же самый аромат, как в ту ночь. И во сне она не хотела снова увидеть Сагоромо. В одном нижнем платье, принцесса проскользнула за переносные занавески, но она была охвачена таким страхом, что не могла двинуться дальше.

Сагоромо предчувствовал, что принцесса попытается скрыться. В отчаянии, не владея собой, он попытался задержать ее, но, к его глубокому сожалению, в руках его оказался только ворох оставленных на постели одежд. Укорять было некого, помочь горю было нельзя. Откинув одеяло, Сагоромо почувствовал знакомый аромат, которым была пропитана постель. Он коснулся изголовья, оно было залито слезами, которые каждую ночь до рассвета проливали принцесса.

Ему никогда не приходилось испытывать такой невыразимой печали. Было пролито столько слез, что рыбак мог бы забрасывать удочку. «Это, конечно, моя вина, — подумал молодой человек. — Я и сам укоряю себя за то, что в течение долгого времени

беззаботно спал ночи напролет, не догадываясь о ее страданиях». Он натянул на голову оставленную одежду, из глаз его полились такие слезы, что с ними сравнился бы водопад в Ёсино.

— Под головой один лишь рукав.
Всю ночь до рассвета
Столько ты слез проливаешь,
Что изголовье твое
Вот-вот уплывет в их потоке ⁷².

Принцесса слышала, как близко от нее Сагоромо безудержно плакал, и благодарила судьбу за то, что ей удалось ускользнуть от него. Боясь, как бы он не обнаружил ее, она затаила дыхание. Принцесса вспомнила, как по милости этого жестокого человека страдала ее мать, и к глазам ее подступили слезы. Скоро ее тонкое платье стало так мокро, что его можно было бы выжимать. «И расцвет никак не наступит!» — думала она.

Сагоромо не мог заставить себя подняться с постели, но, застигнутый в спальне принцессы, он дал бы повод для пересудов. В это время проснулся, чего-то испугавшись, и заплакал Молодой господин. Прислуживающие дамы всполошились: «Светильник погас... Принесите свечу...»

«Если я и дальше здесь останусь, не буду ли я похож на младшего военачальника Фусэго?» ⁷³ — подумал Сагоромо. — Мой приезд сюда оказался напрасным, и принцесса, которая где-то спряталась, еще более возненавидит меня. Теперь уже совсем не пристало, чтобы пошли сплетни о ней и обо мне».

Сагоромо бесшумно поднялся. Случайно он прикоснулся к чьим-то длинным волосам. По-видимому, неподалеку спала Третья принцесса. Она зашевелилась. Невольно вспомнив, как она мила ⁷⁴, он подумал: «Раньше, вероятно, произошло бы то, о чем поется в песне “Прическа агэмаки”» ⁷⁵. Но нынче он был научен горьким опытом, и, дожидаясь сильных порывов ветра, заглушающих его шаги, двинулся к выходу.

Слыша плач младенца, Сагоромо чувствовал, что уйти не в силах.

— Не знал я, что в тех
Тростниках, где блуждал,

Журавленок родился.
И лишь в небесных высотах
Слышать его я смогу ⁷⁶.

Если бы его кто-нибудь заметил, пошли бы разговоры и все необыкновенные ухищрения Второй императрицы оказались бы напрасными, — эта мысль заставила Сагоромо против воли покинуть до рассвета усадьбу.

Его преследовали воспоминания о мокром от слез изголовье принцессы, и заснуть он не мог. Он умылся и, совершив перед статуей Будды утреннюю молитву, успокоил взволнованное сердце.

17

В покоях Гэндзи-мия поднялись раньше обычного и любовались наметенными за ночь сугробами. Сагоромо видел из коридора, как молодые слуги в чистых одеждах сгребали снег в кучи. Показались молоденькие служанки в белых платьях. Из задних покоев выходили прислуживающие дамы, чьи заспанные лица казались очаровательными. Раздались восклицания: «Жаль по нему ступать!» ⁷⁷ Если сгрести весь снег, то будет с горы Фудзи! Или с Белую гору, что в Коси!» ⁷⁸

Сагоромо хотелось узнать, встала ли Гэндзи-мия, и, пройдя по коридору, через щель в перегородках между столбами он заглянул в ее покои. Все переносные занавески в помещении были убраны. Гэндзи-мия, расположившись у столба, опираясь на скамеечку-подлокотник, любовалась снегом. Она носила траур по императрице-матери: на ней были платья разных оттенков прелых листьев, верхнее было заткано цветами кровохлебки ⁷⁹. Другую женщину за такую одежду упрекнули бы в отсутствии вкуса, а на Гэндзи-мия она выглядела очаровательнее платьев в узорах цветущей вишни или осенних красных листьев — все дело было в ее собственной красоте. Она сидела в непринужденной позе. Не расчесанные после сна, рассыпанные по плечам волосы казались особенно великолепными. Она смотрела на слуг, лепивших снежную гору, и радостно смеялась. В блеске снега ее лицо было еще очаровательнее, чем обычно. Перед такой красотой от изумления перехватывало дыхание.

«Может быть, мне кажется так, поскольку я привык видеть ее с младенческих лет, но вряд ли существует еще где-нибудь в мире такое великолепное существо», — думал Сагоромо. Гэндзи-мия настолько владела его сердцем, что другим женщинам, да и себе самому, он причинял одни несчастья.

Глядя, как слепили из снега гору Фудзи, над которой поднимался дымок⁸⁰, Гэндзи-мия произнесла:

— Долго ли будет
Виться дымок
Над снежной горкой?
Хоть похожа она
На вершину Фудзи...⁸¹

Дамы, находившиеся рядом с ней, сложили множество стихов, каждая следуя своим чувствам.

Сагоромо с пылающим сердцем думал, что Гэндзи-мия создали бессердечные боги⁸². Она была окружена множеством дам, и Сагоромо, даже подойдя к ней, не смог бы сказать о своих чувствах. Отойдя от перегородки, он произнес про себя:

«Как сердце мое,
Ты пылаешь, о Фудзи-гора!
Сколько ни падает снега,
Над вершиной твоей
Вечно вьется дымок».

Он был погружен в глубокую задумчивость и медлил начинать буддийскую церемонию, но вдруг вспомнил: «Я видел Будду, сияющего мудростью»⁸³ — и на сердце у него защемило.

— Слава *Лотосовой сутре*, несущей великую мудрость всем существам! — произнес он своим необыкновенно красивым голосом.

Дамы, обернувшись в его сторону, заволновались: «Он смотрел на нас через перегородки! А мы-то с такими лицами, спросонья...»

Почтенные же дамы расхваливали Сагоромо:

— Услышишь его или посмотришь на него — сразу понимаешь, что таких, как он, больше нет.

18

Сагоромо услышал, что явился гонец от наследника престола, и, как всегда при этом, почувствовал раздражение. Он вошел в покои Гэндзи-мия. Мать его читала доставленное письмо. Посыльным был помощник управляющего Ведомства двора наследника престола. Прислуживающие дамы, раздетые с необычайной тщательностью, сидели перед ним и занимали его разговором. Письмо было написано на бледно-желтой тонкой бумаге, лощеной с одной стороны. Наследник послал его, привязав к бамбуковой ветке, покрытой толстым слоем снега.

— Что за замечательное послание! — воскликнула госпожа. — На него тебе лучше ответить собственноручно.

«Почему мать так настойчиво предлагает Гэндзи-мия ответить самой?» — подумал недовольно Сагоромо и посмотрел на девицу.

Она же, в крайнем смущении от присутствия молодого человека, не могла сообразить, что писать.

— На мой ординарный старомодный почерк наследник престола и смотреть не захочет, — сказала госпожа в видимом затруднении.

Сагоромо ничего другого не оставалось, как сказать:

— Пусть Гэндзи-мия ответит сама. Никто не сравнится с ней в каллиграфии. А если сегодня нужно, чтобы письмо наследнику престола было особенно великолепным... — говорил он, желая увидеть, что она напишет.

— Гэндзи-мия и так не хочет братья за кисть, а ты еще больше вводишь ее в смущение, — рассмеялась госпожа.

— Я думаю, что бы написать, — сказал Сагоромо.

— А что, если ты ответишь вместо нее? — сказала госпожа, показывая ему письмо.

Там было написано:

«Сколько веков уткло
Со дня твоего обещанья!
С тех пор я подобен
Снежной пыли,
Что тает на листьях бамбука...»⁸⁴

Похоже было, что вода в тушечнице замерзла, кисть оставила царапины на бумаге, но это только увеличивало очарование. Каллиграфия наследника не была особенно изысканна, но было видно, что это писал не простой человек.

— Мне очень стыдно. Вряд ли я смогу... Очень сожалею, — с этими словами он отложил письмо.

— А я и подавно... — огорчилась мать.

— Если только стихотворение... — сказал Сагоромо и продиктовал:

Дала я надежду.
Но разве нам можно
На будущее полагаться?
Снег тает на листьях,
Так скоро и я...

Как это ни было мучительно, Гэндзи-мия поневоле пришлось взяться за кисть. Пока она писала, молодой человек любовался изысканством ее рук. Лучи утреннего солнца залили помещение и вместе с блеском от тающего снега ярко освещали ее фигуру и лицо. «Какая красота!» — восхищался Сагоромо. Он никак не мог представить себе, что скоро она станет женой другого.

Вынесли одежду, чтобы наградить посыльного. Госпожа и Гэндзи-мия стали совещаться с почтенными дамами, достаточно ли этого. Воспользовавшись случаем, Сагоромо придвинул к себе тушечницу и внизу письма наследника престола приписал, делая вид, что от нечего делать упражняется в каллиграфии:

«Даже бамбук низкорослый,
Надежд не питая,
Разлюбить не в силах.
И как снег,
Что растаял на листьях...»⁸⁵

Неужели даже на миг краткий, как короткое коленце тростника?»⁸⁶

Он сам глядел с удовлетворением на свою каллиграфию. Сагоромо испытывал сожаление, что за прошлые грехи он возродился таким, что, хотя все было ему доступно, по положению он

был гораздо ниже наследника. Он терзался ревностью: тот может посылать Гэндзи-мия письма, когда ему вздумается, получать от нее ответы и в конце концов сделает ее своей супругой.

— Нечего и говорить, никто не может сравниться с наследником престола. Взять хотя бы такое письмо — что может быть лучше? Как тебе кажется? — произнес он и попросил прислуживающую даму передать бумагу Гэндзи-мия.

— Вы смотрите таким победителем! — засмеялась дама.

Сагоромо и сам улыбнулся:

— Разве моя каллиграфия так уж никудашна? Как тебе кажется? — настойчиво спрашивал он девицу, но она, не взглянув, письмо отложила.

— Так и останется неизвестным, кто лучше, — сказал Сагоромо, отрывая край бумаги.

— Дайте мне посмотреть! Я решу, кто лучше! — воскликнула дама Тюнагон.

— Нет, если Гэндзи-мия неинтересно, я никому не покажу, — ответил Сагоромо и разорвал свое стихотворение на мелкие кусочки.

Живя с Гэндзи-мией в одном доме, Сагоромо все время, прибегая к различным уловкам, мечтал увидеть ее, поговорить с ней наедине, сообщить о своих сокровенных чувствах, но она совершенно его не замечала. Если бы он решил насильно добиться ее любви, то ничто не смогло бы его остановить, как нет препятствий для того, кто хочет пройти «через густой лес у подножья горы»⁸⁷. Однако от безрассудного поступка его удерживала мысль о родителях. Он и сам в душе понимал, что любовь его безнадежна, и скрывал ее от всех.

После того как он сочинил стихотворение об изголовье, которое вот-вот уплывет в потоке слез⁸⁸, Сагоромо чувствовал, что любит Вторую принцессу все сильнее. Вспоминая ее с печалью, он думал: «Какой она стала в монашестве? Если бы я мог один только раз увидеть ее вблизи! Мне бы хотелось рассказать ей наедине обо всем, что гнетет мое сердце».

Он признался в своем желании Тюнагон.

«Если бы такое намерение появилось у него раньше!» — подумала она с горечью.

— Сейчас к чему усилья?»⁸⁹ — мрачно произнесла она.

— Вы говорите равнодушно, как совершенно посторонний человек. Если бы на вашем месте была жена помощника наместника на Цукуси, разве она не попыталась бы сделать невозможное? — упрекнул ее Сагоромо.

«Это правда», — печально подумала Тюнагон.

19

Митинари должен был быть назначен на должность в Провинциальное управление и в первом месяце прибыл в столицу⁹⁰. Сагоромо не терпелось услышать об Асукаи, о судьбе которой до него дошли только неопределенные слухи. Митинари явился к нему и рассказывал о своих путешествиях по провинциям, о красивых удивительных бухтах, побережьях, о рыбачьих лачугах.

— В пути меня неожиданно постигло несчастье, — сказал Митинари, — и я хотел сразу же возвратиться в столицу, но отец мой спешил на место назначения, и я, взглянув в последний раз на уносящую следы воду⁹¹ в том месте, где она исчезла, последовал за ним. Откровенно сказать, я до сих пор не могу утешиться, и даже новое назначение меня не радует.

К глазам его подступили слезы.

— Если ты не хочешь ехать в Микава с ее восьмью мостами⁹², то как же быть с твоим назначением? Но почему твоя жена бросилась в воду? — спросил Сагоромо.

— Мысли ее были в разброде, как паучьи лапки. Я сам хотел там броситься в море.

Погруженный в задумчивость, Митинари производил впечатление более блестящего молодого красавца, чем иные сыновья аристократов.

«Неужели он и вправду не знал, кем была она для меня?» — спрашивал себя Сагоромо. Он не чувствовал к собеседнику прежнего расположения и не был слишком любезен.

Митинари утер слезы.

— Я увидел ее в храме Удзумаса, куда она совершала паломничество в первом месяце. Келья ее была убрана с редким вкусом. Под разными предлогами я заглядывал туда. Не знаю, что о ней подумали бы знатные господа, но для меня она была бы прекрасной женой. Я решил как-нибудь разузнать, кто она, и, когда она

возвратится из храма, навестить ее. Я отлучился в храм Хорин⁹³, а девица тем временем уехала домой. Это меня очень расстроило. Как-то я увидел в одном доме на Дворцовом проспекте мальчика, который был с ней в келье. Я расспросил его и узнал, что это дочь второго советника министра, который был одновременно наместником на Цукуси. Родители ее там скончались, и она могла рассчитывать на помощь только своей кормилицы. Ее время от времени навещал какой-то младший военачальник, бывший в то же время архивариусом, и она его полюбила. Но на заре того дня, когда мне надо было отправляться на Цукуси, кормилица, с которой я заранее договорился, отправила ее со мной. Как только мы сели на корабль, она легла, накрыв голову одеждой, и потом всю дорогу плакала. Меня она к себе не подпускала, и ей претило, когда я просто приближался к ней без всяких задних мыслей. Она казалась мне гораздо милее, чем в храме. Я не отправил ее обратно в столицу, полагая, что со временем она успокоится, и всячески утешал ее. Меня удручало, что она все время сосредоточенно о чем-то думает. Я оставил ее в покое. Она не пила даже горячей воды и все дни напролет плакала. Она очень ослабла, и казалось, что она уже не жилец на этом свете. Мы не могли быстро плыть и до конца одиннадцатого месяца оставались в провинции Бидзэн. Ее днем и ночью стерегли, но в местечке Карадомари⁹⁴ я на некоторое время отлучился на корабль отца — и она исчезла. Говорили, что кто-то видел, как она бросилась в море. Веер, который вы дали для нее, она исписала стихотворениями, — он прочитал их по памяти. — О чем она думала? Она была на седьмом месяце, это должен был быть ребенок младшего военачальника. Я-то считал, что лучше ей выйти за меня замуж, чем оставаться при этом аристократе. Она страшно плакала и тосковала. Она его так любила, что готова была ради него расстаться с жизнью. Любил ли ее этот военачальник?

«Значит, это правда», — подумал Сагоромо. Он был очень взволнован и боялся выдать себя бледностью. Напустив на себя равнодушный вид, он произнес:

— Какое необыкновенно глубокое сердце было у этой женщины! Даже неприятно становится⁹⁵.

Больше он ничего не добавил и удалился в задние покои.

«Это случилось во время злосчастного строгого поста. Если бы я, увидев сон, навестил ее, я бы обо всем узнал. Она, наверное, даже не догадывалась о планах Митинари и его сговоре с корми-

лицей. Что же старуха наплела ей в то утро, когда они выезжали?» Его мучило, что он не мог определенно узнать о чувствах Асукаи, но больше всего он скорбел о ребенке. «Он не был бы таким знатным, как сын Второй принцессы, но, на кого бы он ни походил, это было бы желанное дитя. Я отдал бы его на воспитание в дом моего отца...» Он видел наказание за свои прошлые грехи в том, что женщины, вошедшие в его жизнь, каждая по-своему погубили себя для этого мира. Он терзался угрызениями, и рукава его платья были насквозь мокры от слез.

«Митинари не знал, кем она является для меня, но, выбрав из всех женщин ее и причинив мне страшные страдания, он совершил большой грех», — думал Сагоромо. Он не мог больше относиться к молодому человеку так дружелюбно, как в былые времена.

На следующий день Сагоромо сказал ему:

— Дай мне тот веер, о котором ты рассказывал. Там написано: «отнеси ему весть⁹⁶», — мне хотелось бы взглянуть.

— Это единственное, что мне осталось на память о ней. Пожалуйста, верните мне после того, как посмотрите, — попросил тот.

По-прежнему притворяясь равнодушным, Сагоромо возразил:

— Ты говорил, что отношения ваши оставались далекими, поэтому тебе лучше не хранить ничего на память о ней. Или ты мне солгал, злясь на нее?

Тот поклялся, что говорил правду.

— Она все время просила меня: «Если вы хотите, чтобы я осталась в живых и стала вашей женой, не трогайте меня». Она не хотела давать обещаний, и ни разу за то время я не развязал пояса. Как она убивалась, если решилась на такое страшное дело! Как она любила того человека! — говорил он с неподдельной горечью.

При этих словах у Сагоромо отлегло от сердца. Митинари, попрощавшись, ушел, а Сагоромо по-прежнему лежал на краю веранды, глядя на луну. Небо покрылось дымкой, сияние светила стало тусклым. Или это только казалось, потому что глаза его были полны слез?

Все слуги наконец разошлись. Сагоромо, раскрыв веер, пытался читать стихотворения при лунном свете, но не мог разоб-
раться: глаза его застилал туман. Кое-что было размыто слезами, в некоторых местах следы кисти были столь неопределенны, что он

гадал, было ли здесь что-то написано. Ему казалось, что он видит ее в тот момент, когда она сказала себе, что вот он, конец, и бросилась в воду. Может ли моя кисть выразить его чувства? Милый облик стоял перед ним, и такая скорбь стеснила его сердце, что он не мог сдержать слез.

«Такая же луна светила, по-видимому, тогда, когда она писала эти стихи. Как же она решилась не медлить более и бросилась в море?» — спрашивал он себя. Он живо представлял себе все обстоятельства ее гибели.

Словно в бреду, Сагоромо вспомнил, как она плакала: «Повлечет меня вода»⁹⁷, — и подумал: «Она, по-видимому, поняла, что это мой веер. Как она должна была страдать, когда мой слуга увозил ее с собой!» Он так безутешно плакал, что море могло бы подняться от его слез.

«О, если бы мог
Тебя отыскать я
В быстром проливе меж скал,
Морская трава
На дне Карадомари!

Пустые мечты, но хоть бы увидеть пенящиеся волны⁹⁸, в которых она исчезла!» Но как осуществить это? Он не мог по собственному желанию отлучиться из столицы. Сагоромо с завистью подумал о блистательном Гэндзи, который проливал слезы и тосковал, уехав в бухту Сума⁹⁹.

«Был бы я рыбаком,
Что пропитанье находит
В пучине морской,
В воду нырнув, отыскал бы
Жемчужные водоросли»¹⁰⁰.

Если бы даже речь шла о женщине, к которой Сагоромо не питал глубоких чувств, вряд ли он мог бы безучастно смотреть на веер, а Асукаи он любил так, как сказано в стихотворении о Насибара¹⁰¹.

В густой роще бесконечных стенаний¹⁰² о Гэндзи-мия Сагоромо подавлял мысли о других дамах, а о женщинах невысокого положения он тем более старался не думать. Однако Асукаи он не

забывал, но скорбь, которую он испытал после ее неожиданного исчезновения, постепенно затихла. Получив же от Митинари веер, он проплакал всю ночь напролет. Утром он снова стал рассматривать вещицу. Ясно виднелись следы размывших рисунок слез, которые проливала Асукаи, прикладывая веер к лицу. Сагоромо сам горько заплакал.

«Отчетливо вижу
Следы бурных слез,
Что лились, как река...
Если б плотина могла
Образ твой задержать!» —

написал он.

Сагоромо так и не возвращал веера, и Митинари очень огорчался. После его возвращения в столицу Сагоромо ни о чем с ним не советовался и не давал никаких поручений. Попросить веер назад у Митинари возможности не было.

— Путешествие на Цукуси принесло мне одни несчастья, — сетовал он.

20

Наступил пятидесятый день с рождения Молодого господина¹⁰³. Поскольку траур по Второй императрице еще не окончился, не знали, как быть с церемонией, но в императорском дворце позаботились обо всем.

Императору докладывали, что Молодой господин необыкновенно красив, и он сказал:

— Я хочу его увидеть в этот день.

Ночью Третья принцесса с младенцем прибыла в императорский дворец. Она не могла удержаться от неподобающих в такой день печальных слов:

— Если бы наша матушка была жива, ты бы въезжал во дворец в сопровождении огромной свиты. Многих уже нет¹⁰⁴.

Император и не представлял себе, что младенец так красив. С ним нечего было сравнивать даже Первого принца, сына Первой императрицы. Молодой господин казался существом не

нашего мира, и император думал со страхом: «Бывало, что рождались подобные дети...» — и чувствовал особую любовь, ведь ребенок был дарован ему на закате жизни.

«Если бы Вторая принцесса, став женой генерала, заменила бы ему мать, мне не нужно было бы беспокоиться за его будущее, — снова и снова думал с сожалением император. — Досадно, что я не могу найти жену Сагоромо. Женить его на Третьей принцессе? Тогда бы я поручил ему заботу о моем сыне. Сагоромо не будет любить его так, как люблю я, но он вообще человек благожелательный и ни в коем случае не оставит ребенка». Не извлекий урока из попытки выдать замуж Вторую принцессу, император продолжал строить подобные планы.

Началась церемония. Император положил в рот ребенку кусочек лепешки. Тот открыл глаза и, при свете ярких светильников глядя на него, улыбнулся. Лицо его было очаровательным и разительно напоминало Сагоромо. «Нет ничего странного, что они так похожи друг на друга, но он прямо вылитый Сагоромо», — удивился император. Он подозвал генерала и сказал ему:

— Посмотри на него. Что ты думаешь? Твой отец всегда гордится тем, что только ты так бесподобно красив. Теперь он будет завидовать, что появился еще кто-то, похожий на тебя.

Он поднес младенца к Сагоромо, и тот, встретившись с генералом глазами, сразу начал улыбаться. «Если я и вправду похож на Молодого господина, то мне следовало бы еще более гордиться своей красотой», — подумал Сагоромо. Он с трудом сдержал подступившие к глазам слезы. Император, переводя взгляд с одного на другого, сказал:

— При всех ваших родственных отношениях, такое сходство удивительно!

Он испытывал к младенцу большую нежность. Отойдя в сторону, Сагоромо со стыдом и печалью думал, что государь, безусловно, как-то узнал о том, что произошло между ним и Второй принцессой. Ему хотелось взять сына к себе и все время любоваться им. Не оставил ли он душу в рукаве?¹⁰⁵ От чувства раскаяния и скорби он был готов упасть на землю.

Церемония окончилась. Придворные покинули дворец, но Сагоромо, тоскуя по Второй принцессе, и не думал уходить. «Сколько слез пролил я на рукав!»¹⁰⁶ — повторял он про себя. В каких же мирах он сможет, без тревоги на сердце, спать вместе с ней?

Сагоромо по-прежнему жаждал встретиться со Второй принцессой, но не мог придумать, как это осуществить. Не в силах справиться со своей тоской, он в длинных письмах поверял ей свои сокровенные чувства и просил даму Тюнагон передать их, но принцесса после пострижения и вовсе не хотела смотреть на его послания. «Если бы я могла удалиться в такие миры, где ничто подобное не попадалось бы мне на глаза!» — думала она. К Тюнагон из-за ее посредничества она стала относиться без прежней приязни. Огорченная дама сказала об этом Сагоромо. Он сам понимал, что нельзя было и надеяться на иное отношение, и, не зная, что его ждет, проливал горькие слезы¹⁰⁷.

— Ах, если бы я мог как-нибудь увидиться с принцессой и покаяться в моем тяжелом грехе! Ведь она с такой горечью думает обо мне! — говорил он.

«Принцесса неожиданно приняла монашество. Если бы та, которая стала “соринкой на морском дне”¹⁰⁸, осталась в живых! Она была бы моей тайной женой из простых, я бы заботился о ней и утешался с нею в моих горестях. Но что толку говорить об этом? Пусть бы она вышла замуж за другого, я бы горевал, что ее сердце непостоянно, но был бы доволен, что она не погибла. Во время наших кратких встреч мне казалось, что она была не так уж умна, но она была необыкновенно мила и очаровательна. Я не задумывался, какое возмездие меня ждет в будущих рождениях, и только радовался тому, что некоторое время могу встречаться с ней. Неожиданно расставшись со мной, она решила: «Пусть он только слышит, как ветер шелестит моими рукавами»¹⁰⁹. Нося под сердцем ребенка, не дождавшись времени, чтобы оставить его после себя, она, чтобы не сблизиться с Митинари, в смятении бросилась в море. Ясно, что у нее никаких отношений с ним не было». Глубина ее побуждений не вызвала у него неприятного чувства¹¹⁰, ему было бесконечно жаль женщину, погибшую из-за него. «Но сейчас все кончено, и не зачем думать: вот если бы она была жива...» — упорно уговаривал себя Сагоромо, но по-прежнему тосковал и никак не мог забыть Асукаи.

При этом, вспоминая свое посещение принцессы-монахини, ее изголовье, на котором она лежала без сна долгие ночи, он гово-

рил себе: «О других женщинах я не должен думать. С ней обменялся я клятвами в прошлых рождениях».

Так он думал то о принцессе, то об Асукаи, и рукава его были всегда мокры от слез.

Летом император, почувствовав себя плохо, решил отказаться от престола и посвятить себя служению Будде. На равнине Сага¹¹¹, у подножия горы Огура он велел построить храм и объявил, что в скором времени переселится туда. «Перееду осенью, когда поле покроется цветами», — думал он. Он правил миром двадцать лет, у него был сын, — он не мог быть недоволен судьбой, но господин Хорикава очень сокрушался. Отношения между государем и верховным советником были необычайно искренними и душевными, какими они и должны быть между братьями, и Хорикава хотел бы, чтобы император оставался на троне еще тысячу лет.

В седьмом месяце императору сделалось хуже. Он очень страдал еще и оттого, что Первая императрица была в отчаянии от его решения принять постриг, и ему даже казалось, что его насильно удерживают в мире, когда перед ним открывается последний путь.

— Твое положение, и государственное и личное¹¹², прочно, — утешал он императрицу. — Если бы твое будущее не было таким надежным, я повременил бы принимать монашество и до самого последнего часа старался бы как-нибудь продлить свою жизнь. Я думаю, что скоро ты примиришься с моим решением.

Она привыкла в течение многих лет быть единственной любимицей государя и не хотела верить, что император ее покидает. Императора ее подавленное настроение тяготило, но не могла же она до конца жизни пребывать в беззаботности!

— Переезжай вместе со мной в храм на равнине Сага, увидишь, как я буду принимать монашество... — говорил ей император.

Своих дочерей император очень жалел, беспокоился за их будущее и снова и снова просил Хорикава позаботиться о них.

— Вторая принцесса бесповоротно покинула наш мир, и это очень похвально. Жрица Камо¹¹³ уже взрослая, за многие годы она привыкла жить уединенно — смена правления вряд ли кос-

нется ее. Но судьба Третьей принцессы и Молодого господина меня повергает в тревогу. Я думал отдать принцессу в жены Сагоромо и поручить ему заботу о сыне. Я очень беспокоюсь за будущее Молодого господина. Лучше ему считаться сыном Сагоромо, чем быть принцем без всякой поддержки. Генерал, похоже, не собирается жениться. Неизвестно, что у него на душе, но для тебя моя просьба вряд ли неожиданна, — говорил он Хорикава, проливая слезы.

Тот был охвачен глубокой печалью.

— Пока я буду пребывать в этом мире, ни на один день я не покину ваших детей. У меня дочерей не много ¹¹⁴. До самой смерти я буду заботиться о ваших детях. Не знаю, по какой причине Сагоромо видит в нашем мире одни только горести. Понять его невозможно. В глубине души я о нем беспрестанно тревожусь. Но если он узнает о вашем желании, как он сможет ему не последовать?

Они часто говорили о том, что их обоих заботило, и всячески ободряли друг друга.

«Теперь государь задумал женить Сагоромо на Третьей принцессе и только об этом и говорит. Невозможно пропустить его слова мимо ушей. Не обращая внимания на настроение Сагоромо, надо выполнить волю императора до того, как он удалится на равнину Сага», — решил Хорикава и приказал заново отделать комнаты, где раньше проживала Первая принцесса ¹¹⁵.

«В ту ночь, когда я проник ко Второй принцессе, я ясно видел Третью, — думал Сагоромо, узнав о намерении императора. — Ее сдержанные манеры столь благородны, что заставляют робеть того, кто ее видит, хотя до Второй принцессы ей далеко. У той нет ни единого недостатка, никто не может отрицать, что во всех отношениях она — само совершенство. Мои необычные чувства к Гэндзи-мия так глубоко укоренились в моем сердце, что, не в силах справиться с ними, я оставался к принцессе равнодушным. Сын, который родился благодаря нерушимым клятвам между нами в предыдущих мирах, обитает в облачных чертогах ¹¹⁶. Как печально, что я совсем не могу приблизиться к принцессе и открыть ей свое сердце, полное раскаяния и скорби. В каком из миров смогу я сидеть рядом с принцессой и задушевно говорить с ней? Вторая и Третья принцессы очень близки между собой, и если даже, женившись на Третьей принцессе, я буду только слушать, как ветер шелестит рукавами ее платья ¹¹⁷, я смогу встре-

чаться с сестрой. Женитьба на принцессе не будет удерживать меня от ухода по «невидимым горным тропам» ¹¹⁸. Как долго бы я ни жил в этом мире против своего желания и не уходил в монастырь, никто не сможет сказать Второй принцессе, что я взял жену и обзавелся домом... Однако я смогу все время видеть Молодого господина».

Последнее соображение очень радовало Сагоромо.

23

В десятый день восьмого месяца было завершено строительство храма на равнине Сага. Император отрекся от престола и в тот же день принял постриг. Дело обычное, но когда видишь или слышишь, что простые смертные уходят в монахи, сердце охватывает печаль. Представьте же, как скорбела императрица! Сагоромо всячески утешал сестру. Но и ее страдания имели предел: Первый принц был провозглашен наследником престола, и к императрице вернулось прежнее настроение. Она и представить не могла, сколь великолепно будет ее новое положение. Было бы жаль, если бы она таким образом не умножила славу дома Хорикава.

Из-за восшествия на престол нового государя верховный советник решил повременить со свадьбой сына и Третьей принцессы, а Сагоромо в душе этому только радовался.

После отречения император почувствовал себя немного лучше, и его дочери пожаловали к нему. Принцесса-монахиня, вспоминая многочисленные потрясения, не могла оторвать рукав от лица. На нее было жалко смотреть.

— Ведь государь только принял монашество... — утешали ее.

— Если бы это было расставание навеки, я, ни мгновения не медля, отправилась бы вслед за ним, — отвечала она, проливая слезы.

Глядя на дочерей, император-инок забывал о времени, когда он правил страной, и повторял про себя: «Лучше здесь, чем в грешном мире...» ¹¹⁹

Вскоре Первой и Третьей принцессам, которые не находили никакого развлечения, наскучила такая жизнь, и они возвратились в столицу, взяв с собой Молодого господина. Прощаясь с ними, император-инок был очень печален. Но Вторая принцесса

не отходила от отца; он находил подле нее утешение и не чувствовал себя покинутым.

Перед храмом расстилалась равнина Сага, недалеко протекала река Ои. У подножия горы неясно виднелись бамбук и мискант¹²⁰. Принцесса-монахиня, слыша грустные крики оленей в горах, сама чувствовала печаль и пролиwała слезы. Она усердно выполняла службы, и безутешная горечь уступала место надежде на возрождение в раю. На душу императора-инока, не пропускавшего ни одной вечерней и утренней службы, тоже нисходил покой.

— Мы обязательно возродимся вместе в блаженных пределах, — говорил он дочери, и сердца обоих были полны глубокой печалью.

24

Приближалась церемония Великого вкушения риса¹²¹, и в столице определенно говорили, что Гэндзи-мия должна скоро въехать во дворец, чтобы присутствовать на этом празднике¹²². Что творилось при этом в душе Сагоромо? Каждый раз, слыша эти разговоры, он говорил себе: «После церемонии она сюда уже не возвратится!» На душе у него становилось все мрачнее, и он уже считал, сколько дней ему осталось до принятия монашества. Много лет Сагоромо таил свою любовь, а теперь решил: «Неважно, что станет со мной и с ней после этого!»¹²³ Он жаждал увидеть Гэндзи-мию немедленно, как сказано в стихотворении об островах, разбросанных в море¹²⁴. В усадьбе никто не догадывался о страсти Сагоромо. Все радовались, что наконец осуществляется многолетнее желание Хорикава, и торопились закончить приготовления к отъезду девицы. Это обещало быть счастливым событием.

Наступил последний день девятого месяца. Сагоромо думал, что не сегодня завтра он примет постриг. Холодный ветер проникал до костей. Сагоромо в унынии смотрел на облетевший сад. Послышались неясные звуки цитры. Это играла Гэндзи-мия. Сагоромо не мог оставаться спокойным и, вторя ей на флейте, направился в ее покои.

Все в усадьбе хлопотали, готовя отъезд Гэндзи-мии, но в комнатах девицы было спокойно. Она расположилась в передних покоях с несколькими самыми доверенными прислуживающими

дамами и, играя, смотрела, как молодые слуги катались по пруду на лодках. Сев на веранде и опершись спиной о перила, Сагоромо продолжал играть на флейте, надеясь, что девица будет музицировать вместе с ним. Она же, подумав: «С малых лет я училась музыке вместе с Сагоромо, но нельзя, чтобы он слышал мое бренчание», — перестала играть и подвинула инструмент к даме Тюнагон.

— Закончите эту пьесу, — попросила она.

Чувствуя себя более непринужденно, чем обычно, Сагоромо подвинулся ближе и произнес:

— Иль ты велишь,
Чтобы тайные думы
Я выразил в музыки звуках?
Сегодня в ладе осеннем
Громкая цитра долго не смолкнет...¹²⁵

«Не услышал ли меня кто-нибудь? Как я безрассуден!» — подумал Сагоромо с мукой и, чтобы замять сказанное, стал наигрывать на цитре, пристально глядя в небо.

Сквозь туман тускло светила луна. Сагоромо остро чувствовал все очарование поздней осени. Он вспомнил облик спустившегося на землю небесного отрока и подумал с сожалением: «Почему я остался в этом мире? Как дама, которая, завидев подножие горы Сидэ, возвратилась назад, желая перевалить через нее только со своим возлюбленным¹²⁶, я, увидев в ту ночь путь в небеса, не пожелал вступить на него. Но как я хочу сейчас скрыться за облаками вместе с Гэндзи-мией, прежде чем она уедет отсюда!» Он поднял занавесь, отделяющую его от девицы, и, подвинувшись еще ближе, сидел, опираясь на поперечную балку¹²⁷.

— Я никогда не сравнюсь с тобой в игре на цитре. Пожалуй-ста, поиграй, — горячо упрашивал он Гэндзи-мию.

Сам он взял лютню, перестроил ее на тон ниже, в лад *сайбара* «Смена одежд»¹²⁸, и заиграл с большим чувством, напевая: «В узорах из цветов *хаги*». Звуки были полны поразительной красоты. Особенно замечательно получалось у него, когда он проводил плектром по струнам снизу вверх. Музыка поднималась к небесам, и все в усадьбе Хорикава, даже слуги, наострили уши. Кое-где слышался плач¹²⁹. Гэндзи-мия испытывала невыразимое блажен-

ство — ей казалось, что она унеслась за облака и слышит неземную музыку. Как второй советник министра из повести «Плащ-невидимка»¹³⁰, Сагоромо, окончив играть, воткнул плектр между струн.

Вокруг дома все заволочло туманом. Пошел дождь. Потемневшее небо казалось зловещим. Гэндзи-мия удалилась в задние покои и приказала опустить решетки. Сагоромо не отводил взгляда от помещения, куда она скрылась, и тихо пропел:

— Во дворце водяные часы медленно отмеряют время.
На лестницы, где нет ни души, летит дождь...¹³¹

Голос его звучал как обычно, но прислуживающие дамы, не ушедшие в задние покои, услышав его, пришли в восхищение.

— Он, похоже, о чем-то глубоко страдает... В чем дело? Ведь никто ему ни в чем не может прекословить... И отец и мать окружили его заботой... — говорили они между собой, жалея Сагоромо.

25

Отрекшемуся от престола императору Итидзё нездоровилось, но он превозмогал недомогание до окончания торжеств по случаю восшествия на престол сына. Время от времени он чувствовал боль в груди. Вдруг болезнь приняла дурной оборот, и надежды на выздоровление не оставалось. Молодой император горевал донельзя. Пока решали, можно ли устраивать в самом начале правления визит государя к родителю¹³², больной скончался. Скорбь царствующего императора была беспредельна. Он не посетил отца перед смертью и считал, что не выполнил своего сыновнего долга. Великое вкушение риса и прочие церемонии были отложены. Мир погрузился в траур.

Вместо дочери покойной Второй императрицы¹³³ жрицей Камо была назначена дочь отрекшегося императора Итидзё, которая в момент кончины отца еще находилась в Управлении дворцового стола¹³⁴. Когда на трон взошел новый император, жрица Исэ покинула святилище¹³⁵.

«Кто будет теперь жрицами Исэ и Камо?.. У государя нет сестры... Как же Гэндзи-мия сейчас въезжать во дворец?»¹³⁶ — говорили между собой придворные.

Хорикава не обращал на подобные разговоры никакого внимания.

— Все это вздор, — говорил он. — Еще в детстве Гэндзи-мия была объявлена частным лицом¹³⁷. К делам богов и государства она не может иметь никакого отношения.

Прислуживающие Гэндзи-мия дамы мечтали о блистательной жизни во дворце и не могли дожидаться времени, когда их госпожа станет супругой государя. Красота Гэндзи-мия к тому времени достигла совершенства, девица вправду была блистательна. «Даже император удивится, какие замечательные женщины встречаются в этом мире. До сих пор он только слышал о ней, но, взглянув, придет в восторг», — говорили между собой все, кто видел ее, ожидая с нетерпением радостного события.

Сама Гэндзи-мия видела странные, пугающие сны, недоумевала, что они предвещают, но никому, даже супруге Хорикава, о них не рассказывала. В усадьбе одно за другим последовали дурные предзнаменования. Обращались ко многим гадалыщикам, но все они отвечали в один голос:

— Этот год будет для девицы особым. Она должна быть очень осторожна.

Гэндзи-мия насмерть перепугалась и беспрестанно молилась богам.

Господин Хорикава тоже увидел сон. Из Камо явился некто, по виду жрец, и передал письмо для Гэндзи-мия, прикрепленное к ветке *сакаки*¹³⁸. Хорикава открыл его и прочитал:

«Кто дерзнет
Оторвать лист *сакаки*
В пределе моем,
Который от века богов
Защищен священной веревкой?»¹³⁹

Пусть только попробует, это кончится большими бедами».

Хорикава в страхе проснулся и рассказал о виденном жене и сыну. Сагоромо, выслушав отца, совершенно успокоился. До тех пор он мучился, не зная, на что решиться: «Сделать Гэндзи-мия своей тайной женой, спрятаться от людей и скитаться с ней в глухих горах — все это не имеет смысла. Если бы я стал посещать ее здесь, скрывая наши отношения от родителей, мои терзания

только увеличились бы. Может быть, родители в конце концов и согласились бы на наш брак (что уж, мол, тут делать), но в душе они по-прежнему считали бы его постыдным. Мне было бы больно смотреть на их душевные страдания». Когда же он узнал, что от века Гэндзи-мия назначена в жрицы, сердце его успокоилось, но вскоре Сагоромо вновь охватило уныние. «К чему сейчас что-то решать, к чему стенать? Сейчас я не могу повторить вслед за поэтом: “пока жив, можно надеяться”¹⁴⁰. Моим многолетним страданиям суждено длиться еще долго», — думал он¹⁴¹.

Императору во сне тоже было ясное указание сделать Гэндзи-мия жрицей. Изумившись, он рассказал об этом Хорикава. Оба были крайне огорчены. Гадальщики, которых призвал государь, напророчили ему и верховному советнику долгое счастливое будущее, но больше ничего не сказали. Не было никакой возможности добиться ясности. В свете все были озадачены.

Жрицей Исэ была назначена третья дочь императора-инока Сага. «Если бы я, как самый обыкновенный человек, женился на Третьей принцессе и Гэндзи-мия, кто бы сейчас стал жрицей?» — думал при этом Сагоромо.

Третья принцесса была еще очень молода и вряд ли сокрушалась, что отныне будет жить в землях, где протекает река Судзука¹⁴², но Сагоромо, склонный к сожалениям о невозвратном прошлом, услышав об этом, потерял покой. «Что у меня за судьба! И Вторую и Третью принцессу прочили мне в жены, и обеих я потерял. Что, если жениться на монахине, у которой есть ребенок, как второй советник в “Повести о стране Тан”?»¹⁴³ — думал он, грустно улыбаясь.

26

Наступил третий месяц. Хорикава спешил с подготовкой отъезда Гэндзи-мия, теперь в дом наместника, уехавшего на Цукуси. В усадьбе ничем другим не занимались. Столько лет все были уверены, что Гэндзи-мия станет супругой императора, и ныне сожалели о непредвиденном повороте в ее судьбе.

Жена Хорикава, вспоминая о времени, когда сама была жрицей, горевала, что вновь должна будет ступить за священную ограду богов¹⁴⁴, но расстаться с Гэндзи-мия не могла: даже видя ее каждый день, она не могла насмотреться на нее вдоволь.

Гэндзи-мия тоже думала: «Где бы я ни была, разве я смогу не видеть ее даже один день?»

— Пока я не ушла в монахини, о чем тебе печалиться? Я сожалею только о том времени, когда приму постриг, — утешала госпожа девицу, а сама думала с мукой: «Неужели мне не будет дано увидеть ее в мой последний час?»¹⁴⁵ Вспоминая, как она сама уезжала в Исэ и как покойный император, плача, не мог выполнить церемонию прощального гребня¹⁴⁶, она печалилась еще более.

Поначалу Сагоромо очень радовался тому, что перед самым въездом Гэндзи-мия во дворец император изменил решение, и готов был благодарить за это богов Камо. Но когда он понял, что назначение жрицы бесповоротно, что отныне он будет совершенно отделен от нее священной оградой, он пришел в отчаяние. Живя с Гэндзи-мия в одной усадьбе, Сагоромо, когда любовные терзания становились невыносимыми, мог пойти к ней и намекнуть о своих чувствах. Это не приносило утешения, но он любовался на ее редкостную красоту и забывал о своих муках. Отныне же изредка посещать храм Камо, стать для нее посторонним... «Как смогу я прожить оставшийся мне срок?» — думал он в тоске.

Сагоромо все время проводил в покоях Гэндзи-мия, и когда возле них никого не было, говорил ей о том, что переполняло его сердце. Все это было для девицы мучительно. Она радовалась, что вскоре покинет усадьбу Хорикава, и делала вид, что совсем не замечает страданий Сагоромо. Он еще более огорчался.

За несколько дней до переезда Гэндзи-мия в дом наместника, вечером, Сагоромо приблизился к ней и сказал:

— Долго я подавлял в груди мучительные чувства. Я самозабвенно мечтал, что каким-то образом перед всем миром смогу назвать тебя женой. Почему ты относишься ко мне так, как будто я посторонний человек, с которым ты никогда не встречалась? Ты не в том возрасте, чтобы не понимать меня...

Он не смог сдержатъ сожалений о прошлом и произнес, проливая слезы:

— Тайно пробравшись
Между дубов
В священный предел Камо,

К ветвям привяжу
Волокон пучки ¹⁴⁷.

Я надеялся, что ты поймешь, какие чувства я терплю, но не нашел в тебе никакого сочувствия. Мне кажется, что настал мой последний час.

«А вдруг он и вправду умрет... Такого страха я еще не знала», — подумала она и горько заплакала.

Когда он увидел плачущую Гэндзи-мия так близко от себя, она показалась ему еще прекраснее, чем обычно, и он забыл о прошлом и будущем.

— После назначения тебя жрицей я решил ничего тебе больше не говорить, но ведь душа задумавшегося человека покидает его тело ¹⁴⁸. Мне кажется, так и я потерял разум, а твоя неприязнь ко мне только усилилась. Нет, больше я не смогу жить по-прежнему. Не пуститься ли нам с тобой в путь по неведомым горным тропам? ¹⁴⁹ — сказал он.

Гэндзи-мия от страха потеряла голову. По лицу ее катились слезы и капли пота, и она горячо молила в душе богов избавить ее от этой напасти. Но иногда и боги равнодушны к мольбам.

К ним приблизилась прислуживающая дама: наступило время вечерней трапезы. Сагоромо, напустив на себя равнодушный вид, удалился. Все его прошлые муки были сущим пустяком, никто в мире не испытывал таких страданий, как он ныне. Не находя ни в чем утешения, он представлял себе, что творилось в сердце принца Оцу ¹⁵⁰. Но когда возлюбленная принца стала жрицей, он скоро утешился, а Сагоромо знал, что будет любить Гэндзи-мия всю жизнь. У него не оставалось ничего, что могло бы удержать его в этом мире ¹⁵¹.

Он вспомнил, как Вторая принцесса ускользнула, оставив пустое ложе. «По своей вине я навсегда потерял ее. Судьба распорядилась, чтобы я так страдал из-за любви. “Росинку у дороги” нельзя ставить рядом с принцессой, но мог ли я думать, что на побережье, где водоросли...» ¹⁵²

Вспомнив об Асукаи, он достал веер и стал рассматривать его. И вправду, оставленная на память вещица тысячу лет будет напоминать о ней ¹⁵³. Сагоромо не мог не проливать слез.

Все эти бесконечные думы никак не утешали, а только расстраивали сердце Сагоромо.

— Любви путь
Извилист...
И не будет свиданья,
Что конец
Страданиям положит.

Сагоромо не мог сказать: «Не знаю, куда ведет...» ¹⁵⁴

27

Наступил день отъезда Гэндзи-мия. Ранним утром в усадьбу верховного советника прибыли важные сановники и принцы. Было шумно. Вокруг Гэндзи-мия собрались дамы-красавицы в блестящих платьях ¹⁵⁵ изысканных цветов, надетых одно на другое. На лицах их можно было видеть сожаление: «Если бы госпожа направлялась во дворец, все было бы еще великолепнее...»

Гэндзи-мия была одета необычайно изысканно, тщательнее, чем обычно. На ней была верхняя одежда из лощенной ткани с узорами из цветов вишни, цвет которых становился книзу более бледным, и так много платьев, что ей было трудно пошевелиться: платье из красного отбитого шелка, розовая накидка на светло-зеленой подкладке с прорезами, вышитая накидка цвета прелых листьев на желтой подкладке, и много других. Сквозь ленты переносной занавески она разглядывала собравшихся. Все, кто мог ее видеть, приходили в восхищение. Разве могли боги храма Камо не заметить такую красавицу? Немудрено, что Сагоромо так сильно полюбил ее.

Он только что не терял разум. Когда бы не опасение, что кто-нибудь войдет и, забыв о торжественном событии, будет беспокоиться о нем, он так бы и оставался в постели. Утирая слезы, молодой человек вышел из своих покоев. Если бы речь шла о единственной возможности достичь Чистой земли Будды, он и тогда бы не смог расстаться с Гэндзи-мией, а она хотела только поскорее уехать, чтобы не видеть его плачевного состояния, и выполнить обряд очищения в реке, где омывают руки ¹⁵⁶.

Подшло время отъезда, к веранде подъехали экипажи. «Так вот она и уедет, и я больше ее никогда не увижу, — думал он с унынием и тоской. — А я очень скоро, сегодня вечером, исчезну

из этого мира. Отец и мать некоторое время будут тосковать и печалиться. Но вряд ли кто-нибудь догадается, что всю свою жизнь я так сильно любил Гэндзи-мю. А ведь добиться ее было так легко! Почему же тогда, когда так просто было это сделать, я был беззаботен и попусту терял время, горевал в душе и в конце концов дождался?»

Уж не сами ли боги свели Сагоромо с ума? Не внимая голосу рассудка, он под покровом темноты прокрался к Гэндзи-мю, сидящей за переносными занавесками, и потянул ее за подол платья. Почувствовав, что она не может пошевелиться, Гэндзи-мю с удивлением обернулась. Он потянул сильнее, и она невольно подвинулась к нему.

— Итак, прощанье...
Бумажное дерево
Отныне тебя ограждает.
Почему же я сам
Раньше с тобой не расстался?¹⁵⁷ —

прошептал Сагоромо и, схватив руку, в которой она держала веер, горько заплакал. — Посмотри на меня. Для чего теперь мне оставаться в этом мире? Я до сих пор не принимал монашества лишь для того, чтобы до самого последнего мгновения видеть тебя. Но мы больше не увидимся. Вспоминай обо мне с печалью.

Было видно, что он не в себе.

«Став жрицей, я больше не увижу его в таком волнении», — подумала она. Не соображая, что ответить ему, она молила богов: «Успокойте его несчастное сердце! Если бы он снова относился ко мне, как во времена нашего детства, когда нас ничто не разделяло!»

В это время раздался голос Хорикава:

— В чем дело? Становится поздно. Почему нигде не видно генерала?

Сагоромо встал и вышел из покоев Гэндзи-мю. Он был в смятении, душа была готова оставить тело. Собрав все свое мужество, он занял место сопровождающего жрицы.

Вы сами можете представить, с каким великолепием были выполнены все необходимые церемонии. Из храма Камо прибыл главный жрец, в доме наместника был проведен обряд очищения, комнаты украсили ветками *сакаки*. Сагоромо смотрел на слож-

ные действия в замешательстве и хотел, не медля, уйти по горным тропам, но в это время он услышал слова отца:

— Было бы неплохо, если бы Сагоромо постоянно находился в охране жрицы.

«Отец не догадывается о моих намерениях, — подумал Сагоромо. — Он уверен, что я еще долго буду оставаться в этом мире. Что с ним будет, когда я уйду в монахи? Увы! Разве нашей жизни не положен предел?»

Сагоромо никак не мог решиться осуществить свои планы и в глубокой печали твердил про себя: «И в поле и в горах мое сердце...»¹⁵⁸ Не стали бы называть его «генералом-горной лягушкой»!¹⁵⁹

28

«Сегодня ли? Завтра ли?» — спрашивал себя Сагоромо. Душа его стремилась к жилищу в горах¹⁶⁰. В усадьбе отца бывшие покои Гэндзи-мю казались ему зловещими, как комнаты, хозяин которых умер. Сердце сжимали тоска и печаль. На службу во дворец он ходить перестал.

Когда Сагоромо навещал жрицу, она держалась отчужденно: старалась не встречаться с ним и приказывала поставить вокруг себя переносные занавески. Сагоромо приходил в полное уныние. В детстве они были неразлучны и, даже когда выросли, постоянно встречались. Неожиданно для себя узнав о любви Сагоромо, Гэндзи-мю стала избегать его. Сагоромо же совсем не собирался отдаляться от нее, и девица не могла прервать с ним отношений, волей-неволей продолжала встречаться с ним и даже с тяжелым сердцем терпела пугающие ее признания. Но став жрицей, она старалась Сагоромо не видеть. Она сожалела, что его постигла мучительная страсть, и хотела, чтобы он поскорее забыл о ее существовании. Посещая Гэндзи-мю, Сагоромо не мог даже слышать ее голоса.

«Она совсем чуждается меня. А что, если боги Камо увидят, что в моем сердце кипит огорчение и обида на их жрицу? Если я буду продолжать любить ее, меня постигнет их кара». Он и сам понимал, что его поведение неразумно, и страшно испугался.

Мать его все еще оставалась со жрицей и не возвращалась домой.

— До каких пор ты будешь жить там? — нетерпеливо спрашивал жену верховный советник, но жрица чувствовала себя так беспомощно и никак не хотела отпускать госпожу.

Важные сановники и другие придворные постоянно ходили между Дворцовым и Вторым проспектом ¹⁶¹. В усадьбе Хорикава всегда былолюдно.

Приготовления к различным обрядам отнимали много времени, но не было мгновения, чтобы Хорикава и его жена не сокрушались, что сын их никак не женится. Сагоромо был постоянно погружен в размышления, он очень похудел, и госпожа беспокоилась, что с ним. Перед Сагоромо расставляли яства, но он не ел их. Видя, что он страдает, мать его горевала, и, хотя всегда заказывалось множество служб о благополучии Сагоромо, она попросила увеличить их число.

— Ты до сих пор живешь один, никак не найдешь покоя, вот я и переживаю. Выбери же себе жену, как подобает взрослому человеку. Как странно, что так и не состоялся твой брак ни с той, ни с другой принцессой. Обе были достойной парой для тебя, — говорила она.

— Это потому, что в предыдущих рождениях не было женщины, с которой я бы обменялся нерушимыми клятвами, — отвечал он. — Теперь на поиски жены мне надо отправиться на гору Хорай...¹⁶²

— Ты всегда отшучиваешься. До каких пор такой человек, как ты, может оставаться неустроенным? Сейчас я погружена в заботы о жрице, редко тебя вижу и поэтому тревожусь еще больше. Очень досадно, что планы относительно брака с Третьей принцессой ни к чему не привели. А может быть, ты женишься на Первой принцессе, бывшей жрице?

— Начнут говорить, что я выбираю только принцесс. Нельзя обращать внимание на всякие разговоры, но... Надо найти девушку не столь высокого положения.

— Разве женщины не любят тебя? Или дело расстраивается из-за твоего нежелания? Ходили слухи, что Вторая императрица отчего-то противилась твоему браку с дочерью. Это была судьба, — вздохнула мать.

Сагоромо вспомнил очаровательного сына принцессы-монахини. Как бы изумилась его мать, если бы он признался, что это его дитя! Сердце у Сагоромо мучительно сжалось, из глаз чуть не хлынули слезы.

Сагоромо тосковал и часто навещал Молодого господина. Ребенок привык к молодому человеку и полюбил его. Глядя на сына, Сагоромо горько плакал. «Чего доброго, кто-нибудь догадается», — думал он, пытаясь справиться с собой. Сагоромо дружелюбно относился к нянюшкам, и все они чувствовали к нему расположение.

Император-инок Сага, услышав о привязанности Сагоромо к ребенку, был очень доволен. Ему хотелось, чтобы и его дочери полюбили Молодого господина, однако принцесса-монахиня все время проводила время вместе с отцом и ничего не знала о ребенке, а Третья принцесса очень жалела его, но осенью и она должна была покинуть дворец ¹⁶³.

«Что же теперь будет с Молодым господином? — тревожился Сагоромо. — Не перевезти ли его в усадьбу моего отца?»

— Первая принцесса, бывшая жрица, до сих пор удручена смертью матери, но император-инок хотел бы, чтобы она вышла за тебя замуж, — передали Сагоромо волю государя.

На сердце у него стало очень тяжело. «Доколе, доколе?» — спрашивал он себя, мечтая о горе на Западе ¹⁶⁴. К тому же никто никогда не говорил, что Первая принцесса была красавицей, расцвет ее молодости прошел, — решительно ничего в ней не прельщало Сагоромо. Прислужницы принцессы надеялись, что он последует желанию императора, и каждый раз, когда генерал появлялся во дворце, волновались и ожидали с его стороны решительного объяснения, но он держался очень сдержанно.

Молодой господин уже ходил, и каждый раз при взгляде на него Сагоромо казалось, что он возродился в раю. «Он послан, чтобы утешать меня в скорбном мире, — думал Сагоромо с грустью. — Не милость ли это Будды, о которой всем сердцем молились мои родители?»

Нянюшки смотрели на него с радостью и надеждой.

Хотя Сагоромо смотрел на наш мир как на нечто мимолетное, он признавал, что горячие молитвы родителей сделали свое дело. Так или иначе, ища утешения, он задумал совершить паломничес-

тво в храм, в котором жил Кобо-дайси¹⁶⁵. «Если бы я мог покинуть этот мир! Хотел бы я возродиться в то время, когда на землю явится бодхисаттва Майтрея¹⁶⁶, чтобы не знать заблуждений и страданий», — думал он.

Он решил отправиться в храм тайно, в сопровождении только самых надежных слуг. В дар монахам он велел приготовить много одежды.

Накануне отъезда Сагоромо явился к отцу и сказал:

— Болезнь моя обостряется, и, может быть, я выздоровею, если совершу паломничество в храмы Конгобу и Кокава¹⁶⁷. Завтра благоприятный день, и я хочу тайно отправиться в путь.

Хорикава и сам видел, что сын его нездоров, но подумал: «Какое неожиданное желание! С чего бы это?» Сердце его охватила тревога, и он заплакал.

«Почему он расстроился?» — подумал Сагоромо, с жалостью глядя на отца.

— Если бы я заранее объявил, что собираюсь отправиться в паломничество, многие придворные наперебой стали бы просить взять их с собой и поднялся бы переполох. Я решил ехать тайно, в сопровождении только десяти преданных слуг. В храмах я намерен провести всего лишь по одной ночи.

Хорикава безуспешно пытался сдержать слезы и ответил:

— Ты не по столице собираешься ездить. Такое путешествие — дело серьезное. Как можно пускаться в дальнюю дорогу без надежной охраны? Я не могу удерживать тебя от паломничества. Но, пока я жив, ты не должен бросать меня, как бы ты ни был болен. Тебе не придется долго ждать. Когда я покину этот мир, поступай, как хочешь.

Сагоромо понимал, что он опасался, как бы сын не ушел в монахи, и ответил:

— Что заставляет вас подозревать, что я возымел такое намерение? Мне никогда не приходилось бывать в этих знаменитых храмах. Я подумал, что их посещение принесет мне облегчение. Но если вы будете беспокоиться, я никуда не поеду.

Как Хорикава ни был встревожен, ему протестовать против посещения храмов не следовало. Он распорядился, чтобы Сагоромо взял с собой еще нескольких верных человек, и велел правителю провинции Кии приготовить прочные лодки, но тот уже все сделал и беспокоиться было не о чем.

Наступил день отъезда. Многие придворные, узнав о намерении Сагоромо, пожелали сопровождать его, но он отвечал:

— Как же можно так поспешно собраться в храм? В паломничество нужно отправляться тайно. Кроме того, предварительно необходимо поститься.

— Но вы ведь заранее ничего не говорили, — упрекали его придворные.

«И без того едет слишком много народу», — думал Сагоромо, но не мог не взять с собой лиц, которых навязал ему отец. Младший военачальник, сын принца, главы Ведомства дворцовых служб¹⁶⁸, получил третий ранг и стал вторым военачальником. Это был человек достойный, выделяющийся в толпе придворных. Ни у кого другого, кроме верховного советника, он не хотел служить. Он без раздумий согласился сопровождать Сагоромо. Дядя Первой императрицы, глава Палаты обрядов¹⁶⁹, из всех родственников отличал семью Хорикава. Он был очень дружен с Сагоромо, находился рядом с ним и днем и ночью, и нельзя было не взять его в паломничество.

Был десятый день одиннадцатого месяца. Листья с деревьев давно облетели. Ни на полях, ни в горах любоваться было нечем. Сыпал то снег, то град. Пейзаж усугублял и без того сосредоточенно-печальное настроение. На переправе реки Ёсино¹⁷⁰ генерала ждало множество богато украшенных лодок, и, сев в них, путешественники отчалили от берега. Высокие волны били о скалы. У берегов река была покрыта льдом. Время от времени судна садились на мель, и лодочки снимались со дна, отталкиваясь шестью.

Не сравнивал ли Сагоромо плавание со своими чувствами?

Обмелела река Ёсино,
Лодка легко не скользит
По белым волнам.
И, как ни мучься,
Берега не достигнуть...¹⁷¹

Как будто в ответ на его мысли, показались горы Имо и Сэ¹⁷². Неужели даже лодки понимали, что Сагоромо хотелось здесь задержаться? Так или иначе, в этом месте путешественники застряли.

— Летом бурный поток,
А сейчас, река Ёсино,
Ты еле журчишь,
Как будто тихо стенаешь,
Под коркою льда, —

пробормотал Сагоромо. — На поверхности — так безучастно...¹⁷³

Вода немного поднялась, и наконец-то смогли двинуться дальше.

Вспомнив о «соринке на дне морском», Сагоромо подумал: «Даже на мелком месте не решиться броситься в воду. Как же она должна была страдать!»

С самого начала, увидев чарующую внешность Асукаи, он полюбил ее всей душой, забывая о доводах рассудка. Сейчас Сагоромо казалось, что она рядом с ним, и, подперев рукой щеку, вглядываясь в глубину, как будто пытался рассмотреть что-то на дне, он испытывал невыразимые страдания. Сагоромо казался особенно блистательным. В его красивых руках даже четки производили впечатление чего-то редкостного, чего не встретишь у обычных людей. По-прежнему глядя в воду, он пробормотал про себя:

«За лодкой плывущей
Вы встаете, белые волны,
Укажите же мне
То место на дне
Беспредельного моря...¹⁷⁴

Какая печаль!»

— «Окончив свое земное существование, он возродится на небе Торитэн»¹⁷⁵, — громким голосом прочитал он из сутры так замечательно, что, казалось, заслушались бы даже птицы и дикие звери. Простолюдины, находившиеся в лодке, были растроганы, а второй военачальник прямо-таки залился слезами.

Наконец прибыли в храм Кокава. Его расположение, горы, поросшие соснами, река в глубине долины — все разительно напоминало храм Исиямадэра¹⁷⁶. Кроме монахов и подвижников там собралось множество паломников, знатных и из простых. Все сосредоточенно выполняли обряды, и вид их возбуждал зависть: казалось, они уже избавились от всех страстей.

Сагоромо всю ночь не смыкал глаз и до рассвета выполнял службы, но смятение в его сердце только возрастало, и он молился: «Если мне не дано осуществить свои намерения, укажи, как мне избавиться от заблуждений этого мира».

— «Царь Исцеления, ты, конечно, знаешь, что все...»¹⁷⁷ — читал он.

В горах мрачно завывал ветер. Бесконечная скорбь охватила сердце генерала.

— «Я явлю свой лик, сияющий чистым блеском...»¹⁷⁸ — продолжал он.

Все, кто слышал его, погрузились в глубочайшую печаль, и даже истязавшие себя подвижники проливали слезы. Наверное, чтению Сагоромо внимали с таким же благоговением, с каким когда-то слушали проповедь Будды Шакьямуни в саду¹⁷⁹, когда Девадатта¹⁸⁰ с сопровождающими осмеивали Учителя и были унесены быстрой рекой в ад. Поскольку клятва уменьшить свое тело¹⁸¹ оставалась нерушимой, сияющий облик бодхисаттвы Фугэн явился в слабом свете светильников и вскоре исчез.

Сердце Сагоромо переполняло благоговение. Не оставалось сомнений, что бодхисаттва, давший обет неустанно наставлять живые существа¹⁸², укажет всем на земле и на небесах путь к Просветлению. «Если я и в этом и в последующих мирах превосхожу красотой всех остальных людей, то и мои сердечные страдания должны быть несоизмеримы с их мучениями, — думал Сагоромо. — Явление бодхисаттвы подтверждает мою необычную участь». На душе у него стало легко. Ему и в голову не приходило прервать чтение и немного отдохнуть, и он дошел до слов: «совершили поклон и удалились»¹⁸³.

В храме стояла тишина: никто не читал молитв, никто не шевелился — все слушали Сагоромо. Наступил рассвет. Бормоча заклинания Тысячерукого¹⁸⁴, Сагоромо впадал в дремоту. Ему следовало отдохнуть.

В это время из часовни для медитации слышались слова *Сутры о Тысячеруком*¹⁸⁵, произносимые хрипловатым голосом, в котором чувствовался большой подвижнический опыт: «Это явится причиной Просветления...» Сагоромо стал внимательно прислушиваться.

На веранде, обращенной к долине, сидел, облокотившись на перила, второй военачальник, погруженный в задумчивость.

Доносившийся голос привел его в волнение, и он послал прислужника узнать, кто бы это был.

— Какой-то одноглазый монах. Он сразу же привлекает к себе сердца, — сказал тот, вернувшись.

Второй военачальник послал за монахом. Луна светила ярко, и можно было ясно видеть его: страшно худой и изможденный, в одном тонком бумажном платье¹⁸⁶ и пеньковой рясе, подвижник не производил неприятного впечатления, а вызывал жалость. Казалось, ему холодно.

— Невозможно остаться равнодушным к вашему голосу, — сказал второй военачальник. — Пожалуйста, еще немного.

— Перед такими знатными господами мне не пристало, — ответил подвижник, но начал читать тихим голосом, и чем дальше, тем более проникались слушатели благочестием и печалью.

Сагоромо, сидя поодаль, сосредоточенно слушал. «Как такой странный подвижник смог достичь высшего неба¹⁸⁷? Правда ли, что все зависит от предыдущих рождений? Я, наверное, несмотря на клятву Будды, высшего неба никогда не достигну», — думал он, сравнивая себя, которому изволил явиться бодхисаттва, с жалким монахом.

Сагоромо послал слугу спросить подвижника, живет ли он в этом храме.

— Я прибыл сюда для стодневного затворничества. После смерти родителей я живу в глухих горах, где не слышно даже пения птиц¹⁸⁸, ночью в дуплах деревьев, сплю на мху, питаюсь сосновой хвоей, разговариваю только с тиграми и волками.

— Кто были ваши родители? До каких пор вы собираетесь так жить? — настойчиво расспрашивали его сопровождающие Сагоромо, испытывая к монаху жалость.

— Отец мой из рода Тайра, он был наместником на Цукуси и вторым советником. В детстве я лишился глаза, и отец решил, что я стану священником и буду служить на горе Хиэй. После кончины родителей я вступил в монастырь Анраку¹⁸⁹. У меня была сестра, которая осталась жить с кормилицей, но где они, я не знал. Я горел желанием посетить монастыри на горе Хиэй и направился к родственнице, жене бывшего правителя провинции Тикудзэн¹⁹⁰, жившей в столице. Она рассказала, что жизнь сестры сложилась несчастливо, подобно горькому сну. Сразу же, не

дожидаясь рассвета, я отправился в Мурото, что находится в Тоса¹⁹¹, и провел там около трех лет, — рассказывал отшельник.

Слушая его, Сагоромо подумал: «Он должен быть родственником той, что стала соринкой на дне моря». Он был очень взволнован и, приблизившись, обратился к отшельнику:

— Я невольно слышал вашу печальную историю, и мне хочется, чтобы вы рассказали ее до конца. Что стало потом с вашей сестрой? Я кое-что знаю о ней, и ваш рассказ меня заинтересовал.

В лунном сиянии он казался необыкновенно красивым, и отшельник залюбовался им.

— Я узнал только то, что моя сестра почувствовала отвращение к своей жизни и стала монахиней... — сказал отшельник, почтительно поклонившись.

Поскольку вокруг них были люди, он решил не выкладывать всего до конца, чего в страшном нетерпении ждал Сагоромо. Однако в присутствии второго военачальника генерал и сам не стал подробно расспрашивать. Асукаи не утонула! — он был изумлен этой новостью, и сердце его радостно забилося.

— Мне хотелось бы спросить... У нее был ребенок?

Это он хотел знать во что бы то ни стало.

— Я не могу ответить вам. С тех пор как мы с ней снова встретились после долгой разлуки, произошло много печального. Извините, но я отвлекся от своих дел, — с этими словами отшельник поднялся.

Сагоромо с жалостью смотрел на него: тело просвечивало сквозь тонкое платье, и казалось, что лунный свет пронизывает его. Одежда для священников, которую Сагоромо привез с собой, была слишком нарядной, поэтому молодой человек снял с себя белую мягкую накидку, всю пропитанную тонкими ароматами, и со словами: «Сегодня ночью такой свирепый ветер. Накиньте вот это», — протянул подвижнику.

— С тех пор как я принял постриг, я ничего не носил, кроме своего простого платья, — ответил отшельник, не притрагиваясь к подарку. — Я робею надеть такую накидку поверх одежды из мха...¹⁹²

— Возьмите это на память до нашей следующей встречи. Многие годы я питаю серьезное намерение стать монахом. У меня нет особых уз, привязывающих к этому миру, но места, где бы я хотел принять постриг, я еще не нашел. Пока я все раздумываю, время проходит попусту. Я уверен, что наша встреча была пред-

определена судьбой. Как бы я желал, чтобы вы взяли меня в ученики! Но сегодня все это очень неожиданно, здесь много народу, и не очень удобно открывать свое сердце. Как же мне найти возможность спокойно рассказать вам о своем сокровенном желании? Не пожалуете ли вы в столицу? До каких пор вы собираетесь оставаться здесь?

— Мне незачем идти в столицу. Срок моего затворничества подошел к концу. После этого я некоторое время собираюсь провезти на острове Тикубу¹⁹³.

Если он отправится неизвестно куда, Сагоромо, не зная ничего о судьбе оставшейся в живых Асукаи, будет мучиться еще больше, чем раньше, когда был уверен, что она скончалась.

— Пожалуйста, задержитесь здесь еще немного, — попросил он. — Утром я должен уезжать отсюда. Может быть, тогда и поговорим? Наша встреча предопределена в предыдущих рождениях. Мне хотелось бы стать вашим учеником и открыть вам все, что таится у меня в глубине души.

Подвижник и сам чувствовал расположение к Сагоромо и никак не мог расстаться с ним.

— Когда вы будете уезжать, загляните в часовню для медитации, — сказал он и удалился.

Молодому человеку казалось, что грудь у него разрывается. Невозможно выразить, как он хотел услышать продолжение истории. Сидя перед статуей Будды, он, перебирая четки, просил указать, где находится Асукаи. Была ли услышана его молитва?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стих. Осикоти Мицунэ, *Мицунэ сю* (Собрание стихотворений Осикоти Мицунэ) № 273: «От осеннего ветра вянут и травы и деревья, и только цветы моей любви распускаются все пышнее». Под «цветами любви» можно понимать и мысли об Асукаи, и чувства к Гэндзи-мией, под «засохшей травой» — отсутствие интереса к другим дамам.

² Стих. Идзуми-сикибу, *СК* № 624: «Взглянув в поле, обнаружила, что наступила зима, когда вянет трава любви, растущая у корней мисканта». Это стих. основано, в свою очередь, на стих. неизвестного автора, *М* № 2270: «Вдоль дороги, / У корней цветущих обана, / *Омоигуса* — трава-тоска... / Почему же суждено / Снова мне о чем-то тосковать?»

³ Под «росой» подразумевается Асукаи.

⁴ Стих. поэтессы Исэ Тайфу (даты жизни неизвестны), *ГС* № 1028: «В день, когда обнаружилась зашитая в одежде драгоценность, от горя не знала, что думать и что сказать». «Драгоценность, зашитая в одежде» — буддийское выражение, обозначающее истину, которая близка и которую человек тем не менее не понимает: как драгоценность, зашитая в одежде, о которой человек не догадывается (см. *ХК*, т. 2, с. 114). Стих. написано в связи с известием о принятии монашества мужем поэтессы Такасина Наринобу (ум. 1040).

⁵ Стих. Ки Цураюки, *Г* № 719: «Мне хотелось бы как-нибудь спросить у тебя: с чем можно сравнить горечь расставания перед рассветом, когда еще не насытил страсти?»

⁶ Отсюда начинается 2 год повествования.

⁷ Тюнагон — мать Гэндзи-мией. Между сестрами, императрицей и Гэндзи-мией, должна быть большая разница в возрасте. На основании вариантов этого места некоторые исследователи считают, что императрица была не дочерью, а сестрой Тюнагон.

⁸ Другими словами, она не испытывала особенной близости к семье Хорикава. Песня о Карибанооно (или Кариобаноону) — стих. неизвестного автора, *М* № 3048: «В Карибаноону, / Где цари охотятся, / Много на дубах больших ветвей... / Мы с тобой стали ненамного ближе, / Но тоска во много раз сильнее!»

⁹ Стих. Ки Цураюки, *Цураюки сю* (Собрание стихотворений Ки Цураюки) № 571: «Только желание встретиться с тобой может удержать меня в этом мире. Но надежды на встречу не осталось».

¹⁰ То есть уйти в монахи. См. стих. неизвестного автора, *К* № 950: «Далеко в горах Ёсино я хочу построить себе жилище, где бы я мог укрыться, когда жизнь станет слишком горькой».

¹¹ См. примеч. 164 к первой части.

¹² Во Дворце шелрых наград (Кокидэн) проживала Вторая императрица с дочерьми. Там же находилось помещение дамы Тюнагон, которая служила у императрицы.

¹³ *Бансики-тё* — один из шести ладов музыки в эпоху Хэйан.

¹⁴ См. стих. императора в гл. 6 первой части.

¹⁵ Имеется в виду день признания Сагоромо в любви Гэндзи-мией.

¹⁶ См. примеч. 10.

¹⁷ См. примеч. 164 к первой части.

¹⁸ То есть «трудно знать, что произойдет в будущем». Образ заимствован из стих. старшей дочери Саханоз, *М* № 737: «Пусть что угодно / Говорит молва, / Но все равно, — как на пути в Вакаса / Гора «Потом, любимый» поднялась, — / И мы потом увидимся, любимый!» Гора Нотисэ, название которой понимается как «Потом, любимый», находилась в пров. Вакаса.

¹⁹ Чины Личной императорской охраны ночью несли во дворце службу и объявляли наступление каждого промежутка в два часа (в нашем переводе условно «час»). С 10 часов вечера до 2-х ночи службу несли чины Левого охранения, с 2-х ночи до 6-и утра — Правой.

²⁰ Бог горы Кадзураки — бог Хитокотонуси, обитавший на горе Кадзураки в пров. Ямато. Аскет Эн попросил его соорудить каменный мост между горами Кадзураки и Кимбусэн. Будучи крайне безобразным, бог работал ночью, чтобы его никто не видел. Работа не была завершена.

²¹ Дверь из твердых пород (из дерева *маки*) — см. стих., *М* № 2519, народная песня от лица девушки, к которой хочет проникнуть мужчина. Имеет значение «дверь в опочивальню». *Маки* — древесина кипарисовика, криптомерии, сосны и подокарпа, которая в силу своей прочности употреблялась для строительства зданий.

²² Стих. неизвестного автора, *К* № 508: «Пусть никто не упрекает меня. Сейчас мои любовные стенания не могут покинуть меня, как корабль, который, покачиваясь на зыбких волнах, не может уплыть». Это стих., в свою очередь, основано на стих. неизвестного автора, *М* № 1352: «Сердце мое / Так зыбко, так зыбко оно! / Как болотные травы *укинуава*, / Ни к берегу близко, ни вдаль, где море, / Колеблясь, не могут уплыть никуда...»

²³ Стих. неизвестного автора, *К* № 695: «Ах, и сейчас хочу встретиться с ней, гвоздикой, которая цветет у изгороди у лачуги бедного горца». Под «гвоздикой» подразумевается девушка.

²⁴ Стих. основано на игре слов: *авасэ* — «присоединить, дать встретиться» и (*юмэ*) *авасэ-о си* — «гадать, что предвещает виденный сон». Спрашивая, кто объяснит ему значение сна, Сагоромо выражает желание встретиться с принцессой.

²⁵ Стих. Оно Комати, *Комати сю* (Собрание стихотворений Оно Комати) № 90: «Когда, умерев, я стану облаком, ты с печалью будешь смотреть в небо, затуманенное дымом погребального костра».

²⁶ В *ХК* среди заповедей Будды сказано: «Объясняя женщине Закон, нельзя оставаться с ней наедине в комнате и нельзя ей улыбаться. Входя в деревню для сбора подаяния, возьми с собой монаха. Если же такового нет, находясь в деревне, непрерывно повторяй в душе имя Будды» (т. 2, стр. 252).

²⁷ В сутрах рассказывается, как демон небес, владыка шестого неба чувственного мира, злейший враг Будды, посылал женщин, чтобы совратить его (*НКБТ*, т. 79, с. 483).

²⁸ Стих. Аривару Нарихира, *ИМ* № 5: «О ты, страж заставы / на моей троне, / неведомой людям, — / если бы каждый вечер / ты засыпал...»

²⁹ *Юмэ-но уки хаси* («плавающий мост грез») — возможно, это цитата из какого-то стихотворения. Так называется последняя глава *ГМ*, а кроме того, выражение встречается в гл. «Тающее облако». *Уки* может пониматься как «плыть» и «несчастный, печальный», а все выражение — «печальный мост грез», мост, по которому мы идем в горестной жизни.

³⁰ См. примеч. 195 к первой части. Под «своими слезами» Сагоромо подразумевает, по-видимому, слезы, которые он проливает из-за любви к Гэндзи-мией.

³¹ Стих. Дзоки-хоси (годы жизни неизвестны), *Сика вакасю* № 365: «С чем сравнить чашу моих дум? Только с тысячью ветвей рошси Синода». Рошса существовала в деревне Синода в пров. Идзумо.

³² Имеется в виду результат письма.

³³ Розэ на текст Бо Цзюйи *Сяншань сы Боши Лочжун цзи цзи* (В храме Сяншань пишу о своих сочинениях, созданных в Лояне), *ВР* № 588: «Мои занятия литературой в стиле низменного времени, в котором я живу, являлись заблуждением. Это всего лишь наобум брошенные слова и ложные красотоы. Я хотел бы, чтобы у меня была иная судьба, чтобы отныне мои сочинения служили прославлению и в будущих мирах Будды и его учения и вращению колеса Закона». Вращать колесо Закона — проповедовать учение Будды.

³⁴ Стих. неизвестного автора, *К* № 484: «Вечером в тоске гляжу на облака. Ведь я люблю женщину, которая так же далека от меня, как небожительница».

³⁵ Речь идет об Асукаи. См. ее стихотворение в гл. 16 первой части.

³⁶ См. стих. Асукаи в гл. 24 первой части.

³⁷ См. стих. в гл. 1 второй части.

³⁸ Имеется в виду Вторая принцесса. Стих. Фулзивара Садаката, *Г* № 700: «Такова ли ты, как имя, лиана на горе Встреч? О, если бы я мог втайне от всех встретиться с тобой!» Стих. построено на игре слов: *санэ* — «лежать» и *санэ-кадзура* — «лиана». Под «лианой» подразумевается женщина, с которой поэт провел ночь.

³⁹ Стих. Фулзивара Тосиюки, *К* № 558: «Когда засыпаю в любовной тоске, вижу во сне, как блуждаю по дорогам любви. О, если бы грезы стали явью!»

⁴⁰ Шуточное стих. неизвестного автора, *К* № 1023: «Как только лягу, чувствую, как с изголовья и с ног подступают страдания любви. Остается только сидеть в постели».

⁴¹ Жест, выражающий недовольство или отвращение.

⁴² В шестом месяце в императорском дворце справлялись многочисленные синтоистские церемонии. В 11-й день происходила «священная трапеза» (*дзингодзюки*) во дворце Синкадэн (Дворец божественной радости), император преподносил подношение богине Аматаэрасу и разделял трапезу с богами. В последний день перед воротами Судзакэ проводилась церемония *оохараи* («великое очищение»). За ней следовало *митиасэ-но мацури* («вкусение на дорогах») — подношение угощения духам (может быть, духам эпидемических болезней) на дорогах вокруг столицы, которое должно было препятствовать их проникновению в город, и церемония *хисидзумэ-но мацури* («усмирение огня»). Беременные женщины не могли присутствовать на этих церемониях и покидали дворец.

⁴³ Дорогу перед императором, императрицей и важными сановниками устилали циновками и поверх них белым шелком.

⁴⁴ Стих. Ки Цураюки на смерть Ки Томонори, К № 838: «Не знаю, не исчезну ли завтра из этого мира, но сегодня до ночи я буду оплакивать потерю». Сагоромо имеет в виду уход в монахи.

⁴⁵ Стих. неизвестного автора, К № 512: «Если есть семя, то и на скале возрастет сосна. Может ли быть, что моя упорная любовь не встретит отклика?»

⁴⁶ Цитрусы *татибана* и мандарины давали тяжелобольным, когда ничего другого они не брали в рот.

⁴⁷ Образ заимствован из буддийского канона.

⁴⁸ Дева Тацута — богиня осени, первоначально богиня горы Тацута (в пров. Нара), знаменитой своими кленами, которыми хэйанские аристократы ездили любоваться осенью.

⁴⁹ Стих. Фудзивара Санэёри (900–970), СК № 1787: «Что раньше исчезнет, моя жизнь или роса, павшая на придорожную траву?»

⁵⁰ Стих. неизвестного автора, К № 505: «Люблю тайно, как растет терпенья трава среди тростника на поле Синохара, но кто ей об этом скажет?»

⁵¹ Стих. неизвестного автора, С № 651: «Наступил месяц отсутствующих богов, но тучи не заволакивают неба. Только я лью слезы, подобно осеннему дождю». Имеется в виду десятый месяц, когда, по поверью, все боги собираются в святилище Идзуми. Обычно в это время идут дожди. В *СМ* стих. цитируется в смысле, противоположном оригинальному.

⁵² Стих. основано на игре слов: Мору — название горы, которая находится в пров. Сига, уезде Ясу; *мору* — «течь (о дожде)», *мимамору* — «пристально смотреть», *морэру* (от *морэ*) — «стать известным». Тюнагон имеет в виду, что скоро все узнают о тайне.

⁵³ См. примеч. 49 ко второй части.

⁵⁴ Сразу после рождения выполнялись обряды первого купания. Во время этого обряда читались отрывки из китайских классических книг и звенели тетивой лука, чтобы отогнать злых духов. Если рождался принц, император жаловал младенцу меч, который должен был охранять его.

⁵⁵ Небесный чертог — императорский дворец. Смысл первой половины стихотворения: «Пусть младенец, объявленный сыном императора, со временем взойдет на престол».

⁵⁶ Императрица думает не о формальном, а о моральном праве на ранг принца. Имеется в виду, что, поскольку Сагоромо состоит в ближайшем родстве с императором, в жилах его ребенка так или иначе течет кровь императорской семьи.

⁵⁷ Пиршества, сопровождаемые различными обрядами, устраивались на третий, пятый, седьмой и девятый дни после рождения ребенка; гости являлись в дом с поздравлениями и подарками.

⁵⁸ Возможно, здесь приводится поговорка того времени. Смысл неясен.

⁵⁹ Эту фразу можно понимать двояко: как воспоминание о Гэндзи-мия или сожаление о том, что ребенок Сагоромо во всех случаях будет считаться сыном императора.

⁶⁰ Догадка об отцовстве Сагоромо.

⁶¹ Стих. поэтессы Фудзивара Наоико (конец IX — начало X в.), К № 807: «Как рак *варэкара*, живущий в водорослях, которые срезают рыбаки, я горько плачу, — это все из-за меня самой, и никого не виню». Стих. построено на омонимах: *варэкара* — вид рака и *варэ кара* — «из-за меня». Имеется в виду, что принцесса не может в смерти матери винить никого, кроме себя.

⁶² Стих. неизвестного автора, К № 708: «В Сума, где рыбаки выжигают соль, изза сильного ветра дым неожиданно стал стелиться в другую сторону»; под «дымом» подразумевается женщина, которую неожиданно повлекло к другому.

⁶³ Часть храмового комплекса Энрякудзи, центра секты Тэндай, на горе Хиэй. Комплекс делился на три группы: Тоттоин (восточная пагода), Сайтоин (западная пагода) и наиболее удаленную Ёкава, которую хэйанские аристократы почитали более, чем две первые.

⁶⁴ *Хиро* — мера длины, равная 5 или 6 *сяку* (30,3 см), т. е. около 150–180 см.

⁶⁵ Образ слез, пролитых в зимнюю ночь. Стих. неизвестного автора, Г № 481: «В думах о тебе всю зимнюю ночь не сомкнул глаз. И не тают на моих руках замерзшие слезы».

⁶⁶ *Такамура моногатари* (Повесть о Такамура): «Что за прозаическое зрелище! Как можно восхищаться лунной ночью двенадцатого месяца?» (*НКБТ*, т. 7, с. 26); в *Сарасина никки* (Дневник Сарасина) говорится: «Луну зимних ночей издревле приводят в качестве примера прозаичности» (*НКБТ*, т. 20, с. 515).

⁶⁷ Стих. Ки Цураюки, С № 224: «Не в силах справиться со своими чувствами, я отправился к милой. Зимняя ночь. Пронизывающий ветер с реки... печально кричат птицы».

⁶⁸ Стих. Минамото Мунэюки (ум. 939), К № 315: «Зимой в деревне не то, что в столице, чрезвычайно печально. Никто ко мне не приходит, и даже травы все засохли».

⁶⁹ Селезень и утка мандаринки — символ супружеской верности и неразлучности.

⁷⁰ Стих. содержит игру слов: *укинэ* — «спать, плавающая» и *укинэ* — «горестный плач».

⁷¹ Стих. неизвестного автора, ГС № 616: «Укажи мне, лодочник, путь в великом море! Где бухта, где рыбаки собирают прекрасные водоросли?» (обращено к женщине, которую автор просит помочь ему добиться любви ее младшей сестры). Это место основано на игре слов: *ама* — «рыбак» и *ама* — «монахиня». Имеется в виду, что после того, как принцесса приняла монашество, ему не нужно искать провожатого к ней.

⁷² «Спать, подстелив под голову один (свой) рукав» — спать одному.

⁷³ Герой *Фусэго-но сёсё* (Младший военачальник Фусэго) — повести, до нашего времени не дошедшей.

⁷⁴ См. гл. 3 второй части.

⁷⁵ *Сайбара* «Агэмаки»: «Дети с прической *агэмаки* легли на расстоянии *хиро* друг от друга, но вскоре оказались рядом». *Агэмаки* — прическа, которую делали подросткам в 13–14 лет.

- ⁷⁶ Стих. основано на омонимах: *аси* — «тростник» и *аси* — «зло»; таким образом, «блуждать в тростниках» имеет значение «в заблуждении зла». Под «небесным чертогом» имеется в виду императорский дворец. Сагоромо сожалеет, что его ребенок будет считаться сыном императора.
- ⁷⁷ Стих. Идзуми-сикибу (из *Идзуми-сикибу сю*) № 171: «Как быть, если сейчас придет тот, кого я жду? Было бы жаль, если он будет топтать снег, что покрывает двор».
- ⁷⁸ Белая гора (Сираяма) — священная гора в Коси (общее название провинций к северу от Нара).
- ⁷⁹ Кровохлебка — одна из осенних трав, цветет маленькими темно-пурпурными цветами.
- ⁸⁰ По-видимому, слуги что-то зажгли над снежной горкой.
- ⁸¹ Название горы Фудзи интерпретируется как *фуси* — «бессмертие».
- ⁸² Стих. неизвестного автора, С № 1265: «Глядя на тебя, негодую на всемогущих богов: почему они создали такую безжалостную женщину». Также стих. Нонихоси (р. 998), *Сика вакасю* № 205: «Ты такова, что, кажется, тебя создали боги, которые связывают сердца, но нет признака, чтобы они отвязали». *Мусуби-но kami* — боги, способствующие союзу между мужчиной и женщиной, или боги, создатели мира.
- ⁸³ Гимн, сложенный бодхисаттвой Мондзю (санскр. Мандзушри), ХК (т. 1, с. 62).
- ⁸⁴ Стих. основано на игре слов: *ё* — «век» и *ё* — «коленце бамбука». Наследник напоминает об обещании въехать во дворец.
- ⁸⁵ Упоминаемый в стих. «бамбук низкорослый (*кодзаса*)», под которым Сагоромо подразумевает себя, противопоставляется бамбуку (*такэ*) из стихотворения наследника престола.
- ⁸⁶ Стих. поэтессы Исэ, СК № 1049: «Пусть погибнет этот мир, если я не увижу тебя хоть на один миг, краткий, как короткое коленце тростника, что растет в бухте Нанива!»
- ⁸⁷ Стих. Минамото Сигэюки, СК № 1013: «Подножье горы Цукуба густо заросло лесом, но для того, кто хочет подняться на вершину, это не явится препятствием». Под «лесом» подразумеваются люди, подозрительно следящие за влюбленными.
- ⁸⁸ Имеется в виду посещение Сагоромо усадьбы, где жила принцесса. См. гл. 6.
- ⁸⁹ Стих. Отомо Момоё (VIII в.), С № 685: «Когда умру от страданий любви, к чему будут все усилия увидеть тебя? Нет, при жизни хочу увидеть тебя!»
- ⁹⁰ Отсюда начинается 3 год повествования.
- ⁹¹ «Вода, на которой не остается следов (*ато наки мидзу*)» — популярный образ в японской поэзии. Стих. Сами Мандзэй, М № 351: «Этот бренный мир! / С чем сравнить могу тебя?.. / Рано на заре / Так от берегов ладья / Отплывает без следа...»
- ⁹² О восьми мостах в пров. Микава, куда был назначен Митинари, см. *ИМ* № 8: «Вот достигли они провинции Микава, того места, что зовут "Восемь мостов"». Зовут то место "Восемь мостов" потому, что воды, как лапки паука, текут раздельно, и восемь бревен перекинуто через них». Сагоромо цитирует стих. жены

- Минамото Ёситанэ, С № 317: «Не поеду в Микава и не увижу знаменитые восемь мостов. Как смогу жить, тоскуя о них?» Стих. сочинено по следующему поводу: Ёситанэ отправился с дочерью на службу в Микава, оставив жену в столице; она сложила стихотворение, в котором, говоря о желании увидеть знаменитое место, выразила тоску по дочери.
- ⁹³ Храм Хорин находился в восточной части столицы, подчинялся храму Корию в Удзумаса.
- ⁹⁴ Местонахождение Карадомари точно неизвестно. В первой части (гл. 24) говорилось, что Асукаи пыталась покончить собой в проливе Мусиакаэ.
- ⁹⁵ Сагоромо хочет скрыть свои истинные чувства перед Митинари, но кроме того, готовность женщины на самоубийство ради любимого и ради своей чести не вызвала в хэйанском обществе ни сочувствия, ни восхищения, а осуждалась как проявление слишком твердого характера и бурного темперамента.
- ⁹⁶ Из стих. Асукаи, о которых рассказывал Митинари.
- ⁹⁷ Стих. Оно Комати, К № 938, написанное в ответ на приглашение Фунъя Ясухидэ приехать в провинцию Микава, куда он получил назначение: «Жизнь моя печальна, и если повлечет меня вода, как плавающую траву, у которой нет корней...» (т. е. «если вы приглашаете меня, я покину столицу»). В издании *НКБТ* нет сспены, где бы Асукаи цитировала это стихотворение.
- ⁹⁸ Стих. Сами Мандзэй, С № 1327: «С чем сравнить этот мир? Со следом лодки в пенящихся волнах, исчезающей из глаз на заре». Представляет собой вариант стих. из *М* № 351 (см. примеч. 91 ко второй части).
- ⁹⁹ См. *ИМ*, гл. «Сума», в которой описывается пребывание Гэндзи в ссылке.
- ¹⁰⁰ Под «водорослями» подразумевается Асукаи.
- ¹⁰¹ См. примеч. 132 к первой части.
- ¹⁰² *Нагэки-но мори* («роща стenanий») — соединение двух слов основано на том, что последний слог в слове *нагэки* (стенание) понимается как *ки* (дерево). В японской поэзии этот образ встречается часто. См., напр., стих. Сануки (конец IX — начало X в.), дочери Абэ Киёюки, К № 1055: «Видно, потому, что согласились бездумно боги этого храма снизойти к мольбам, стенания превратились в деревья и образовали рошу». Предполагается, что в стих. имеется в виду храм (или священная роща) Нагэки-но мори в пров. Осуми.
- ¹⁰³ Пятидесятый день после рождения ребенка отмечался особой церемонией. Для нее готовили лепешку (*ика-но моти*), кусочек которой отец или дед ребенка вкладывали ему в рот. Церемония сопровождалась пиром и подношением подарков.
- ¹⁰⁴ Стих. Фудзивара Тамэёри (ум. 998), С № 1299: «Сколько людей могло бы еще оставаться в этом мире! Но многих уже нет...»
- ¹⁰⁵ Стих. Митиноку (конец IX в.), дочери Татибана Кудзунао, К № 992: «Рассталась с тобой, досыта не наговорившись. Но кажется, что я оставила душу свою у тебя в рукаве».
- ¹⁰⁶ *ЯМ* № 116: «Напрасно надеялся, что она долго будет жить. Пропливая слезы на рукав, оплакиваю горести нашего существования». Стих. написано на смерть дочери Кимухира.

- ¹⁰⁷ Стих. Минамото Ватасу (Ватару (X в.)), Г № 1333: «Куда уезжаю? Где буду плакать? Уже сейчас слезы заливают все, что стоит передо мной». Стих. написано на прощальном пиру перед отъездом из пров. Дэва в столицу.
- ¹⁰⁸ Стих. Асукаи из гл. 24 первой части.
- ¹⁰⁹ Стих. Ки Цураюки, *Цураюки сю* № 666: «Подойдя ближе, слышу, как ветер шелестит рукавами ее платья, но увидеть ее не могу».
- ¹¹⁰ См. примеч. 95.
- ¹¹¹ Равнина Сага находилась к западу от столицы. Она славилась своими пейзажами. Аристократы, удаляясь от дел, часто поселялись на этой равнине. После переезда на равнину император станет зваться Сага.
- ¹¹² После восшествия на престол нового императора Гоитидзё (сына отрекшегося императора Итидзё, брата Сага и Хорикава) сын императрицы будет объявлен наследником престола, а Первая императрица станет матерью будущего императора. Личное же ее положение, как дочери Хорикава, было надежным.
- ¹¹³ Первая принцесса.
- ¹¹⁴ У Хорикава две дочери — Первая императрица и приемная Гэндзи-мия.
- ¹¹⁵ По-видимому, комнаты, где жила Первая принцесса до того, как стала жрицей Камо. Место неясно.
- ¹¹⁶ Облачный чертог — императорский дворец.
- ¹¹⁷ См. примеч. 109. Сагоромо имеет в виду, что не вступит с принцессой в фактические супружеские отношения.
- ¹¹⁸ См. примеч. 164 к первой части.
- ¹¹⁹ Стих. неизвестного автора, К № 944: «В горном селении скучно, но лучше жить здесь, чем в грешном мире».
- ¹²⁰ Стих. неизвестного автора, СК № 347: «На поле у подножия горы Огура неясно виднеются заросли цветущего мисканта... Осенние сумерки...»
- ¹²¹ Первая после восшествия на престол церемония вкушения риса, во время которой император подносил рис нового урожая всем богам и сам вкушал его. Это место, однако, неясно, т. к. предписывалось, если восшествие на престол происходило до седьмого месяца, церемонию проводить в том же голу, в противном случае — на следующий год. Император же Гоитидзё вззошел на престол в восьмом месяце.
- ¹²² В качестве *нэгодай* — высочайшей наложницы императора, а также дочери министра или советника, избранной для участия в церемонии Великого вкушения риса.
- ¹²³ Сагоромо решил насильно овладеть Гэндзи-мией.
- ¹²⁴ Стих. Ки Цураюки, К № 697: «Не то, что носят в Японии, на островах, разбросанных в море, а китайское платье... Не прошло еще и мгновения, а я снова хочу встретиться с тобой». Стих. построено на игре слов: *корамо* (платье) и *коро мо* (время). Вся первая половина представляет вступление к слову *коро*.
- ¹²⁵ Осенний лад — лад *хё-дзё*.
- ¹²⁶ Стих. поэтессы Хёэ, К № 789: «Увидев подножие горы Сидэ, я возвратилась назад. Прежде бессердечного человека я не хочу преодолеть ее». Гора Сидэ — гора, через которую лежит путь в загробный мир. Стих. обращено к возлюбленному, который не навещал поэтессу во время болезни.

- ¹²⁷ Между столбами в домах сверху и снизу располагались горизонтальные балки; соответствуют порогу в современных комнатах.
- ¹²⁸ *Сайбара* «Коромогаэ» в ладе *хё-дзё*.
- ¹²⁹ Слушатели боялись, что за Сагоромо вновь явится небожитель.
- ¹³⁰ См. примеч. 49 к первой части.
- ¹³¹ *Розэ* на оду *Чоу* (Тоска) Чжан Юэ (Дао-цзи (667–730)), ВР № 307: «Третий месяц осени... Во дворце воляные часы медленно отмеряют время. На лесни-цы, где нет ни души, льет дождь. Как там, в моем родном садике за десять ты-сяч ли? Опавших листьев навалило столько, что они засыпали окна». Третий месяц осени — девятый месяц года.
- ¹³² Визит императора к умирающему отцу явился бы недобрый знаком для по-следующего правления. Обычно император посещал родителей в первом ме-сяце.
- ¹³³ В начале *СМ* жрицей Камо была первая дочь императора Сага и Второй импе-ратрицы (Первая принцесса). Т. к. жрица должна была покинуть храм в случае смерти одного из родителей, после кончины матери жрицей Камо была избра-на дочь императора Итидзё, но после смерти отца она сложила с себя обязан-ности жрицы. Впоследствии она стала супругой Сагоромо.
- ¹³⁴ В Управлении дворцового стола (Дайдзэнсики) жрицы Исэ и Камо должны были жить три года после избрания (иногда срок сокращался до двух, как в слу-чае Гэндзи-мия), после чего переезжали на год в загородную резиденцию (жри-ца Исэ — на равнине Сага, а Камо — на равнине Мурасакино) и только затем в святилище. Иногда первое затворничество жрица проводила в каком-либо частном доме, как это имело место в случае Гэндзи-мия.
- ¹³⁵ Со сменой императора в Исэ и Камо назначалась новая жрица, обычно сестра императора.
- ¹³⁶ Дочь императора, Гэндзи-мия могла быть назначена жрицей.
- ¹³⁷ Т. с. была лишена ранга принцессы.
- ¹³⁸ *Сакаки* (клеяра японская) — вечнозеленый кустарник, священное растение в синтоизме.
- ¹³⁹ Под «листом *сакаки*» подразумевается Гэндзи-мия.
- ¹⁴⁰ Стих. неизвестного автора, С № 646: «Если бы как-нибудь, хоть на короткое время, я мог забыть любовные муки и не извести себя вконец. Ведь пока длит-ся жизнь, можно надеяться, что встречу с тобой».
- ¹⁴¹ В первый момент Сагоромо обрадовался, что Гэндзи-мия не станет супругой им-ператора, но затем понял, что положение жрицы еще более отдаляет его от нее.
- ¹⁴² Судзука — река, впадающая в море в бухте Исэ. Здесь указывает на святи-лище.
- ¹⁴³ *Тококу моногатари* (Повесть о стране Тан) — утерянное произведение. Сюжет остается неясным, и нет никаких указаний на эпизод с монахиней.
- ¹⁴⁴ В синтоистских святилищах было невозможно не только выполнять буддий-ские обряды, но даже произносить слова, относящиеся к буддизму. Госпожа сожалеет, что должна будет прервать буддийские обряды.
- ¹⁴⁵ Жрица не должна была соприкасаться с осквернением.

- ¹⁴⁶ Перед отъездом в Исэ жрица посещала дворец, где император сам причесывал ее прощальным гребнем, говоря при этом, чтобы она не двигалась в направлении столицы и не оборачивалась в ее сторону, поскольку жрица возвращалась в столицу в случае смерти императора или его отречения от престола. Под «покойным императором» подразумевается отец госпожи.
- ¹⁴⁷ Пучки волокон — вотивные приношения.
- ¹⁴⁸ Это поверье отражено во многих произведениях. Стих. Идзуми-сикibu, *ГС* № 1162: «Погруженной в скорбные думы, мне показалось, что моя душа покинула тело и мерцает, как светлячки на болоте». Сочинено во время паломничества в синтоистский храм Кибунэ, когда поэтесса, погруженная в скорбь из-за разрыва с Фудзивара Ясумаса, увидела светлячков у реки перед храмом.
- ¹⁴⁹ Мысль о монашестве.
- ¹⁵⁰ Принц Оцу (663–686) известен как поэт. В *М* — четыре его стихотворения. Жизнь принца была положена в основу повести, к нашему времени утерянной, на которую и ссылается автор *СМ*.
- ¹⁵¹ Т. е. у него не оставалось надежд на встречу с Гэндзи-мией. См. примеч. 9 ко второй части.
- ¹⁵² Игра слов: *мирумэ* — название водоросли и *мирумэ* — «смотрящий глаз»; первые два слога *нагиса* («побережье») понимаются как отрицание *наки* (с фонетическими изменениями). Таким образом, возникает второй смысл: «там, где ее больше не увидят».
- ¹⁵³ Стих. неизвестного автора, *КР* № 4225: «Не уничтожай этого письма, считая его ничтожным. Следы моей кисти будут тысячу лет напоминать обо мне».
- ¹⁵⁴ Стих. Осикоти Милунэ, *К* № 611: «Бесконечна дорога страданий любви, и не знаю, куда она ведет. Конеч ей будет только тогда, когда встречу с тобой».
- ¹⁵⁵ Для придачи блеска ткани отбивали.
- ¹⁵⁶ Стих. неизвестного автора, *К* № 501: «В реке, где омывают руки, совершил очищение, чтобы забыть тебя. Но боги храма моего очищения не приняли». Река, где омывают руки — любая река, где совершается обряд очищения.
- ¹⁵⁷ Повязки из волокон бумажного дерева надевались на плечи во время синтоистских обрядов. Сагоромо имеет в виду: «Почему я раньше не принял монашества?»
- ¹⁵⁸ Стих. Сосэй (ум. нач. X в.), *К* № 947: «Где найдет покой отвернувшееся от мира сердце? И в поле и в горах оно остается в заблуждений».
- ¹⁵⁹ «Горная лягушка» (*ямагаэру*) — выражение может пониматься как «возвратиться из горного затворничества» (*яма каэру*). Подобная игра слов зафиксирована в *Кагэро никки* (Дневник эфемерной жизни): *амагаэру* — «дождевая лягушка» понимается как «монахиня вернулась» (*ама каэру*), в связи с тем что героиня, удалившись в затворничество, была возвращена в столицу (*НКБТ*, т. 20, с. 252). Может быть, имеется в виду герой утерянной повести, принявший монашество и удалившийся в горы, но, сожалея о возлюбленной, вновь вернувшийся в мир.
- ¹⁶⁰ См. примеч. 10.
- ¹⁶¹ По-видимому, между домом наместника (или Управлением дворцового стола, ведающего делами жрицы) и усадьбой Хорикава.

- ¹⁶² Хорай (кит. Пэнлай) — в лаосской мифологии священная гора (или остров) в Восточном море, на которой живут небожители, обладающие эликсиром бессмертия.
- ¹⁶³ Жрица должна была пересечь в загородную резиденцию.
- ¹⁶⁴ Рай Будды Амитабха, Чистая земля.
- ¹⁶⁵ Храм Конгобу на горе Коя (в пров. Вакаяма), в котором основоположник секты Сингон Кукай (Кобо-дайси (774–835)) проповедовал учение секты и в котором он умер.
- ¹⁶⁶ Будда Шакьямуни должен вновь явиться в мир через 56 мириадов (сто миллионов) лет в образе бодхисаттвы Майтрея, чтобы спасти людей. Кобо-дайси в своем завещании, сделанном за семь дней до смерти, говорил, что он вновь явится в этот мир, когда на землю снизойдет бодхисаттва Майтрея.
- ¹⁶⁷ Храм секты Тэндай в пров. Вакаяма, у горы Касараки.
- ¹⁶⁸ Персонаж упоминался в гл. 15 и 18 первой части.
- ¹⁶⁹ Брат второй супруги Хорикава, сын покойного главы Палаты обрядов, который, по-видимому, занял ту же должность.
- ¹⁷⁰ Река, протекавшая между гор в местности Ёсино (пров. Нара). В пров. Кири (совр. Вакаяма) она называлась Ки.
- ¹⁷¹ Сагоромо хочет сказать, что так и он не может встретиться с Гэндзи-мией.
- ¹⁷² См. примеч. 155 к первой части. В данном отрывке горы ассоциируются с Сагоромо и Гэндзи-мией.
- ¹⁷³ Стих. Минамото Ситагоу (911–983), *Ситагоу сю* (Собрание стихотворений Минамото Ситагоу) № 28: «Лучи солнца холодны, на воде в пруду не тает лед. На поверхности — безучастно, но в глубине горит моя любовь».
- ¹⁷⁴ Под «плывущей лодкой» подразумевается лодка несчастий, т. к. *уки* («плыть») омонимично *уки* — «печальный, несчастный».
- ¹⁷⁵ *ХК*: «Переписавший эту сутру после смерти возродится на небе Торитэн. В то время 84 тысячи танцующих небожителей (апсар), встретят его» (т. 3, с. 326). Небо Торитэн — небо 33 богов во главе с Индрой; находится на вершине горы Сумеру.
- ¹⁷⁶ Храм Исиямадэра (в пров. Оми, совр. Сига) был основан в 749–756 гг. императором Сёму. В начале X в. стал храмом секты Сингон. Его посещали императоры, принявшие монашество, и высшие сановники. Согласно легенде, Мурасаки-сикibu написала в нем часть *ГМ*.
- ¹⁷⁷ *ХК*: «Царь Исцеления, ты знаешь, что все, кто не внимает *Лотосовой сутре*, находятся далеко от мудрости Будды. Но те, кто внимает этой глубокой сутре, постигают способы достижения Просветления посредством чтения Закона. Те, кто слушает эту царьцу среди прочих сутр и затем размышляет над ее смыслом, находятся, как ты, о Царь Исцеления, знаешь, близко от мудрости Будды» (т. 2, с. 162). Царь Исцеления — бодхисаттва, исцеляющий души.
- ¹⁷⁸ Гимн из *ХК*: «Тому, кто читает нараспев эту сутру, сияя в одиночестве в глухом месте, я явлю свой лик, сияющий чистым блеском» (т. 2, с. 164).
- ¹⁷⁹ На горе Орлиный пик (Гридахута), возле г. Раджагриха, где проповедовал Шакьямуни.
- ¹⁸⁰ Девадатта — двоюродный брат и соперник Шакьямуни.
- ¹⁴ Повесть о Сагоромо

¹⁸¹ Бодхисаттва Фугэн (санскр. Самантабhadра) дал клятву уменьшить свое необъятное тело и явиться на белом слоне в бrenный мир для проповеди Учения и спасения верующих.

¹⁸² Один из десяти обетов бодхисаттвы Фугэн: «всегда наставлять живые существа».

¹⁸³ Последние слова ХК.

¹⁸⁴ Заклинания (*дхарани*) из *Сэндзу дарани кё* (Сутра о заклнаниях Тысячерукого), переведенной на китайской язык в эпоху Тан. Тысячерукий — бодхисаттва Ашалокитешвара, имеющий тысячу рук для помощи нуждающимся. Сами заклнания не переводились и читались на санскрите.

¹⁸⁵ То же, что «Сутра о заклнаниях Тысячерукого».

¹⁸⁶ Платье монахов из японской бумаги.

¹⁸⁷ *Хисомани*, или *хисохихисотэн*, — высшее небо бестелесного мира; мир, лишенный формы, царство совершенной нирваны.

¹⁸⁸ Стих. неизвестного автора, К № 535: «Хотели бы люди знать о моих чувствах, скрытых, как глухие горы, куда не залетают и где не поют даже птицы».

¹⁸⁹ Анраку — храм на Цукуси, в пров. Тикудзэн (совр. Фукуока).

¹⁹⁰ Тетка монаха и Асукаи, жившая в Токива.

¹⁹¹ Мурото — местность в пров. Тоса (совр. Коти), место отшельничества Кободайси, где он основал два храма: Хоцумисаги и Конготё.

¹⁹² Традиционное обозначение монашеской рясы.

¹⁹³ Остров в северной части озера Бива, на котором находилась, в частности, часовня для медитации о *Лотосовой сутре*, основанная, по преданию, в 930 г.

Часть третья

1

В горной деревушке уныло ¹. Кроме оленьих, на тропинках редко увидишь чьи-то следы. В расщелинах скал лед, как будто за ночь кто-то вбил в них белые колья ². Ноги у Сагоромо скользили, он совсем не мог идти. Стволы, покрытые у корней мхом, и голые ветви деревьев, растущих на склонах глубокой долины, производили мрачное впечатление. Погруженный в печальные мысли, Сагоромо присел под одним из них. Весь его облик был столь красив, что производил зловещее впечатление, и если бы кто-нибудь встретил его в горах, он обязательно подумал бы, что это оборотень, очаровывающий путников ³.

«Не я ли как дерево,
Что без листвы и ветвей
Стоит в глубокой долине?
Изболелось, прогнило насквозь
Бедное сердце»⁴, —

сложил Сагоромо.

После избрания Гэндзи-мия жрицей надеяться было не на что, и ему надо было бы, немедленно приняв монашество, навсегда остаться в глухих горах, но мысль о родителях, которые так сильно беспокоились, когда он отправлялся в паломничество, и которые с нетерпением ждали его возвращения, удержива-

ла его. Как они горевали бы, если бы он удалился от мира! К глазам его подступили невольные слезы. Сагоромо вспомнил, как негодовала Гэндзи-мия, считая его чувства постыдными; он думал о своей все превосходящей любви, о какой сказано в стихотворении: «Смотрю на луну, которая на рассвете открывает небесную дверь»⁵. Слезы затуманивали его глаза, и он совсем не различал дороги.

Сердце, любовью
Напрасно горя,
Мир не дает мне покинуть.
В горьких слезах
Снова спускаюсь с горы.

Поглощенный своими думами, Сагоромо с большим трудом дошел до реки Ёсино и увидел на берегу толпу молодых придворных, посланных отцом ему навстречу. Забыв о своих обидах за то, что генерал не взял их с собой, они, обгоняя друг друга, отправились в горы. При виде их Сагоромо почувствовал раздражение.

Утром он отправился в часовню к подвижнику, но там было много народу, и он не смог увидеть монаха. Сагоромо оставил в храме Митисуэ, чтобы тот встретился с отшельником, и надо было подождать его. Наконец-то появился Митисуэ, и Сагоромо, отозвав его в сторону, услышал вот что:

— Отшельник покинул часовню, где пробыл затворником все это время, и оставил на раздвижных перегородках накидку, которую вы ему пожаловали. Я расспросил монахов и узнал, что сестра его несколько месяцев была больна; он получил письмо, что состояние ее ухудшилось, и отправился к ней немедленно, не дожидаясь рассвета. «Кроме меня, других родственников у нее нет, и если она умрет, мне надо будет позаботиться о похоронах и обо всех обрядах до сорок девятого дня. Если же ей станет лучше, я возвращусь сюда», — предупредил он. Никто не мог мне сказать, в какую сторону он направился.

Невозможно выразить, как огорчился при этом Сагоромо.

«Почему я не расспросил его вчера вечером? — укорял он себя. — Он обещал увидеть меня на заре, я успокоился и подумал, что нельзя отвлекать его от молитв. Да мне и не хотелось, чтобы нас слышали мои сопровождающие».

Сагоромо совсем расхотелось возвращаться в столицу, но приехавшие торопили его: «После того как вы уехали, отец ваш совсем ничего не ест. И ночью ваши родители спать не ложатся и все время до рассвета проводят в думах о вас».

Сагоромо против воли сел в утлый челн⁶. Ничто в пути не могло отвлечь его от мрачных дум.

Некоторые молодые придворные захватили с собой флейты и начали играть произведения в ладу, соответствующем времени года⁷. Необыкновенно красивые звуки плыли над рекой. Гребцы, заслушавшись, не обращали внимания на брызги, летевшие на них с весел, и один из них запел приятным голосом:

— Милые горы Сестры и Брата...⁸

И флейтисты, и лодочник гордились своим искусством. Видно было, что они ни в чем не задумывались в жизни.

«Никто, кроме меня, не отягощен страданиями, — с завистью подумал Сагоромо. —

Туда ли, обратно ли,
Как бы узнать такую дорогу,
Чтоб вас не видеть,
Горы Брат и Сестра,
И сердце свое не тревожить...»

Однако другого пути не было, и Сагоромо думал с унынием о клятвах, которые в предыдущих рожденьях связали его с Гэндзи-мией. Опираясь о борт лодки, он закрыл глаза, будто задремал. Лицо его было очаровательно, и молодые придворные, ценители красоты, залюбовались им. Сагоромо был сдержан, разговаривал мало и казался печальным. Придворным хотелось узнать, что у него на сердце, но спрашивать об этом его было так же напрасно, как птиц на реке Ясу⁹.

Увидев Сагоромо, родители, донельзя любившие его, от беспрельной радости не могли сдержат слез. «И в шутку нельзя заикаться о моих намерениях», — подумал Сагоромо.

Из-за ходьбы по снегу ноги у него распухли и болели. Ему готовили горячие ванны, и он некоторое время никуда не выходил. В памяти Сагоромо всплывал сияющий облик бодхисаттвы Фугэн, которого он так ясно видел в храме, и он думал с тоской:

«Как же мне оставить этот мир, не причиняя никому страданий?» Желание принять постриг стало еще сильнее, чем до паломничества. Он усердно выполнял обряды и постился, но, тем не менее, не мог заставить себя не мечтать о Гэндзи-мия. Теперь Сагоромо мог разговаривать с ней только через посредников, и от-
вращение к этому миру у него только усиливалось.

«Любовью измучен,
Если суетный мир
Я все же покину,
Не перестану стенать,
Оттого что не вижу ее...

Ах, какая безысходность! Смогу ли я возродиться в Чистой земле, если сердце так глубоко привязано к ней?» — тревожился он.

У него был еще один повод для печали: он не знал, куда скрылся отшельник. Сагоромо часто посылал в храм Кокава слуг, но они сообщали ему, что тот не вернулся. «Значит, сестра его скончалась», — думал Сагоромо, и слезы лились из его глаз, как водопад Инабути¹⁰.

«Жива ли она?
В какой стороне
Душа ее обитает?
Сообщи мне во сне,
Могучий волшебник!»¹¹

Император, которому волосы утонувшей дамы представились драгоценными водорослями в пруду, увидел утопленницу своими глазами, примирился с судьбой, и печаль в его сердце мало-помалу заросла травой забвения¹². Сагоромо же точно не знал, жива Асукаи или нет, и не мог успокоиться. Какими клятвами они были связаны в предыдущих рождениях? Может быть, вечером того дня, когда отшельник на заре спешно покинул храм, ее тело было предано огню... Сагоромо не мог открыто заказывать служб по Асукаи, но попросил монахов, с которыми был дружен, до сорок девятого дня каждые семь дней тайно служить панихиды. «Жива ли она или нет, как бы мне узнать, что стало с травой терпения?»¹³ — думал он неотступно.

2

После того как жрица Исэ¹⁴ переехала в загородную обитель, в усадьбе покойной Второй императрицы осталось мало народу¹⁵; Молодой господин скучал, и Сагоромо жалел его. Бывшая жрица Исэ¹⁶ тяготилась своим одиночеством, и император-инок Сага часто заговаривал с Сагоромо, чтобы он позаботился о ней и Молодом господине. Перевезти мальчика в дом своего отца Сагоромо не мог, сам ходил в усадьбу на Первом проспекте и часто оставался там ночевать. Ребенок полюбил генерала и не хотел ни на мгновение расставаться с ним. Мог ли Сагоромо относиться к нему равнодушно? Со временем усадьба стала для него деревней Сумиёси¹⁷. К принцессам Сагоромо относился как к сестрам и бесконечно страдал от бесчувствия монахини, возненавидевшей его. Он часто со скорбью вспоминал снежную ночь и изголовшее, залитое слезами. Что бы она ни думала о нем, Сагоромо хотел бы еще раз увидеть ее. Он осыпал упреками даму Тюнагон, но та отвечала неизменно, что просьбы его нелепы, и Сагоромо чувствовал себя глубоко несчастным.

«В ту ночь, которая промелькнула как сон, она только безутешно плакала и не произнесла ни одного слова. Она не желала отвечать на мои письма хотя бы одной строчкой. А я сам сторонился женщин: самозабвенно любя одну, не хотел прибавлять лишних ветвей к деревьям стенаний¹⁸. Поэтому тогда я не сердился на Вторую принцессу», — думал Сагоромо. Но когда у него ничего, кроме сожалений, не осталось, он негодовал на монахиню, посылал ей по два-три письма на день, так что в рыбацкой хижине, крытой тростником¹⁹, скоро некуда было их складывать. Дама Тюнагон говорила ему, что госпожа не считает для себя возможным читать его послания, и он думал с горечью: «Не воздаяние ли это за мое прежнее равнодушие к ней? Ее положение столь высоко. Почему же я не испытывал к ней любви? Разве не было предопределено, что наши жизни будут неразрывно связаны, что у нас будет ребенок?»

Безостановочно по реке спускались плоты²⁰, проходило время. Подросший Молодой господин был необыкновенно хорош собой, Сагоромо не мог относиться к нему равнодушно. Неразрывные узы связывали его со Второй принцессой, и поэтому мальчик был отдан ему на воспитание. «Он мое единственное

утешение в этом мире», — думал Сагоромо. Он любил ребенка беспредельно и так же беспредельно сожалел, что тот считался сыном императора.

Господин Хорикава часто заезжал в усадьбу на Первом проспекте и очень привязался к Молодому господину. «Если бы он знал, что это мой сын, как бы он радовался!» — думал Сагоромо.

Господин Хорикава распорядился, чтобы в усадьбе сделали необходимые починки. Деревья на горках, канавы в саду стали еще красивее. Хорикава определил в усадьбу чиновников из своей домашней управы. Некоторые дамы, которые служили у покойной императрицы, перешли в услужение к принцессе-монахини, другие — к Третьей принцессе, ставшей жрицей. Остальные оставались на Первом проспекте, и Хорикава заботился, чтобы они ни в чем не испытывали недостатка.

3

Валил густой снег, на улице было темно. Выходя вечером из императорского дворца, Сагоромо чувствовал сильную печаль. «Чем развлекается Молодой господин в такое время в своем унылом доме?» — подумал он и направился на Первый проспект. Там было именно так, как он представлял: усадьба походила на горное селенье, где зимой редко кого-нибудь увидишь²¹. На веранде стояли кормилицы Молодого господина, любуясь летящими хлопьями.

Узнав, что пожаловал генерал, служанки бросились раскладывать убранные подушки. Небрежно одетые кормилицы засмущались. На них было забавно смотреть. Молодой господин не спал и капризничал, но, увидев Сагоромо, очень обрадовался и сел к нему на колени. Ребенок был совершенно очарователен.

«Хорошо, что я пришел», — подумал Сагоромо, чувствуя, как к глазам его подступают слезы.

«Если бы не генерал... Хоть наш господин и окружен слугами, но в такое время, как сейчас, он бы грустил, чувствовал себя покинутым...» — думали кормилицы, радуясь, что Сагоромо явно относится к ребенку не по обязанности любезно, а искренне любит его.

— Пока вас не было, Молодой господин скучали, жалко было на них смотреть, — сказала одна из них. — А вот когда их батюшка ласкает их, они робеют.

«Я люблю его не меньше, чем император-инок. Когда он подрастет, он поймет мои чувства», — думал Сагоромо. Ему постелили поближе к передним покоям. Молодой господин, улегшись рядом с ним и прильнув к его груди, принялся что-то бессвязно рассказывать. Если бы принц сам не был так красив, рядом с Сагоромо он казался бы нестерпимо смешным.

Сагоромо был в белом и красном китайских платьях, выглядевших при ночном освещении особенно великолепно. Когда град начинал стучать по крыше, Молодой господин в страхе натягивал на голову одежду. Сагоромо чувствовал к нему прилив нежности. «Если бы я не пришел, на чьей бы груди лежал он?» — думал он.

— Не отправиться ли нам туда, где непогода не шумит так страшно, где мы будем жить с моим отцом? — спросил генерал.

— С вашим отцом — я согласен. А вот у императора Сага голова бритая, я его боюсь.

Было забавно слушать, что он с неприязнью говорит об императоре-иноке.

— У принцессы-монахини волосы тоже короткие, но ты ее, кажется, не боишься.

— Не боюсь. Волосы у нее короткие, но она красивая.

Даже ребенок считал ее красавицей. Приняв постриг, она, наверное, стала еще прекраснее... Сагоромо нестерпимо хотелось увидеть принцессу-монахиню. Волнение охватило его. Чувствуя волнение и неизбывную печаль, он взял флейту, лежащую у изголовья, и начал наигрывать.

— Расти быстрее, — сказал он. — Я научу тебя играть на флейте. Ты будешь замечательным музыкантом!

Молодой господин сел на постели, взял флейту и, приложив ее другим концом к красивому рту, тонко запел, подражая инструменту.

— Очень похоже... — сказал он.

Сагоромо чувствовал невыразимую любовь. Он один был виноват в том, что принцесса бессердечно оставила сына и относилась к нему, как к чужому. Из глаз генерала полились слезы.

«Знаю, тебе ненавистен
Горький бамбук.
Но как не любить

Звуки чудесные флейты
Из колена его?»²²

Что чувствовала к нему монахиня? В тоске по ней, стремясь как-то утешиться, он крепко обнял замерзшего Молодого господина. Мальчик был так же красив, как его мать, ребенок был ее драгоценным прощальным даром. Отведя со лба ребенка челку, Сагоромо продолжал разговаривать с ним и, проливая слезы при мыслях о принцессе, невольно смеялся детским речам.

Решив учить ребенка каллиграфии, он придвинул тушечницу. Зажгли светильники. Сев поближе к свету и посадив принца на колени, Сагоромо рисовал и показывал ему картинки. Он изобразил дневное небо, усадьбу, убранство комнат, — все было очень похоже. Потом он так же верно нарисовал себя, погруженного в глубокую задумчивость, рядом с собой Молодого господина, играющего на флейте, написал стихотворение, которое только что сложил, и другое:

«Старое изголовье,
Что ныне пылью покрыто,
Делил я с тобою.
Лишь оно мне осталось на память.
Взгляну, и такая тоска...»

При этом он не мог сдерживать слез.

Он послал картинки в храм на равнине Сага. Там в тот день должна была служить дама Тюнагон. Поскольку Сагоромо взял на себя заботу о Молодом господине, он находился в непрерывной переписке с императором-иноком, с Первой и Третьей принцессами, но монахиня на его письма не отвечала.

— Иногда ты могла бы написать ему, — говорил ей время от времени император-инок. — Поручив ему своего малолетнего сына, я просил его заботиться и обо всех моих дочерях.

Принцесса-монахиня в часовне читала сутры. Дама Тюнагон принесла туда картинки Сагоромо и разложила их перед принцессой.

— От кого это? — спросила та, склоняясь над рисунками, но, поняв, что это от Сагоромо, изменилась в лице и вновь обратилась к сутрам. Она была необыкновенно прекрасна, и даме захотелось, чтобы генерал, все время мечтавший встретиться с принцессой-

монахиней, увидел ее в это мгновение. «При всем том его прежняя холодность к принцессе была такой странной, — подумала она. — Ведь ему ничто не мешало жениться на ней». Принцесса не читала письма, которые беспрестанно посылал ей генерал, и не догадывалась о его сердечных страданиях.

«Он пишет об изголовье, покрытом пылью²³, ему все известно, — думала принцесса, будучи в таком же смятении, как в ту злополучную ночь. — Вряд ли ему рассказали мои прислуживающие дамы, а посторонние... как же они могли открыть ему все подробности? Я думала, что Тюнагон ничего не знает, однако... Позор ведь лежит не только на мне. Может быть, и император-инок знает о хитрости моей покойной матери, — принцесса никого так не страшилась и не стыдилась, как своего отца. — И в будущих мирах мать не забудет огорчений, которые я ей доставила».

В отчаянии принцесса негодовала на себя за то, что все еще жила. «При всем том я не умерла, а вот ее печаль была действительно глубокой...» Она завидовала судьбе, пославшей смерть ее матери, и со стыдом представляла, какими глазами императрица смотрит на нее из другого мира.

«Стыд гложет:
В мире, который,
Горечь изведав,
Предпочла ты покинуть,
Я жить осталась.»

Какие бы слова ни расточал Сагоромо, монахиня не могла забыть, что раньше он был к ней совершенно холоден.

«Мне совсем не пристало читать его письма. Какое горе, что не найти места за пределами нашего мира!»²⁴ — думала она в тоске и смятении. Принцесса не произносила ни слова, но было видно, что она очень страдает, и Тюнагон не стала просить ее ответить Сагоромо. Сама она написала всего лишь: «Госпожа смотрела на ваше письмо дольше, чем обычно».

Сагоромо не впервые было оставаться без ответа. По его собственной вине принцесса-монахиня относилась к нему так неприязненно. Делать было нечего, но примириться с этим он не мог. Когда генерал смотрел, как быстро растет и становится необыкновенно красивым Молодой господин, его сожаления о невозвратном возрастании в восемь тысяч раз²⁵.

Имахимэ, приемной дочери госпожи Тоин, было немногим более двадцати лет, и она была удивительно красива²⁶. Госпожа Тоин была рождена, чтобы блистать. Ее одолевали грустные мысли о собственной старости. Глядя на Имахимэ, она с завистью думала об участи Гэндзи-мия, ставшей жрицей. «До сих пор я всячески заботилась об Имахимэ и старалась, чтобы она никому ни в чем не уступала. Я хочу, чтобы она заняла положение, которое поставит ее вровень с другими детьми верховного советника, о которых так заботятся их матери», — думала она, желая сравниться с матерью Сагоромо и госпожой Бомон. Она решила отдать дочь в супруги императору.

Госпожа Тоин сказала о своем плане мужу. Он не считал Имахимэ своим ребенком, но, удочеренная женой, она так или иначе принадлежала к его семье. «К чему затевать такое? — подумал он. — Плохого в этом ничего быть не должно... Но ведь император знает, кто ее родная мать²⁷. Да и сам я в душе буду укорять себя. Если я употреблю свое влияние, чтобы ввести к государю столь недостойную избранницу, я не оберусь нареканий». Ему было ясно, что девица не справится с трудностями дворцовой жизни.

— Отправив ее к императору, мы будем расказываться. Сагоромо добр и до конца жизни никого из моей семьи не оставит без поддержки. Вы можете полагаться на него, как на меня, — старался переубедить он госпожу Тоин.

«Никому, кроме родственников первой супруги, он не хочет помогать»²⁸, — думала она с раздражением.

Тоин решила обратиться к своей сестре, вдовствующей императрице-матери, принявшей монашество²⁹, с которой у нее были прекрасные отношения и которая ей не отказала бы.

— Я хочу, чтобы Имахимэ поступила на службу к императору, — сказала она. — Муж мой помочь не желает. Мне уже много лет, я с тоской думаю о надвигающейся старости. Мое единственное утешение — видеть Имахимэ в императорском дворце. Это рассеяло бы мою скуку, и я бы больше не завидовала другим супругам Хорикава.

Императрица-мать отправилась к государю и рассказала о просьбе сестры.

— Очень жаль, что нынешняя жрица Камо не въехала во дворец, — ответил он. — Я был бы рад; если не она, то хотя бы ее родственница могла бы поступить ко мне на службу. Но почему самому верховному советнику такая мысль не приходит на ум?

В душе же он, как и Хорикава, считал, что происхождение Имахимэ недостаточно знатное, и медлил с ответом. Императрица-мать видела его нерасположенность, и ей стало жалко сестру.

— После смерти отца государь о мирских делах не думает и к твоей просьбе остался холоден. Было бы хорошо, если бы Хорикава сам поговорил с ним, — сказала она Тоин.

— Как раз его-то мне не хотелось бы просить, — с горечью ответила та.

Императрица-мать снова и снова заговаривала об этом с императором, но он же отвечал одно:

— Как только я узнаю о намерениях верховного советника, я дам определенный ответ. Похоже, что у Хорикава другие виды на будущее девицы. А принуждать его мне бы не хотелось...

Он явно не был склонен удовлетворить просьбу. Императрица-мать видела, что Тоин на нее сердится, и сказала ей, что, не дожидаясь формального повеления императора, можно готовиться к въезду.

Тоин от своих намерений никогда не отступала. «Похоже, что у государя к этому делу душа совсем не лежит, — думала она. — Но императрица-мать связана со мной неразрывными родственными узами. Я сама буду стараться изо всех сил помочь Имахимэ. Император не сможет пренебрегать ею. Пусть Хорикава сейчас не согласен, но когда въезд состоится, он вряд ли будет относиться к Имахимэ хуже, чем к своей дочери или Гэндзи-мия». Ничего не говоря верховному советнику, Тоин сама распоряжалась приготовлениями ко въезду Имахимэ во дворец и назначила его на второй месяц.

Как-то днем, не имея чем заняться, Тоин пригласила к себе Сагоромо. Хорикава ввел в обычай, что сын его с малых лет свободно входил в покои Тоин и Бомон. Все прислуживающие дамы

были привязаны к молодому человеку, и сама общительная, расположенная к людям Тоин совсем не намеревалась отдалять от себя пасынка.

В тот день госпожа выглядела нарядно: поверх нескольких нижних платьев красного цвета она надела белое платье на розовой подкладке, сплошь затканное узорами. Она была в расцвете красоты, и от нее было трудно отвести взгляд.

— Вы постоянно навещаете императрицу, как и положено брату, а здесь так долго не показывались, что я стала скучать и наконец позвала к себе, — сказала она. — С годами наш мир нараивает только на грустные размышления, но вас я всегда считала родным, так что даже укоряла себя за такое неразумное отношение. Я с нетерпением жду ваших посещений и сержусь, когда вы не приходите. О моем существовании в этом мире я не беспокоюсь, но кто будет молиться обо мне после смерти? Я прошу вас помочь моей дочери поступить на службу к императору. Никто не хочет способствовать мне, и боюсь, что мое намерение так и не осуществится. Государь несколько раз говорил императрице-матери о своем желании видеть Имахимэ во дворце. Нельзя не подчиниться его воле. Я в больших сомнениях, как поступить. Единственная моя поддержка — престарелая императрица-мать. Я пригласила вас, чтобы просить совета. Я надеюсь, что когда Имахимэ въедет во дворец, государь во всех случаях не оставит ее без внимания.

— Я никогда не забывал вас, но в последнее время я был очень занят разными делами, и поэтому не навещал вас. Императрица живет во дворце, где я провожу много времени, и, естественно, я часто захожу к ней. Когда Имахимэ поступит на службу к государю, я буду навещать ее так же часто, как императрицу. Но я ничего не слышал о готовящемся въезде.

— Нынешние девицы с малых лет приобретают навыки, необходимые для жизни во дворце. А у Имахимэ по какой-то причине к этому душа не лежит. Как она будет выглядеть на новом месте? Я говорила: «Если бы кто-нибудь обучал ее соответствующим искусствам!» — и родственница ее, услышав, доложила мне, что знает замечательного лютниста. Вот уже некоторое время, как Имахимэ стала заниматься музыкой. Если она будет играть так, как ее учитель, можно будет не стыдиться за нее. Когда у вас будет досуг, не исправили бы вы ее недочеты?

— Если ее учит знаменитый музыкант, вряд ли в ее игре есть недочеты, которые я мог бы исправить, — засмеялся Сагоромо. От его облика исходило непобедимое очарование.

— Я-то думаю, что во всем, что ни возьми, с вами мало кто может сравниться, — засмеялась в свою очередь госпожа. — В мире подобного человека, может быть, и нет. В молодости я не предполагала, что так горько не иметь ребенка, даже самого обыкновенного. А сейчас я чувствую себя такой несчастной и даже задумала столь неразумное дело, как ее въезд.

Туман скрывал нежную зелень деревьев, растущие перед покоями вишни лили чудесный аромат³⁰, цветы полностью распустились.

— Любуясь такой дивной картиной, хорошо было бы еще наслаждаться музыкой, — предложила госпожа. — Пожалуйста, пройдите к ней и послушайте ее исполнение.

«Если ее решили отправить во дворец, девица не может играть совсем плохо, — подумал Сагоромо. — Страдания лишили меня всяких желаний. Когда ветер поднял занавеси, она показалась мне привлекательной, но больше я ее не навещал». Ему захотелось взглянуть на Имахимэ еще раз.

— Я немедленно иду туда... — с этими словами он поднялся.

6

Так же, как и в прошлый раз, Сагоромо приблизился к занавеси и спросил:

— Есть ли кто-нибудь?

Ему ответило только жужжание комаров, потом раздался голос прислуживающей дамы: «Извольте войти», — и слышно было, как она убежала.

«Так научила Тоин», — догадался он и, подняв занавесь, заглянул внутрь.

Там было множество прислуживающих дам. Увидев его, они побежали прочь, наступая друг другу на подола платьев, и одна за другой падали, — казалось, это лошади на выгоне. Передвижные занавески опрокинулись, поднялся шум. Не входя в покои, Сагоромо внимательно смотрел на них. Ему показалось, что среди дам он узнал Имахимэ. Он вошел в комнату.

На Имахимэ поверх многих платьев были надеты темно-красная вышитая накидка и белая, на розовой подкладке. Со спины она выглядела прекрасно. Гладкие, не очень пышные волосы красиво спускались до пола. Она оглянулась, покраснела и замерла на месте. Смущение придавало ей особое очарование. Если девица, какая красавица бы она ни была, не может себя вести, не степенна, если при малейшей неожиданности вскакивает и убегает, она производит неприятное впечатление, но у Имахимэ все это не казалось недостатком. Еле сдерживая себя, она стояла у столба. Не находя веера, чтобы прикрыть лицо, она опустила голову.

Когда Сагоромо увидел вблизи ее волосы, выражение ее лица, он не мог отвести глаз.

— Мне казалось, что вы относитесь ко мне холодно, и я не навещал вас, — произнес он. — Боюсь, вы решили, что я человек невоспитанный.

Она не могла сообразить, что ответить. Ей было так стыдно, что по ее лицу лился пот.

«Когда он впервые пришел сюда, тетка моя страшно ругала дам, что они так долго мешкали с ответом. Что же она будет говорить обо мне на этот раз? — думала девица, дрожа всем телом и чувствуя, что не может открыть рта. — Тогда моя родственница сразу же сложила стихотворение, и когда матушка³¹ услышала, она похвалила его». Слабым голосом, не изменив ни одного слова, она произнесла:

— К чему оmyвает река Ёсино
Горы Сэ и Имо?...³²

Можно ли было предполагать, что Сагоромо не забыл этого стихотворения? После своего посещения Имахимэ он слышал так много стихов, и хороших и плохих, что, казалось, никак не мог удержать их все в памяти. Тем не менее он вспомнил, что уже слышал то, что произнесла Имахимэ. «Будто старый слуга рассказывает мне, как в далеком детстве, древнюю повесть "Неудачливый плотник"³³, — подумал он удивленно. — Досадно, что я совсем не помню, что я сложил в ответ».

Он чуть улыбнулся и с невыразимой пленительностью произнес:

— Давно позади
Осталась река Ёсино.
К чему же твердить
Снова и снова:
«Через нее переправься»?

Ему было приятно знать, что, если бы сейчас он дал унести себя течением³⁴, его никто не стал бы упрекать, но он предчувствовал, что его ждет разочарование.

Родственница ее находилась у себя. Услышав о посещении молодого человека, она поспешила в покои девицы и уселась за пологом. Сагоромо увидел, что за спиной Имахимэ кто-то расположился, и догадался, кто это.

— Пожалуйста, поиграйте на лютне, — попросил он девицу. — Госпожа Тоин просила меня послушать вас.

— Редко кто может оценить ее искусство, — вмешалась дама необычайно высокомерно. — Ее игра совершенно необычна.

Принесли инструмент и положили перед Имахимэ.

— Сначала настрой, — прошептала родственница, но ее, как всегда, было отовсюду слышно.

Имахимэ настроила лютню. Придвинувшись к ней и подталкивая ее локтем, дама сказала: «Ну, давай!»

Девица заиграла «Под колючим кустом»³⁵. Дама не могла сдерживать восхищения и, щелкая веером, стала подпевать: «Кузнецик отбивает ритм, а сверчок...» Прищулив глаза и вытянув шею, она раскачивалась из стороны в сторону. Хотя через занавесь Сагоромо не мог ясно видеть ее лица, она производила на него невероятно смешное впечатление. Совершенно забыв о страданиях, которые терзали его душу денно и ночью, он делал невероятные усилия, чтобы не упасть с хохотом на пол. Родственница вопила на все лады, заставляя девицу снова и снова играть то же самое. Так продолжалось долго. Сагоромо совсем не знал, как ему быть.

«Дама просто хитра, поведение ее смехотворно, — думал он. — Она собрала вульгарных прислуживающих дам, слишком молодых, ни к чему не пригодных. Никто не знает, как говорить с гостем, никто не умеет вести себя с достоинством. Сама же Имахимэ явно неумна и все время совершает оплошности. Я думал, что девицу не научили владеть собой, но сама она оказалась

глупа. Увы! это встречается часто, однако то, что я вижу, превосходит все опасения. Намерение отдать ее на службу во дворец сулит одни несчастья. Долгое время я не мог понять истинного характера госпожи Тоин. Я считал, что в преувеличениях она не знает меры, что она слишком самоуверенна, ошибается в своих привязанностях; тем не менее я никогда не думал, что она способна наделать таких невообразимых глупостей. У моего отца превосходный характер, и он потворствует своим женам. Все-таки моя мать вряд ли будет вести себя так, как Тоин. В том, что происходит, есть и моя вина: я не понял характера госпожи. Какой стыд! Государь, хоть он и правитель страны, в поведении скромен, прекрасно разбирается в людях, так обаятелен, что нам становится стыдно за собственное ничтожество. Какими глазами он посмотрит на Имахимэ? Мы не оберемся стыда! Государь, конечно, поймет, что не мой отец возымел это намерение, но будет думать: «Советник видел, как глупа эта девица, и тем не менее отправил ее во дворец!» Какой удар по репутации отца! Надо немедленно пресечь все разговоры о въезде во дворец». На сердце у него стало тяжело, он готов был плакать.

Госпожа Тоин и вправду хорошо в людях не разбиралась. Всеми силами она старалась только не уступать другим женам Хорикава. Рассчитывая на поддержку императрицы-матери и завидуя Первой императрице, она рассудила: «Сейчас нужно позаботиться, чтобы въезд Имахимэ затмил роскошью въезд императрицы. За дальнейшее вряд ли стоит беспокоиться. Красота ее поразительна. Если бы ее поддерживала только приставленная к ней родственница, то, несмотря на необыкновенный ум этой дамы, могли бы возникнуть затруднения. Но ведь я сама буду постоянно неотлучно при ней...» Когда она время от времени отправлялась в покои Имахимэ, дамы робели и не совершали ничего такого, что могло бы навлечь нарекания. Лютню же сама Тоин не любила и не интересовалась, как играет девица, но, зная, что родственница была в этом искусна, что она приглашала учителей и сама учила девицу, Тоин была уверена, что Имахимэ поразит всех своим мастерством. Кроме того, госпожа должна была рассчитывать на помощь Сагоромо. По-видимому, она совершенно не могла уразуметь, до какой степени неразвита Имахимэ. Если бы у девицы был крикливый голос, если бы она была груба или похотлива, это было бы легко заметить, и при всей ее

красоте Тоин вряд ли возымела такие намерения. Нечего было и говорить, что от природы девица не была рассудительна. Мать и кормилица всячески пеклись о ней. Осиротев, она попала в усадьбу Хорикава и чувствовала себя как в неведомой стране. На все вокруг себя она смотрела безучастно и во всем следовала указаниям родственницы. Если та бранила Имахимэ или слишком рьяно принималась ее воспитывать, девица вообще переставала что-либо воспринимать и на долгое время погружалась в состояние полного безразличия. Родственница приглашала замечательных виртуозов, чтобы учить ее игре на лютне, и они говорили, что Имахимэ играет боязливо, что она думает при этом о чем-то другом и что обучение будет напрасно.

На полу лежал оставленный Имахимэ веер, на котором было что-то написано. Желая взглянуть, Сагоромо поднял его. Должно быть, это была рука самой девицы. Скорпись была ужасающе плоха, ее еле-еле можно было разобрать. Сагоромо с трудом прочитал: «Сшив мешок из неба и земли»³⁶. Этому пожеланию научила ее, по-видимому, родственница. Рядом было нарисовано рисовое поле, на котором шли работы, и было написано:

Без матери
И без кормилицы...
С каждой весной,
Как риса рассада,
На новое поле...

Кроме того, были нарисованы ивы и вишневые деревья и написано:

Ветер, жестокий,
Как воспитательница,
Все приводит в смятенье
И бросает на землю
Цветы вишни и сливы.

«Она, наверное, написала это тогда, когда тетка очень уж надоедала ей», — подумал Сагоромо. Стихи не были избитыми. С обеих сторон веер был исписан, так что ни сверху, ни снизу совсем не оставалось свободного места, знаки не соединялись между собой, были выведены толсто, с силой, как будто их выре-

зали. Так давно уже не писали. «Когда-то такой стиль был в моде», — подумал Сагоромо. Он никак не мог понять, как девица решилась расписать веер до такой степени плохой каллиграфией.

Дама, глядя на Сагоромо, сказала:

— Она пишет очень аккуратно и красиво. Сейчас модно писать скорописью, класть тушь то густо, то слабо, так, чтобы все как будто качалось из стороны в сторону. А Имахимэ пишет твердо, придерживается старинного стиля. Вам, конечно, понятны различия?

Сагоромо невольно рассмеялся.

— Я в каллиграфии разбираюсь плохо. Вы, следуя собственным вкусам, превосходно обучили вашу воспитанницу древним образцам. Госпожа Тоин просила меня лишь послушать ее игру на лютне и исправить недочеты. Но я, без всякого сомнения, только испортил бы...

— Почему же вы думаете, что нечего исправлять? Пожалуй-ста, укажите, — засмеялась дама с самодовольным видом.

«Ужасные манеры!» — подумал Сагоромо.

— Ах, вспомнила! — вдруг воскликнула родственница. — Дама, которую никак нельзя было бы заподозрить, хранила ваши письма.

— Думаю, вы ошибаетесь. Я очень редко берусь за кисть.

— Судя по письмам, у вас были с ней не обычные отношения, — сказала она многозначительно.

Это было так неприятно, что Сагоромо сердито сказал:

— Люди болтают пустое.

Дама громко рассмеялась и произнесла:

— «Сегодня все время в мечтах
О тебе провожу...»³⁷

Она хотела быть милой, и это было особенно нестерпимо.

— Когда же это было, что я шел такой дорогой любви? Пожалуйста, скажите определеннее.

— Разве в доме недалеко от Дворцового проспекта вы не покормили коней?³⁸ Вы мастер рассказывать небылицы, но обо всем можно догадаться. Мне все очень хорошо известно.

Сагоромо навострил уши. В груди у него защемило, и он сказал:

— Об этом я и подумать не мог. Пожалуйста, говорите яснее. Как вам стало об этом известно?

— Ах, если вы просите... Вы удивлены, а все очень просто. Мать Имахимэ была младшей сестрой покойного второго советника³⁹. Старшая же сестра его служила у императрицы-матери, и ее называли дамой Тюнагон. Она была увезена прежним правителем провинции Тикудзэн и жила в дальних краях. После смерти мужа она, приняв постриг, поселилась в Токива. Императрица-мать, слыша, что дочь второго советника живет у кормилицы и бедствует, часто приглашала ее к себе на службу, но осторожная кормилица старалась найти что-то более надежное и отказывалась от предложений. Тем временем вы встретились с девицей. Вы назвали младшим военачальником, сыном главылевой дворцовой стражи⁴⁰. «Что за жалкая участь быть тайной женой человека, у которого не такое уж блестящее положение!» — думала кормилица и вела переговоры с нынешним правителем Микава, состоящим на службе в вашем доме⁴¹, но девицу в свои планы не посвящала. Все кончилось печально. Кормилица, так ничего девице не говоря, дала молодому человеку увезти ее. По дороге на Цукуси девица беспрестанно плакала и хотела броситься в море. Однажды она даже вышла из лодки. Ее брат, слепой на один глаз, стал монахом и славится своей святостью. В тот самый день он вслед за теткой плыл из Тикудзэн в столицу и совершенно неожиданно увидел сестру. Он увез ее в Токива. В строжайшей тайне она родила прелестного ребенка, — но подробностей я сама не знаю. Она все время была погружена в размышления. Вскоре она приняла постриг и умерла. Вы сами ее видели. Редко встретишь таких красавиц, а что до ее характера — сразу было видно, что она не из обычных бедных людей.

«Не сон ли это? — думал Сагоромо с волнением в груди. Однако родственница Имахимэ не была человеком, с которым можно было бы откровенничать. — Это не брат Асукаи, который должен был стать моим Асита⁴², кого я мог бы расспросить. Чтобы узнать о ребенке, лучше самому отправиться в Токива».

— Ничего подобного я не припоминаю. Это все нелепые слухи, — с этими словами он поднялся.

«Мне эта дама казалась бессердечной и чрезвычайно неразумной, а она сообщила мне такие удивительные вещи!» — подумал он, и ему было приятно вспоминать ее профиль, когда она пела и раскачивалась под музыку.

Если бы Сагоромо услышал, что Асукаи жива, он беспокоился бы о ней, захотел навестить, — совершил бы множество безрассудных поступков. Узнав, что она бесследно покинула этот мир, он, наоборот, почувствовал облегчение и успокоение. Но что стало с травой терпения⁴³, оставленной ею на память о себе, слабой, подобно росинке? Не находя покоя, он посоветовался с Митисуэ, который хорошо знал местечко Токива. В сумерки они выехали из столицы и сели на коней у холма Нараби⁴⁴.

«Она жила так близко, а я столько времени ничего не знал ней! Как обидно! Сейчас я ничего не увижу, кроме места, где она умерла. Кого я встречу?» — думал Сагоромо с горьким сожалением.

Было поздно. Взошла луна. Небо было затянуто дымкой, неясно виднелись неподвижные облака. Путники с трудом разбирали дорогу, на сердце у Сагоромо становилось все тоскливее.

От костра, на который
Тебя положили,
Ничего не осталось.
И дороги мне небеса,
Где рассеялся дым⁴⁵.

Но, поднимая глаза ввысь, Сагоромо чувствовал печаль и досаду на себя: он не догадывался, что Асукаи жила так близко от него, и лучше было бы не смотреть на небеса, в которых рассеялся дым погребального костра. Раньше он хотел увидеть хотя бы белые волны, в которых она бесследно исчезла, а сейчас — столбы из кипарисовика и криптомерии⁴⁶ того дома, в котором она жила.

Чем ближе к горе, тем явственнее слышались доносимые ветром голоса, провозглашающие имя Будды. Может быть, это поминали Асукаи. Разве при взгляде на веер со стихами о соринке на морском дне Сагоромо не узнал, что у него еще остались невыплаканные слезы?

Когда они доехали до места, ничего похожего на усадьбу Сагоромо не увидел. Вокруг каких-то строений тянулся частокол. Генерал послал Митисуэ спросить, не находится ли там знакомый ему монах. Отшельник сразу же пригласил его в дом. Саго-

ромо въехал в ворота. Несколько поодаль стояла простая хижина с бумажными раздвижными перегородками.

Навстречу Сагоромо вышел отшельник. Он стал раскладывать подушки для гостя, и генералу показалось, что монах похож на Асукаи.

— После нашей встречи в храме, которая пролетела как сон, я все время справлялся о вас, но никак не мог узнать, где вы находитесь. Мне очень хотелось встретиться с вами вновь, и меня не остановил бы и густой лес у подножия горы⁴⁷. Сегодня утром я неожиданно услышал, что вы находитесь в этих местах, и очень этому обрадовался. Мы с вами связаны судьбой не только в нынешнем, но и в будущих мирах. Вы меня донельзя огорчили, скрывшись из храма, — попенял он отшельнику.

— Моя сестра, о которой я вам говорил, заболела, и болезнь приняла дурной оборот. Она прислала письмо, что хочет в последний раз увидеть меня. «Что, если она так и не осуществит своего заветного желания и не примет пострига?» — подумал я и, никому ничего не объяснив, незамедлительно покинул храм. Сестра умерла, и я остался здесь, всем сердцем погружившись в молитвы о ее блаженстве. Завтра будет сорок девять дней.

Слушая его, Сагоромо горько плакал.

— В Кокава мне очень хотелось услышать окончание вашего столь неожиданного для меня рассказа, но со мной были сопровождающие, которым не следовало бы знать о моих безрассудных поступках. Потеряв вас из виду, я даже думал, что лучше бы мне никогда не встречать вас, а сейчас, услышав о непоправимом исходе, я опять думаю: лучше бы мы, расставшись тогда, никогда больше не увиделись.

Глядя, как безутешно плакал Сагоромо, утирая рукавом слезы, отшельник подумал: «Если бы сестра моя узнала, что он прибыл сюда, разыскивая ее!» Даже он, отринувший суетный мир, был охвачен сожалением и печалью.

— Я думал, что никогда больше не увижу столицы, но, по-видимому, было предопределено судьбой, чтобы я вернулся сюда в ее последний час. Когда вдова правителя провинции Тикудзэн возвратилась в столицу, она настойчиво звала меня к себе. Я согласился, думая, что смогу осуществить мое желание посетить гору Хизэй. По дороге я встретил нынешнего наместника на Цукуси, который не мог плыть дальше, и тогда я совершенно нео-

жиданно нашел свою сестру. Вы, должно быть, думаете плохо о ней. Однако она твердо задумала принять постриг и просила меня помочь ей в этом. Она, без сомнения, чувствовала отвращение к дольнему миру, если решила утопиться. Но она была беременна и поэтому не могла тогда принять монашества. Вскоре я сам удалился в провинцию Тоса, затворился в храме в Мурото и не знал, что сестра приняла постриг. Занимаясь в разных местах выполнением обетов, я ничего не слышал о ней. Мне рассказала монахиня, что сестра от постоянных дум заболела и умерла.

Он был очень немногословен, ему не хотелось подробно говорить об умершей.

— Монахиня из Тикудзэн находится все еще здесь? — спросил Сагоромо.

— Да, здесь. Денно и ночью она тоскует и плачет, совершенно упала духом. Если вы хотите ее о чем-нибудь спросить, то извольте, — с этими словами отшельник поднялся.

В келье монахини, где стояла статуя Будды, разложили подушки для Сагоромо, и он вошел туда. Монахиня была стара, но было видно, что это дама благородного происхождения.

— Я все время думаю: не принесет ли даос весть от нее⁴⁸? Смятенное сердце никак не может успокоиться, — сказала она, дрожа всем телом.

— Я пришел, зная, что душа ее находится здесь. Может быть, рассказав все о ней, вы хоть немного утешите меня.

Он хранил в памяти все подробности своих отношений с Асукаи, начиная с их первой встречи, и не переставая оплакивал ее. Обстановка в келье действовала успокаивающе, но как только они начали говорить об Асукаи, он не смог сдерживать своей скорби, и слезы хлынули у него из глаз.

«Значит, он сильно любил ее. Как же тут было не броситься в море!» — думала монахиня. Ей еще жальче стало племянницу, прожившую такую короткую жизнь. Все, кто находился возле нее, проливали слезы.

— Где ее ребенок? — спросил Сагоромо.

— Боюсь, что мой рассказ доставит вам огорчение. Не знаю, как начать. Племянница ни словом не обмолвилась мне, кто отец ребенка. Разве можно было задержать ее уходящую жизнь? Если бы я знала о ваших с ней отношениях, дитя, о котором вы

спрашиваете, не оказалось бы у чужих людей. Я расспрашивала ее, почему она решила броситься в море, но она ничего мне не открыла. Она была очень робка, у нее не было силы характера. Я краем уха слышала, что отец ребенка — сын главылевой дворцовой стражи. Племянница сама сознавала, что ей нечего было и думать о сыне столь знатного вельможи, и страшилась, что ее дочь будет расти среди низких людей. Сейчас я прекрасно понимаю ее настроение — ведь это ваш ребенок. Узнав о необычайной красоте девочки, принцесса⁴⁹ захотела увидеть ее и распорядилась, чтобы поздравление ста дней⁵⁰ выполнялось у нее. Потом она решила оставить девочку у себя, приставила к ней множество кормилиц и всячески о ней заботится, — вы и сами, вероятно, об этом слышали. Племянница очень тосковала, но ведь она так сожалела, что дочь ее будет расти в бедном доме в этой горной деревушке. Что же было делать? А принцесса беспокоится, что вдруг кто-то расскажет о происхождении девочки, и ото всех ее скрывает.

Сагоромо был безутешен, он не мог примириться с мыслью, что его дочь будет воспитываться у чужих людей. «Принцессе, очарованной красотой девочки, безразлично, какого она происхождения, но прислуживающие дамы будут относиться к ней с презрением. Пока моя дочь мала, это не имеет значения, но когда она вырастет и начнет понимать, она станет прислуживающей дамой, среди многих других, наряду с Тюнагон⁵¹ и Сайсё. Если же я сейчас открою принцессе, она ответит, что, когда речь идет о детях, мы всегда заблуждаемся⁵², и будет раздумывать, почему я это сказал. Я должен буду оставаться в разлуке с моей дочерью, как птицы в глухих горах»⁵³, — думал он, страдая сильнее, чем раньше, когда думал, что его ребенка нет на свете.

— Я так взволнован, что не могу сказать того, что хотел, — произнес он, заливаясь слезами.

Монахиня укоряла себя, что поступила опрометчиво.

— Между родителями и детьми существует неразрывная связь, — сказала она. — Вы обязательно обретете друг друга. Принцесса относится к девочке не как к обычной воспитаннице, и за ее будущее можно не волноваться. Я давно уже не была там и подумываю, что надо было бы навестить их.

Наступило время утреннего чтения сутр. В келью вошел отшельник.

— Вернетесь ли вы еще к нам? — спросил он. — Если нет, я после окончания обрядов сам навещу вас.

— Подождите меня немного, — попросил Сагоромо.

Отшельник вышел, а Сагоромо сказал монахине:

— Мне ничего не осталось на память о вашей племяннице, кроме этого ребенка. О ком еще мне заботиться? Когда вы будете у принцессы, пожалуйста, будьте осторожны и ни в коем случае не дайте ей понять, что это мой ребенок. Пожалуйста, придумайте, как мне увидеть девочку.

Стало светать. Убывающая луна скользила в дымке. Со всех сторон местечко окружали горы, вид которых навевал грусть. В храмах звонили колокола, неясно слышалось чтение сутр — все было пленительно, но Сагоромо, который много лет думал только об Асукаи, ощущал непреодолимую тоску. Глубоко взволнованный, он не мог сразу покинуть дом. Рядом с кельей разговаривали молодые дамы, должно быть, думая, что он уже ушел.

— Что за чудесный аромат! Он все еще не выдыхается, пропитал все изголовье⁵⁴. Ах, если бы сестра отшельника осталась жива и генерал хоть бы время от времени навещал ее! Многие благородные дамы только и мечтают, как бы связать свою судьбу с генералом, прямо-таки бредят о нем, но он совершенно не обращает на них внимания. А как красива дочка покойной! Сразу было видно, что это не обыкновенный ребенок. Так и оказалось: ведь это он ее отец. Прошло сколько времени, а он все оплакивает разлуку с сестрой отшельника, никак не может примириться. Если бы она дожидаясь хотя бы до сегодняшнего утра! Как обидно!

— Зачем жалеть ее? Что было бы, если бы она стала женой правителя провинции Микава? Конечно, было бы прекрасно, если бы она вышла замуж за генерала. Видя, что ее любовь к генералу неизменна, Митинари и похитил ее. Можно представить, что было у нее на душе. И я поступила бы так, как она.

Третья, судя по голосу, была очень молода.

— Я думаю о вечере накануне отъезда в провинцию, — сказала она. — Как тайно сговаривалась кормилица...

Сагоромо слушал, как на заре Асукаи произнесла: «Жду, когда в Токива осень в рощи придет»⁵⁵, как кормилица убеждала ее сесть в экипаж, как Асукаи противилась, плакала, как она сложила: «О, птицы с пучками волокон!»⁵⁶ Мог ли подобный рассказ не растрогать его?

«Иль изменилось сердце мое,
Как листья осенней порой?
Обещаньям не веря,
Что скоро приду,
В последний путь ты пустилась», —

сложил он.

Отзвучали последние слова сутры. Обычно всех при этом охватывает печаль. Как же было Сагоромо оставаться спокойным?

— «Как может женщина стать буддой?»⁵⁷ — тихо пропел он.

Сильная печаль охватила его, и он закрыл лицо рукавом. Услышав его плач, дамы стали пенять себе:

— Ведь генерал еще не ушел... Он слышал наши откровенные разговоры...

Сопровождающие Сагоромо напоминали ему, что уже рассвело. Молодой человек пошел к отшельнику.

— Давно я мечтаю покинуть суетный мир. Встретив вас, я сразу же возымел надежду, что вы укажете мне путь служения Будде, — сказал Сагоромо со скорбным видом.

Глядя в блеске утренней зари на ослепительную красоту молодого человека, отшельник сам не мог сдержать слез и ответил:

— Я стремлюсь только к тому, чтобы близкие мне существа стали на этот путь. Как же я могу отказать вам в вашем желании? В силу подобного предопределения сам Будда Шакьямуни покинул девятиярусный дворец. И ваше решение обусловлено судьбой. В гнусном мире Пяти омрачений⁵⁸ вы остаетесь слишком долго. За какие прегрешения вам было суждено спуститься на землю?

— Куда вы направитесь после пребывания здесь?

— Я обещал тетке присутствовать при ее последнем часе и не могу отправиться далеко для подвижничества. Поэтому в этом и следующем году я останусь в храме Водопада в провинции Идзуми⁵⁹ и на острове Тикубу⁶⁰.

Сопровождающие торопили Сагоромо: «Уже совсем рассвело». Как ему ни хотелось отправиться вслед за отшельником, он покинул Токива.

На сорок девятый день после смерти Асукаи Сагоромо, не открывая ее имени, заказал по ней службы. Он горячо молился о ее счастливом возрождении в будущих мирах. После этого он снова и

снова заказывал службы и, посоветовавшись с ее теткой, послал монахам в Токива одежду и вознаграждение. Он искреннее заботился и о самой монахине, часто посещал ее; и она, видя его сердечное отношение, сожалела, что племянница ее так рано скончалась, и беспрестанно сокрушалась о том, что поспешила отдать ее дочку на воспитание принцессе. Но сделанного не воротить.

8

Во втором месяце Имахимэ должна была въехать в императорский дворец. Тоин часто навещал первый министр⁶¹ и торопил с отправкой избранницы. Прислуживающие в усадьбе Хорикава и придворные говорили: «Какая удача выпала на долю девицы! Считается, что это дочь госпожи Тоин, но ведь настоящая ее мать была очень незначительного положения». В столице только и говорили о ее счастливой судьбе, так что набили оскомину.

Хорикава не принимал никакого участия в хлопотах, и Тоин все время на него сердилась. Сагоромо не мог забыть, как Имахимэ повторила ему слово в слово стихотворение о реке Ёсино, и думал: «Она, чего доброго, будет твердить его каждый раз, когда ее будет призывать к себе император», — и ему заранее становилось неловко. Вспоминая, как девица играла на лютне и как ее родственница пела, и воображая, какое впечатление это произвело бы во дворце, он невольно улыбался, отвлекаясь от беспокойных мыслей. Но, задумываясь о будущем Имахимэ, он не переставал спрашивать себя, как такая мысль могла прийти в голову Тоин.

Старший брат госпожи Тоин был вторым военачальником Личной императорской охраны и одновременно советником *сайсё*. Он каким-то образом увидел Имахимэ и не мог забыть ее прелестную внешность. Горячо полюбив ее, он намекнул девице о своих чувствах. Когда военачальнику стало известно о замыслах сестры, он стал мучиться ревностью, но, видя, что и император и верховный советник относились безучастно к предстоящему событию, сказал себе: «Такой грех мне простят». За два дня до назначенного въезда во дворец он, проникнув в спальню Имахимэ, лег рядом с ней. Она вела себя совсем как ребенок, и в ту ночь показалась второму военачальнику еще милее. Думая, чем обер-

нется дело, военачальник громко вздохнул, и родственница, которая спала неподалеку, проснувшись, пришла в страшное смятение. «Кажется, здесь мужчина. Мне мерещится или я действительно слышу его? Как! — не сегодня завтра въезд нашей любимицы во дворец... Мы должны о ней всячески заботиться... И вдруг является какой-то остопоп! Как же быть?»

Лампы были потушены. Она тихонько приблизилась к постели девицы, стала шарить руками и наткнулась на мужскую шляпу. «Так и есть!» Потеряв голову, она закричала:

— Люди! Скорее сюда! Принесите лучину! К нам забрались гнусные воры!

Проснулись прислуживающие дамы, поднялся шум.

— Не выпускайте его! Я доложу госпоже! — сказала родственница и побежала, ужасно топая ногами. Еще не добежав до спальни Тоин, она начала громко кричать:

— Должна вам доложить, что к Имахимэ проник мужчина и лежит с ней. Что делать?

Госпожа была поражена. «Почему она не подошла ближе и не сказала этого шепотом?» — подумала она в страхе и поднялась с постели.

— Ах, тише, тише! — повторяла она. — Как это случилось?

Она отправилась в покои к воспитаннице. Ламп там не зажигали. Прислуживающие дамы, — их собралось более тридцати, — подняв полог, столпились вокруг с лучинами в руках и смотрели на второго военачальника.

— Вы с ума сошли! Надо было его потихоньку выпроводить. Зачем все сбежались сюда? — сказала Тоин.

Никто не слушал ее. Родственница подошла к постели и потянула за платье, которое мужчина накинуд на голову.

— Открой лицо! — закричала она как сумасшедшая.

Тоин сказала одной из дам, Сайсё, чтобы потушили лучины. Мужчина бесшумно поднялся и направился к выходу, но родственница побежала за ним и схватила за рукав.

— Кто ты? Назови свое имя, назови! Пока не назовешь, отсюда не выйдешь, сколько бы ни просил! Ты заплатишься за это! — вопила она с устрашающим виллом.

— Сколько в бухту не ездят,
Видят ту же морскую траву.

И нужно ли снова
Имя свое называть
Рыбаку, что ее собирает?⁶² —

произнес он.

Потерявшая голову дама не узнала его голоса. Из того, что он сказал, она поняла только: «езды в бухту» — и решила, что это правитель западных провинций. Сердце у нее упало. «Ах, какая судьба! Стать женой правителя провинции! Как же поступить с таким негодяем?» — думала она. От злости она затопала ногами и громко зарыдала.

Тоин, сама ошеломленная, приблизилась к ней.

— Успокойтесь, — сказала она. — Такие вещи лучше держать в тайне. Постарайтесь, чтобы об этом не судачили в свете.

Родственница подбежала к Имахимэ, стащила ее с постели и принялась поносить, щелкая ногтями⁶³:

— Счастье, которое готовила тебе госпожа, тратя огромные сокровища, ты сама развеяла в дым. Ты не могла подождать еще несколько дней до въезда во дворец и поспешила впустить к себе какого-то правителя провинции! Даже женщины низкого происхождения, которые во всем зависят от мужчин, страшатся потерять честь и в молодые годы с такими проходимцами не связываются. Ты должна покинуть этот дом и побыстрее скрыться где-нибудь. Или тебе неизвестно, что такое стыд?

Имахимэ плакала, опустив волосы на лицо. Освещенная зажженными лампами, она вызывала жалость.

«Не надо упрекать ее, — думала Тоин. — По-видимому, так было суждено в предыдущих рождениях. А вот въехать во дворец ей не было суждено. Дело, на которое я неразумно решилась, оказалось напрасным. Теперь надо мной все будут смеяться. Больше всего мне стыдно мужа: он был против моей затеи. Что он будет теперь говорить?»

Она была в отчаянии. Родственница девицы все еще проклинала правителя провинции. Что подумала бы Тоин, если бы узнала, что это был ее брат? Она молча ушла в свои покои, а родственница впала в еще больший гнев и снова набросилась на Имахимэ:

— Тебе надо немедленно принять монашество. Если ты выйдешь замуж за правителя провинции, я никак не смогу быть тебе

полезной. Теперь ты должна будешь покинуть этот дом. Почему ты не звала на помощь, не плакала, когда он проник к тебе? Нет, ты оставалась спокойной! Какой позор!

Она приблизилась к Имахимэ с грозным видом и убрала волосы с ее лица. Казалось, она была готова сгрызть несчастную. Не в силах успокоиться, она побежала в северные покои.

— Если бы никто не помогал ему, он не смог бы проникнуть к ней, — набросилась она на прислуживающих дам. — Даже самый ловкий вор не может без подсобника проникнуть в дом. Отвечайте, кто впустил его в комнату!

Они клялись самыми страшными клятвами, что ничего не знали, плакали и отругивались. Слушать все это было мучительно.

Их голоса доносились до Имахимэ, и ей казалось, что она вот-вот умрет.

«Какое несчастье неожиданно обрушилось на меня! Если я не послушаюсь ее и не уйду в монастырь, что она со мной сделает?» — думала девица. Ей было все равно, что будут говорить о ней прислуживающие дамы, она боялась только своей родственницы. «Стану монахиней», — повторила она, достала из коробки для гребней ножницы и взяла в руку волосы. Они были очень ухоженными и красивыми, не такими, как у обычных женщин. Сожаление сжало ей сердце. Она когда-то слышала, что и в старинных повестях часто описывается, как в горе принимают монашество, и, вспомнив об этом, заливаясь горькими слезами, срезала несколько прядей.

Родственница опять вошла к ней с упреками. Увидев на полу волосы, она залилась слезами и упала на пол в беспамятстве.

Доложили госпоже.

«Все оттого, что эта дама заставляла ее принять постриг, — думала Тоин. — Так или иначе, стыдно должно быть мне: несмотря на недостаточно высокое происхождение, я решила отдать ее на службу во дворец».

Хорикава, услышав о случившемся, сказал:

— С самого начала я был уверен, что этого делать не следует. В свете горазды порицать все, что происходит в моем доме. Что подумает государь? Я о въезде девицы во дворец не обмолвился ни словом, но... Родственница сейчас топает от злости ногами — поделом ей! — засмеялся он, но в душе он был очень недоволен и сожалел о происшедшем.

Сагоромо, который с тревогой думал о предстоящей службе Имахимэ во дворце, вздохнул с облегчением, но его пугали неминуемые сплетни о том, что его сестра вышла замуж за человека низкого происхождения. Самое же Имахимэ, вспоминая ее прелестное лицо, он очень жалел. Императору с самого начала этот въезд был не по душе, и его не интересовало, почему он не состоялся.

9

Сколько ни проходило времени, император не находил утешения в том, что так и не увиделся с отцом перед кончиной, и решил поселить в своем дворце мать и сестру. Для них был приготовлен Павильон глициний, и император часто сам приходил к ним. Сестре он присвоил первый ранг⁶⁴.

Сагоромо гадал, перевезет ли принцесса с собой воспитанницу. Желая увидеть дочь, он втайне подолгу простаивал у павильона и следил, что там происходит. Сагоромо был в дружеских отношениях с дамой Сайсё, он раньше часто беседовал с ней и иногда через нее посылал принцессе письма. Она отвечала на некоторые из них, но, став жрицей Камо, переписку с ним прекратила. После ее возвращения во дворец генерал время от времени наносил ей визит и даже вскользь намекал о своих прежних чувствах. Иногда принцесса переселялась во дворец покойного императора, который находился совсем близко от усадьбы, где проживал Молодой господин⁶⁵; Сагоромо в часы досуга писал ей письма, а бывало, что он ночью сам отправлялся туда побеседовать с дамой Сайсё.

Во время одного из таких посещений он, как можно равнодушнее, спросил о воспитаннице. Дама не стала ему рассказывать, кто эта девочка, но ответила, что это просто невиданная красота.

Сагоромо не терпелось увидеть дочь. Он часто подолгу простаивал неподалеку от покоев принцессы, прислушиваясь, что там происходит. При этом он не мог не тревожиться: «Если кто-нибудь меня здесь заметит, пойдут сплетни».

У принцессы служила дочь монахини из Токива, по прозвищу Косайсё. Обратиться к ней с просьбой показать ему девочку?

Начать ни с того ни с сего ухаживать за ней? Что бы она подумала? Поэтому он не решался заговорить с ней.

Однажды поздней ночью, возвращаясь от дамы, которую он тайно навещал, Сагоромо ехал по Первому проспекту к Молодому господину. Проезжая мимо дворца покойного императора, он увидел, что ворота были открыты и неподалеку стоял экипаж какого-то придворного, оставленный, по-видимому, до рассвета. «Интересно, к кому он приехал? — подумал генерал. — Императрица-мать вчера вечером переехала во дворец, принцесса, может быть, уехала вместе с ней. В таком случае при моей дочери осталось мало прислуживающих...» Он не мог продолжать свой путь и въехал в ворота.

Сагоромо приблизился к двери, у которой он обычно стоял, прислушиваясь, что происходит внутри. Она оказалась широко открытой — очевидно, дама, спеша в свою комнату, не затворила ее. Значит, кто-то еще не спал, и надо было быть осторожным, но Сагоромо подумал: «Если принцессы нет и здесь осталось мало народу, может быть, я смогу увести с собой дочь...» Он заглянул в покой: лампы мигали и должны были вот-вот погаснуть, в глубине было так темно, что ничего было не разобрать. Повсюду спали какие-то люди. Своей дочери в лицо он не знал и не догадывался, где находится ее комната. Красться неведомо куда было бессмысленно. Вглядываясь в темноту, он вспомнил о двери с южной стороны Дворца щедрых наград⁶⁶. «Путь свободен, но это не сулит ничего хорошего. До сих пор меня гложет раскаяние и жалость к принцессе-монахине», — подумал он.

С их встречи прошло не так много лет, но Сагоромо пришлось многое пережить. Чувствуя беспокойство, он тихонько покинул помещение — и столкнулся с мужчиной в шляпе и верхнем платье. По-видимому, это его экипаж стоял у ворот. Сагоромо закрыл лицо рукавом, вышел в дверь и по лошадиному переходу⁶⁷ скрылся. По аромату от его одежд, который выдавал его в любой темноте⁶⁸, и по всему облику, по которому было видно, что это не обычный человек, мужчина сразу догадался, кто он, но удалился, сделав вид, что ничего не заметил.

Это был заместитель первого советника, сын первого министра⁶⁹, давно влюбленный в принцессу первого ранга. Он притворился, что увлечен дамой Тюнагон, дочерью кормилицы принцессы, и тайно посещал ее. Он намекал ей о своих чувствах

к госпоже и стал уговаривать пособить ему проникнуть к ней. Такое коварство привело даму в негодование, и она больше видеть его не захотела.

В ту ночь императрица-мать отправилась в Павильон глициний, а принцесса осталась на Первом проспекте. Мать Тюнагон была простужена, не могла прислуживать госпоже и просила дочь заменить ее. Узнав, что во дворце осталось мало народу, заместитель советника стал требовать, чтобы Тюнагон провела его к принцессе. Распалившись злобой, он в ту ночь даму из ее комнаты не выпускал. Это был человек высокомерный и считал, что весь мир должен потворствовать его желаниям. К тому же он был несдержан на язык.

«Не узнал ли он меня?» — тревожился Сагоромо.

10

Заместитель советника рассказал Тюнагон о том, что произошло на рассвете.

— Поэтому-то принцесса и отнеслась неблагосклонно к моим письмам. Генерал ни во что не ставит даже императорских дочерей. Какое неумное поведение! Послушайте меня. Если об этом узнает государь и императрица-мать, они изменят свое мнение об этом молодчике. Он, известный красобай, попытается отвертеться от брака с принцессой. Вы, прислуживающие дамы, так ослеплены красотой Сагоромо, что помогаете ему и сейчас.

Тюнагон была поражена.

— Раньше генерал, может быть, и питал какие-то намерения, но принцесса определенно заявила, что замуж не собирается, и разговор прекратился. Государь осыпает сестру милостями, но она думает в самом скором времени оставить наш суетный мир. Вы говорите вздор. Кто-нибудь да поверит, и пойдут сплетни, — заявила она решительно.

— Похоже, вы ничего не знаете. Скоро все выйдет наружу — правду можно скрывать очень недолго. Если бы у меня были всего лишь подозрения, ваши слова могли бы убедить меня. Так что не пытайтесь обмануть меня красивыми словами.

Было ясно, что он не шутит.

«Разве он стал бы говорить то, чего не видел? Ведь до вчерашнего вечера он ни о чем подобном не заикался», — засомневалась Тюнагон и рассказала своей матери о разговоре.

— Сёсё мне как-то заметила, что генерал вновь стал посылать принцессе письма, — ответила кормилица в гневе. — Но я ее остановила: «Такие разговоры мне неприятны. Император-иннок одну за другой предлагал в жены генералу своих дочерей, но он и на это не соглашался. К тому же расцвет красоты нашей госпожи уже прошел. Вам должно быть стыдно. Разве может обыкновенная женщина стать женой Сагоромо?» Говорят, что он стал частенько навещать самую Сёсё. Если послушать прислуживающих дам, знатных или незнатных, повсюду одни только любовные истории. Чтоб ты никогда больше такого не повторяла!

Однако, как и предполагал Сагоромо, заместитель первого советника стал всем рассказывать, что он выходил из покоев принцессы. Многие добавляли различные подробности. Слухи дошли до императорского дворца, и даже у императрицы-матери стали об этом шептаться. Дамы, прислуживающие самой принцессе, уговаривали друг друга никому ужасных сплетен не передавать, но ведь остановить толки невозможно, с какого бы пустяка они ни начались. И вот уже рассказывают, что очень часто Сагоромо выходил из дворца на рассвете, что поздно ночью Сагоромо являлся во дворец через боковую дверь, которая для него оставалась открытой, и указывают точно, где он оставлял экипаж.

Некоторые дамы замечали, в то время не придавая этому значения, что Сагоромо время от времени простаивал у их помещений, прислушиваясь к чему-то и заглядывая через занавесь, и стали рассказывать об этом друг другу. Вскоре уже утверждали, что отношения между Сагоромо и принцессой продолжаются много лет. Наконец, императрица-мать спросила кормилицу принцессы:

— О чем это все болтают? Нет дыма без огня. Вряд ли ты ничего не знаешь.

Кормилица, ошеломленная тем, что императрице все стало известно, передала ей рассказ заместителя первого советника. У императрицы стало горько на сердце, грудь ее стеснило, и она подумала, тяжело вздыхая: «Вот оно что... это Сёсё помогала ему.

Он тайно посещал дочь, но дальнейших шагов не предпринял. Неслыханная наглость!»

Сама Сёсё была очень напугана, хотя вины за собой не знала: ведь с тех пор, когда она передавала принцессе от генерала ничего не значащие письма, прошло много времени. Она стала редко появляться во дворце. Доложили императору, и он решил: «Потому что это дело ее рук». Даме стало вовсе страшно, и она оставила службу.

Принцесса была немолода, но разве могли подобные слухи не причинять ей сильных страданий? Ей надо было бы отправиться в Камо и просить бога Тадасу разоблачить наговор⁷⁰. Она не могла с безмятежным лицом являться к матери, а та, не догадываясь о душевных страданиях принцессы, гневалась на нее.

Когда Сагоромо услышал о положении во дворце, он подумал: «Так я и знал! Дорого заплачу я за свою неосторожность». Ему было жаль принцессу. Он написал письмо Сёсё, в котором подробно изложил свои чувства. «Боюсь, что мое послание может причинить Вам неприятности, но все-таки решил написать...» — добавил он в конце.

Собрав все письма Сагоромо, которые у нее хранились, дама показала их вместе с последним кормилице принцессы и, горько плача, клялась в своей невиновности. Та отнесла письма императрице-матери и передала слова Сёсё. Но разве дело было в даме? Ведь дурная слава шла о принцессе! Императрица-мать, погруженная в думы, не произносила ни слова. Но и ей хотелось взглянуть на каллиграфию генерала, и, взяв одно письмо, она прочитала:

«Тоскующая душа издалека
В дом твой стремилась,
А на тело
Тем временем
Мокрое платье надели»⁷¹.

Почерк был настолько красивым, что сделал бы честь и принцу.

«С какой целью стали клеветать на него и принцессу?» — подумала императрица-мать, и из глаз ее полились слезы. Кормилица смотрела на нее с жалостью.

Когда обо всем в подробностях рассказали верховному советнику, он подумал: «Оказывается, в течение долгого времени Сагоромо любил принцессу. Это чувство настолько владело им, что он отказался от женитьбы на Второй принцессе».

— Ты все скрывал от меня, а теперь повсюду говорят о твоих сердечных делах, — сказал Хорикава сыну, посмеиваясь с довольным видом.

«Теперь принцессу остается только жалеть, да и мне самому это ничего, кроме мук, не сулит», — подумал Сагоромо.

— Я давно знаком с дамой Сёсё и, находясь во дворце, время от времени беседовал с ней. Все остальное — досужая болтовня. Ужасное недоразумение! Если эти сплетни дойдут до государя, я попаду в трудное положение, — сказал Сагоромо с глубоким огорчением.

— Что же плохого, если государь узнает о твоих отношениях с принцессой? И в давние времена и в нынешние очень часто дочерей императора выдавали замуж за людей более низкого происхождения, чем твое. Вряд ли государь будет против твоего брака с сестрой. Я побаивался, что ты никогда не женишься. Если у вас с принцессой действительно глубокие отношения, надо попросить ее в жены у государя и у императрицы-матери. Если государь не согласится, вмешаюсь я сам, и он вряд ли откажет.

— Покойный государь Итидзё совсем не думал отдать за меня замуж свою дочь, а императрица-мать и сейчас, по всей вероятности, будет несогласна. К тому же принцесса в том возрасте, когда подчиняются голосу благоразумия, и мне совсем не хочется жениться на ней безрассудно, без разрешения императора. Разговоры о моей женитьбе кажутся мне бессмысленными. Что, если все окончится так же, как с Имахимэ? Для чего мне жениться на той, с кем у меня нет предопределения? Как только я найду девицу, с которой в предыдущих рождениях обменялся клятвами, я сразу же расстанусь со своей холостой жизнью, — заявил он твердо.

Вскоре верховному советнику доложили: «Сагоромо совершенно перестал посылать принцессе письма. Императрица-мать недовольна, что он пытается схоронить концы». Сам Хорикава негодовал при мысли, что его сын хочет замять дело, и жалел императрицу-мать и принцессу. Положение было безвыходным. «Если я не попрошу ее в жены для Сагоромо, сама императри-

ца-мать никогда не скажет, что надо покончить со слухами и поженить их. Неважно, справедливы это разговоры или нет. Поскольку затронута честь такой особы, нам невозможно отделяться молчанием. Я должен просить отдать принцессу в жены сыну, если даже императрица-мать и не будет согласна. Сейчас я не могу потакать Сагоромо», — думал он, сердясь на сына.

Верховный советник отправился к императрице-матери и настойчиво просил ее дать разрешение на брак. «У самого Сагоромо не хватает духу явиться, и он послал отца», — подумала она, прекрасно понимая намерения советника, но медлила с ответом. Когда дочь была жрицей, о ее замужестве думать было нечего, а когда она сложила с себя священные обязанности, она была уже немолода и серьезно помышляла в скором времени принять постриг. Императрица очень горевала по поводу слухов, бросающих тень на дочь. «Как могу я решиться из-за каких-то вздорных сплетен отдать ее в дом верховного советника? Как жаль ее! Хорикава очень настаивает, но лучше мне ничего не отвечать ему и в конце концов оставить мысль о браке». Однако в таком случае стали бы еще больше сплетничать. Сердце императрицы-матери колебалось, как поплавок рыбака, ловящего рыбу в Исэ⁷², и она только плакала.

Верховный советник просил императора разрешить брак Сагоромо и принцессы.

«Значит, дамы не лгут, — подумал государь. — Как в стихотворении о горах Ина, она не будет ему настоящей женой⁷³. Как поступить? Рядом с молодым красавцем сестра будет стыдиться своего преклонного возраста. Несмотря на ее недостижимое положение, он вскоре испытает разочарование, охладет и будет относиться к ней равнодушно. Как жаль ее! Говорят, вторая дочь императора-инока, ушедшая в монахини, бесподобная красавица, но хуже жрицы Камо. Мечтая получить в жены не уступающую Гэндзи-мия красавицу, Сагоромо до сих пор и не женат...»⁷⁴

Как было все это сказать верховному советнику? Государь помнил о неудачных попытках императора-инока отдать в жены Сагоромо своих дочерей. Сейчас верховный советник не говорил, что брак не по сердцу сыну; так горячо настаивая, он, без сомнения, следовал желаниям самого Сагоромо. При этой мысли император немного успокоился за судьбу сестры.

Он часто советовался с императрицей-матерью. Оба сомневались, предопределен ли брак предыдущими рождениями прин-

цессы и Сагоромо. «Верховный советник упрашивает с таким жаром. Что ж, пусть так и будет», — решил император.

Хорикава ликовал, что сбывается его давнишнее желание, а Сагоромо сокрушался донельзя. «Император-инок Сага с давних пор относился ко мне, как родной отец, и оказывал особое благоволение. Он предлагал мне своих дочерей в жены, но я оставался безразличен, дело тем и кончилось, потому что тогда я любил одну только Гэндзи-мия. Сейчас же обстоятельства сложились таким образом, что мне приходится расстаться со свободной жизнью. Я не изменил своему решению остаться холостяком, когда неожиданно мое сердце было несколько взволновано⁷⁵. И во сне я не хочу смотреть на женщину, которая хоть немного не будет похожа на Гэндзи-мия. Ради нее я готов в будущем мире возродиться рыбаком⁷⁶. В этом рождении мои желания неосуществимы, я хочу окончить свои дни один, проливая слезы и совсем не помышляя о женитьбе. По воле судьбы Гэндзи-мия сделалась жрицей, и если уж мне суждено влачить нынешнее существование, я, по крайней мере, хочу жить один. Прав был Будда, говоря: «Покиньте этот мир!» — и сейчас у меня нет другого желания. Вторая принцесса из-за моей бессердечности ушла в монахини. Я хотел бы ей только сказать, почему живу один и не хочу ни с кем связывать судьбу. Встречаясь с женщинами, я не чувствую наслаждения. Все хоть чем-нибудь да уступают Гэндзи-мия или Второй принцессе, и мне не хочется ни смотреть на них, ни слушать их. Мы проводим жизнь в стенаниях и должны покинуть этот мир так же непреложно, как исчезает роса на дереве...»⁷⁷ — думал Сагоромо. Невозможно выразить, как он был безутешен. Его могли бы понять те, кто собирал омежник⁷⁸. Он уже ничего не хотел знать о траве терпения⁷⁹, которую так мечтал увидеть, больше не показывался во дворце, где она жила, и, как всегда, терзался сожалениями о прошлом, когда так глупо простаивал ночами у дверей, прислушиваясь к голосам.

12

Как-то раз в середине шестого месяца, в сильную жару, Сагоромо с Молодым господином сидели в передних покоях, где было прохладно. Неожиданно небо покрыли тучи, хлынул ливень,

свежий ветер зашумел в ветвях дубов. Сагоромо приподнял занавес и выглянул в сад. Листья были так густа, что под деревьями было сухо.

Почему не молился
Богу, приставленному
К густому дубу?
Тогда бы и нас
Не замочило дождем⁸⁰.

Даже ливень пробуждал в душе Сагоромо горькие раскаяния, и только взгляд на Молодого господина приносил ему утешение. Он беспрерывно думал об одном: «О, если бы Вторая принцесса не принимала пострига!» Печаль и сожаление переполняли его сердце.

Растения, которые чахли от жары, после дождя ожили. Горная гвоздика, вся в каплях, клонилась к земле. Сагоромо, сорвав ее, вместе с письмом послал на равнину Сага даме Тюнагон для передачи принцессе-монахине:

«В старой деревне,
Где мне суждено
Лить слезы в муках любовных,
Расцвел между трав
Горной гвоздики цветок»⁸¹.

Но ответа, как всегда, не последовало.

13

Свадьба принцессы первого ранга и Сагоромо была назначена на десятый день восьмого месяца. Принимая во внимание высокое положение невесты, к церемонии готовились с необычайной тщательностью. В столице ни о чем другом не говорили: «Лучшей пары не сыскать. Что же удивляться, что генерал до сих пор не женился, — ведь он был влюблен в принцессу». Такое объяснение представлялось правдоподобным.

Сам же Сагоромо страшно горевал. Он все время проводил в усадьбе на Первом проспекте в обществе Молодого господина.

С горечью думал он о суетном мире, в котором его желаниям не суждено было осуществиться.

«Если бы Вторая принцесса не приняла пострига, разве затеял бы отец такое дело? — думал Сагоромо. — Что думает она, услышав о моей женитьбе? Неужели нет возможности встретиться с ней и сказать, что все произошло только из-за того, что она отказалась от мира? Если бы я мог поговорить с ней, это принесло бы мне утешение». Ему не приходило в голову, что принцесса стала монахиней по его вине, и он все чаще упрекал ее в бессердечности.

Он послал экипаж за дамой Тюнагон, которая в то время состояла при жрице Исэ⁸², и написал: «Мне обязательно нужно поговорить с вами об одном деле».

Тюнагон давно не видела Молодого господина и отправилась в усадьбу. Сагоромо лежал в передних покоях. Он обнимал мальчика и, умиляясь его речам, то плакал, то смеялся.

— Если бы не Молодой господин, что бы до сих пор удерживало меня от решительного шага? Уже давно я страдаю, но сейчас на меня обрушилась нежданная беда, и я немедленно принял бы постриг, если бы не любовь к этому ребенку, — сказал он, проливая горькие слезы.

— В прошлом, может быть, так и было, а сейчас Молодой господин утешает вас во всех горестях. Уход в монахи — ужасное, непоправимое решение. Тем более что в скором времени вас ждет большая радость. Узнав о нынешних переменах, я догадалась, почему вы вели себя так необъяснимо и причинили Второй принцессе страдания.

— Я всегда полагал, что вы понимаете меня лучше, чем кто-либо, но ваши слова совершенно безжалостны. Однако к чему сейчас говорить об этом? «В водорослях живущий рак...»⁸³ — сказал Сагоромо с расстроенным видом.

Глядя на него, дама подумала: «Сейчас он страдает больше, чем в то время», — но тут же с досадой сказала себе: «Пустое! Он всегда таков!»

— Слышала ли Вторая принцесса о моем браке? Когда вы последний раз были на равнине Сага и видели ее?

— Я недавно посетила принцессу. Она обо всем осведомлена, но о ее мыслях догадаться нельзя. Она так сдержанна, что это необычайно даже для особы самого высокого положения.

Судя по вашим стихотворениям, которые вы написали, упражняясь в каллиграфии⁸⁴, вы прекрасно догадываетесь, что у нее на сердце. Все ее помыслы обращены к Будде, дни и ночи она проводит в молитвах, и никто не обращается к ней с мирскими разговорами.

Сагоромо вспомнил ночь, когда впервые увидел принцессу. «Она ничего никому не отвечала и только играла на цитре. Ее красота была столь великолепна!» — подумал он с невыразимой печалью. Он весь погрузился в воспоминания о Второй принцессе и наконец произнес:

— Ну хорошо, посмотрите сами. В миру я долго не останусь. Я хочу один только раз поговорить с принцессой. Пожалуйста, проведите меня к статуе Будды, перед которой она молится. Наша встреча будет последним воспоминанием о дольном мире, которое я унесу в монашество.

— Честно говоря, ваша просьба не кажется мне безрассудной. Отношения между вами неразрывны. Но она совсем не то, что героини старинных повестей, — не внимает советам и против своей воли никогда с вами не встретится. Да и как же, ни с того ни с сего, я проведу вас к статуе Будды? Об этом и подумать страшно. Кроме того, встреча принесет вам еще большие страдания. То, что вы странным образом оставили принцессу, — это прошлое, о котором сейчас уже ни к чему вспоминать, — сказала она откровенно.

— Какие суровые речи! Я так и предполагал, что напрасно взывать к принцессе и к вам. Что ж, ваше отношение резонно. Принцесса хочет оградить себя от встреч со мной. Но вам обоим должно быть стыдно, что вы с недоверием смотрите на мои неутихающие душевные страдания. У меня и в мыслях не было с презрением отвергать принцессу. В желании встретиться с ней — смысл моего земного существования⁸⁵. Я несу наказание за прегрешения в прошлых рождениях. Вы всегда относились ко мне бессердечно.

— Ну нет, это не правда. С тех пор как я узнала, что «врата не были неприступны»⁸⁶, что без посторонней помощи, совсем не блуждая, вы проникли к принцессе, я не перестаю беспокоиться о вас. Если бы тогда вы испытывали такие чувства, как сейчас, для всех было бы спокойнее.

Дама засмеялась, но Сагоромо оставался серьезным.

— Вы всегда возражали мне. Хоть бы время от времени вы жалели меня!

Всю ночь до самого рассвета он провел в стенаниях и решил послать Второй принцессе письмо. Было еще очень темно. Сагоромо немного поднял занавесь. Нижние листья мисканта, растущего у изгороди, были мокры от росы, ветви клонились под порывами холодного ветра⁸⁷, уносящего жемчужины росы. Сагоромо, глядя на это, подумал: «Но они высыпались...»⁸⁸ Утирая слезы, он долго не брался за кисть и, наконец, написал на маленьком листе, в самом низу:

«До Вас, вероятно, дошли разговоры о моей женитьбе. Почему же Вы ничего не пишете?»

Посочувствуй же мне, —
Я мисканту подобен,
Который клонит к земле,
Рвет и терзает
Ветер холодный».

— Если вы не принесете ответа, хотя бы крошечного, как капля росы, мы больше не будем встречаться. Вам это, конечно, не принесет страданий. Получив же ответ, я поверю в ваше доброе ко мне отношение.

— Неразумная просьба! Попытаюсь в последний раз, — ответила дама Тюнагон с досадой и, выйдя от генерала, села в экипаж.

Она сразу же направилась в храм на равнине Сага. После предутренней молитвы принцесса-монахиня все еще оставалась в часовне. Нечего было надеяться, что принцесса ответит молодому человеку. Тюнагон даже не могла показать ей письма. Около полудня принцесса решила написать сестре, жрице Исэ, и придвинула к себе тушечницу. Тюнагон развернула послание Сагоромо и положила перед ней.

«Что будут говорить, если узнают, что он до сих пор пишет мне?» — подумала с мукой принцесса и отвернулась, не произнося ни слова и страшно изменившись в лице. Тюнагон принялась рассказывать, как целую ночь Сагоромо говорил о своих чувствах, и, охваченная сама глубокой печалью, добавила, что только в любви к Молодому господину он находит утешение от своих терзаний.

— Генерал опять сказал: «Если принцесса не ответит мне, я не останусь в миру». Я не должна была бы приносить от него письма

и рассказывать о нем. Простите мою назойливость, но я часто думаю, что по просьбе государя-инока он до конца своих дней будет заботиться о будущем Молодого господина. Если вы напишете ему, будто желая узнать о ребенке, что в этом будет предосудительного? Что бы ни писал генерал, вы в вашем нынешнем положении для него неприкосновенны. Чего вам страшиться?

Лицо принцессы покрылось красными пятнами, и она легла на пол. Тюнагон не могла ничего добавить и покинула помещение.

Горькие воспоминания охватили принцессу. Когда дама положила перед ней письмо, она все-таки прочитала его и теперь подумала: «Сейчас он пишет о ветре, терзающем мискант, но это все тот же бессердечный человек, который явился ко мне в ту ночь». Взяв кисть, отдаваясь нахлынувшим чувствам, она написала на том же листе:

«Не сон ли все это?
Думала, что никому
Не суждено испытать
Подобную черствость,
Но, видно, ошиблась»⁸⁹.

Рядом со словами: «клонит к земле» — она написала:

«Не слышен шум ветра,
Что на равнине
Гнет ветви мисканта,
Но известен и мне
Осени холод».

«Печально глядеть, как исчезает
Роса на листьях мисканта,
Долгие ночи
Напрасно ждала,
Что придешь с утешеньем»⁹⁰.

Скоро вся бумага была покрыта знаками, и принцесса разорвала ее на мелкие кусочки. Когда в комнату вошла Тюнагон, принцесса отдала ей обрывки и велела выбросить. Дама унесла их с собой, рассмотрела и увидела, что принцесса что-то писала. «Конечно, не

следовало бы показывать ему клочки, но он просил так жалостливо... И мне будет не так стыдно, что не принесла ответа».

— Я совершенно случайно нашла брошенную принцессой бумагу и принесла ее вам, — сказала она Сагоромо. — На такое я и не надеялась. Пусть это утешит вас.

Как раз в это время Сагоромо получил записку от отца: «Сегодня благоприятный день. Обязательно напиши письмо сестре государя». Сагоромо же все утро просидел, глядя в сад и гадая, получит ли он ответ от принцессы-монахини. Когда Тюнагон принесла ему клочки бумаги, он терпеливо сложил их и прочитал написанное. У него на душе стало вовсе тяжело, и он лег, натянув на голову одежду.

После этого Сагоромо еще жарче просил богов: «Помогите мне как-нибудь избежать брака», — но все было напрасно. Назначенный день приближался. Если бы он перед самой свадьбой принял монашество, поползли бы слухи, что принцесса ему постыла, — этого допустить было нельзя. Принцесса очень бы страдала. Сагоромо никак не мог осуществить свое заветное желание, но ни о чем другом не думал.

14

Представьте сами, как тщательно отец и мать в ночь, когда Сагоромо должен был посетить принцессу⁹¹, готовили его наряд. Сагоромо всегда пользовался необыкновенными ароматами, но в тот день госпожа заботливо выбрала самые редкостные благовония, наполнила ими жаровню и положила — тонкие благоухания пропитали платье. Хорикава сидел перед множеством разложенных одежд, раздумывая, что надеть сыну. Приближалось время отъезда во дворец, но Сагоромо, безучастный, как будто лишившись души, не поднимался с постели. Отец входил к нему и спрашивал, что с ним, о чем он думает, и все время потирали его.

«Надо взять себя в руки. Не время тосковать о Второй принцессе!» — сказал себе Сагоромо. Он надел парадную одежду и предстал перед отцом. Восхищенный видом сына, Хорикава поправил ему кое-где костюм.

«Какая сердечная мука! Неужели я так же буду страдать и во дворце у принцессы?» — думал Сагоромо. Видя, что он вот-вот

заплачет, мать с тяжелым сердцем подумала: «Как жаль его! Почему я сама склоняла его к женитьбе, к которой не лежит у него сердце?»

Вечером, тяжело вздыхая, Сагоромо отправился во дворец. Мать с болью в сердце смотрела на удаляющиеся фонари, упрекать ей, кроме себя самой, было некого. Прислуживающие дамы говорили между собой: «Какой у него страдающий вид... У мужчин к женитьбе никогда не лежит душа... Если до такой степени ему противен этот брак, как будет страдать принцесса!.. В какой повести рассказывается что-то подобное?.. Таких историй множество. В «Доме, где жгут тростник» у героя тоже не лежит сердце...»⁹² Выбор родителей был плох, но младший военачальник следовал их воле».

Слушая их, мать Сагоромо думала: «И в повестях описываются такие горести! Сейчас они выпали на долю Сагоромо. Что подумают люди, глядя на его мрачное лицо?»

У принцессы все было приготовлено к приему жениха необыкновенно красиво. Принцесса, которой было за тридцать, была зрелой женщиной и держала себя с таким достоинством, что внушала робость. Зная об этом, Сагоромо спрашивал себя, как они будут жить. Он вспоминал с тоской те ночи, которые проводил один, в бессонных думах о Гэндзи-мие и Второй принцессе, и не мог дождаться рассвета. На ум ему пришло стихотворение Второй принцессы: «испытать подобную черствость», но думать в такой день о мокром от слез изголовье было бы дурным предзнаменованием. Как тяжело жить в этом мире! Всем сердцем любя Гэндзи-мие, он не мог оценить по достоинству Второй принцессы и причинил ей жестокие страдания. За это обязательно должно было последовать возмездие, и в тот вечер оно его настигло.

Под предлогом плохого самочувствия он покинул покои принцессы до рассвета и отправился в усадьбу на Первом проспекте. Была еще глубокая ночь, в доме все спали. Сагоромо сам открыл решетку и, улегшись на веранде, долго смотрел в небо. Было слышно, как перекликались дикие гуси, летевшие большой стаей. «От кого принесли они с собой письмо?»⁹³ — пробормотал Сагоромо, а потом пропел: «По бумаге цвета зеленого мха...»⁹⁴ Он был так великолепен, что даже сестра государя, его жена, рядом с ним должна была казаться существом заурядным.

— Всегда с отрадой внимаю:
Крики диких гусей,
Покинувших заморский
Блаженный предел,
Бесконечно тоскливы...⁹⁵ —

пробормотал он, но рядом не было никого, кто мог бы оценить стихотворение. Сагоромо придвинул к себе тушечницу и принялся за письмо. Кто бы стал сомневаться, что он сочиняет утреннее послание своей супруге? Но нет — он писал принцессе-монахине.

15

Принцесса-монахиня открыла дверь часовни и долго смотрела на утренний туман, скрывающий вершину горы⁹⁶. Началась служба. В помещение после ночного бдения вошел император-инок и стал читать заклинания. Прислуживающие дамы раскладывали перед статуями цветы, еще мокрые от росы. В это время у входа увидели посетителя. Человек с мечом на боку смотрел по сторонам и ждал, когда о нем доложат. Дамы опустили занавесь и спросили сторожа, кто это. Оказалось, это посыльный с письмом от генерала даме Тюнагон.

Император-инок удивился: «Какая странная неожиданность! Сегодня ночью Сагоромо должен посетить принцессу первого ранга, и утром он должен был бы послать письмо ей...»

Посыльного пригласили войти. Тюнагон, беспокоясь, не написал ли Сагоромо чего-нибудь лишнего, поспешила к нему, но услышала, что император-инок пожелал взять письмо. У нее похолодело в груди.

— Действительно, почерк настолько великолепный, что даже становится не по себе. Когда я вижу, как он серьезен и все время о чем-то размышляет, мне больно и стыдно за себя, — промолвил император, развернув бумагу, и стал вслух читать.

Тюнагон прислушалась, но написано было всего лишь вот что:

«Мимо старого дома,
Заросшего хмелем,
Уныло бреду.

Могу ли я спать
На ложе из трав?»⁹⁷

«Неужели Сагоромо предполагал, что стихотворение может быть прочитано государем? — спрашивала себя Тюнагон, облегченно вздохнув. — Он действительно осмотрителен».

Император же был чрезвычайно удивлен: «Наутро после первого посещения принцессы Сагоромо ни о чем постороннем не должен был бы и думать. Кто встал бы так рано, чтобы написать нам? Даже в мелочах он всегда полон предупредительности и вызывает к себе любовь». Он расхваливал на все лады генерала и наконец обратился к дочери:

— Он так поспешно послал нам письмо, оставить его без ответа невозможно. Если ему ответит Тюнагон, ничего необычного в том не будет. Принимая во внимание сегодняшние обстоятельства, лучше бы было тебе написать ему.

Он растер тушь, но принцесса-монахиня к кисти не притрагивалась. Ее сжег бы стыд, если бы она откликнулась на выраженные чувства. Император-инок, ни о чем не догадываясь, укорял дочь за упрямство.

— Будет неприлично, если именно я отвечу ему в такой радостный день, — отнекивалась она.

Император-инок, устав уговаривать, написал сам:

«Покинутая деревня
Давно стала полем,
Тростником заросшим.
Печальная осень...
Лишь цикады громко звенят.

Я очень рад за тебя».

Читая письмо, Сагоромо ощущал невыразимые сожаления о невозвратном прошлом.

Осенний день незаметно клонился к закату. Хорикава снова и снова напоминал: «В чем дело? Почему ты до сих пор не послал же не утреннего приветствия?» Раздосадованный Сагоромо, написав письмо, прошел к отцу, и тот снарядил во дворец заместителя помощника начальника Дворцовой стражи, служащего одновременно архивариусом. Сагоромо писал, ничем не выдавая своих чувств:

«На заре к себе возвращаясь
По еще непривычной дороге,
Душой погрузившись в мечтанья,
В многослойном тумане
Я заблудился...»

Императрица-мать воскликнула: «Какое замечательное послание!» Но она никак не могла привыкнуть к повороту в судьбе дочери, и тревога ее не покидала.

— Твой муж чрезвычайно любезен, однако, принимая во внимание твой возраст, ответ должен быть сдержанным, — сказала она.

Принцесса, будучи уже немолодой, была в смущении после посещения генерала и чувствовала угрызения. Лежа в постели, она не притрагивалась к кисти. Императрица-мать уговаривала ее написать что-нибудь, и, не зная, как быть, принцесса свернула пустой лист и отдала матери. Императрица, завернув его в бумагу, передала посыльному Сагоромо. Как положено в таких случаях, посыльному вручили роскошную женскую одежду⁹⁸ и накидку с прорезами. Когда он накинул на себя одежду, то стал похож на оленя, вокруг которого обвилились цветущие веточки *хаги*⁹⁹. Родители Сагоромо были удовлетворены приемом их гонца.

«Каков же ответ? Что, если я увижу недовольство и презрение?» — думал Сагоромо, не открывая письма. Отец же был в нетерпении. Наконец, Сагоромо развернул бумагу — там ничего не было написано! В старину, бывало, так отвечали на любовные послания¹⁰⁰.

«Чем кропать заурядное стихотворение, лучше не писать ничего», — думал Сагоромо, оправдывая принцессу. Он отложил бумагу со словами:

— Весьма туманно...

Хорикава же думал: «Недобрый знак! Зачем она так поступила?»

Я предоставляю вам воображать, как все было устроено на третью ночь. Положение невесты и жениха было столь высоким, что церемония не могла быть обыкновенной. Наутро Сагоромо со спокойным сердцем оставался в покоях жены. Вид молодого мужа был блистателен. Когда он вышел из-за занавеси, прислуживающих дам ослепила его красота, и они с горечью подумали:

«Неужели есть женщина, достойная стать его женой?» Они были в таком смущении, что не знали, куда спрятать глаза.

Сама принцесса с унынием думала о своем возрасте и лежала в постели, закутавшись с головой в платье. Сагоромо и не пытался снять одежду с ее лица. «Все эти ночи я чувствовал, что она немолода, — думал он, искоса поглядывая на принцессу. — Я и раньше это знал. Ничего не поделаешь. Зато я смогу видеть вблизи свою дочь». Разве он не утешался так и прежде? Он глубоко задумался о своих печальных отношениях с женщинами. У необыкновенно милой Второй принцессы была безупречная внешность, но когда он сравнивал ее с Гэндзи-мией, из-за которой пылал, как восемь островов в Муро, ему казалось, что принцесса не так уж хороша собой. Конечно, он судил предвзято. Вспоминая Гэндзи-мию и Вторую принцессу, Сагоромо чувствовал, как сильно любит обеих, — он чуть было не прочитал вслух стихотворение о гвоздике у изгороди¹⁰¹. По велению судьбы он навек расстался с Гэндзи-мией. Почему он относился холодно к цветку на равнине Сага?¹⁰² Почему он выискивал в ней несуществующие недостатки? Сагоромо всем сердцем жалел Вторую принцессу, с которой он был связан особыми узами. На душе у него стало так тяжело, что из глаз полились слезы. Как бы кто-нибудь не увидел и не стал упрекать его! Он с тоской подумал о минувшем времени, когда в сердечной муке мог проливать слезы сколько угодно. Неужели он когда-нибудь перестанет любить Гэндзи-мию и Вторую принцессу? В тоске Сагоромо подумал, что должен наконец выполнить свой многолетний замысел. О многом размышлял он в то утро, и лежащая с ним рядом принцесса была ему безразлична.

Со временем равнодушие Сагоромо к жене не могло оставаться незамеченным, да и у него самого не было никакого желания длить отношения с ней. В усадьбе Хорикава его комнаты стояли неприкосновенными, слуги по-прежнему в его распоряжении, и он вновь стал ночевать там. Хорикава был недоволен: «Это возмутительно! Если даже брак ему не по душе, нельзя ребячиться и вести себя настолько своенравно». Сагоромо был готов к порицаниям. Но до каких пор они будут продолжаться? Может быть, потом, после ухода сына в монастырь, Хорикава будет сожалеть о попреках? Когда нападки отца становились нестерпимыми, Сагоромо уезжал в усадьбу на Первом проспекте и отдыхал душой.

Изредка Сагоромо проводил время у жены. Он выглядел необыкновенно молодым и красивым; принцесса стыдилась, чувствовала себя неловко и днем на глаза ему не показывалась... Он и не настаивал. Он сам вел себя с ней очень сдержанно. Когда ему становилось скучно, он проводил ночь до рассвета с красивыми прислуживающими дамами, играя на цитре. Многие при этом очень жалели принцессу.

У нее была необыкновенно возвышенная душа, но, по-видимому, ее брак с Сагоромо не был предопределен в предыдущих веках богами-созидателями. Когда в прошлом до нее дошли слухи о легкомысленных похождениях Сагоромо, принцесса стала к нему холодна и больше с ним встречаться не хотела, а после замужества держалась еще более отчужденно. Понимая ее настроение, Сагоромо не сердился на нее, но ему становилось совсем тяжело, и он хотел немедленно отправиться в уединенное жилище в глухих горах¹⁰³. Однако он никак не мог принять решения. Была ли это милость богов и будд, которых неустанно молили о благополучии сына родители? Когда Сагоромо принимался твердить о белых волнах, уносящих тростник¹⁰⁴, мать с тревогой обращала на него глаза. Отношение сына к жене огорчало ее так же, как Хорикава, но она никогда не упрекала Сагоромо, всегда помня, как он сожалел, что не отправился вслед за небесным отроком.

«Не попробовать ли поиграть на флейте?» — думал и сам Сагоромо. Он не мог забыть и явления бодхисаттвы Фугэн, и в душе его крепло решение последовать за подвижником, братом Асукаи.

16

Как-то раз, выйдя от императора, Сагоромо направился к жене. Принцесса неохотно вышла к нему и села боком, опустив глаза.

— Как вы прекрасны! Или я говорю о своей жене слишком бесцеремонно? — сказал, подсев к ней, Сагоромо.

Он улыбался, и его благожелательность, казалось, заполнила все вокруг. Она же смущенно еще ниже опустила голову и отвернулась от него.

— Вы обижаете меня. Разрешите мне время от времени видеть ваше лицо, — с этими словами он повернул ее к себе.

Ей действительно было много лет, но она была очень изящна. В смущенных глазах был виден ум, лицо было совершенно, волосы красивы, без единого изъяна, стелившиеся на полу на два ся-ку. На ней было несколько платьев: оранжевое, темно-зеленое, светло-зеленое и еще одно, затканное цветами крокодибки. Сочетание цветов не было гармоничным, и Сагоромо ощутил разочарование. Наверное, оттого, что облик Гэндзи-мия глубоко проник ему в сердце, он сразу же вспомнил ее платье цвета прелых листьев.

«Как прекрасно она выглядела! Сочетание цветов не было крикливым и производило приятное впечатление... — подумал он.

Тот же цветок
Я видел зимой
На равнине Мусаси.
Но осенью он потерял
Очарованье свое¹⁰⁵.

Кажется даже, что это совсем другие цветы. Как жаль!»

Ему надо было бы опасаться ненароком высказать свои мысли даже в безлюдном месте, но он невольно произнес:

— Глубокой зимой, в снежное утро сочетание цветов увядших трав пленяет взор. А в это время года они кажутся слишком блеклыми.

Принцессу эти слова глубоко обидели, и она натянула на голову одежду. Сагоромо стало ее жалко. «Ведь мы и так далеки друг от друга. Зачем же я это сказал?» — раскаивался он. Он смолк и пристально посмотрел на жену. На душе у него становилось все более тошно.

В покоях императрицы-матери бегали дети. Сагоромо прислушался: «Не она ли это?» Ему очень захотелось увидеть свою дочь.

— Мне говорили, что у вас живет воспитанница. Почему вы ее скрываете? Не она ли бегаёт там? Позовите ее, это развлечет нас, — сказал он жене.

— Когда-нибудь потом... — ответила она еле слышно.

— Ведь рано или поздно я ее увижу... Вы относитесь ко мне, как к постороннему. Мне хочется взглянуть на нее. Позовите же...

— Не надо. Недаром же говорят: «Привязываешься, а потом сожалешь»¹⁰⁶.

Взгляд, который она бросила из-за веера на мужа, был столь пронизателен, что ему стало не по себе.

— Удивительно, как хорошо вы разбираетесь в вещах, от вас далеких. Разве не сказано: «И на вершине, скрытой восемью слоями облаков...»?¹⁰⁷ Ваше отношение так безжалостно! — произнес Сагоромо.

Разве могли его мягкие вид и манеры не привлечь к себе женщину с чувствительным сердцем, какого бы происхождения она ни была, высокого или низкого?

Когда принцесса удалилась в задние покои, Сагоромо через щель в раздвижных перегородках увидел группу девочек. Самым старшим было лет девять-десять. Одна из них была в красной с черным отливом накидке, с волосами, спускающимися ниже плеч, такого же возраста, как Молодой господин. «Должно быть, это она», — догадался Сагоромо. Девочка что-то говорила и улыбалась — у нее был очаровательный ротик, красивые глазки, и мила она была необычайно. У нее не было того достоинства, которое отличало Молодого господина, но в глазах светилась очаровательная улыбка. Она была точь-в-точь Асукаи, какой Сагоромо видел ее в лунном сиянии. Слезы затуманили ему глаза.

— Я хотела бы пойти в покои принцессы, но к ней пришел незнакомый господин, — сказала девочка недовольно.

Ее подружка, которой было лет десять, спросила:

— Почему ты стесняешься? Разве ты не видела нашего государя? А незнакомый господин не такая важная персона...

Другая, тоже около десяти лет, рассудительно сказала:

— Говорят, это муж принцессы. Значит, тебе он приходится отцом.

— Пойдем, посмотрим на него, — сказал еще кто-то. — Он очень красивый. Моя старшая сестра говорит: «Как я взгляну на него, становится так стыдно, что прямо умираю».

Они на цыпочках подошли к раздвижным перегородкам и, отодвинув засов, приоткрыли их. Сагоромо широко раздвинул рамы. Дети сконфузились и замерли на месте с забавным видом. Сагоромо взял на руки дочь и внес в комнату. Глядя на нее вблизи, он подумал: «Вылитая мать», — и слезы хлынули из его глаз.

— Когда я увидел
Терпенья траву,

На сердце легче не стало.
Много слез я пролил
Над даром прощальным, —

пробормотал он.

Приложив рукава к лицу, он горько плакал. Малышка была в недоумении; она не заплакала, но покраснела, на лице ее выступил пот, и, казалось, она мучительно соображала, как ей быть.

«Она еще так мала, но уже совершенно похожа на свою мать», — думал Сагоромо с беспредельной печалью.

— Не стесняйся меня. Я буду тебя очень любить. Все время приходи ко мне. Я принесу тебе красивые картинки и игрушки, — говорил он.

Она очаровательно кивала в знак согласия.

«Как я буду дальше жить с принцессой, которая относится ко мне столь недоброжелательно? Однако когда я вижу перед собой дочь, которую долго безуспешно искал, я испытываю небывалое счастье. Если бы я не женился на принцессе, разве смог бы я отыскать девочку? Отныне она будет утешением в моей супружеской жизни».

Он уложил дочку рядом с собой.

— Есть ли у тебя куклы? — спросил он. — Если ты не будешь стесняться и приходить ко мне, я сделаю для тебя очень красивых кукол и принесу тебе игрушки, которых так много у Молодого господина.

Он стал рисовать красивые картинки. Девочка от природы была общительна, она смеялась и рассказывала различные истории. Своим поразительным сходством с матерью она приводила Сагоромо в смущение.

«На нее будут смотреть сверху вниз, — думал Сагоромо. — Не признаться ли принцессе, что это моя дочь?» Но он не мог говорить с женой откровенно и решил: «Что из того, если я пока ничего не скажу? Я всегда буду рядом и позабочусь о ней. Больно думать, что такое очаровательное существо могло навсегда остаться в неизвестности. Почему она не родилась от более знатной женщины? Но тогда было бы невозможно держать дело в тайне... Ее мать — женщина, подобная травке в тени дерева». Он с тоской вспоминал осенний вечер, когда он в последний раз видел

ее. «Какая у нее оказалась судьба! Всем ее желания так и не суждено было сбыться», — думал он с сожалением.

Сагоромо утер слезы и велел передать жене: «Почему бы вам не прийти сюда? Ваша воспитанница развлекает меня своими разговорами».

Принцесса все еще была обижена на него из-за замечания насчет одежды, и ей не хотелось видеть мужа. Дети, которые присутствовали при встрече Сагоромо с дочерью, пришли и обо всем ей рассказали. «Он многое от меня скрывает. Он увидел ее раньше, чем я хотела», — подумала она.

— Кто привел ее к нему? — спросила она с досадой.

— Дети громко разговаривали в той комнате и открыли перегородки, — оправдывались кормилицы.

Они пошли к Сагоромо за воспитанницей.

— Никому не сказав, явиться к господину. Как нехорошо! — укоряли они ее из-за перегородки.

Девочка двинулась было к ним, но Сагоромо, взяв ее на руки, вышел к кормилицам.

— В этом доме все относится ко мне как к постороннему, а у этой девочки доброе сердце, и мы с ней подружились. Мне всегда было здесь не по себе, и я думал, что не смог бы обосноваться здесь, но сейчас я нашел утешение.

Вид показавшегося Сагоромо был так блистателен, что кормилицы засмутились и закрыли лица веерами. Они показались молодому человеку довольно привлекательными.

— Как ты зовешь ту госпожу? — спросил Сагоромо у девочки.

— Матушка, — ответила она с очаровательным видом.

— Отныне и я буду дружить с ней. Давай с тобой и впредь любить друг друга.

Он попрощался с ней и ушел.

Когда Сагоромо произнес стихотворение о даре прощальном, его услышала дочь одной из кормилиц принцессы, Тюдзё, которая находилась недалеко от перегородки, и рассказала принцессе. «Мне сказали, что это ребенок какого-то младшего военачальника, но это не так. Из-за нее Сагоромо так безрассудно являлся в мой дом. И после женитьбы он ни о чем другом не думает», — догадалась та.

Девочка была дочерью женщины низкого происхождения, но она была очень красива, и принцесса, томясь скукой, реши-

ла дать ей воспитание и держать при себе. Ее удручала мысль, что из-за воспитанницы она должна жить с бессердечным человеком, один вид которого был ей неприятен. С тех пор принцесса не прятала девочку и распорядилась, чтобы ее всегда отводили к Сагоромо, но сама избегала мужа еще больше, чем раньше, и в те редкие ночи, когда он навещал ее, держалась совсем холодно. Взаимное непонимание между ними нарастало, но Сагоромо думал только о своей дочери, «росинке на траве терпения».

Девочка привязалась к нему и все время проводила в его покоях. Он брал на руки и ласкал ее.

Как-то он, как бы между прочим, сказал принцессе:

— Без такого милого ребенка я с годами чувствовал бы себя одиноко. Родители пеняют мне на отсутствие внуков. Как будто это зависит от одного моего желания! Неужели у нас не может быть детей? Если бы я вел себя, как другие мужчины, то в горной деревушке, в какой-нибудь лачуге у меня был бы ребенок. Что же теперь нам делать? Можно было бы воспитывать эту девочку как нашу дочь.

«Почему он так упорно не желает признаться? — думала принцесса с горькой обидой. — Даже в этом деле он не доверяет мне. Что еще скрывает он? Такие отношения не могут продолжаться долго». Она мечтала только о том, как осуществить свое заветное желание и уйти в монахини.

17

В одиннадцатом месяце в усадьбе Хорикава готовились к обряду надевания штанов на Молодого господина ¹⁰⁸. «Моей дочери, должно быть, столько же лет...» — подумал Сагоромо. Он решил выполнить оба обряда в одно и то же время.

— Сколько лет вашей воспитаннице? — спросил он у жены. — Еще не время надевать на нее штаны? Обряд над Молодым господином будет проходить в доме моего отца, и я подумал, что одновременно можно все приготовить и для девочки. Вы скажете, что я вмешиваюсь не в свое дело. Но кто еще позаботится о ней?

Принцессу обидели его слова, и, чуть улыбаясь, она произнесла:

— Лучше бы было тебе
Спросить свое сердце:
Есть ли еще кто-нибудь,
Кто может любить
Это дитя?

«Вероятно, ей все известно. Ей сообщила монахиня из Токива», — подумал Сагоромо, но пока не хотел рассказывать историю от начала до конца.

— Если бы мог,
Кроме тебя,
Полюбить кого-либо,
Без всяких расспросов
Сердце было б в смущенье.

Мне непонятно, на что вы намекаете... — сказал он.

Больше Сагоромо к разговору не возвращался. Жена ясно видела, что он многое скрывает, и даже вид его был ей неприятен. «Действительно, почему не выполнить оба обряда в одном и том же месте? Его дочь может остаться жить в усадьбе верховного советника. Из-за этой девочки я против воли не прерываю отношений с ним, — даже перед прислуживающими дамами становится неприлично. Я буду только довольна, если он, подобный лозам, которые обвивают множество деревьев ¹⁰⁹, перестанет посещать меня, и я смогу осуществить свое давнее желание. Терпеть долго такую жизнь — значит множить грехи. Я бы смотрела сквозь пальцы на его поведение, но как долго можно будет сохранять приличия?»

Не посвящая императрицу-мать в подробности, принцесса сказала ей:

— Вслед за надеванием штанов на Молодого господина Сагоромо хочет выполнить у своего отца обряд над воспитанницей. Мне кажется, что на это можно согласиться.

— При чем здесь Молодой господин? Разве нельзя провести церемонию у нас? Почему ты вдруг решила послать ее к незнакомым людям?

— У себя мы не сможем обставить дело особенно пышно, а у верховного советника ничто этому не препятствует. Девочка

столько слышала о его усадьбе и так мечтает ее увидеть, что Сагоромо обещал показать ей дом отца и хочет выполнить там обряд.

Принцесса решила отослать воспитанницу к Хорикава, а императрица-мать, соглашаясь с ее доводами, приказала подготовить все необходимое.

Избегая неприятного разговора, Сагоромо не упоминал о своем желании, но в душе затаил досаду. Накануне надевания штанов на Молодого господина принцесса сказала ему:

— Возьмите ее с собой сегодня вечером.

— Вы определенно мне ничего не ответили. Как же можно провести обряд так сразу, не подготовившись?

— Все уже готово. Императрица-мать тоже сказала, что здесь было бы затруднительно выполнить обряд с большой пышностью, но у вашего отца это возможно.

Больше принцесса ничего не прибавила.

«Она, наверное, обо всем узнала», — подумал Сагоромо.

— Лучше не спешить с этим, — сказал он в сильном смущении. — Ничто не мешает подождать до нового года. Постоянно видя здесь вашу воспитанницу, я так же, как и вы, забочусь о ней. Нужно ли так неожиданно перевозить ее в чужой дом?

«Что он опять задумал?» — спрашивала себя принцесса, но не хотела больше говорить об этом и только добавила, как бы про себя:

— Она сама с нетерпением ждет обряда. Можно провести его в узком кругу у императрицы-матери.

— Девочка хочет, чтобы на церемонии обязательно присутствовала императрица-мать. Как же сделать это у моего отца? — сказал он между прочим.

«Императрица-мать столько хлопотала, и все впустую, — думала принцесса. — Нетрудно, конечно, выполнить обряд и отдельно от принца, но я ни во что не желаю вмешиваться. Муж старается говорить равнодушно, но ему хочется, чтобы обряд был очень торжественным, а если его выполнить в узком кругу, Сагоромо будет недоволен».

Она не стала подробно рассказывать императрице-матери о разговоре с мужем.

— Если вы так решили... — сказала императрица.

Завязать пояс попросили верховного советника. Он прибыл во дворец и выполнил обряд. Сагоромо в тот день должен был

ехать за Молодым господином, у него не оставалось свободного времени, и он не мог долго присутствовать на церемонии. Все осудили его безразличие к воспитаннице жены, но на самом деле он относился к дочери так же, как к Молодому господину. Вы можете сами представить, как прекрасно был обставлен обряд. Девочка была очень красива и казалась старше своих лет. Сагоромо не подавал виду, но был глубоко взволнован.

Рано утром Молодого господина перевезли в усадьбу Хорикава. Его сопровождали три кормилицы и двадцать прислуживающих дам в алых накидках с прорезами, верхних красных платьях на зеленой подкладке и на такой же подкладке китайских белых платьях. Нечего говорить, что все в усадьбе было приготовлено самым великолепным образом. Но замечательнее всего был сам Молодой господин. Он превзошел все ожидания матери Сагоромо, которая была наслышана о его красоте. Глядя на принца, она не знала, с кем его сравнить. Он очень походил на Сагоромо в детстве. «Неразрывные узы связали их в предыдущих рождениях», — думала она, и мальчик был ей еще милее. Принц следовал по пятам за генералом, льнул к нему и просил взять на руки. Видя, с какой нежностью относится к нему Сагоромо, госпожа даже подумала: «Нет ли здесь какой-то особой причины?»

Вечером в усадьбу пожаловало множество придворных, начиная с левого и правого министров. Вы можете сами представить, как было приготовлено и украшено помещение для обряда! От горящих факелов было светлее, чем днем. Молодой господин был в прекрасной яркой одежде. Его красота производила даже зловещее впечатление, и все как один, глядя на него, проливали слезы. Сагоромо был в чрезвычайном волнении. Плакать в такой день было нельзя, но он не мог сдержать слез.

Все остальное было таким, как бывает обычно, поэтому дальнейшее опускаю.

Мать Сагоромо полюбила Молодого господина такой непомерной любовью, что не могла бы жить без него. Она не спускала с мальчика глаз и никак не соглашалась отпускать его в усадьбу на

Первом проспекте. Сагоромо говорил матери, что Первая принцесса очень тоскует и скучает без принца, но она отвечала:

— Потом, когда он подрастет, он будет воспитываться не у нас, и я при всем желании ничего не смогу для него сделать. К тому же заботы о нем развлекают меня в моем скучном существовании.

Жалея Первую принцессу, Сагоромо стал часто посещать ее. Прислуживающие дамы восхищались его искренним отношением и спрашивали себя, с чего бы это. «Если Сагоромо так относится к принцессе, почему в свое время он не взял ее в жены? — недоумевали они. — Как было бы прекрасно, если бы сейчас они вместе воспитывали Молодого господина!»

Сам же Сагоромо думал: «Если в долгием мире мне суждено было жениться, лучше было бы выбрать Первую принцессу. Конечно, она не так уж изящна, но очень благородна и непохожа на мою жену...»

В сумерки Сагоромо отправлялся в усадьбу на Первом проспекте.

— Сейчас, когда и Молодой господин уехал отсюда, вам должно быть совсем грустно, и я решил навестить вас. Из-за множества дел я редко показываюсь здесь, — обращался он к принцессе.

Прислуживающие дамы, собравшись вокруг госпожи, говорили ей: «Сейчас, когда он женился на сестре императора, о чем вам беспокоиться? Не этого ли мы желали? Человек с таким прекрасным сердцем... Вы еще слишком молоды и не можете оценить его доброты. Генерал не заслуживает такого отношения... Ведь он так заботится и о вас, и о вашей сестре, которая живет на равнине Сага».

Принцесса в душе соглашалась с ними, но при мысли, что она должна разговаривать с необыкновенным человеком, который всем внушает стыд за собственное несовершенство, ее охватывала робость, и она не знала, что отвечать ему. Она укоряла себя за излишнюю застенчивость, понимала, что он к ней прекрасно относится, и тем не менее отвечала ему так тихо, что он не мог разобрать, действительно ли это ее голос.

«Совсем как Вторая принцесса», — думал он, погружаясь душой в воспоминания. Он никак не мог справиться со своей любовью к принцессе-монахине. «Жестокая судьба обрекла нас на жизнь врозь. Я не мог разоблачить клевету и против воли был вынужден жениться. Почему меня никто не заметил, когда я проби-

рался ко Второй принцессе? Шум мог бы подняться и тогда, когда я ненароком обронил бумагу для письма. Нет, судьба предназначила нам страдать напрасно... А когда Молодой господин жил вместе с Первой принцессой и я беспрерывно появлялся здесь, тоже никто не начал сплетничать...»

Сагоромо, по своей привычке, сокрушался о безвозвратном прошлом.

— Если б сейчас надели
На меня мокрое платье,
В котором ходят рыбачки, —
Вспоминая о прошлом,
Я был бы доволен ¹¹⁰, —

произнес он тихо. Рядом не было никого, кто мог бы его слышать, но Первая принцесса догадалась, что он имел в виду, и, не желая этого показывать, скрылась в глубине покоев. Сагоромо стало досадно.

19

Я забыла сказать, что дочь монахини из Токива была рождена ею до отъезда в провинцию Тикудзэн. Ее звали Косайсё, она выделялась среди молодых дам красотой и превосходным характером. Зная, что она была подругой Асукаи, Сагоромо чувствовал к ней особое расположение и всегда был с ней очень любезен. Они часто душевно беседовали друг с другом. Любя дочь Асукаи, могла ли Косайсё относиться к генералу как к постороннему? Ее рассказы о покойной Сагоромо всегда слушал с глубоким волнением. Прислуживающие дамы часто видели их, поглощенных разговором, и стали шептаться на их счет.

«Сагоромо ухаживает за всеми без разбора, — думала с горечью его жена. Она не хотела показывать, что сердится на Сагоромо, но в душе не могла простить его. — Как только не станет моей матери, чего — увя! — ждать недолго, я приму постриг и обрету утешение». Она не обращала внимания на мужа и все время, с утра до вечера, посвящала служению Будде. Даже ночью она не появлялась в покоях Сагоромо, и они жили, как живут горные птицы ¹¹¹.

Усадьба на Первом проспекте всегда казалась Сагоромо местом за пределами дальнего мира¹¹², и с тех пор как Молодой господин покинул ее, генерал нигде не мог отдохнуть от тягот жизни, как только в усадьбе отца. Однако как-то раз Хорикава сказал сыну:

— Берегись, как бы не дошло до государя, что ты не навещаешь жену и все время проводишь здесь.

«Это значит, чтобы я в этом мире больше не оставался», — подумал мрачно Сагоромо. Он решил тайно посетить жрицу Камо.

В тот год стояла особенно суровая зима. Все время сыпал то снег, то град, небо было затянуто тучами. В жилище жрицы было особенно тихо и уныло. Когда Сагоромо прибыл туда, любовные терзания охватили душу еще сильнее, чем раньше.

В помещении жрицы из-за маленькой переносной занавески виднелись рукава и подол ее благоухающей одежды. Она была в красном с черным отливом платье и надетом поверх белом из узорчатого шелка, на котором были вытканы белые махровые хризантемы, цветущие у изгороди. И стебли, и различные оттенки лепестков были выполнены превосходно. Одежда была великолепна, его жена так не одевалась. Гэндзи-мия закрывала лицо веером, но можно было видеть необыкновенно красивые волосы — они спускались с плеч, мягко стелились по рукавам и густой массой падали на пол. «Может быть, она мне кажется еще красивее по сравнению с женой, во всем ей уступающей», — подумал Сагоромо и сам устыдился своих низких мыслей. Сагоромо всегда относился к Гэндзи-мии пристрастно, но в тот день ее вид привел генерала в необыкновенный восторг. «Какая горестная судьба! Я клялся себе, что и не взгляну на женщину, которая не будет столь же хороша, но... О чем мне было страдать, когда я мог видеть и говорить с ней вблизи? А сейчас мои надежды обрести жену, с которой мы были бы связаны в предыдущих рождениях, развеялись бесследно», — размышлял он с тяжелым сердцем. Он с тоской вспоминал о том времени, когда он молча любил Гэндзи-мию.

Кошка, которая лежала у жрицы за пазухой, мяукнула и вышла к Сагоромо. Гэндзи-мия подняла ленты переносной занавески, и он увидел ее лицо. Она сильно покраснела, но не отвернулась,

а только подняла к лицу веер и потупилась. Сагоромо смотрел на ее лицо, глаза, головные шпильки, волосы и думал: «Не такую ли красоту называют блистательной? Как я несчастен! Мне было не дано жениться на ней, но почему нельзя было взять в жены кого-нибудь, кто хоть бы немного походил на нее? Когда я впервые узнал любовные муки, я думал, что никогда не вступлю в брак с женщиной, уступающей Гэндзи-мии, и даже разговоров об этом не буду слушать. Я женился не по собственной воле, а подчинился родителям, и теперь из-за своего характера должен влачить существование в этом горестном мире». Ему некого было винить, кроме себя, и он не мог сдерживать слез.

Сагоромо подозвал к себе кошку, и она, мяукая, подошла к нему. От ее шерсти исходил аромат, которым были пропитаны одежды Гэндзи-мии. Взяв животное на руки, он жадно вдыхал его. Кошка влезла в его рукав и пыталась проникнуть за пазуху. Сагоромо умилило, что она не боится его.

«Чем продолжать нестерпимую жизнь с принцессой, выдерживать ее предубежденные взгляды, лучше жить с таким существом», — подумал Сагоромо.

— Не могу ли я на время взять с собой вашу любимицу? — попросил он. — Чем домогаться участия от людей...

Дама по прозвищу Сэндзи засмеялась:

— Какого участия вам надо ждать от людей? Ныне вы остепенились, любите супругу. Если вы возьмете кошку и привяжете к ней, супруга будет недовольна.

— Конечно, она будет недовольна, — засмеялся, в свою очередь, Сагоромо. — Ведь мои отношения с женой так тесны, как скалы, между которыми не может просочиться даже вода.

Гэндзи-мия не догадывалась, что он и женившись любит ее еще сильнее, и удивилась, что он сразу привязался к ее кошке. «Раньше я не хотела слушать его, а теперь мне и подавно не надо встречаться с ним», — подумала она.

Сагоромо взял одну из кистей, которыми рисовали дамы, находившиеся подле жрицы, и внизу листа бумаги, как бы для забавы, написал азбукой *катакана*¹¹³:

«В мире живя,
Не знаю: живу ли.
Для тебя же я стал

Мужем чужим.

Но в сердце та же любовь...

Он привязал бумагу к шее кошки, которая влезла-таки к нему за пазуху, и подтолкнул ее со словами:

— Как ты крепко спишь! Просыпайся, иди к хозяйке.

Она как будто поняла его, направилась прямо к Гэндзи-мия и стала ластиться к ней. Сагоромо смотрел на это с завистью.

21

В конце года Сагоромо заказал в Токива поминальную службу по Асукаи. Чтобы выразить свои чувства к ней, он велел особым образом украсить свитки переписанных сутр и сделать изображения будд. Служба должна была быть так великолепна, что Асукаи сразу же смогла бы возродиться в Чистой земле.

В назначенный день он тайно отправился в Токива. Проповедники были с горы Хиэй, из храма Энряку. Было приглашено шестьдесят монахов и семь служителей закона¹¹⁴. Церемония была необычайно торжественна, и многие из присутствующих говорили между собой: «Это была женщина редких достоинств. Как любил ее генерал!»

Скорбные голоса монахов были столь печальны, что собравшиеся проливали слезы. Рукава верхней одежды генерала можно было просто выжимать. Боясь, что его будут упрекать в малодушии, он пытался не плакать, но даже когда мы слушаем повести и старые стихи, они находят отклик в нашей душе, и нет ничего удивительного, что в тот день Сагоромо не мог сдержать слез.

Присутствующие, глядя на него, не могли не изумляться и думали: «Кто же была эта женщина, которую он так любил? Какая печальная судьба!»

Много было великолепного в тот день, но обо всем рассказать невозможно. Служба закончилась, и все разъехались. Сам Сагоромо остался в Токива. Он навестил монахиню и рассказал ей о своей дочери. «Наша с Асукаи любовь не угаснет и ныне», — думал при этом Сагоромо.

Солнце клонилось к закату. Тихо слышалось, как звонили в храмах. Вечернее небо и сама местность навевали на душу невыра-

зимое уныние. Находясь под глубоким впечатлением от службы, Сагоромо поднял бамбуковую занавесь и задумчиво смотрел в сад.

«Останусь здесь до рассвета», — думал Сагоромо. Он расположился на веранде и вскоре задремал. Асукаи, такая же, как при жизни, села возле него и произнесла:

— На Смерти-горе
С одной темной тропы
На другую переходила.
И вдруг мрак прорезал
Божественный свет¹¹⁵.

Она была очаровательна. Сагоромо ждал, что она еще что-то скажет, — и проснулся.

Он поднял глаза вверх. Небо было совершенно чистым, появившаяся луна лила на него холодный свет. Если бы Сагоромо и не видел такого сна, картина неба пробудила бы в нем глубокие чувства. Ему казалось, что Асукаи где-то близко. Он осмотрелся: все давно разошлись и крепко спали. Лежа в одиночестве, Сагоромо задумчиво смотрел ввысь и размышлял о тропах на горе Смерти, через которую, плача, должна перевалить Асукаи. Он вспоминал о монахе из храма Нива, который не последовал бы за ней в горы Ёсино¹¹⁶, и о том, в каком она тогда была затруднении, — даже эти воспоминания были милы ему. Казалось, что все произошло совсем недавно.

«Клялись, что вместе
Покинем земную юдоль.
Ждешь ли меня до сих пор
На Смерти-горе,
У реки Трех стремнин?» —

подумал он. Душу его охватила скорбь, из глаз полились слезы, и его изголовье могло бы уплыть в них.

Он стал читать сутру. Когда он дошел до слов: «Все засияло золотым блеском, и от самого ада вечных мучений...»¹¹⁷, тоска сдавила ему грудь. Он повысил голос, спящие проснулись и сморкались: таким же голосом он читал сутру в храме, когда ему явился бодхисаттва Фугэн.

¹¹⁸ Повесть о Сагоромо

«Что случилось? Отчего он впал в такую тоску?» — говорили между собой Митисуэ и другие сопровождающие.

Рассвело. Из всех храмов доносилось чтение сутр. Сагоромо решил возвращаться в столицу.

К поминальной службе дом был тщательно прибран. В комнате, где жила Асукаи, Сагоромо увидел написанные на столбе стихи:

«В Токива беспрестанно
Рошу искала,
Что времени неподвластна.
Нет, все это сказки,
Пустые слова».

«Помнишь ли сам
Клятвы свои?
Гора, на которой
Перепелятник линяет,
Теперь в алых листьях...»¹¹⁸

Что почувствовал Сагоромо, когда убедился, что она не забыла его слов о дубе *сии*? Внизу столба было еще что-то написано. По-видимому, охваченная мрачными думами, Асукаи писала, лежа у столба. Сагоромо с трудом разобрал:

«Нет, его клятвы не ложны.
Столб из дерева твердых пород,
Что в роще Токива росло!
Не забудь обо мне,
Когда я вовсе сгнюю».

В глазах у него потемнело. Ему казалось, ее призрак опять рядом с ним и что он не сможет больше проснуться.

— С тоской гляжу
На столб из твердых пород,
На который она опиралась.
Он вот-вот поплывет
По реке моих слез, —

пробормотал он. В глубокой печали он никак не мог покинуть дом. Стихотворения, которые она в тоске написала на столбе, казались ему несравненными. «Живя с ней в одном и том же мире, я не догадывался о ее мучениях. Какую досаду она должна была чувствовать!» — думал Сагоромо потерянно и, забыв о стоящих рядом людях, проливал горькие слезы.

Прибыло много посыльных от Хорикава.

— Верховный советник спрашивает, когда вернется генерал. Всю ночь он беспокоился, — докладывали они.

— Что же он беспокоился? — пробормотал Сагоромо. — Он мог бы уже привыкнуть. А сам говорил мне такие неприятные вещи.

Оставаться дольше было нельзя, но, весь в думах о столбе из дерева твердых пород, Сагоромо не мог покинуть местечко.

22

В новом году ¹¹⁹ жрица Камо должна была переселиться в обитель на равнине Мурасакино. Ее новое жилище было тщательно убрано, а на пути по Дворцовому проспекту все, вплоть до заборов бедных домов, украшено самым прекрасным образом. Хорикава хотел, чтобы одежда сопровождающих и прислужников, лошади, седла были особенно нарядными и затмили ранее виденное. Принцы, придворные, все мало-мальски заметные персоны входили в мельчайшие детали, до занавесок на экипажах, одежды для слуг, украшений из мальвы. Люди среднего положения опасались, что им на Первом проспекте будет негде поставить экипаж. Крестьяне дальних деревень, сажающие рис, забыли, что надо рыть оросительные канавы, и, собираясь на праздник, отстирывали в реке грязную одежду, а у бедных жителей столицы к тяготам повседневной жизни, заставлявшим их бегать по улицам, добавилась еще одна забота: они тревожились, не будут ли они выглядеть слишком жалко.

В усадьбе Хорикава готовились к событию уже давно, пытаясь обставить его наилучшим образом. Прислуживающие дамы были расстроены тем, что Гэндзи-мия должна появиться в неярких одеждах. Хорикава решил было приготовить для нее не предписанные древним обычаем одежды, а невообразимо прекрасные платья,

однако на все существовали строгие правила, и оставалось только сожалеть, что жрица не может надеть одно на другое невиданные одежды, затканые серебряными и золотыми нитями, и одеяния из корейской и китайской парчи. Придворные тем не менее приводили примеры, позволяющие сделать переезд более пышным, и советовали увеличить число экипажей, сопровождающих жрицу.

Наконец, Хорикава распорядился следующим образом: десять знатных дам вместе с главной прислужницей жрицы и писемоводительницы императрицы в сопровождении сорока юных служанок должны ехать в открытых экипажах¹²⁰ с поднятыми занавесками; они будут полностью на виду и поразят зрителей костюмами, приготовленными с необыкновенным искусством.

«Все будет устроено красивее, чем выезд офицера Императорской охраны¹²¹, который можно видеть один раз в году. Но как бы в открытые экипажи, которые готовили с такими стараниями, не уселись прислужницы, плохо одетые и причесанные», — беспокоился Сагоромо. Он давно старался успокоить молодых дам, бывших в сильной тревоге. Дочери почтенных сановников, которых холили и лелеяли, которых даже отцы и братья не могли видеть, проводившие время в спальнях, огороженные со всех сторон переносными занавесками, не оставлявшими ни малейшей щелочки, — они должны были днем, в экипажах с открытыми окнами ехать по Первому проспекту. Им даже нельзя будет закрыть лицо веером! От страха они чуть не плакали.

В назначенный день¹²², рано утром, Хорикава от беспокойства не мог усидеть на месте. «Подумайте о других. Если выедем поздно, день будет клониться к закату и собравшиеся ничего не увидят», — торопил он. В результате выехали даже раньше, чем обычно.

Экипажи подъехали к дому, дамы начали рассаживаться. В крайнем смущении они выползали из дома на коленях. Выглядели они великолепно. Казалось, каждая имела более тридцати счастливых признаков¹²³. Хорикава с удовлетворением оглядел открытые экипажи, о которых ходило много разговоров. Одежды дам были обычных цветов, но Хорикава хотел, чтобы поезд остался образцом для подражания на тысячу лет и даже обычные краски пленяли глаз. Дамы были в нескольких надетых одно на другое платьях цвета темной хвои тысячелетних сосен. Верхние китайские платья были того же цвета; одни были расписаны

золотом, другие затканы глициниями и на них были вышиты слова: «только на соснах»¹²⁴. Шлейфы из узорчатого шелка были искусно расшиты морскими узорами: черные скалы, золотой песок, серебряные волны и темная хвоя залитых водой сосен. Юные служанки были в платьях такого же цвета; верхние штаны, накидки, шлейфы, китайские платья были вышиты таким же образом. Не видя этого своими глазами, мои читатели обязательно рассмеются: «Что же тут замечательного? Никакого вкуса!» Но выезжающие друг за другом экипажи были в самом деле необыкновенно красивы. Особым образом окрашенные и накрахмаленные одеяния выглядели прекрасно. Мы употребляем одни и те же слова: «кисея», «отбитый до блеска шелк», но ведь в каждом отдельном случае ткани выглядят совершенно по-разному.

Хорикава и Сагоромо с переносными занавесками стали с двух сторон перед небольшим, нарядно украшенным китайским экипажем, в который жена советника усаживала разодетую жрицу. Гэндзи-мия, волнуясь, мешкала, и Сагоромо взглянул на нее через занавеску. Она была в красном трехслойном платье и вышитой шелковой накидке, в прическе блестели шпильки, волосы мягко струились по плечам. Никогда она не выглядела столь чарующе. Охватившая Сагоромо гордость превосходила чувства генерала, которого прозвали «Восемь тысяч сожалений»¹²⁵. Но как посмотрят на его скорбь боги? Сагоромо прекрасно понимал, что до сих пор любовь к Гэндзи-мии настолько безраздельно владела им, что вряд ли он сможет относиться к ней так, как пристало по ее изменившемуся положению.

Когда жрица тронулась с места, Хорикава и его жена сели в экипажи и отправились за ней на равнину Мурасакино.

На Первом проспекте экипажи стояли столь тесно, что между ними не могла упасть и росинка. На больших помостах собралось такое множество людей, что стоящие сзади не могли просунуть голову и, рискуя жизнью, карабкались на плечи расположившихся впереди. На них было страшно смотреть. Все, вплоть до рукавов, свисающих из экипажей, было изумительно и не уступало рассказам о самых поразительных вещах. У зрителей от восторга горели глаза. Можно было представить, каких трудов стоили аристократам приготовления к участию в процессии.

Очищение, обставленное более торжественно, чем обычно, было самой великолепной церемонией того года и образцом для

последующих поколений. Когда жрица прибыла на берег реки, жрец храма Камо торжественно выполнил обряд.

Сагоромо думал только о том, как ослепительна была Гэндзи-мия, садившаяся в экипаж.

«Внемлите мне,
Сонмы пресветлых богов,
Дающих нам от грехов очищенье!
Эта любовь зародилась
Прежде, чем жрицей избрали ее», —

сложил он, страшась за сестру.

23

После очищения жрица въехала в обитель на равнине Мурасакино. Все очень устали и легли спать. На следующий день Гэндзи-мия не терпелось увидеть свое новое жилище. Она нашла его очень тесным и навевающим уныние. Гэндзи-мия вспоминала усадьбу Хорикава: она долго будет жить вдаль от нее и никогда больше не увидит широкого красивого пруда, искусственных горok и деревьев. Перед домом протекала река, и одна дама сказала, что это Арису.

— Не безраздельно господство твое
В этих местах, Арису-река!
Иль ты не знаешь,
Что я хозяйкой явилась сюда
И буду скалу охранять? —

произнесла жрица, глядя на воду, с которой отныне она была крепко связана судьбой. Гэндзи-мия подошла к среднему столбу в восточной комнате. Я хотела бы, чтобы кто-нибудь нарисовал ее прекрасную фигуру, голову, волосы и показал всем.

Из южных покоев, где расположилась супруга Хорикава, вышел Сагоромо и направился к жрице. Он поднял занавесь между угловыми столбами и заглянул в комнату. Перегородки были открыты, ничто не мешало видеть жрицу. Не в силах справиться

со своими чувствами, Сагоромо отломил веточку *сакаки* и с поклоном протянул Гэндзи-мю.

— Знаю, что к ветке *сакаки*
Нельзя прикоснуться.
Но глупое сердце
К листьям зеленым
Неудержимо стремится¹²⁶, —

сказал он.

Гэндзи-мия на Сагоромо даже не взглянула. Разве это не при-
скорбно?

24

Праздник прошел как обычно. Посланцем от императора был очень молодой и замечательно красивый младший военачальник Личной императорской охраны, внук первого министра, сын того самого заместителя первого советника, который оклеветал Сагоромо. Он вошел через южную дверь и передал жрице письмо государя. Жена Хорикава прочитала:

«Пусть все украшают сегодня
Мальвой прическу...
Но этот цветок —
Знак богов милосердных —
Встретиться нам не позволил...»¹²⁷

Письмо было завернуто в прекрасную бумагу светло-зеленого цвета и украшено замечательным рисунком.

В тот день дамы были в необычайно красивых платьях всех цветов времен года, от ярких весенних оттенков до цвета припорошенной снегом замерзшей травы двенадцатого месяца, и верхних одеждах, шлейфах, китайских платьях из китайской и корейской парчи. Дамы, предполагавшие находиться рядом друг с другом, подбирали для своих одежд цвета разных времен года. У всех рукава были отделаны серебром, а платья были в узорах из лака, золотого порошка и перламутра. Даже прислужники, несущие

щие паланкин жрицы, были все как на подбор красавцы и одеты в роскошные костюмы.

Поезд жрицы въехал на широкий Первый проспект, до отказа заполненный зрителями. В воздухе веяли необыкновенные ароматы. Старавшиеся перешеголять друг друга дамы, проезжая в экипажах с опущенными занавесками, слышали восторженные восклицания зрителей и чувствовали себя донельзя польщенными. Шествие было более многочисленным, чем обычно.

Хорикава должен был остаться в храме, и никто из сановников не собирался возвращаться домой. Молодые придворные уехали на землю вокруг экипажей и всю ночь проговорили с дамами. Никто не заметил, как наступил рассвет. Кукушки, которых в столице еще не было слышно, внутри священной ограды пели без умолку. Как могли не внимать им дамы и молодые люди? Было сложено множество замечательных стихотворений, но здесь я приводить их не могу.

Сагоромо, слушая с наслаждением шум ветра в соснах, ни на мгновение не сомкнул глаз. Когда совсем близко раздалось пение кукушки, он приблизился к помещениям жрицы и как бы про себя произнес:

— Знает кукушка,
Что не будут услышаны
Молитвы ее.
Но все же летит
В обитель богов...¹²⁸

Главная прислужница жрицы находилась неподалеку и, не догадываясь о чувствах Сагоромо, ответила:

— Всё готовы исполнить
Пресветлые боги
В ответ за дивное пенье.
Не таи же, кукушка, от них
Желанья свои.

Гребни светлеющих гор были прекрасны¹²⁹. Нигде больше нельзя было видеть такой картины, и молодые дамы в восхищении любовались ею.

Все в помещениях до мелочей соответствовало старинному укладу, и место, где находилась жрица, было огорожено только легкими ширмами. Неожиданный порыв ветра с шумом повалил их. Дамы бросились поднимать. «И вправду все просматривается насквозь, — подумал Сагоромо. — Если бы только в отношении комнаты самой жрицы не придерживались древнего закона!¹³⁰ Но все ли сделано, как нужно? Ведь нельзя допустить, чтобы ее комнаты были убраны кое-как!» Обходя помещения, он услышал, как пожилые дамы говорили между собой: «В нашем возрасте было очень неприятно открывать лицо. Кажется, что ты выставлена напоказ. Даже молоденькие стеснялись выйти из экипажа».

— Да ведь и в экипажах можно всех видеть. Но разве вас окружают посторонние? Что из того, если вас видит такой человек, как я, которого бы прекрасно знаете? Но вы всегда относитесь ко мне с таким презрением, что я от горя все равно ничего не различаю. Я-то со вчерашнего вечера надеялся, что кто-нибудь навесит меня, но жаль, что вокруг так много пожилых дам, которые стали бы упрекать нас. Да, горько, когда стареет трава в роще¹³¹, — сказал Сагоромо, улыбаясь.

Дамы смутились и не знали, что сказать.

В покоях жрицы придраться было не к чему. Сама она выглядела изумительно. Маленькие цветы мальвы в волосах придавали лицу невыразимое очарование. Сагоромо не мог ничего не сказать Гэндзи-мией. Сделав вид, что хочет поправить переносную занавеску, он потянул подол ее платья и произнес:

— Как только увижу
Мальву в прическе,
Сердце в волненье.
Зарекался даже название цветка
Упомянуть. Не удержался...

Она от неожиданности с изумлением повернулась к нему, и Сагоромо, глядя ей прямо в лицо, думал в восторге: «Тысячу лет бы смотрел на нее и не мог бы налюбоваться». Прислуживающие дамы, расположившиеся, чтобы наслаждаться зрелищем¹³², были неподалеку. Кроме этого, Сагоромо боялся гнева богов за то, что приблизился к жрице. Он поднялся с чувством досады, что

не посмотрелся на Гэндзи-мия. «Если бы я после ее избрания жрицей принял монашество и навсегда удалился в горы, я бы не терзался сердечной мукой и вообще не вспоминал бы об этом мире. Влечить далее такое существование невозможно», — думал он, выходя от жрицы.

Празднество подошло к концу, и жрица возвратилась на равнину Мурасакино. В тот день она носила фиолетовые шарфы: один светлый, другой выкрашенный неравномерно — то густо, то бледно. Перед возвращением в столицу были исполнены заключительные пляски.

— Надо ответить государю на его послание, — напомнил Сагоромо.

— Я так устала! — сказала Гэндзи-мия, ложась в постель.

— Нельзя слишком медлить с ответом, — забеспокоилась жена Хорикава и написала от лица жрицы:

«Можно ли думать,
Что безучастны друг к другу
Багряник и мальва?
В праздник богов они неразлучны
И украшают прическу»¹³³.

Она послала письмо, прикрепив его к ветке багряника.

Когда император прочитал послание, мучительные сожаления охватили его.

25

Среди множества высочайших наложниц, служивших в императорском дворце, ни одна не выделялась особыми достоинствами и не пользовалась исключительной благосклонностью государя. Дама Сэнъэдэн, проживающая во Дворце явленного блеска, поступила на службу до вступления на престол императора, и он благоволил к ней, но детей у нее не было, и она не могла стать императрицей. Государю уже было за тридцать, и он все время сокрушался о том, что у него не было даже дочери. «Почему отрекшийся император отдал Молодого господина на воспитание Сагоромо, а не мне? Но что сейчас говорить! Конечно,

лучше быть приемным сыном великолепного Сагоромо, чем зурядного императора, но... Мне самому больно видеть, что Сагоромо обычный подданный... Воспитываясь у него, Молодой господин и сам будет подданным, а я объявил бы его наследником престола». Так часто думал император. В конце концов он сказал о своем намерении отрекшемуся императору Сага.

«Желая, чтобы Сагоромо женился на Третьей принцессе, я поручил ему Молодого господина, — подумал Сага. — Моим планам не суждено было осуществиться, и сейчас я понимаю, что этого делать не следовало бы. Но Сагоромо очень добр и к Молодому господину, и к Третьей принцессе, и если я передам сына на воспитание императору, я обижу генерала. Нет, было предопределено, чтобы я отдал сына Сагоромо. Нельзя взойти на престол усилиями окружающих людей. Если принцу судьбой не предопределено стать императором, то лучше воспитываться в доме Хорикава, чем быть сыном императрицы без всякого влияния».

Отсутствие наследника престола вызывало тревогу, и придворные, имеющие дочерей, спешно определяли их во дворец. На женской половине собралось множество дам. Хорикава завидовал их отцам и жаловался, что ему некого предложить на службу к императору. Сагоромо заговорил с ним о Первой принцессе.

— Намерение отрекшегося императора отдать мне в жены Вторую, а затем Третью принцессу было для меня огромной честью, но оно не осуществилось. Если бы вместо этого я мог помочь Первой принцессе стать императрицей, я, который вовсе не собирался идти против его желания, выразил бы ему свою благодарность.

«Действительно, взяв на себя заботу о Молодом господине, мой сын проявил преданность государю. Я рад, что он стал зрелым человеком», — подумал Хорикава.

— Ты совершенно прав, — сказал он. — Я сам скучал в стороне от дел и буду рад заняться въездом во дворец Первой принцессы вместо Гэндзи-мия.

Хорикава рассказал отрекшемуся императору о планах Сагоромо. Могло ли это его не обрадовать?

Люди из окружения Первой принцессы, недовольные отношением к ней Сагоромо, теперь говорили: «Поэтому-то он, за-

ботаясь о принцессе, не завязывал с ней глубоких отношений. Вторая принцесса неожиданно для всех приняла монашество. Человек с глубоко чувствующим сердцем не мог с радостным видом жениться на ее сестре, как птица, которая перелетает на соседнюю ветку на том же дереве». Многие дамы были удовлетворены таким объяснением.

Будучи долгие годы жрицей, Первая принцесса мучилась тем, что это глубокое преступление по отношению к Будде. После смерти матери она хотела сразу принять постриг, но неожиданно для всех ушла в монахини ее сестра, и она сама не могла последовать ее примеру, чтобы не огорчать безмерно своего отца. В дальнейшем желание уйти в монастырь не покидало ее, но она не могла выполнить своего намерения. «Теперь уже поздно!» — думала она со скорбью. Члены императорской семьи не могут жить, как им хочется, и Первая принцесса нежданно-негаданно поступила на службу к государю. Ее поселили во Дворце щедрых наград, Кокидэн¹³⁴.

До въезда император задавался вопросом, почему Сагоромо сам не женился на ней, и предполагал какой-то изъян. Но незаурядная внешность, благородные и изысканные манеры возвышали Кокидэн над другими дамами, и она стала пользоваться его особой благосклонностью. Поскольку император Сага просил Хорикава заботиться о Первой принцессе, тот относился к ней как к своей дочери. Сагоромо по-прежнему был с ней почтительно-сдержан. Дамы, которых приставил к принцессе Хорикава, относились к ней как к сестре Сагоромо.

Молодой человек отныне спокойно входил в ту дверь из твердых пород, перед которой ему надо было бы помешкать¹³⁵, и печально вспоминал о Второй принцессе. Убранство помещений и ложе, где он заблудился на тропе грез, — все было, как прежде. Только повсюду были расставлены переносные занавески. Он мог видеть лишь подол платья Кокидэн. Каждый раз, посещая ее, Сагоромо вспоминал Вторую принцессу и думал, что она благороднее и очаровательнее сестры. «Когда я вижу комнату, в которой мы были вместе, душа погружается в мечты. И она, без сомнения, многое вспоминает», — думал он.

— Иль не осталось следов
На пути, где насытить души

Было мне не дано?
Вновь бреду по тропе Фуруно,
Что к Исоноками ведет¹³⁶, —

произнес он так тихо, что никто, кроме Кокидэн, его не слышал. Видя, что Сагоромо погружен в печальные размышления, она подумала: «О чем это он?»

— Снова иду
По тропе Фуруно
К храму Исоноками...
Но старых следов
Уж давно не видать¹³⁷, —

ответила она.

Сагоромо показалось, что она плачет. Чем-то она напоминала Вторую принцессу. «Разве ей не столько же лет, сколько моей жене? — подумал он. — Но насколько она спокойнее, мягче и очаровательнее». Он, как всегда, почувствовал глубокое сожаление и стал укорять судьбу. Но горевать о содеянном было поздно. Постоянно навещая Кокидэн, он относился к ней с глубокой искренностью, а она испытывала к Сагоромо расположение и благодарность.

26

Вскоре стало заметно, что Кокидэн не такова, что прежде¹³⁸. Близкие к ней люди беспредельно обрадовались. Хорикава об этом ничего не сообщали, и даже когда император интересовался, нет ли признаков, ему ничего определенного не отвечали. Но одна из прислуживающих дам проболталась-таки Хорикава и сказала, что уже три месяца. Он пришел в восторг. Дольше скрывать было незачем. Невозможно передать, как возликовал государь. Остерегались говорить, что будет мальчик, — в противном случае император был бы разочарован. Но государь, до сих пор не знавший наслаждений отцовства, радовался будущему ребенку беспредельно. К глубокому удовлетворению Хорикава и Сагоромо, надежды их исполнялись.

Все были уверены: если у Кокидэн родится сын, он и будет провозглашен наследником престола, — и Сагоромо, размышляя о будущем, страдал оттого, что Молодой господин останется простым смертным. «Принцесса-монахиня горюет: “Если будет мальчик, Кокидэн в будущем будет радоваться еще больше. На ее долю выпало такое счастье, и за это она должна благодарить Сагоромо”. От этого она еще более несчастна. Император Сага воспитывал Вторую принцессу с особой заботой, а я погубил ее. Если бы она стала супругой государя, он особо отличал бы ее среди своих многочисленных жен», — думал Сагоромо, рассказывая в своем тяжком грехе. До принцессы-монахини доходят, наверное, слухи, что он беззаботен и наслаждается семейной жизнью. Эта мысль не давала ему покоя. «Если бы только один раз я смог лично высказать ей все, что у меня на сердце, и удалиться от мира!» Ни о чем другом Сагоромо не думал. К печали, что он навсегда разлучен с принцессой-монахиней, которая и была причиной его бесконечных стенаний¹³⁹, прибавлялись воспоминания о той, на кого он роптал за спутанные узоры на ткани¹⁴⁰.

«Тело покинув,
Душа назад
Возвратится,
Если крепко завяжешь
Одежду, что так люблю»¹⁴¹, —

писал он, чтобы скоротать время.

В это время в комнату вошел второй военачальник Личной императорской охраны, сын принца, главы Палаты обрядов¹⁴², в красивом сиреневом платье на зеленой подкладке и в шароварах из ткани в узорх травы рута душистая. При виде погруженного в печаль Сагоромо, который выглядел несказанно прекрасно, военачальник, всегда беспокоившийся о будущем своей сестры, которая была младше его, подумал, что было бы хорошо, если бы она, ничтожная пылинка, связала свою жизнь с генералом. Прочитав стихотворение, он приписал:

«Не там, где обычно,
Блуждает ваша душа,

Другая жена
Скромного платья подол
Туго затянет»¹⁴³.

Сагоромо, чтобы отвести от себя подозрения, сказал:

— Я вспомнил о том, что мне поведал один человек, и написал от нечего делать.

Поговорив о всякой всячине, Сагоромо сказал:

— У меня странное предчувствие, что я не долго буду пребывать в этом мире, но, к сожалению, монашества я не принял, веду пустую жизнь, и это меня гнетет.

— Над Горой брошенной тетки¹⁴⁴ луна не светит и сердцу нечем утешиться, но в столице другое дело¹⁴⁵. И если вы мне только скажете, я неподалеку отсюда в бамбуковой чаще отыщу красавицу¹⁴⁶. О чем бы вы ни попросили...¹⁴⁷ — ответил военачальник.

Сагоромо были неприятны его слова, но он не мог не отметить, что военачальник был красивее многих придворных. «Может быть, его сестра так же хороша собой», — подумал он.

— Вы говорите так, как будто догадываетесь, что я страдаю от любви. Дело, однако, не в этом. Как вы можете заметить, я отчего-то чувствую отвращение к миру, — меня это самого печалит. Действительно, если бы были узы, крепко привязывающие меня к миру, я бы на некоторое время не покидал его. Но возле меня нет никого, с кем бы я мог поговорить, кроме моей тени, которая неотлучно следует за мной. Могут ли исполниться ваши слова о красавице, подобной найденной в бамбуковом коленце? Напрасно я с давних пор полагался на вас больше, чем на кого-либо, и ваши необоснованные слова меня серьезно удручают, — сказал он с недовольным видом.

Услышав, что он был согласен встретиться с девицей, второй военачальник подумал: «Если сестра свяжет свою судьбу с ним, будет прекрасно. Но как бы он не отнесся к ней как к заурядной женщине и она не стала мучиться!» От этой мысли он почувствовал сожаление, что затеял дело.

На его веере было замечательно нарисовано осеннее поле — под порывами осеннего ветра в обильной росе заросли хаги, среди которых лежал олень¹⁴⁸. Сагоромо рассматривал веер, и рядом со строчкой: «Осенний ветер дует в парке У. В небесах яркая луна»¹⁴⁹ — приписал мелкими знаками:

«Склонитесь ко мне,
Мисканта цветы
На поле осеннем!
Хоть и нет ветра,
Что колеблет растения...»¹⁵⁰

«Оградить веревкой собрался
Поле, покрытое хаги.
Но не крик ли оленя,
Ветвями опутанного,
Ветер доносит?»¹⁵¹

Он написал так красиво, что женщина, хоть немного понимающая в каллиграфии, должна была обратить на это внимание.

Второй военачальник написал:

«Над полем не молкнет
Осеннее дуновенье.
Но не клонятся
Ветви мисканта
Под ветра порывом»¹⁵².

«На поле осеннем
Так много веревок
Я вижу.
Падет ли росинка
На цветы хаги?»¹⁵³ —

и показал Сагоромо.

— Неуместное замечание, — засмеялся тот и произнес нараспев: «Ветер окрашивает листья...»¹⁵⁴

Он казался необыкновенно очаровательным, и военачальнику еще больше захотелось, чтобы его сестра была хотя бы пылинкой возле Сагоромо.

— Шутки в сторону. Я с давних пор доверяю вам, и меня огорчает, что вы не разгадали того, что у меня на сердце. Пойдите в бамбуковую рощу, привяжите меня хоть на время к этому миру, — сказал он с раздражением.

— Даже старику Такэтори не удалось бы найти красавицу вам под стать, — ответил военачальник.

В это время к Сагоромо пришло много молодых людей, и, чтобы рассеять хандру, он до рассвета сочинял с ними китайские стихи.

Через несколько дней второй военачальник получил от Сагоромо письмо:

«Пишу Вам без особого повода. Не поговорили ли Вы еще о находке старика Такэтори?»¹⁵⁵ Что подумал о нашем разговоре маленький росток хаги?»¹⁵⁶ Прошу Вас, передайте ей, пожалуйста, мое послание, хотя ничего особенного в нем нет».

В письмо было вложено другое:

«Заросли тростника
Страшным волненьем
Объаты.
Рассказал ли об этом
Вам ветер осенний?»¹⁵⁷

Военачальник в ответ написал:

«Старика Такэтори очень обрадовали Ваши слова. Я положил веер так, чтобы сестра моя увидела Ваше стихотворение. Кажется, она подумала:

“Крошечной травки росток,
Ветками хаги укрытый,
Вовсе не знает,
Как ветер осенний
Над полем шумит”¹⁵⁸.

Досадно. Не объясняется ли ее равнодушие тем, что она робеет той, кто живет в Вашем доме?»

«Как я слышал, ее уже можно отдать на службу во дворец. Она не может быть в таком возрасте, чтобы не отвечать на письма», — подумал Сагоромо, мечтая о девице.

Станным было его благочестие!

В девятом месяце принцесса-монахиня сделала мандалу¹⁵⁹ с изображением Будды, проповедующим на горе Орлиный пик¹⁶⁰. В храме на равнине Сага были проведены поминальные службы,
19 Повесть о Сагоромо

а через некоторое время — Восемь чтений *Лотосовой сутры*¹⁶¹. Хорикава с другими важными сановниками присутствовал на церемонии каждый день. Монахи, которые, сменяясь, должны были читать сутру утром и вечером в течение многих лет, с отдачей всех душевных сил, не выходя из кельи, изучали священные книги, и их проповеди были возвышенны, благостны и доставляли слушателям огромное наслаждение. Для обрядов покаяния, вечерних и утренних, пригласили монахов с замечательными голосами, и этот обряд производил торжественное и печальное впечатление. Во время жертвоприношений буддам десяти частей света¹⁶² перед алтарем раскладывали лотосы, возжигали тонкие благовония, — присутствующим казалось, что они очутились в Чистой земле. Принцесса-монахиня чувствовала удовлетворение, что она отвернулась от дольного мира, и со спокойной душой сосредоточенно выполняла службу.

Сагоромо приезжал туда каждый день. Присутствующие видели, что он не мог сдерживать слез, его рукава были насквозь мокрыми. Вид такой непереносимой скорби отвлекал принцессу-монахиню от церемонии. Еще больше ее волновал вид сына: иногда Сагоромо привозил его с собой, и ребенок вместе с другими придворными ходил по всем помещениям.

Все, что происходило в храме, было интересно и возвышенно, но напоминает повесть «Знакомство во сне»¹⁶³, — поэтому я опускаю описание.

Последний день чтений пришелся на тринадцатый день месяца. Светила яркая луна. Принцесса полностью погрузилась в читаемое, и ее душа могла бы без труда подняться на небо Тосцу¹⁶⁴.

На равнине Сага цветы постепенно осыпались, патриния увяла, мискант засох, побелел и уныло клонился к земле. Обильная роса ложилась на растения и ярко блистала, как волшебная жемчужина¹⁶⁵. Цикады стрекотали на все лады, сопровождая обряды покаяния и чтение *Сутры о будде Амида*. Собравшиеся, слушая их, думали: «Так, наверное, поет птица калавинка»¹⁶⁶.

После окончания церемонии монахи и придворные разъехались. Дворец опустел. Только генерал не мог уйти.

Поднимался речной туман, скрывая гору и дорогу. Журчание воды, которая с трудом пробивалась через запруду, навевало печаль, и Сагоромо, всхлипывая, вошел в павильон для уженья,

стоявший над рекой. Вглядываясь в открывавшуюся перед ним картину, Сагоромо произнес:

— В мире непрочном
Все изменилось.
Только плотина
На реке Ои
Времени неподвластна¹⁶⁷.

Он стал читать из *Лотосовой сутры*: «Благодеяния, которые мы совершаем в честь Будды...»¹⁶⁸ Слова, произносимые Сагоромо, проникали в души глубже, чем чтение молитв в течение церемонии. Услышав его, Молодой господин закричал: «Хочу туда!» — и кормилица Сайсё, взяв его на руки, пошла в павильон для уженья.

— Уже стемнело, и я укладывала Молодого господина спать, но он слышал ваш голос и пожелал увидеть вас, — сказала она генералу.

Подойдя к мальчику, Сагоромо сказал:

— Сегодня вечером я возвращаюсь домой. Ты эту ночь поспи у принцессы-монахини, а завтра рано утром я снова приеду сюда.

— Принцесса-монахиня все время читает сутры перед статуей Будды. Она никогда не берет меня на руки. Я хочу спать только с тобой.

— Как же мне быть? — сказал Сагоромо, охваченный жалостью к нему. — Сегодня вечером мне обязательно нужно кое-что сделать, поэтому я должен ехать к отцу...

— Но завтра приходи пораньше.

Он был так красив в лунном свете, что за него становилось страшно.

— Возвращаясь в свою комнату, — уговаривал Сагоромо, но мальчик никак не уходил от него.

— Сними тихонько замок с двери в часовне, где находится принцесса-монахиня. Я хочу помолиться Будде. Заглянем туда вместе, — шепнул Сагоромо.

— Я не хочу туда. Бог Фудо¹⁶⁹ такой страшный! Что, если он тебя съест?

Он хотел напугать Сагоромо, но было видно, что он сам боится. Сагоромо стало его жалко.

— Нужно войти туда тихонько, чтобы бог ничего не узнал.

— Решеток еще не опускали. Иди за мной, — прошептал мальчик с очаровательным видом.

— Если мы войдем через переднюю дверь, бог обязательно нас заметит. Сними запор с боковой двери с западной стороны. И никому ни слова!

Сагоромо говорил с сыном как со взрослым. Молодой господин вошел внутрь. Снедаемый нетерпением, Сагоромо осторожно приблизился к часовне со стороны, которая находилась в густой тени, и притаился под дверью.

Принцесса-монахиня в тот вечер окончила церемонию повторения миллиона раз имени Будды и еще оставалась перед статуей. Решетки не были опущены. Горели лампы. Принцесса отодвинула переносную занавеску и немного продвинулась за раздвижную перегородку. Опираясь на скамеечку-подлокотник, она смотрела на открывающуюся перед ней картину: показавшаяся на небе луна заливала светом гору Огура. Можно было ясно видеть фигуру принцессы, короткие волосы, рассыпавшиеся по плечам и падавшие на лоб, выражение круглого лица. Освещенная луной, принцесса была столь очаровательна, что, казалось, именно в тот момент ею и надо любоваться. Дама Тюнагон, глядя на нее, пожалела о том, что ее госпожа стала монахиней. «Если бы сейчас генерал, который днем и ночью донимает меня просьбами, увидел принцессу...» — подумала она.

Как раз в это время до часовни донесся голос Сагоромо, читающего сутру в павильоне для уженья. «Он все еще здесь! Генерал домой не уехал», — заговорили дамы и опустили решетки. Принцесса толкнула переносную занавеску в темную часть зала и сама отодвинулась от раздвижных перегородок. Было тихо, слышалось только, как падают бусины четок на скамеечку, на которую облокотилась принцесса. Она приняла монашество уже давно, но до сих пор при взгляде на нее людей охватывала жалость.

Дамы разошлись по своим помещениям и легли спать. Принцесса принялась читать сутру, и Тюнагон сидела за раздвижными перегородками, очарованная ее голосом. Увидев, что Молодой господин беспокойно ходит неподалеку, она спросила у кормилицы Сайсё:

— Почему Молодой господин все еще не спит? Генерал уехал?

— Молодой господин тоскует по генералу и никак не ложится.

— Бедненький! Почему же генерал не остался здесь ночевать? — вздохнула Тюнагон, обнимая Молодого господина.

— Сагоромо сказал, чтобы сегодня я спал в покоях принцессы-монахини, а рано утром он придет за мной.

— Ах, вот почему вы против обыкновения заглянули к нам, — засмеялась дама.

Принцесса-монахиня оставалась на своем месте. Молодой господин ходил взад и вперед, и никто не заметил, как он снял легкий запор. Дверь чуть скрипнула, и ветерок донес чудесное благоухание. Невозможно было не узнать этот аромат. Принцесса невольно оглянулась — и увидела тень мужского головного убора. Охваченная ужасом, она бросилась в маленькую молельню и попыталась закрыть за собой раздвижные перегородки, но руки ее так дрожали, что она никак не могла с этим справиться. Сагоромо помнил, как в такую же лунную ночь принцесса ускользнула от него, оставив на постели, где она лежала без сна, одежду, залитую слезами. «Если опять повторится такое, я стану точь-в-точь младшим военачальником Фусэго»¹⁷⁰, — думал он в страшном волнении. Даже подола одежды принцессы не было видно. Беспредельно опечаленный такой жестокостью, Сагоромо хотел было сломать перегородки.

Принцесса наконец смогла закрыть запор, но, сильно дрожа, не могла двинуться дальше и лежала возле перегородки. Поняв, что она заперлась, Сагоромо жаловался на судьбу. Но в молельне, как в кладовых, не было другого выхода, и у него отлегло от сердца. Он не стал рвать бумагу перегородок, а приник к ним и, утирая рукавом неудержимые слезы, произнес:

— У меня и в мыслях не было приближаться к вам ближе, чем я теперь нахожусь. Отделенный от вас, я хочу только сказать вам все, что у меня на душе. Долгие годы я сожалею о том, что не смог сдержать порыва сердца. Какой горький урок для меня! Пожалуйста, не относитесь ко мне как к постороннему.

Заливаясь слезами, Сагоромо проникновенно говорил о том, что томило его душу, о своих терзаниях, начиная с того времени, когда непреодолимая сила заставила его войти в дверь из твердых пород. Он жаловался на то, что принцесса не понимала, как сильно он втайне от людей любил ее... Я не в силах передать всю печаль этих признаний.

— Вы не должны сомневаться во мне, ведь у нас есть сын, о судьбе которого я сильно беспокоюсь. Мне рассказали, как ваша матушка в день его рождения произнесла втайне от всех похвально-стихотворение о «молодой сосне, что растет на скале»¹⁷¹. К моему душевному потрясению добавилось страшное смятение, когда я услышал, что вы, вместо того чтобы полагаться на меня, решили прервать наши отношения и совершенно отрешиться от мира.

Его речь заставила бы склониться к земле и сосны, растущие на скале¹⁷².

— В ту снежную ночь, когда я, объятый горем, незаметно проник в ваши покои и от вашего бессердечия проливал в тоске столько слез на изголовье, что рыбак мог забрасывать удочку, тогда впервые до меня донесся плач нашего сына. Возможно, боги вняли моим мольбам, чтобы вы не отдавали его во дворец, и до сих пор я опекаю его. Любовь к ребенку привязывает меня к этому миру и не дает мне уйти в монахи. Против воли я женился... Я видел разорванный листок с вашим стихотворением: «Думала, что никому не суждено испытать...»¹⁷³ Во всем, что произошло, виноват только я. После женитьбы ничто меня не прельщало в жизни, кроме надежды говорить с вами. Сейчас же у меня на душе немного прояснилось, и я намерен выполнить свое давнишнее желание уйти в монахи.

Невозможно передать, с какой искренностью он говорил. Голос Сагоромо прерывался, он захлебывался от слез. Любая женщина при этом забыла бы все его бессердечные поступки и была бы готова подчиниться ему на тысячу лет, но принцесса-монахиня думала одно: «Только бы мне нигде не пришлось еще раз слушать его!» От страха она не могла пошевелиться. Между нею и Сагоромо была всего лишь тонкая перегородка, но у молодого человека и в мыслях не было преодолеть ее. Он думал только о том, что унесет с собой в монашество воспоминание об этой встрече. Принцесса, однако, не подавала признаков жизни. Сагоромо, в горестной тоске ощупав запертые перегородки, просунул в щель сложенную бумагу, снял запор и немного раздвинул их.

— Слышали ли вы, о чем я так долго говорил? Одно-единственное слово от вас явилось бы для меня утешением. Ваше молчание так жестоко, что я готов пойти на безрассудство... Я стал бы страшным преступником, но ваше бессердечие еще ужаснее.

Сагоромо взял принцессу за руку и произнес:

— Лодки с морской травой
Возвращаются
В мутный залив.
Рыбачка в родимой деревне
Бухту мечтает увидеть¹⁷⁴.

Скажите же мне что-нибудь...

В «Повести о мокрых от слез руках» дама, живущая во Дворце одаривания ароматами, заметив чувства кавалера, ответила ему: «Крепко связана корнем»¹⁷⁵. Принцесса отвернулась от мира, приняла постриг, и она думала только одно:

«Рыбачка родимой деревни
Собрала морскую траву,
Ничего на дне не оставив.
К чему приходить
И снова ее укорять?»¹⁷⁶

О, если бы я не дожила до этого!»

Казалось, она уже не дышит, и, как когда-то¹⁷⁷, Сагоромо с глубокой горестью смотрел на ее невыразимо жалкое лицо. Глубоко любя Гэндзи-мия и мечтая только о ней, Сагоромо в свое время никак не соглашался жениться на Второй принцессе. Он давно скорбел, что она навсегда покинула суетный мир и лишила его всякой надежды на встречу с ней¹⁷⁸, но в то время, так близко от принцессы, он приходил в сильное замешательство. Обуздав себя, он не стал мучить ее своими признаниями и только прикоснулся к ее густым волосам, когда-то таким длинным. Страшная печаль сдавила ему сердце.

— Разве это только моя вина? — произнес Сагоромо, но при этом думал: «Она, по-видимому, считает, что я живу беззаботно, совсем не задумываясь о ее страданиях. К моему стыду, она знает, что я до сих пор не порываю с суетным миром, но что у меня за жизнь? Отношения с женой таковы, что и глаза не глядели бы, ни одной ночи мы не спим вместе, и я в стенаниях провожу время до рассвета. Неужели она об этом не догадывается?» От отчаяния он чуть не падал на пол.

— Снова и снова себя укоряю.
 Но назад не вернется поток,
 Меж кольев текущий.
 Взгляни на меня —
 Разве я тот же, что был?¹⁷⁹

Хоть бы сегодня в последний раз вы выслушали меня...

От его слез стали мокрыми и его и ее рукава. Глядя, как по лицу его катится пот, принцесса подумала, что слова его, должно быть, правдивы.

— Мой грех связывает нас, и вы не должны меня совершенно от себя отринуть, — продолжал он. — Нашу связь нельзя расторгнуть, и поэтому хотя бы сейчас отнеситесь ко мне дружелюбно.

На сердце у него становилось все горше. Он не мог высказать всего, что хотел, и только слезы были способны выразить его чувства, — чтобы переплыть море, лившееся из его глаз, рыбаки должны были бы взять шест¹⁸⁰.

Из дам лишь Тюнагон неясно слышала Сагоромо и думала: «Как он страдает!» Ее, однако, охватывали опасения: «Не решит ли принцесса, что он проник сюда с моей помощью?»

Время приближалось к рассвету. Отрекшийся от престола император должен был скоро подниматься на утреннюю молитву. Принцесса, которая обычно в это время сосредоточенно молилась, очищаясь душой, сейчас находилась в таком забытии, что было трудно сказать, жива она или нет. Дольше оставаться было нельзя. Сагоромо поднялся. «Мы больше не увидимся, я непременно покину этот мир», — подумал он, но в сердце его все еще царил необычайное волнение.

Отныне буду
 Ждать терпеливо,
 Когда в мире ином
 Я встречу тебя
 У реки Трех дорог¹⁸¹.

Он никак не мог отпустить ее рукав и захлебывался от слез. Однако император Сага находился где-то неподалеку, и Сагоромо волей-неволей выпустил рукав и вышел из часовни. Ему казалось, что душа его вот-вот расстанется с телом. Он вышел в ту дверь, через которую вошел вечером. Вокруг стоял густой туман, и свет-

леющее небо наводило на Сагоромо невыразимое уныние. Он не мог собрать мыслей. Ему хотелось крикнуть вслед ускользающей душе: «Прочь от этого тумана, туда, где ярко сияет луна!»¹⁸²

«За пиком горы скрывается свет.
 Повремени, о луна,
 С собой меня унеси!
 Дольше в суетном мире
 Сил нет оставаться¹⁸³».

Но ты не скажешь: пойдем со мной...» — думал он с неизбывной печалью, глядя на небо. Мог ли он противиться своему желанию принять постриг? Покинув с трудом храм, он возвратился в усадьбу отца.

«Моя мучительная любовь ко Второй принцессе так долго не затихает. Кого еще могу я так упрекать и так жалеть? Ночью, глядя на нее, я чувствовал необычайную сердечную муку и любовь к ней. Она считает меня бессердечным, жестоким человеком. Сделанного не воротишь, и я смогу утешиться только тогда, когда оставлю тех, кого трудно покинуть. Принцесса не будет жалеть обо мне. Это Будда, видя наши горестные отношения, пожалел меня и внушил желание очистить сердце. Зло, совершенное покойной Второй императрицей, которая считала, что я причинил ее дочери несчастье и горе, навсегда разлучило нас и указало мне путь к Просветлению».

Он вспомнил о Молодом господине, любовь к которому привязывала его к дольному миру. «Что с ним будет без меня?» — подумал он. Но и эта мысль не поколебала его решения.

Сагоромо взял лютню, лежавшую неподалеку от него, стал наигрывать на ней и напевать «Мост через Асамудзу»¹⁸⁴. Он сам заслушался своего голоса и подумал, что ему надо призвать всю свою твердость духа, чтобы принять монашество.

Услышав пение, Хорикава подумал: «Оказывается, Сагоромо пришел сюда. Я-то думал, что он останется ночевать на равнине Сага. Почему он не зашел ко мне? Как только я заговариваю о его жене, он спешно меня покидает. Меня это очень огорчает, но я думал, что ему не по душе только жена, а он и меня избегает». По щекам его побежали невольные слезы.

— Не брани Сагоромо, — сказала госпожа, заплакав сама. — Он мне говорил: «Если этот мир станет мне совсем ненавистным,

я не смогу в нем долго оставаться». Нельзя допускать, чтобы он решил уйти в монахи.

Рано утром Сагоромо послал принцессе-монахине письмо:

«Наше свидание только увеличило мое сердечное смятение, и, выйдя от вас, я намеревался сразу уйти по непроходимым горным тропам далеко от этого мира. Однако Молодой господин просил, чтобы я пораньше пришел к нему, и я до сих пор не осуществил своего решения. Таким образом, к огорчению от вчерашнего вечера добавилось новое».

Он приписал мелкими знаками:

«Если бы в миг
Расставанья с тобой
Жизнь моя прекратилась!
Но нет — и тянутся бесконечно
Мрачные думы».

Дама Тюнагон, улучив момент, когда возле принцессы-монахини никого не было, развернула письмо и положила его перед ней.

«Несмотря на то что я стала монахиней, он пытается схватить меня за край одежды! Почему до сих пор длятся мои страдания?» — подумала принцесса, но она не стала упрекать Будду в бессердечии и всем сердцем погрузилась в молитву: «Поскорее уведи меня в свою Чистую землю!» Ни о чем другом она не думала, и присланное письмо осталось непрочитанным.

Сагоромо бесповоротно решил уйти в монахи. Все, что окружало его, казалось проходящим, и даже травы и деревья, на которые он обычно не обращал внимания, сейчас казались ему особенно прекрасными, и он не мог оторвать от них взора. Он думал отчужденно об отце и матери, — но как уйти из мира тому, кто явился в него позже?¹⁸⁵ «Не прикасаясь к дурному миру Пяти омрачений¹⁸⁶, уйти к святому Асита¹⁸⁷, с которым я связан клятвами», — думал он.

Невозможно было пропустить церемонию приношения богам нового урожая в храме Камо в одиннадцатом месяце¹⁸⁸. В ночь исполнения священных песен и плясок¹⁸⁹ туда приехало

множество придворных. Перед храмом горел большой костер, от которого было светлее, чем днем. Вытканые хризантемы переносной занавески, которая стояла перед Гэндзи-мией, казались живыми, цветущими у изгороди. Прислуживающие жрице дамы были одеты в красные платья из отбитого шелка на темно-красной подкладке, в затканые узорами платья такого же цвета и сверху в голубые китайские платья с темными узорами по светлому фону. Столь красивые одежды редко увидишь.

Нигде больше нельзя было услышать таких замечательных японских цитр и духовых инструментов. *Хитирики* звучал поразительно. Старейшина в платье, спущенном с одного плеча, танцевал «Этот конь», и его освещенная пламенем фигура поражала взоры. Детали я опускаю.

Потом старейшина стал вызывать талантливых людей¹⁹⁰. Некоторые из молодых чинов, робея, только смеялись и возвращались, ничего не ответив, на свои места. Слуги отпускали шутки, корчили гримасы, ходили вокруг костра. Все это было забавно. Время от времени падал снег, холодный ветер разносил повсюду дым, который ел глаза прислужникам у костра. Они смешно морщились. Сагоромо думал при этом:

«А в сердце огонь
Никак не погаснет.
Вьется дымок
Непрерывно
И мучит меня».

Решивший не сегодня завтра уйти в монахи, Сагоромо не должен был бы думать о Гэндзи-мией, но любовь его нисколько не утихла. Стало светать. Священные песни и пляски окончились. Придворные, искусные в музыке, принялись исполнять «обезьяньи пляски»¹⁹¹, петь и играть на духовых инструментах. Это было еще забавнее и очаровательнее, чем «называние талантов».

Сагоромо запел «Утреннюю звезду»¹⁹², шелкая в такт веером. Голос его был так красив, что, казалось, боги внимательно слушают его. Другие певцы смутились. Песни продолжались до самого утра. Когда придворные собрались разъезжаться, из-за занавеси от жрицы вынесли подарки: женские платья и вышитые шелковые накидки.

После той церемонии до самой весны не было ничего, что могло бы отвлечь Сагоромо от его намерения, и он решил тайно отправиться на остров Тикубу¹⁹³, но Молодой господин с каждым днем все крепче привязывался к нему, и узы любви к сыну не давали Сагоромо выполнить свой замысел. Однако его мать любила Молодого господина так же сильно, как он сам, и можно было не волноваться за сына. Навещая время от времени дочь, Сагоромо видел, что хотя жена его не относилась к воспитаннице плохо, но и не проявляла заботы, и Сагоромо мучился мыслями, что с ней станет после его ухода в монахи. Не вдаваясь в подробности, он сказал матери, что девочка не чья-то чужая дочь, и попросил позаботиться о ней. Мать при этом беспредельно изумилась и рассердилась на сына:

— Ты так далек от меня, что скрыл даже то, что это твой ребенок!

— Были причины, отчего я не сказал сразу. Да и как сообщить об этом жене?

Обиженная его скрытностью, госпожа заплакала.

— Как только представится случай, я приведу ее к тебе, — пообещал Сагоромо.

Время от времени появляясь у жены, он не испытывал к ней каких-либо чувств, но в связи со своим уходом в монахи ему становилось жалко столь благородное существо. Как она будет вспоминать о нем? Скажет, что у него жестокое сердце, что он совсем не думал о ней? Он не любил ее так, чтобы его чувство опутало его, как пуэрация опутывает ноги коня¹⁹⁴, но думал с печалью: «Хоть я и никчемный супруг, но благодарил бы судьбу, если бы она долго жила, не зная тревог».

Принцесса не обращала никакого внимания на его разговоры об уходе в монастырь. «Его слова — все равно что листья, унесенные ветром¹⁹⁵. Он твердит об этом, потому что не хочет больше жить со мной», — говорила она себе.

Собираясь на рассвете отправиться на остров Тикубу, Сагоромо вечером поехал к Гэндзи-мия. Мать его вместе с жрицей играла на цитре. Увидев Сагоромо, девица прекратила игру.

— Я так давно не слышал вас. Пожалуйста, продолжайте, — попросил он.

Больше всего на свете Гэндзи-мия мечтала превзойти других исполнителей на цитре и не хотела, чтобы такой виртуоз, как Сагоромо, слышал ее. Она не притрагивалась к инструменту, и Сагоромо почувствовал сожаление.

— Последнее время я часто вижу тебя во сне, — сказала его мать. — Это меня тревожит, и я все время заказываю молитвы о тебе. Выполни и сам обряд очищения. На горе Хиэй живет монах, который никогда не являлся в столицу. Тебе надо отправиться к нему, на семь дней затвориться в монастыре и, успокоившись сердцем, выполнить церемонию, предохраняющую от напастей. — При этом она вздохнула: «Ему нет подобного. Какая жалость!»

«Как она будет горевать обо мне завтра, именно в это время! — подумал Сагоромо, ничего не отвечая матери и сдерживая слезы. — Я стал совсем слаб сердцем...» Притворяясь спокойным, он сказал:

— Превосходная мысль! Но почему ты все время беспокоишься, сколько еще я буду оставаться в этом мире? Будда учил, что в нашем мире нет ничего прочного¹⁹⁶, и советовал принимать монашество.

— Не знаю, что ты будешь делать после моей смерти, но, пока я жива, и в шутку не говори такого. Пусть ты решил, как герои *Повести о реке Ои*¹⁹⁷, пусть ты и решил окончательно отринуть этот мир, но меня ты не должен оставить, — говорила она со слезами на глазах.

Она выглядела такой молодой и красивой, что никто не поверил бы, что это его мать.

«Уйдя в монахи, я никогда больше не увижу ее», — думал Сагоромо и в тот день не мог оторвать глаз от матери.

День клонился к вечеру. Госпожа ушла к себе во флигель. Все прислуживающие дамы пошли провожать ее, и возле жрицы не осталось никого. Сагоромо хотелось рассказать Гэндзи-мия о многом, но он сидел в глубокой задумчивости, опираясь на продолговатую балку.

— Приблизился час оставить этот мир...¹⁹⁸ — пробормотал он.

Сердце его слабело, он чувствовал, что если бы Беззвучный водопад¹⁹⁹ начал низвергаться, то трудно было бы остановить поток. Любовь переполняла его, грудь болела, но он произнес по возможности спокойным тоном:

— Давно я почувствовал отвращение к миру. Мне запрещают даже в шутку упоминать об уходе в монахи. Чтобы не огорчать родителей, я против своего желания молился, чтобы длилась моя жизнь, и много лет скрывал свои страдания. Каждый день я в страхе спрашиваю себя, что станет со мной? Что ты будешь думать, когда я стану монахом? От тебя я не получу весточки, даже дуновения от взмаха гусиных крыльев²⁰⁰. Говорят, что участливыми словами можно отдалить даже смерть... Но я благодарен, что твое равнодушие заставляет меня вступить на путь служения Будде, и, если думать о том, что нас ждет после смерти, это благо.

Несмотря на его наружное спокойствие, было ясно, что его стремления были сильнее, чем обычно. Когда Гэндзи-мия неожиданно для себя узнала о любви Сагоромо, она стала избегать его, а после избрания ее жрицей ему стало совсем трудно найти возможность излить ей душу. Однако у Гэндзи-мия еще не изгладились воспоминания о прошлом, когда они с Сагоромо были неразлучны, и она подумала: «Если он действительно примет постриг, какое горе причинит он родителям! Как они будут жить то время, которое им осталось?» Дрожа от страха, жрица сама готова была заплакать. Долго она ничего не могла ему ответить, и наконец, как будто про себя, произнесла:

— Даже когда ты молчишь,
Сердце за брата страдает.
А после слов твоих страшных...
Видно, сестрой для тебя
Я никогда не была...²⁰¹

Она была при этом столь очаровательна, что он должен был совершенно отказаться от мысли покинуть мир.

«Из-за кого это намерение возникло в моей душе? Задумалась ли она, почему я стремлюсь уйти в монахи и почему до сих пор откладываю это решение? Я стал помышлять о постриге потому, что полюбил эту несравненную красавицу. Она хочет, чтобы я еще оставался в этом мире, — если бы даже мне пришлось время умереть, я из-за нее не захотел бы переходить за гору Смерти, а если бы умер, молил бы Царя Исцеления²⁰² воскресить меня в течение сорока девяти дней», — думал Сагоромо.

— Ухожу, возвращаясь,
Сбиваюсь с прямого пути.
Так бесконечно
В сердечном смятенье
Блуждаю.

Даже сейчас я не могу не жаловаться на узоры на ткани от травы терпения²⁰³, — сказал он, и горькие слезы градом хлынули у него из глаз.

В комнату вошла дама, прислуживающая его матери, и Сагоромо, чтобы скрыть слезы, отвернулся и стал смотреть в сад. Вошла луна. Ветви деревьев были гуще, чем в других садах, их можно было сравнить только со стенами Сагоромо²⁰⁴, и сияние, проникающее сквозь них, навевало неизбытную печаль²⁰⁵. Шум ветра вызывал уныние. Тонко чувствующие люди оценили бы настроение подобной ночи. Вид же самого Сагоромо, погрузившегося в созерцание, был таков, что описать его невозможно.

Сагоромо придвинул к себе стоящую перед Гэндзи-мия цитру и, настроив ее в лад *осики-тё*²⁰⁶, заиграл пьесу «Волшебный мир небожителей»²⁰⁷. Звуки плавно поднимались к небу. Невыразимая печаль охватывала сердце.

Больше всего на свете Гэндзи-мия любила слушать, как Сагоромо играет на цитре, полностью отдаваясь своему искусству, но это бывало редко. Слушая необыкновенно проникновенное исполнение, Гэндзи-мия чувствовала восторг, а он подумал: «Буду ли я еще когда-нибудь играть перед ней? Пусть это останется на память обо мне», — и вдохновенно исполнил пьесу еще раз.

Слушавшие не могли сдержать слез и ждали, что на землю снова спустится небожитель. Мать Сагоромо, вспомнив, к чему привела его игра на флейте, в страхе поспешила к сыну. Она не решилась прервать столь дивное исполнение, но когда она, охваченная ужасом, проливая слезы, приблизилась к нему, Сагоромо самому стало страшно. Неожиданно ветер задул свирепое, небо стало грозным, и все в трепете ждали, что за этим последует. Раздались два громких удара грома; разлился невыразимо сладкий аромат — в нашем мире таких благоуханий не бывает. Всех охватил беспредельный страх, волосы встали дыбом. Замечательные звуки разбудили спящих. Прислуживающие дамы, переглядыва-

ясь между собой, не могли произнести ни слова. Молодые дамы не шевелились, и казалось, что жизнь покинула их.

В императорском дворце придворные, услышав удары грома, переполошились. «Как бы не испугался государь, — зашумели они. — Сама богиня Аматэрасу²⁰⁸ не могла не изумиться таким звуком!.. С каким удовольствием эту игру слушают боги в Камо!.. Это действительно редкий талант... В нашем мире еще много редкостного».

Гэндзи-мия всегда была боязлива, она пугалась и не таких необычайных вещей. Она чуть не теряла сознание, и мать Сагоромо старалась привести ее в чувство. Сагоромо понял, что и боги, и будды в изумлении внимали тающим звукам, но он чувствовал не радость, а страх от дурного предзнаменования, и только спрашивал себя, что с ним в конце концов будет. Генерал давно уже повторял себе: «В мире нет ничего прочного»²⁰⁹. О своей неутраченной тайной любви к Гэндзи-мии он думал одно: «За что на мою долю выпала такая судьба, что я не могу осуществить своих желаний и должен испытывать разочарование?» Он не хотел оставаться в этом мире даже на ничтожное мгновение.

В обитель прибыл Хорикава. Он выполнил несколько раз обряд очищения и долго молился богам Камо.

— Пожалуйста, отныне больше не играй на этом инструменте, — сказал он сыну. — Доставляя нам беспокойство, ты нарушаешь сыновний долг.

Он тревожился не даром.

— Последнее время мне снились пугающие сны. Наверное, это они и предвещали. Играя перед богами, ты их приводишь в потрясение, — продолжал отец, глядя в небеса.

«Что с ним было бы, если бы он проник в мой замысел?» — думал Сагоромо, и слезы готовы были политься из его глаз. Он ответил, что повинуется. Хорикава советовал, кого взять с собой сопровождающими на гору Хиэй²¹⁰, но Сагоромо, собираясь на рассвете на остров Тикубу, отвечал неопределенно. Он был погружен в собственные мысли, и на сердце у него было пусто.

— До наступления ночи я вернусь домой, а завтра рано утром отправлюсь на Хиэй. Утром мне сказали, что императрица-мать простудилась и чувствует себя плохо. Сегодня вечером я навещу ее.

С этими словами Сагоромо поднялся.

«Почему, отправляясь завтра в дальний путь, он захотел навестить императрицу-мать?» — подумал Хорикава. Но поскольку визит Сагоромо доставил бы большой удовольствие, то он не стал отговаривать сына.

— А я навещу ее завтра утром. Я не был сегодня во дворце и не мог знать о ее недомогании. Пожалуйста, передай ей мое почтение, — сказал он.

— Ее состояние не столь серьезно. Она даже считает, что об этом незачем сообщать государю, — сказал Сагоромо, выходя из комнаты.

— Кто у тебя сопровождающие? — спросил Хорикава и посоветовал взять еще одного, но Сагоромо, сделав вид, что не замечает его беспокойства, вышел.

Как мог Хорикава не опечалиться при этом?

Возвратившись в усадьбу отца, Сагоромо спросил у прислуживающей дамы, не спит ли Молодой господин. Принц поспешно вышел ему навстречу, потирая глаза, и сонным голосом стал укорять Сагоромо:

— Ты любишь только воспитанницу своей жены, а меня никогда на берешь на руки!

Он был несказанно очарователен.

— Вовсе нет. Я тебя люблю больше всех, — сказал Сагоромо, обнимая мальчика. Он не мог открыть ему своего намерения, и это очень его печалило.

«Я хотел заботиться о нем еще немного, до той поры, когда он начнет понимать, что к чему. Но это оказалось невозможным. Кто в будущем объяснит ему, почему я принял монашество? Он, вероятно, забудет, как я выгляжу. Пусть он вспоминает обо мне хотя бы во сне — это немного утешило бы меня». Печаль охватила Сагоромо, и он заплакал.

Ребенок присмирел и с недоумением смотрел на его слезы. Сагоромо был не в силах покинуть его. Но и переменить свое решение относительно колесницы с волами²¹¹ он не мог. Пытаясь развлечь Молодого господина, он не колебался насчет пострига. Однако сердце его слабело, и он горько плакал.

«Только слезы,
Не зная преград,

Уплывают рекой.
Я же никак не могу
От тебя отойти», —

подумал он. Разорвав связи с миром, он ни на мгновение не сможет забыть укоризненное лицо ребенка, и сердце его будет неудержимо стремиться назад.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Стих. неизвестного автора, Г № 468: «Сылет град... Уныла жизнь в горной деревушке. Никто ко мне не заходит, не с кем перемолвиться беззаботным словом». Также стих. Корэмунэ Хиротоки (ум. 1208), *Сэндзэй вакасю* (Собрание японских стихотворений, созданных за тысячу лет) № 323: «С чем сравню свое унынье? В глухой деревушке, где слышно только, как кричат олени, брезжит рассвет».
- ² Стих. Сонэ Ёситада, ГС № 421: «Как будто между скал вбили ледяные кольца... Капли воды неподвижны и тверды, как жемчужины».
- ³ Аналогичное место в ГМ (гл. «Упражнение в каллиграфии»): найдя в роще под деревом Укифунэ, думают, что это лисица-оборотень.
- ⁴ «Дерево без листвы и ветвей» — см. примеч. 14 к первой части.
- ⁵ Стих. неизвестного автора, СК № 1260 «Когда на рассвете я смотрю на луну, которая открывает небесную дверь, я тоскую по той, которая причинила мне столько горя».
- ⁶ *Тананаси-но обунэ* — слово из поэтического языка; встречается, в частности, в М № 58 и в К № 732.
- ⁷ В ладе *бансики-тё*, соответствующем зиме.
- ⁸ По-видимому, народная песня. Горы Сестры и Брата — горы Имо и Сэ.
- ⁹ Река Ясу — Млечный путь. Комментаторы в этом месте ссылаются на стих. неизвестного происхождения: «Почему так грустно поют птицы, живущие у небесной реки, где нет причин для печали?»
- ¹⁰ См. примеч. 39 к первой части.
- ¹¹ См. *Чанхэн-гэ* (Песнь о бесконечной тоске) Бо Цзюйи. После казни Ян Гуйфэй император Сюань-цзун, тоскуя о ней, послал даоса узнать, где она. Даос встретился с ней в потустороннем мире, принес от нее шпильку и ларчик и передал императору ее слова.
- ¹² ЯМ № 150. Некий император призвал однажды к себе в покои прислуживающую даму, но потом забыл о ней. Она от тоски бросилась в пруд Сарусава. Когда император узнал об этом, он отправился к пруду и велел придворным слагать стихи. Знаменитый поэт Хитомаро сочинил: «Вижу с печалью, что твои перепутанные волосы стали драгоценными водорослями в пруду Сарусава».
- ¹³ Под «травой терпения» подразумевается ребенок Асукаи.
- ¹⁴ Третья дочь Сага.
- ¹⁵ После смерти Второй императрицы в ее дворце на Первом проспекте жили Вторая и Третья принцессы и Молодой господин.
- ¹⁶ Первая дочь Сага.
- ¹⁷ Стих. Мибу Тадаминэ (X в.), К № 917: «Рыбаки говорят, что Сумиёси — прекрасное место для житья. Но долго оставаться в нем нельзя: там растет трава забвения, и ты меня скоро забудешь». Название местности Сумиёси можно понимать как «место, приятное для жизни».
- ¹⁸ См. примеч. 102 ко второй части.
- ¹⁹ Игра слов: *ама* — «рыбак» и *ама* — «монахиня». Подразумевается жилище Второй принцессы.

²⁰ В тексте, по-видимому, ошибка, и комментаторы предполагают, что здесь цитируется стих. Минамото Цунэнобу (1016–1097), *Цунэнобу сю* (Собрание стихотворений Цунэнобу) № 251: «Видю, как по речке спускаются плотогонцы. Сколько пройдет ночей, пока я привыкну к виду их корабельного шеста?» — что и отражено в переводе.

²¹ Стих. Минамото Муноэки, *К* № 315: «В горном селенье зимой особенно уныло: не видно ни души, все травы увяли...»

²² Стих. обращено ко Второй принцессе. Основано на стих. из *ГМ*: «Не забывая, сколько страданий принесло мне колено бамбука из Курэ, не в силах оставить нежный росток» (*НКБТ*, т. 17, с. 59). Бамбук из Курэ — бамбук черный (*хатику*), привезенный из китайского царства Курэ. Стих. Гэндзи обращено к ребенку его возлюбленной Санно-мия, отцом которого на самом деле является Касиваги; проникший в тайну, Гэндзи тем не менее не может не чувствовать к ребенку нежности.

²³ Т. е. он знает тайну рождения ребенка. Цитата из присланного вместе с картинками стих. Сагоромо.

²⁴ *Арану токуро* — «место, которого нет (в нашем мире)»; выражение, встречающееся в поэзии. Стих. неизвестного автора, *С* № 506: «Если бы можно было найти местечко где-нибудь за пределами нашего мира! Там бы я, в старости ставший столь безобразным, спрятался от людских взоров».

²⁵ Стих. поэтессы Канъин (нач. Х в.), *К* № 837, написанное в ответ на соболезнование Фудзивара Тадафуэ в связи с тем, что дама, с которой он был прежде связан, утопилась: «Снова и снова (восемь тысяч раз) угрызаюсь о невозвратном, и печаль подобна реке, которая никогда не возвращается к своему источнику».

²⁶ Отсюда начинается 5 год повествования.

²⁷ Мать Имахимэ занимала незначительное положение.

²⁸ Имеется в виду Гэндзи-мия.

²⁹ Вдова императора Итидзё.

³⁰ Стих. Сугавара Митидзанэ (845–903), *С* № 40: «Нежную зелень полей скрывает туман, но и сквозь эту завесу цветущие вишни льют благоухание».

³¹ Тоин.

³² Стих. из гл. 18 первой части. Варианты стихотворений могли считаться новым произведением, но Имахимэ не изменила ни одного слова.

³³ «Якунаки-но бансо» — произведение с таким названием до нашего времени не дошло. Комментаторы выражают сомнение в том, что такая повесть существовала; возможно, это был всего лишь устный рассказ.

³⁴ Т. е. поддался бы своему влечению к Имахимэ. Автор продолжает образы стихотворения.

³⁵ Под колючим кустом — так называемая народная песня (*фудзоку ута*), жанр, получивший распространение среди аристократов в эпоху Хэйан: «Под колючим кустом ласка играет на флейте, обезьяна на шитре, кузнецик отбивает ритм, а сверчок бьет в гонг» (*НКБТ*, т. 2, с. 439).

³⁶ Начало новогоднего поздравления в стихах: «Из неба и земли я сошью огромный мешок и наполнию его счастьем».

³⁷ Стих. Сагоромо к Асукаи в гл. 19 первой части.

³⁸ Намек на стих. Сагоромо к Асукаи в гл. 12 первой части.

³⁹ Отец Асукаи.

⁴⁰ В первой части (гл. 12 и 19) не говорилось, что Сагоромо принимали за сына главы Дворцовой стражи. Однако возможно, что глава Дворцовой стражи был одновременно главой Полицейского управления.

⁴¹ Митинари.

⁴² Асита (Асисэн) — мудрец, живший в Гималаях, который узнал от небожителей о рождении Шакьямуни, явился во дворец его отца и предсказал младенцу чудесную судьбу. Кроме того, в *ХК* Будда рассказывает о своем прошлом: когда он был всемогущим царем, он, желая узнать Великий Закон, объявил повсюду: если есть кто-нибудь, кто может объяснить его, он (царь) будет служить ему, как раб. Тогда явился мудрец по имени Асита, который и открыл царю Закон (т. 2, с. 206).

⁴³ Ребенок Асукаи.

⁴⁴ По-видимому, в столице Сагоромо ехал в экипаже.

⁴⁵ Стих. из *ГМ*: «Не превратился ли дым от костра, на котором сожгли ту, кого я знал, в облака? Глядя на них, я чувствую, как мило мне становится вечернее небо» (*НКБТ*, т. 14, с. 169).

⁴⁶ Поэтическое обозначение дворца.

⁴⁷ См. примеч. 87 ко второй части.

⁴⁸ Стих. из *ГМ*: «Разве нет даоса, который отправился бы на поиски умершей? Чтобы я узнал, где пребывает ее душа» (*НКБТ*, т. 14, с. 40). В стих. использованы образы *Чэнхэн-гэ* Бо Цзюйи; см. примеч. 11 к третьей части.

⁴⁹ Дочь отречшегося императора Итидзё, которая до этого была жрицей Камо, сестра царствующего императора, в дальнейшем — супруга Сагоромо.

⁵⁰ На сотый день после рождения ребенка над ним производился соответствующий обряд и устраивался пир.

⁵¹ Дочь кормилицы принцессы.

⁵² См. примеч. 102 к первой части.

⁵³ По поверью, горные птицы (самцы и самки) ночью спят отдельно друг от друга. Стих. неизвестного автора, *СК* № 1372: «Днем летают вместе, но расстаются на ночь горные птицы, и когда в зеркале самец видит далекий образ своей любимой, он громко кричит в тоске». Стих. основано на поверье, что в хвосте птиц-самцов находится зеркало, в котором на рассвете отражается находящаяся далеко самка.

⁵⁴ Непонятно, о чем изголоветь идет речь.

⁵⁵ Стих. Асукаи из гл. 21 первой части.

⁵⁶ Стих. Асукаи из гл. 21 первой части.

⁵⁷ *ХК* (т. 2, с. 222). Это ответ Шарипутры на слова дочери царя драконов, обращенные к Будде, о том, что она хочет достичь Просветления. После чего, преподнеся Будде драгоценность, которая освещала всю Великую вселенную, она в мгновение ока превратилась в мужчину, отправилась в чистый мир, находящийся на юге, села на драгоценный лотос и, достигнув Просветления, стала буддой.

⁵⁸ Пять омрачений — омрачение всей калпы, омрачение философской мысли, омрачение чувств, омрачение всех живых существ и омрачение жизни. Пять омрачений характеризуют вторую из четырех калп буддийской космологии (образования, пребывания, разрушения и небытия).

⁵⁹ Храм Сиппордзи (храм Водопада семи драгоценностей) на горе Инунаки.

⁶⁰ См. примеч. 193 ко второй части.

⁶¹ Первый министр — отец госпожи Тоин.

⁶² Стих. построено на омонимах: *мирумэ* — название водоросли и *миру мэ* — «видящий глаз». Военачальник имеет в виду: «разве вы не видите, кто я?»

⁶³ Жест отвращения и презрения.

⁶⁴ Прицам и принцессам мог присваиваться особый ранг, от первого по четвертый.

⁶⁵ Дворец покойного императора находился на Первом проспекте (от чего происходит его имя, Итидзэ, т. е. Первый проспект). Неподалеку от него была усадьба покойной Второй императрицы, где жил Молодой господин.

⁶⁶ Сагоромо вспоминает свое первое посещение Второй принцессы.

⁶⁷ Настил из толстых досок между двумя строениями во дворце, подобный коридору, который в случае надобности мог сниматься.

⁶⁸ Стих. Осикоти Мицунэ, К № 41: «Весенней ночью не видно ни зги. Не различаю цветов сливы, но можно ли не чувствовать их аромат?»

⁶⁹ Брат Тоин. По-видимому, он упомянут в гл. 6 первой части как заместитель второго советника министра.

⁷⁰ Тадасу — бог, обитавший в роще Тадасу близ нижнего храма Камо, который мог разоблачить ложь. Имя бога понимается как *тадасу* — «исправлять».

⁷¹ «Надеть мокрое платье» — оклеветать.

⁷² Стих. неизвестного автора, К № 509: «Не подобно ли мое сердце поплаву рыбака, ловящего рыбу у побережья Исэ? Ибо никак оно не может успокоиться ни на чем».

⁷³ Стих. неизвестного автора, М № 2708: «Как вода, что с грохотом несется / Средь зеленых распростертых гор Ина, / Где рядами голуби ютятся, / Лишь гремит молва о нас с тобою, / Тайная любимая жена!» Имеется в виду не фактическая жена, но только по названию.

⁷⁴ В бытность свою наследником престола император был связан с Сагоромо близкой дружбой (см. гл. 11 первой части) и, возможно, догадывался о его чувствах к Гэндзи-мня.

⁷⁵ Возможно, Сагоромо думает об Асукаи.

⁷⁶ Стих. неизвестного автора, КР № 3976: «Если в этом мире тебя, как водоросль мирумэ, мне видеть невозможно, пусть в будущем мире я стану рыбаком». Стих. построено на омонимах: *мирумэ* — название водоросли и *миру мэ* — «женщина, которую вижу».

⁷⁷ Стих. Хэндзэ, ВР № 798: «Каплям росы на листьях и у корней деревьев суждено одной за другой исчезнуть. Так же, одни раньше, другие позже, уйдут из этого мира все люди».

⁷⁸ Старое стих., источник неизвестен: «Я мечтаю о том, что не могли осуществить даже люди древности, собирающие, подобно мне, омежник».

⁷⁹ Дочь Асукаи.

⁸⁰ «Нас не замочило бы дождем» — имеется в виду, что он не расстался бы со Второй принцессой.

⁸¹ Под «гвоздикой» подразумевается Молодой господин.

⁸² Жрица Исэ (Третья принцесса) еще не переехала в загородную обитель и оставалась в столице.

⁸³ См. примеч. 61 ко второй части.

⁸⁴ Имеется в виду стих. из гл. 3.

⁸⁵ См. примеч. 9 ко второй части.

⁸⁶ Дама вспоминает стих. Сагоромо из гл. 5 второй части.

⁸⁷ Здесь, по-видимому, ошибка. Дело происходит до свадьбы Сагоромо, назначенной на восьмой месяц, в то время как упомянутый ветер (*когара*) дует в конце осени и начале зимы, т. е. в конце восьмого — начале девятого месяца.

⁸⁸ Стих. Абэ Киёюки, К № 556: «Завернул белые жемчужины в рукав, но они высыпались. Это мои слезы, оттого что не вижу тебя». «Белые жемчужины» — написанное под впечатлением прослушанной проповеди стих. основано на образе из ХК о зашитой в одежду драгоценности (см. примеч. 4 ко второй части).

⁸⁹ Монахиня имеет в виду, что Сагоромо будет относиться к жене так же бессердечно, как к ней самой.

⁹⁰ Под «исчезающей росой» подразумевается уходящая жизнь.

⁹¹ Заключение брака в древней Японии не носило официального характера. Получив согласие невесты, жених навещал ее в течение трех ночей в доме родителей. Только на третью ночь родственниками невесты устраивалось пиршество, что и являлось единственной церемонией бракосочетания.

⁹² *Асубитаку* я — название утраченной повести. Выражение обозначает дома бедных людей, топливом для которых вместо угля служит тростник. Нижеупоминяющийся младший военачальник является, по-видимому, ее героем.

⁹³ Стих. Ки Томонори, К № 207: «Осенний ветер ясно доносит крики первых прилетающих гусей. От кого принесли они с собой письмо?»

⁹⁴ Стих. Сугавара Митидзанэ (845–903), в котором описывается летящая в небе стая гусей, ВР № 322: «Как под струнами цитры, украшенной яшмой, наискось стоят колки, так по бумаге цвета зеленого мха бегут строчки».

⁹⁵ Под «блаженным заморским пределом» в стих. подразумевается жилище Второй принцессы. Японцы верили, что родина перелетных птиц (и, в частности, гусей) — блаженная, беспечальная страна, где нет ни старости, ни смерти. См. стих. Акадзомэ-эмон (даты жизни неизвестны), ГС № 275: «Не в силах подняться с постели, с грустью слушаю крики гусей, что с каждой весной улетают в родную беспечальную страну» (написано во время долгой болезни).

⁹⁶ Стих. неизвестного автора, К № 935: «Не рассеивается утренний туман на вершине горы, из-за которой прилетают гуси, — не рассеивается печаль у меня на сердце. Горечь жизни...»

⁹⁷ «Старый дом» — дворец, в котором жила Вторая принцесса. «Спать на ложе из трав» — спать во время путешествия, не дома. Имеется в виду, что Сагоромо даже на некоторое время не хочет оставаться у принцессы первого ранга.

- ⁹⁸ Шелк и одежда являлись эквивалентом денег. Одежда, преподносимая в подарок, представляла собой определенную абстрактную стоимость. Полный женский наряд, состоящий из множества платьев, был очень дорог.
- ⁹⁹ Стих. неизвестного автора, *К* № 217: «Подмяв под себя цветы *хаги*, лежит в горах олень. Не могу видеть его, но крик слышен ясно».
- ¹⁰⁰ Имеется в виду поэтесса Исэ, которая однажды послала в ответ на письмо чистый лист бумаги. См.: *Исэ сю* № 190 и 191.
- ¹⁰¹ См. примеч. 23 ко второй части.
- ¹⁰² Подразумевается Вторая принцесса.
- ¹⁰³ См. примеч. 10 ко второй части.
- ¹⁰⁴ Стих. Ки Цураюки, *КР* № 4665: «О, если бы поскорее исчез я из этого печального мира, в котором набегающие белые волны уносят с собой клонящийся тростник!»
- ¹⁰⁵ Стих. основано на игре слов: *аки* — «осень» и *аки* — «быть пресыщенным».
- ¹⁰⁶ Возможно, намек на стих. принцессы Киси, *СК* № 1210: «В мире печальном так повелось: привязываешься, потом рождается пресыщение. Разве не лучше, если наши встречи будут так же отделены друг от друга, как нити в редкой ткани, из которой рыбаки, жгущие соль в бухте Сума, шьют себе платье?»
- ¹⁰⁷ По-видимому, имеется в виду стих. Фудзивара Морофуму, сочиненное во время поэтического турнира в 972 г., 28 дня 8 месяца, в доме принцессы Киси, *Онна си-но мия утаваэ* (Поэтический турнир у Четвертой принцессы) № 29: «Если даже ты спрячешься на вершине горы, скрытой восемью слоями белых облаков, разве я, раздвинув их, не найду тебя?»
- ¹⁰⁸ Обряд первого надевания штанов на детей совершался в возрасте от 3 до 7 лет. Обряд должен был выполняться самым пожилым из близких родственников, имеющим наиболее высокое положение, который завязывал ребенку пояс штанов. Штаны к обряду готовил кто-то из семьи.
- ¹⁰⁹ Стих. неизвестного автора, *К* № 709: «Так много деревьев, которые обвивают жемчужные лозы (т. е. так много женщин, которых ты посещаешь), что недостойно мне, что наши отношения не прерываются».
- ¹¹⁰ «Надеть мокрое платье (на кого-то)» — оклеветать кого-то. *Ама* имеет два значения: «монахиня» и «рыбачка»; под «рыбачкой» подразумевается Вторая принцесса. Сагоромо желал бы, чтобы кто-нибудь распустил слухи о его связи с Первой принцессой, равно как и со Второй принцессой.
- ¹¹¹ См. примеч. 53.
- ¹¹² См. примеч. 24.
- ¹¹³ См. примеч. 57 к первой части.
- ¹¹⁴ Монахи, выполняющие различные элементы службы: чтение сутр, провозглашение заклинаний, разбрасывание цветов и т. д.
- ¹¹⁵ Выражение «переходить с одной темной тропы на другую» — имеет буддийское значение «из одного заблуждения впадать в другое». См. *ХК*: «Все живые существа все время мучаются; слепые, они существуют во мраке без наставника, который указал бы им правильный путь. Они не ведают пути, который приводит к прекращению страданий, не ищут освобождения от земных страстей.

- В течение долгой ночи усиливается их злая участь. Даже небесная рать устремляется к гибели. Все из одного заблуждения впадают в другое и никогда не внимают имени Будды» (т. 2, с. 20). На этом отрывке основано и стих. Идзуми-сикибу (*Идзуми-сикибу сю*), № 151: «С одной темной дороги перехожу на другую. О, луна над гребнем горы! Освети мне далекий путь!» (имеет буддийское значение).
- ¹¹⁶ См. примеч. 123 к первой части.
- ¹¹⁷ *ХК*: «Свет белого волоса Будды освещает восток и наполняет 18 000 стран золотым блеском. От ада вечных мучений до верхних пределов вселенной, во всех мирах существа идут по шести кругам перевоплощений» (т. 1, с. 24). Свет белого волоса (*урнакеша*) — белый волос между бровями, один из 32 признаков Будды. Ад вечных мучений — последняя из 8 ступеней горячего ада, где грешник обречен на вечно повторяющееся перерождение для тяжелых мук.
- ¹¹⁸ См. примеч. 150 к первой части.
- ¹¹⁹ Отсюда начинается 6 год повествования.
- ¹²⁰ Экипажи, в которых с четырех сторон были окна.
- ¹²¹ Офицер Личной императорской охраны, посылаемый на праздник Камо, который должен сопровождать и охранять жрицу.
- ¹²² День очищения жрицы. За три дня до праздника жрица выполняла очищение в реке Камо.
- ¹²³ Идеальная красота, в которой соединены 32 качества, по аналогии с 32 телесными признаками Будды.
- ¹²⁴ См. примеч. 4 к первой части.
- ¹²⁵ Стих. поэтессы Канъин, *К* № 837; см. примеч. 25 к третьей части. По-видимому, судьба Фудзивара Талафуса и утопившейся дамы стала сюжетом утерянной повести. Предполагается, что «Восемь тысяч сожалений» было прозвищем генерала, склонного к сожалениям, героя повести «Сам раскаивается».
- ¹²⁶ Под «священным деревом *сакаки*» понимается Гэндзи, ставшая жрицей.
- ¹²⁷ Стих. основано на игре слов: *афухи* (мальва) понимается как *афу хи* (день встречи); *ками* (бог) омонимично *ками* — «волосы».
- ¹²⁸ Под «кукушкой» понимается сам Сагоромо.
- ¹²⁹ *МК* № 1.
- ¹³⁰ Т. е. если бы жрица была скрыта от чужих глаз.
- ¹³¹ Т. е. когда дамы стареют. Стих. неизвестного автора, *К* № 892: «Постарела трава в роще Ооараки. И кони не ходят есть ее, и косари не идут косить». Ооараки — роща возле синтоистского храма Ооараки в пров. Ямато.
- ¹³² Во время праздника Камо кроме обряда очищения проводились ритуальные пляски, песенное шествие и шествие коней.
- ¹³³ Во время праздника Камо мальвой и багрянником украшали прическу и вешали их на занавеси.
- ¹³⁴ Отныне она называется Кокидэн по названию дворца, в котором проживает.
- ¹³⁵ См. стих. Сагоромо в конце гл. 3 второй части.
- ¹³⁶ Под «дорогой Фуруно» подразумевается дворец Кокидэн. Путь, который не привел к удовлетворению, — любовь ко Второй принцессе. Исоноками — синтоист-

ский храм в пров. Ямато, в котором поклонялись мечу первого императора Японии Дзимму, правившего, по официальной версии, в 660—585 гг. до н. э. В поэзии *Исоками* — постоянный эпитет к слову фуру (в данном случае — название дороги).

¹³⁷ Под «дорогой Фуруно» подразумевается Кокидэн, в котором уже нет ни покойной императрицы, ни Второй принцессы.

¹³⁸ Так сообщается о беременности.

¹³⁹ Стих. Фудзивара Аритоки (годы жизни неизвестны), С № 952: «Откуда растет дерево моих стенаний о невозможности встречи? Росток появился из одинокого корня». Стих. основано на игре слов: *наэки* — «дерево стенаний», *наэки* — «сокрушаться, скорбеть», *накэ* — «не иметься» (относится к невозможности встречи), а также *хиторинэ* — «одинокый корень» и «спать одному». Стих. имеет смысл: «С каких пор я начал стенать, что не могу встретиться с тобой? С тех пор, как сплю один».

¹⁴⁰ Имеется в виду Гэндзи-мия. «Спутанные узоры на ткани» — см. примеч. 51 к первой части.

¹⁴¹ В стих. отражено верование, что, увидев дух (т. е. душу человека, которая на время покинула тело), увидевший должен завязать подол своей нижней одежды, возвращая таким образом душу в тело и спасая человека от смерти. Стих. из *ИМ* № 110: «То дух мой был, / что отделился / от любви избытка... / Увидишь поздней ночью / еще — завяжи!» Также *ГМ*: «Мою душу, что от чрезмерных страданий покинула тело, верни, завязав подол нижней одежды» (*НКТБ*, т. 14, с. 334). Сагоромо имеет в виду, что только Гэндзи-мия способна удержать его от ухода в монахи.

¹⁴² Глава Палаты обрядов — отец Боин, супруги Хорикава, и, таким образом, дед Первой императрицы.

¹⁴³ В первых строках понимается жена Сагоромо, а под «другой женой» — сестра военачальника.

¹⁴⁴ См. примеч. 109 к первой части.

¹⁴⁵ Под «сияющей луной» подразумеваются красавицы, которых нет на упомянутой горе, но которых множество в столице.

¹⁴⁶ Намек на *Такэтори моногатари* (Повесть о Такэтори), герой которой обнаружил в коленце бамбука Лунную фею, Кагуя-химэ.

¹⁴⁷ Предполагается, что в этом месте цитируется стихотворение, но источник не установлен.

¹⁴⁸ Стих. Осикоти Мицунэ, С № 514: «Ветви *хаги*, обвив ноги оленя, повалили его. Так нижние листья оказались наверху, поэтому раньше верхних покраснели». Стих. написано в ответ на стих. Фудзивара Корэхира (876—938), С № 513: «Если белая роса сверху ложится на травы, почему нижние листья *хаги* осенью первыми меняют цвет?»

¹⁴⁹ По-видимому, цитата из семизначного китайского стих., но источник не установлен. Возможно, текст цитаты испорчен.

¹⁵⁰ Под «мискантом» понимается сестра военачальника; вторую половину стих. можно понимать двояко: «Хоть и нет знака с моей стороны» или «Хотя окружающие и не были бы согласны».

¹⁵¹ «Оградить веревкой» — сделать своим, т. е. жениться. Сагоромо выражает опасение, что у девицы есть муж, который подразумевается под «оленом».

¹⁵² Ответ на первое стих. Сагоромо. Под «мискантом» подразумевается сестра. Под «осенним ветром» — мужчины, напрасно стремящиеся добиться ее любви.

¹⁵³ Ответ на второе стих. Так много дам Сагоромо назвал своими, что военачальник сомневается, уделит ли он внимание его сестре.

¹⁵⁴ Стих. Аривару Нарихира, Г № 224: «Хоть и задул осенний ветер, который окрашивает в красный цвет листья *хаги*, но сердце мое остается неизменно привязанным к тебе. Ведь это не трава, которая быстро увядает».

¹⁵⁵ По-видимому, военачальник должен поговорить с другими членами семьи о замужестве сестры.

¹⁵⁶ Имеется в виду сестра военачальника.

¹⁵⁷ Стих. основано на омонимах: *ёси* — «тростник» и *ёси* — «причина». Сагоромо спрашивает, известна ли девице причина его волнения?

¹⁵⁸ Стих. Исэ; см. примеч. 32 к первой части.

¹⁵⁹ Мандала — «магический круг», буддийское символическое изображение вселенной или изображение Будды.

¹⁶⁰ См. примеч. 179 ко второй части.

¹⁶¹ Торжественное чтение восьми свитков *Лотосовой сутры*, продолжавшееся четыре дня, утром и вечером.

¹⁶² Десять частей света — восемь частей света, зенит и надир, т. е. всевозможные области. Жертвоприношение буддам десяти частей света — приношение еды и одежды буддам.

¹⁶³ *Юмэ-но сирубэ* (Знакомство во сне) — потерянная повесть. В ней, по-видимому, содержится описание церемонии Восьми чтений *Лотосовой сутры*.

¹⁶⁴ Четвертое снизу из шести небес среднего мира (мир нематериальных форм), рай Майтрея.

¹⁶⁵ Волшебная жемчужина (*нэй ходзю*) — жемчужина, добытая из мозга царя драконов, получив которую можно добиться исполнения любого желания. В буддизме является символом закона и добродетели.

¹⁶⁶ Волшебная птица, поющая в Чистой земле.

¹⁶⁷ В первой половине подразумевается уход принцессы в монахини. Под «плотинной» — любовь к ней Сагоромо.

¹⁶⁸ *ХК*: «Наша счастливая судьба в этом и в предыдущих мирах, благодеяния, которые мы совершаем в честь Будды, — все приведет нас к Просветлению» (т. 1, с. 156).

¹⁶⁹ Фудо (санскр. Арьячала патха) — дух, побеждающий нечистую силу; Арьячала патха — ипостась Будды, который, для того чтобы победить злых демонов и чувственные страсти, принял грозный облик. Однако в часовне должна стоять статуя Будды Амида, которому часовня посвящена, а не Фудо.

¹⁷⁰ См. примеч. 73 ко второй части.

¹⁷¹ См. стих. Второй императрицы из гл. 12 второй части.

¹⁷² См. примеч. 45 ко второй части.

¹⁷³ См. стих. принцессы из гл. 13.

¹⁷⁴ Под «лодками» подразумевается сам Сагоромо, который возвращается в дом принцессы. В стих. использована игра слов: *ама* — «рыбачка» и *ама* — «монахиня», *урами* — «горечь, досада» и *ура ми* — «увидеть бухту». Таким образом, под желанием увидеть бухту подразумевается желание высказать свою досаду.

¹⁷⁵ *Содэнурасу* (Повесть о мокрых рукавах) до нашего времени не дошла. Сюжет повести, по сохранившимся упоминаниям, таков. Младший военачальник и дама любят друг друга, но в силу каких-то обстоятельств дама поступает на службу во дворец и становится императорской наложницей. Герой продолжает любить даму и, воспользовавшись ее посещением родительского дома, проникает к ней и умоляет о любви. Дама, страдая, отвечает ему стихотворением: «Не говори ни о чем, мне ответить невозможно... Я как тростник, который живет, то плывя по воде, то погружаясь в нее, и который крепко привязан ко дну корнем».

¹⁷⁶ Стих. построено на омонимах: *ама* — «рыбачка» и *ама* — «монахиня», *укимэ* — «водоросли, плавающие на морской поверхности» и *укимэ* — «горький опыт».

¹⁷⁷ Имеется в виду первая встреча принцессы и Сагоромо; см. 3 главу второй части.

¹⁷⁸ Стих. неизвестного автора, Г № 1018: «Что может быть горше, чем жить без надежды на встречу с тобой и скрывать свою любовь от людских взоров?»

¹⁷⁹ В стих. использована игра слов: *куи* — «раскаяние» и *куи* — «кол, свая, столб». Также стих. из К № 837; см. примеч. 25. Во второй половине Сагоромо намекает на то, что принимает монашество.

¹⁸⁰ При плавании на лодках использовался шест, которым отталкивались от дна.

¹⁸¹ Река Трех дорог (*санцу-но кава, ватарикава*) — река, которую умерший пересекает в течение первых семи дней после смерти.

¹⁸² Подразумевается Чистая земля, рай Будды Амида.

¹⁸³ Возможно, под «горой», за которую склоняется луна на западе, опять подразумевается Чистая земля.

¹⁸⁴ *Сайбара* «Мост через Асамудзу» (*Асамудзу-но хаси*). Асамудзу (Асандзу) — река в пров. Эдзэн.

¹⁸⁵ См. примеч. 77.

¹⁸⁶ См. примеч. 58.

¹⁸⁷ См. примеч. 42.

¹⁸⁸ Аиниэ-но мацури (Аинбэ) — церемония в 11 месяце, в ходе которой император подносил богам колосья нового урожая; предшествовала церемонии вкушения риса.

¹⁸⁹ *Кагура* — синтоистское действо, цикл песен и плясок, посвященных богам, которые исполнялись вокруг костра. Главную роль в *кагура* выполнял старейшина, который сам танцевал отдельные пляски (в частности, «Этот конь», упомянутую ниже). Аккомпанировали песням и пляскам на флейте, *хитирики* (род гобоя), ударных и японской цитре.

¹⁹⁰ После исполнения *кагура* начиналось шутовское действо «вызывания талантливых людей». Старейшина вызывал к костру людей и велел назвать свои таланты. Ответы должны были быть как можно нелепее. Описание этой игры содержится в УМ, гл. 9.

¹⁹¹ «Обезьяньи пляски» (*саругаку*) — импровизированные комические танцы.

¹⁹² *Акахоси* (Утренняя звезда) — песнь, исполняемая в самом конце *кагура*, когда боги якобы возвращаются на небеса. Утренняя звезда — Венера.

¹⁹³ На острове Тикубу должен был находиться брат Асукаи.

¹⁹⁴ Стих. неизвестного автора, С № 1264: «Как пуэрария окутывает ноги коня на охоте, заставляя его спотыкаться, так ты связала меня узами». Пуэрария — травянистая лиана.

¹⁹⁵ Стих. Идзуми-сикибу из *Идзуми-сикибу дзюксю* (Второе собрание стихотворений Идзуми-сикибу), № 1539: «Проходят дни... Если бы ветер унес все мои думы, как он уносит опавшие листья».

¹⁹⁶ См. примеч. 33 к первой части.

¹⁹⁷ *Ои-но моногатари* (Повесть о реке Ои) — не дошедшая до нашего времени повесть. Предполагается, что в ней рассказывается, как мужчина и женщина, влюбленные друг в друга, замороженные звуками музыки, отправились в Чистую землю.

¹⁹⁸ По-видимому, это цитата из стих., но источник не установлен.

¹⁹⁹ Беззвучный водопад (Отонаси таки) — такой водопад действительно существовал (упомянут в МС № 61). Неоднократно упоминается в поэзии. Стих. из ГМ: «На горе Оно, где днем и ночью плачу в голос, вместе с моими слезами непрерывно струится Беззвучный водопад» (*НКБТ*, т. 17, с. 141).

²⁰⁰ Стих. неизвестного автора, Г № 777: «Раньше крик гуся громко звучал даже в Облачных чертогах, а сейчас, услышав его, я поняла, что все кончено» (послано мужчине, который, покинув даму, не посылал ей писем и чей голос она случайно услышала).

²⁰¹ Гэндзи-мия упрекает Сагоромо за то, что он ей, как постороннему человеку, признался в своем плане.

²⁰² См. примеч. 177 ко второй части.

²⁰³ См. примеч. 51 к первой части.

²⁰⁴ См. примеч. 102 ко второй части.

²⁰⁵ Стих. неизвестного автора, К № 184: «Видя, как лунный свет льется сквозь ветви деревьев, я чувствую, что пришла осень, когда сердце изнывает от печали».

²⁰⁶ *Осики-тё* — музыкальный лад классической музыки *гагаку*.

²⁰⁷ *Сэньюка* — пьеса *гагаку*, первоначально в ладе *тайсики-тё*.

²⁰⁸ Богиня солнца, верховное божество синтоистского пантеона.

²⁰⁹ См. примеч. 33 к первой части.

²¹⁰ Имеется в виду семидневное затворничество, которое Сагоромо должен осуществить по совету матери.

²¹¹ Имеется в виду одно из трех состояний на пути к нирване, в буддийском каноне представленных в виде трех колесниц. Три состояния (ступени) на пути к нирване суть следующие: перерождение в состояние *шраваки* (тележка в бараньей упряжке), в состояние *пратьека-будды* (оленья упряжка), в состояние *бодхисаттвы* (колесница с большими белыми волами.) Шравака — достигший Просветления через чтение вслух канонов. Пратьека-будда — человек, ролившийся в землях, где будды не появлялись, и приходящий к Просветлению своим путем без наставника (см. ХК, т. 1, с. 164, 166, 174).

Часть четвертая

1

— Известно ль тебе,
Что решил он
Свой блеск оставить,
Подобно яркой луне,
В черные тучи скользящей?

Но его необыкновенная судьба непременно исполнится. Догони его. Он очаровал меня вчера вечером игрой на цитре, поэтому я явился к тебе, — сказал мужчина чрезвычайно благородного вида в красивой парадной одежде.

Хорикава испуганно открыл глаза и не понимал, слышал ли он это наяву.

«Что значили эти слова?» — размышлял он в страхе и наконец догадался, что речь идет о Сагоромо. Его жена в тревоге спрашивала, что случилось, но Хорикава долго не был в состоянии что-либо произнести. Кое-как собрав мысли, он рассказал о видении.

— Был ли это сон или явь? Что бы это значило?

— Сагоромо все время погружен в задумчивость, но вчера он показался мне особенно мрачным. Почему я не оставила его у себя? Недавно мне рассказали, что для служб в Токива он приготовил много одежд для монахов. К чему бы это? Я уверена, что он решил принять постриг, — сказала она, дрожа от страха.

Даже короткое мгновение трудно выдержать состояние, в котором находились родители Сагоромо. Кое-как взяв себя в руки, Хорикава поднялся.

«Если он принял постриг, где он сейчас находится?» — подумал он и от отчаяния не мог сдвинуться с места. Но если вмешался бог Камо, Сагоромо монахом еще не стал. Эта мысль немного успокоила Хорикава, и он решил немедленно отправиться на поиски сына. Одевшись, он поехал к себе в усадьбу.

Там уже оседлали лошадей, все было готово к отъезду. Сагоромо хотел выехать до рассвета. Выходя из дома, он с изумлением увидел, как сопровождающие отца, торопясь, вводят в ворота экипаж, и двинулся ему навстречу.

При виде сына Хорикава залился слезами и обратился в душе к богу Камо с горячими словами благодарности. Глядя на отца, утирающего слезы рукавом, Сагоромо забеспокоился: «Почему он поспешно, глубокой ночью явился сюда? Что ему рассказали?»

— Какое безжалостное у тебя сердце! — воскликнул Хорикава. — Если бы у нас с твоей матерью было много сыновей и мы не любили бы тебя, как любим сейчас, ты и тогда не должен был бы поступать так своевольно. У тебя же братьев нет, и вся наша любовь принадлежит тебе одному. Ты сам знаешь, что, не видя тебя хоть даже короткое время, я очень тоскую и печалюсь, и тем не менее ты решил удалиться от мира. Ладно, обо мне ты мог бы и не подумать, но твоя мать живет одним тобой, другого утешения у нее нет, и если она тебя не будет видеть, она существовать не сможет. Пока длится ее жизнь, тебе не следует думать об уходе в монахи. И Будда говорил, как важно быть почтительным к родителям¹. Непочтительность к ним — препятствие на пути служения Будде. Все в нашей жизни предопределено деяниями в предыдущих рождениях. Если бы ты открыл мне причины своего намерения, я не стал бы неразумно останавливать тебя. Жить мне уже осталось мало, и если ты покинешь меня, к моей печали добавится стыд, потому что все будут порицать меня за то, что я все еще цепляюсь за этот мир. Оставаясь в нем, я впаду в неизбежный грех перед Буддой. Возьми меня с собой. Возможно, Будда и мне хочет внушить такую же мысль. Я-то согласен с тобой отправиться куда угодно. Но подумай о матери. Ее сердце не сможет успокоиться и в будущих мирах, и мы никогда не встретимся в последующих рождениях.

Долго говорил он, плача, о печальных последствиях поступка сына.

Сагоромо, в унынии слушая его, думал: «Каким образом он догадался о моем намерении, о котором не знала ни одна живая душа?» С давних пор он ценил и этот, и будущий мир не более чем росинку, но сейчас, видя, в каком смятении находится отец, он горько раскаивался. Когда же он представил себе состояние матери, он почувствовал боль в груди, и слезы невольно полились на его рукава. «Отец хорошо осведомлен о моих планах, сейчас уйти в монастырь невозможно, — подумал он. — Ничего у меня не получается!» Сагоромо испытывал страшное сожаление, гораздо большее, чем раньше, когда не мог решиться немедленно принять постриг. Он сделал вид, что совершенно не понимает, о чем говорит отец, и равнодушно ответил:

— Мне сказали, что состояние императрицы-матери не вызывает опасений. Но заболела монахиня из Токива, которая ко мне сердечно относится, и мне захотелось сегодня утром ее навестить. Может быть, сообщение об этом и ввело вас в заблуждение? Почему бы я неожиданно решил уйти в монастырь?

Несчастный Хорикава не мог оторвать рукава от лица.

«Сагоромо считает, что я неразумен и совершенно не забочусь о будущих рождениях. Два брата, Вималагарбха и Вималанетра, чтобы обратить отца, царя Шубхавьюха, в истинную веру, совершили различные чудеса², и отец, отринув ложное учение, вступил на путь служения Будде, выполнял обряды и стал бодхисаттвой Прорастающей добродетели. Если действительно Сагоромо собирается уйти в монахи, мне следовало бы первым принять постриг. Нельзя препятствовать ему в таком твердом решении», — думал Хорикава, глядя в блеске занимающейся зари на сына в редко надеваемом охотничьем костюме. Сагоромо о чем-то мучительно думал, и Хорикава предчувствовал недоброе.

«Если я и достигну Просветления, Сагоромо, находясь в средоточии свирепой вселенской бури, не успокоится, даже надев грубую рясу. Действительно, в период омрачения всей калпы³ усилия будд становятся напрасными», — думал Хорикава со скорбью и робостью.

Хорикава в ту ночь совсем не спал, и на него, измученного усталостью и горем, было больно смотреть. Сагоромо корил себя за грех сыновней непочтительности. Пытаясь утешить отца, он

повторял, что совсем не думает об уходе в монахи. Он проводил Хорикава в его покои и старался казаться совершенно спокойным, но страшная мука терзала его.

Утром Хорикава послал жене подробное письмо о том, как Сагоромо собирался уехать из дому. Могла ли она не благодарить бога, пославшего им предупреждение?

О сне мужа она рассказала одной Гэндзи-мией.

— Моли богов о милости, чтобы они каждый раз помогали отвлечь сердце Сагоромо от его намерения, — просила она жрицу.

«Не играл ли он на цитре особенно проникновенно потому, что задумал принять монашество? Как было бы печально, если бы он осуществил свой замысел!» — подумала Гэндзи-мия.

2

После внезапного ночного возвращения в усадьбу Хорикава, к недоумению окружающих, не находил себе покоя. Его жена, приехав домой, продолжала усердно молиться богам Камо, а Хорикава решил совершить паломничество в храм. В столице, не зная причины, удивлялись этому. Хорикава никогда не забывал заказывать молитвы о благополучии сына, но в тот раз он подробно объяснил дело монахам, в чудодейственные способности которых он верил, и сам присутствовал на службах, проливая горькие слезы. Монахи, услышав его рассказ, были испуганы и ревностно выполняли обряды, но при этом думали с печалью: «Сагоромо судьбой велено принять монашество. Как посмотрит Будда на наши моления?»⁴ Хорикава, считая, что Сагоромо находится в опасности, еще больше беспокоился о нем и не позволял сыну даже выходить из дому.

— Подожди немного со своим уходом в монастырь. Пожалуйста, не оставляй меня! — умолял он, проливая слезы.

Сагоромо мучился донельзя. Его сводила с ума мысль, что в столице пойдут толки о его желании покинуть родителей. Он снова и снова уверял их, что он не думал оставлять этот мир, и, стараясь не внушать им никаких подозрений, казался совершенно смирившимся, но в сердце не переставал сожалеть о неудаче и от своего намерения не отказывался. Пытаясь найти облегчение от мрачных дум, он написал Второй принцессе:

²¹ Повесть о Сагоромо

«Неужели судьба распорядилась, чтобы и в будущей жизни Вы презирали меня? Против воли я остался в суетном мире. Какое горе!

Как ни стараюсь,
Не в силах
Остров плавучий покинуть.
Как же рыбачка смогла
В широкое море уплыть?»

Меня берет стыд, как только представлю, что вы думаете о сердце человека, который, несмотря на все его желание, не уходит в монастырь».

Принцесса-монахиня, как обычно, чуть взглянула на письмо и подумала:

«Если б от жгучих страданий
Рыбачкой не стала,
Разве смогла бы
Остров плавучий
Навеки покинуть?»

Вспомнив, что бумага, на которой она писала для собственного развлечения, попала на глаза Сагоромо, она забеспокоилась, не прочитает ли он и это стихотворение, и не стала ничего записывать.

3

Все порицали Сагоромо за то, что он не навещал свою жену, но его родители об этом не заговаривали, предполагая, что он решил принять постриг из-за своего несчастливого брака. Они не хотели отпускать сына от себя даже днем, но, если бы он сидел взаперти, в свете начались бы досадные пересуды. Сагоромо никуда не ездил, чтобы развлечься, и никого не навещал, кроме жены. В нашем мире скрыть ничего нельзя, и вскоре о происшедшем стало известно. Многие сожалели о том, что Сагоромо решил стать монахом. Его жене слухи причиняли бесконечные страдания.

«Сагоромо не испытывал ко мне ни малейшей любви, но отец его неразумно настоял на нашем браке. Мужа жизнь со мной тяготит, и он решил покинуть мир», — думала она, и ей было мучительно встречаться с Сагоромо. Когда он время от времени появлялся у нее, принцесса очень редко приходила в его покои. Он ничего не рассказывал ей и вел себя как ни в чем не бывало.

Часто, лежа один в постели, Сагоромо не мог заснуть и думал среди прочего о том, что Асита⁶ заждался его, и плакал так горько, что от слез могло бы поплыть изголовье.

«Если бы мог я
Сейчас спать один
В горной глуши,
На циновке из мха,
Положив под голову камень...»

Днем он притворялся безмятежным и отвлекался от своих дум, но каждую ночь беспокойство охватывало его, и он понимал, что далее так жить невозможно.

4

Близились время паломничества Хорикава в храм Камо. Молодые придворные, назначенные для исполнения танцев, спешили подготовиться к назначенному сроку.

Жена Хорикава рассказала Сагоромо о виденном мужем сне. Итак, отцу было ясное указание... Светлые боги не гnevаются на Сагоромо за неутраченные чувства к их жрице и явили милость, заставив его остаться в юдоли страданий, но Сагоромо не мог не упрекать их и за избрание Гэндзи-мия жрицей и за запрет принять ему самому постриг.

Вы сами можете представить себе, как происходило посещение Камо. Служители храма недоумевали, по какому поводу верховный советник затеял такое пышное паломничество.

— Пусть светлые боги и дальше защищают генерала от напастей и заботятся о его будущем, обещанном во сне, — несколько раз провозгласил жрец проникновенным голосом.

Сагоромо про себя подумал:

«О, если бы боги
Обратились к исконным заветам!
Ведь не только о нынешнем мире,
Но о грядущих рожденьях
Думать пристало».

День клонился к закату. Исполнение танцев было замечательным, но я не буду подробно описывать этого.

Хорикава молил богов и окружал сына еще большей заботой, чем прежде. С тех пор как Сагоромо женился и переехал во дворец, в усадьбе на канале не обновляли его комнат, а когда он время от времени собирался там ночевать, родители уговаривали его ехать к жене. Однако после неудачной попытки генерала его покои заблистали, как в былые времена, родители днем и ночью заботились о нем, как пекутся только о дочерях.

«Надо постараться, чтобы он отказался от своего намерения. Ах, если бы нашлась девица, которая хоть немного бы утешила Сагоромо! Как бы твердо ни было решение мужчины уйти в монахи, красавица может заставить его забыть об этом. Как мы ни заботимся о нем, удержать его в этом мире мы не можем», — говорили родители между собой и пытались подыскать подходящую девицу. Все это было прискорбно.

5

О попытке Сагоромо принять монашество стало известно и на равнине Сага, и генералу рассказывали, что отрекшийся от престола государь отнесся к новости с сожалением и укоризной. Как Сагоромо и опасался, он стал предметом досадных пересудов. Беспокоясь, что вызвал неудовольствие императора-инока, он, испросив у отца разрешение, отправился к нему с Молодым господином.

Каждый раз, глядя на Сагоромо, отрекшийся император убеждался, что его красота становится все ослепительней. Он подумал, что такое совершенство не к добру, и у него из глаз начали катиться слезы.

— С младенческих лет я люблю тебя не меньше верховного советника, а ныне я даже передал тебе заботу о моих детях. Я уже

в преклонных годах и готовлюсь к тому, чтобы в скором времени отойти в иной мир. С неудовольствием я услышал, что ты собрался покинуть тех, кого я тебе поручил. Уход в монахи — достойный поступок, но и прискорбный.

Сагоромо не мог не признать справедливость упрека.

— Вам рассказали небылицы. Вы напрасно беспокоитесь. Крайне неприятно, если ко мне прилипнет кличка: «горная лягушка»⁷, — с очаровательной улыбкой сказал Сагоромо. — Разве я смогу оставить Молодого господина даже на пороге смерти?

Затем император-инок тепло беседовал с генералом о государственных и о различных частных делах.

Выйдя вечером от отрекшегося государя, Сагоромо направился к принцессе-монахини. Она находилась в часовне. Сагоромо вошел туда и приблизился к занавеси.

— Мне говорили, что вам стало трудно отлучаться из дому, — сказала Тюнагон. — Каким же образом вы так неожиданно пожаловали к нам?

— Ездить к вам не стало труднее, чем раньше, — ответил он. — Когда хочешь навестить кого-то... Разве не об этом сказано в стихотворении о мосте в Итада?⁸

Он заглянул за занавесь. Принцесса-монахиня и прислуживающие дамы скользящей походкой скрылись в глубине помещения. Сагоромо, оттолкнув переносную занавеску, прошел вперед. Коробка, в которой хранились сутры, осталась открытой. Вокруг лежали свитки, многие из которых были полностью развернуты⁹. Принцесса читала *Лотосовую сутру*. Со скамеечки-подлокотника свешивались оставленные четки. В воздухе реяли ароматы из иллиция священного¹⁰ и благовония, которыми были пропитаны одежды принцессы. Запахи взволновали Сагоромо. С умилением и печалью он вспомнил, как коснулся волос принцессы в их последнюю встречу. Ему захотелось увидеть ее, и он почувствовал, как слезы подступают к глазам. С чувством неизбывной печали он внимательно осмотрел все вокруг.

— Несколько лет я непрерывно думал о принятии пострига, но только желание увидеть принцессу-монахиню удерживало меня. После нашей последней встречи намерение покинуть этот мир усилилось, и я принял окончательное решение. Осуществить свое намерение мне, к беспредельному моему сожалению, не уда-

лось. Меня охватывает стыд перед принцессой за то, что я до сих пор не стал монахом, — говорил он, плача.

— Как вы себя терзаете! — ответила Тюнагон. — Я всегда была убеждена, что вы не сможете расстаться с Молодым господином. Поскольку вы взяли на себя его воспитание, моя госпожа не может не думать о вас. Виду она не подает, но страшно сожалеет о вашем решении покинуть этот мир.

— Теперь бесполезно говорить о моих чувствах к ней. Но если она думает обо мне, к чему мне спешить с уходом в монастырь? В свете ходят неприятные для меня слухи, и я больше всего опасался, как бы они не дошли до принцессы. Горькая у меня судьба: быть разлученным с ней не только в любви, но и монашестве...

Протянув руку, Сагоромо взял серый веер принцессы. От него исходили те же благоухания, что прежде, но рисунок теперь был намного проще. Чувствуя невыразимую печаль, Сагоромо написал на веере:

«Знакомое благоуханье,
Но рисунок не тот
И поблекли цвета.
Или то слезы
Глаза застилают?» —

и положил его на место.

6

Приближалось время пляски *Пять мановений*, и Кокидэн перебралась в усадьбу Хорикава¹¹. Верховный советник поселил ее в бывших покоях Гэндзи-мия и окружил заботой. Как мог отрекшийся император не быть ему благодарен?

«Если бы осуществились мои чаяния и она родила императору сына!» — горячо молил богов Хорикава.

Будущее от нас скрыто, но Сагоромо, размышляя о счастливой судьбе, ожидающей Кокидэн, не переставал корить себя за то, что вверг Вторую принцессу в страдания. Его мучило ее равнодушие к нему. Он горько плакал, и рукава его заставляли вспоминать лодочника на переправе на реке Удзи¹².

Гэндзи-мия была очень привязана к матери Кокидэн, Второй императрице, и не могла забыть писем, которые от нее получала. Она очень любила Молодого господина, и он так и льнул к ней, но теперь, к сожалению Гэндзи-мия, находится подле нее не мог. У жрицы были прекрасные отношения с Первой принцессой, которые стали более близкими, когда Хорикава взял на себя заботу о последней. Кокидэн была этому рада и часто посылала жрице замечательные письма. Читая их, Гэндзи-мия с грустью думала, когда она сможет вновь увидеть свою подругу.

7

В первый день третьего месяца перед покоями жрицы пышно расцвели вишни¹³. Днем, свободная от выполнения обрядов, Гэндзи-мия расположилась в комнате для причесывания и любовалась их видом. Небеса были светлы, все было залито мягким сиянием, поля за изгородью сада покрыты дымкой, повсюду разливался аромат цветущих деревьев¹⁴. Растущие перед покоями вечнозеленые *сакаки* казались рядом с покрытыми цветами вишнями еще прекраснее. Любуясь весенней картиной, Гэндзи-мия думала с сожалением: «Как там сейчас, в усадьбе Хорикава? Даже одну веточку с тех вишен я не могу теперь увидеть!

Махровые вишни!
Если б могла вдохнуть аромат
Хоть крошечной ветки!
Не забудьте отправить его
С ветром восточным»¹⁵.

Не дожидаясь ветра, она написала письмо Кокидэн:

«С веткой *сакаки*,
Что времени года не знает,
Письмо тебе посылаю,
Тоскуя о вишнях цветущих
В доме твоём», —

и послала, привязав к вечнозеленой ветке.

Вишни в саду Хорикава действительно были столь прекрасны, что их можно было сравнить только с деревьями, растущими на вершинах гор. Кокидэн, чтобы отвлечься от беспокойных дум о предстоящих родах, любовалась ими. Ей принесли письмо от жрицы. Зеленая ветка показалась ей удивительно красивой, и она с тоской вспомнила о годах, проведенных вместе с Гэндзи-мией.

«В обмен на вишневую ветку
Пришли еще раз
Листья *сакаки*.
Мило мне время,
Что провела в ограде священной», —

написала она и, выбрав самую прекрасную ветку вишни, отослала письмо в Камо.

Хорикава, возвратившись из императорского дворца, прежде всего направился к Кокидэн. Расположившись перед переносной занавеской, он рассказывал, как беспокоится император о ее здоровье, и передал ей привет от государя. Увидев полученную ветку, он сказал:

— Она должна напоминать вам о времени, когда вы были жрицей. Вы, наверное, положили ее рядом с собой?

— Я получила ее от Гэндзи-мией.

— Что она пишет? — заинтересовался он, и Кокидэн показала ему письмо.

— Какой великолепный почерк! — сказал он, улыбаясь.

Он несколько раз прочитал письмо, и будь оно написано кем-нибудь другим, недостатки при таком внимательном разглядывании не замедлили бы обнаружиться, но почерк Гэндзи-мией был таков, что ничего другого не оставалось, как поражаться его совершенству.

— Как удивительно переплетаются ваши жизни!¹⁶ — сказал Хорикава. — Гэндзи-мией с детских лет так любила эту махровую вишню, что, когда цветы опадали, она не могла оставаться спокойной. В мире нет ничего более загадочного, чем человеческая судьба. Каким удивительным вещам были люди свидетелями в древности! Мне было горько думать, что великолепная Гэндзи-мией останется без мужа, который мог бы оценить ее красоту, и я решил определить ее на службу во дворец. Но совершенно

неожиданно она стала жрицей Камо, и хотя я знал, что это высшая честь для девицы, в то время у меня сердце к этому не лежало. Теперь же я думаю, что ее судьба очень завидная. Участь женщины — знатна ли она или простолюдинка — полностью зависит от мужчины, с которым она связывает жизнь; она испытывает различные беды, подвергается злословию, и часто тайны ее сердца становятся всем известны. Если она не погубит себя по собственному легкомыслию, то, когда любимый мужчина умрет или покинет ее, она оказывается в крайне стесненном положении и ей ничего не остается, как оплакивать свою судьбу. Если бы Гэндзи-мией и не знала сердечных мук, если бы ее жизнь протекала в спокойствии, кто бы заботился о ней после моей смерти? Единственно, что огорчительно для ее будущих рождений, — став жрицей, она не может следовать пути Будды. Женщина, пусть и не жрица Исэ или Камо, без драгоценности, которая освещает Великую вселенную, буддой не станет¹⁷. Тем не менее в Гэндзи-мией счастливо сосредоточились тридцать два телесных признака Будды, и она так или иначе Просветления достигнет.

В комнату вошел Сагоромо, и отец, показывая ему письмо, тихо спросил:

— Ну кто еще может писать так замечательно? Вдова принца, главы Палаты обрядов¹⁸, знаменита своей каллиграфией, и действительно, ее почерк очень изящен, но Гэндзи-мией и ее превосходит. Или я пристрастен?

Сагоромо, глубоко убежденному, что у Гэндзи-мией ни в чем не может быть соперниц, письмо показалось совершенным чудом.

— Ни раньше, ни ныне такого удивительного почерка ни у кого больше не было, — произнес он, чувствуя страшное сожаление, что не женился на Гэндзи-мией.

Он вернул письмо Кокидэн. Как ни была она погружена в тревогу о близившихся родах, слова Сагоромо вызвали в ней зависть к Гэндзи-мией.

— Что же вы ответили, посылая цветы? — спросил Сагоромо.

— Мое сердце было полно печалью о вечнозеленых *сакаки*... Что же я могла написать о вишнях? — уклончиво ответила Кокидэн.

Сагоромо казалось, что он различает в ней незабвенные черты Второй принцессы. Это еще больше располагало его к Кокидэн.

Выбрав красивую ветку цветущей вишни, Сагоромо отправился к Гэндзи-мия. Она играла на цитре, которая виднелась из-за переносной занавески. Жрица была в трехслойном бледно-алом платье на светло-зеленой подкладке и вышитой двухслойной накидке из лощенного узорчатого шелка, рукава которых Сагоромо мог видеть.

— Тебе хотелось увидеть вишни, цветущие у покоев Кокидэн... — сказал он, протягивая ветку.

«Неужели он читал мои вирши?» — подумала она, покраснев. Если бы письмо увидел совершенно посторонний человек, ей не было бы так стыдно. Наклонившись вперед, она протянула веер, чтобы он положил на него цветы.

Увидев ее лицо, падавшие на лоб волосы, Сагоромо подумал: «За то время, что я не посещал ее, она стала необыкновенно красивой». Он все еще держал цветы и не отрываясь смотрел на нее. Слезы подступили к его глазам. Сагоромо боялся вызвать подозрения у прислуживающих дам, но справиться с собой было нелегко.

На тушечнице лежал ответ Кокидэн, и Сагоромо, взяв его, поднес к глазам, чтобы скрыть лицо. Он был, однако, так взволнован близостью Гэндзи-мия, что никак не мог прочесть написанного стихотворения.

Кокидэн не была особенно искусна в каллиграфии, хотя ее владение кистью не было заурядным, а манера писать с неравномерным нажимом кисти делала ее послания изящными. Сагоромо сразу же вспомнил стихотворение, написанное принцессой-монахиней. «Ее каллиграфия так красива, что, кажется, достигает мыслимого совершенства и намного превосходит это письмо. Кокидэн во всем несравненно ниже сестры, но все относится к ней с благоговением, как к супруге императора», — думал Сагоромо, страдая от сознания своего греха.

— Трудно решить, чей почерк лучше, Кокидэн или Третьей принцессы, — сказал он.

— Оба кажутся мне замечательными, — ответила жрица.

Она ничего не добавила о принцессе-монахине, на что надеялся Сагоромо.

— Обе сестры Кокидэн во всем кажутся безупречными. Отрекшийся от престола император особенно заботился о второй доче-

ри. Но — увы! — она не находила никакого интереса в жизни и стала монахиней. В последующих рождениях она, безусловно, достигнет самых высших ступеней. Многие хотели бы принять постриг, но, наверное, потому, что в предыдущем существовании их усердие было неглубоким, решительно порвать с дольным миром они не могут. Принцесса-монахиня полностью отдалась служению Будде, забыв обо всем, что могло бы привязать ее к суетному бытию. Как я ей завидую! Ко мне прилепилась обидная кличка: «горная лягушка». Ты, конечно же, слышала, что из-за виденного сна отец остановил меня на пути в монастырь. Нам трудно понять стремления других. В будущем мне суждено достичь высокого положения, но светлые боги не знают, что самым высоким является путь служения Будде, который они запрещают. Отцу во сне было объявлено, что мне суждено в конце концов достичь исполнения своих желаний. Так понимают и государь, и отрекшийся от престола император. Все становится известным, и мне обидно, что отец станет образцом неразумного родителя. Но если имелось в виду то, о чем я беспрерывно мечтаю, если боги действительно милостивы ко мне, этот сон должен исполниться иначе, чем он истолковывается.

Он грустно улыбнулся, и из глаз его полились слезы.

— Когда перестанет
Надеяться глупое сердце?
Снова я вижу,
Как мы идем
По мосту плавучему грез.

Обменяться с тобой клятвами еще труднее, чем слепой черепахе в океане попасть головой в отверстие плавающего дерева¹⁹, — сказал он тихонько Гэндзи-мия.

Она сделала вид, что почувствовала себя плохо, и прилегла, опираясь на скамеечку-подлокотник. Сагоромо смутился и отошел от жрицы.

В восточной стороне, в угловой комнате, собралось много дам, которые хотели отломить цветущую ветку. Сагоромо приблизился к ним.

— И вы, опасаясь гнева богов, скрываетесь от меня, а мне очень скучно, — сказал он.

Пожилая дама по прозвищу Синсёсё сказала:

— Ах, если бы можно было вернуть грезы юности! Но как же нам встречаться в священной обители?

— Как вы безжалостны! Потом мы будем сожалеть, что упустили возможность познакомиться поближе, не боясь богов, — пошутил он и, ни к кому не обращаясь, как бы невзначай сказал:

— Такой плотной стеной
Туман окружил обитель богов,
Что мимо прошел я,
Не сломав ветки
Цветущей вишни.

Дама ответила:

— Разве есть человек,
Который бы мимо прошел,
Не найдя просвета в тумане
И не сорвав
Ветки вишни цветущей?

Разве боги до такой степени строги?

— Очень приятно, что хоть кто-то готов отнестись ко мне с участием, — засмеялся Сагоромо. — Как же быть? Разве в древности не было такого в восточном флигеле?²⁰

— Стала бы я жалеть, если бы за встречу мне пришлось с жизнью расстаться!²¹ А что до чести в этом мире... — весело продолжала дама.

Слушая ее, молодые дамы от стыда покрылись потом.

Во дворе раздались оживленные голоса. «Кто бы это?» — подумал Сагоромо. Это был заместитель старшего советника министра, распустивший сплетни о Сагоромо и принцессе, который теперь состоял начальником служб при жрице; с ним его младший брат, недавно ставший вторым советником, и принц, бывший советником *сайсё*, ставший одновременно вторым военачальником Личной императорской охраны, а кроме них молодые придворные более низких рангов, которые явились играть в мяч.

— Забава эта, к цветам безжалостная, поднимает дух, — сказал Сагоромо. — Ну, начинайте поскорее.

Молодые придворные сняли верхние одежды, надели обувь для игры и вышли во двор. Из-за занавеси виднелись рукава дам, которые собирались смотреть на игру, — в обители жрицы одевались с более тонким вкусом, чем в императорском дворце, где высочайшие наложницы щеголяли модными одеждами. Красавцы придворные, стоявшие возле вишен, тоже были одеты изысканно.

Сагоромо стал убеждать на редкость красивого советника *сайсё* принять участие в игре.

— Это забава для юнцов, — отнекивался тот, но в конце концов поддался на уговоры, проявил в игре необыкновенную ловкость и вышел победителем. Сагоромо получил большое удовольствие.

— Мне тоже хочется спуститься во двор и принять участие в игре, но я уже немолод, — сказал он.

Дамы за занавесью стали его уговаривать:

— Разве не играл в мяч Серьезный генерал?²² Если вы решитесь, нам не будет жалко, что при этом осыплются вишни.

— Такое уничижительное прозвище ко мне подошло бы. Но как вы могли сравнить меня с Югири, который действительно был великолепным игроком? У меня вся охота играть пропала, — сказал Сагоромо с улыбкой.

Его очарование было столь необыкновенным, что все забыли даже о цветущих деревьях. Глядя на осыпающиеся вишни, Сагоромо тихо пробормотал:

— Прежде других опадает персик... Как чудесно, что после цветут вишни...²³

Он опирался на перила веранды, и его взгляды, вид, глаза... Я видела, как Касиваги говорил под цветущими вишнями: «Если бы ветер не срывал лепестков...»²⁴ Но и его нельзя сравнить с Сагоромо, как и никого другого.

День клонился к вечеру. Придворные расположились в передних покоях. На небе показался молодой месяц, красиво освещающий верхушки цветущих деревьев. Гэндзи-мия велела вынести гостям струнные инструменты, и каждый выбирал себе по вкусу, но Сагоромо ни к чему не прикасался. Заместитель старшего советника, воскликнув: «Ну, так не годится!» — стал настойчиво уговаривать его поиграть на цитре.

— Как я могу играть перед жрицей, которая сама мастерски владеет этим инструментом? — отказался Сагоромо и запел *Дева из*

Сакура²⁵, отбивая такт веером. Голос его был так красив, что сравнить с ним было нечего. Затем придворные замечательно играли на струнных инструментах и разъехались очень поздно. Жрица велела преподнести им накидки с прорезами и вышитые одежды.

9

Вечером десятого дня того же месяца Сагоромо находился во дворце жены, томясь скукой. К нему приблизилась дама Укон, которую в последнее время он недавно просил показать ему одну девушку, и сказала:

— Сегодня ночью как раз предоставляется удобный случай...

«Ну так что ж... Возможно, это отвлечет меня от моих мрачных мыслей», — подумал Сагоромо и, сев в экипаж, выехал из дворца.

Тусклый свет луны в тонкой дымке навевал на Сагоромо уныние. «Мое желание уйти в монахи так и не осуществилось. Я рассчитывал на помощь бодхисаттвы Фугэн, которого я ясно видел... Почему же я все чаще и чаще отправляюсь на поиски наслаждений? Желаящему отринуть суетный мир такое вовсе не пристало...» — подумал Сагоромо. У него пропало желание ехать туда, где его ждали, и он решил вернуться. Пока поворачивали экипаж, Сагоромо смотрел на кое-где обрушившуюся глинобитную стену, из-за которой виднелись верхушки вишен. Он подозвал Митисуэ и спросил, чей это дом.

— Покойного принца, главы Палаты обрядов. Здесь живет советник *сайсё*, который одновременно служит вторым военачальником Императорской охраны.

Сагоромо стало любопытно, он приказал подъехать к усадьбе.

Ворота были заперты. Ветер раскачивал ветви ив, цветы вишен почти облетели. Звуки лютни и цитры усиливали очарование. Все манило Сагоромо заглянуть в дом. Выйдя из экипажа, он через пролом в стене бесшумно вошел в усадьбу и подошел к тому помещению, откуда доносилась музыка. С южной стороны главного строения, возле лестницы, между двумя столбами ставни оставались открытыми. Музыканты, должно быть, находились неподалеку. Приблизившись к бамбуковой изгороди, Сагоромо прислушался. Игравший на лютне находился совсем рядом с

занавесью, а цитра звучала из задних покоев. На ней, по-видимому, играла сестра военачальника. Сагоромо вспомнил несравненную игру Второй принцессы и спросил себя, не уступает ли даже она здешней музыкантше. Сагоромо восхищался все более и более, но беззаботно игравшим исполнителям, видимо, наскучило, и звуки прекратились. Сагоромо был разочарован. Ему хотелось увидеть девушку, но никакой возможности заглянуть внутрь не было, и Сагоромо решил возвратиться.

В то время в западных покоях раздался совсем юный приятный голос: «Уступишь соблазну — последуют беспредельные муки. Если же нет — перед тобой откроется Закон...»

Сагоромо знал, что младшему брату второго военачальника было предназначено стать монахом. Сквозь решетку был виден свет, и Сагоромо, подойдя туда, заглянул внутрь. Все переносные занавески были сдвинуты в угол, и помещение полностью просматривалось. Пленительная женщина, не более тридцати лет, сидела перед пологом, опираясь на скамеечку-подлокотник, и читала сутру. Ею хотелось бесконечно любоваться, с нею Сагоромо не мог сравнить ни одну из виденных им дам. На белое платье было надето другое, неяркое, бледно-фиолетового цвета. И лицо, без малейших признаков грима, и волосы, небрежно падавшие на лоб, были обворожительны.

«Неужели это та самая девица?» — подумал было Сагоромо, но, как ни молодо выглядела красавица, все-таки она должна была быть старше сестры второго военачальника. Ее спокойные манеры располагали к ней. Она с улыбкой любовалась мальчиком лет семи-восьми, который произнес услышанные Сагоромо слова.

«Не мать ли это военачальника?» — подумал Сагоромо, но не верил этому, так молодо и очаровательно она выглядела. Сагоромо всегда считал свою мать несравненной красавицей, а теперь подумал: «Значит, есть женщины еще красивее, чем она». Если девица столь же хороша и к тому же моложе, может быть, сбудутся его чаяния? У него радостно забилося сердце. Он не мог заставить себя перестать любоваться дамой и покинуть усадьбу.

«До сих пор мои отношения с женщинами принесли мне одно только горе... Если второй военачальник старше меня... — размышлял Сагоромо, улыбаясь. — Это было бы непростительно, совершенно невозможно...»

— На дереве старом случайно
Цветущую ветку заметив,
Сломать ее захотел...
Не могу взора насытить
Красотою волшебной... —

пробормотал он и сам подумал, что сошел с ума.

10

Дама Укон с давних пор служила у его матери, и Сагоромо слышал, как она рассказывала, что у отошедшего от дел старшего советника есть единственная дочь, несравненная красавица, немного похожая на жрицу Камо. У Укон в доме советника были подруги, и она была там как свой человек. Сагоромо уговаривал ее показать ему девицу, но было нелегко устроить дело так, чтобы родители не узнали. В ту ночь как раз представилась возможность взглянуть на нее через щель в занавеси. По дороге Сагоромо увидел даму в усадьбе второго военачальника и был очарован ею. Ему совершенно расхотелось ехать в дом старшего советника, но тот жил так близко от усадьбы принца, и Сагоромо подумал: «Действительно ли она похожа на Гэндзи-мия?» Ему хотелось самому убедиться в этом, и он продолжал путь.

О его приезде доложили даме, с которой договорилась Укон. «Впустите его сразу же», — распорядилась она и повела Сагоромо через безлюдные помещения в комнату рядом со спальней девицы, ярко освещенную светильниками. Можно было признать, что девица действительно красива, но о сравнении с Гэндзи-мией и речи быть не могло. Разочарованный, Сагоромо возвратился домой.

11

Необыкновенная красавица, которую он так неожиданно увидел, не выходила из головы Сагоромо, и он промечтал о ней всю ночь до рассвета. Было бы досадно не открыть ей своего сердца, и Сагоромо решил, посылая письмо сестре второго военачальника, намекнуть о чувствах к другой даме.

«Облетающую вишню увидев,
Долго стоял в изумленье.
С той самой поры
Разноречивые думы
В сердце теснятся»²⁶, —

писал он.

В это время к нему вошел второй военачальник. Он был не-расторжимо связан с теми женщинами, и Сагоромо заговорил с ним дружелюбнее, чем обычно. Он даже хотел рассказать, как слышал музыку в усадьбе, но подумал: «Не надо говорить, что я тайком, совершенно непредвиденным образом посетил его дом. Если в дальнейшем представится возможность, я сам раз узнаю, кто эта дама, и определю, как быть». Внимательно разглядывая военачальника, Сагоромо думал: «Он очень красив, но на даму, которую я видел в свете ламп, не похож».

Тот, конечно, не мог догадаться о чувствах Сагоромо.

— Итак, дело, по-видимому, осталось без последствий? — спросил Сагоромо. — Вы говорили, что сестра готова завязать подол платья²⁷, и поэтому я до сих пор не ушел в монахи. Почему же вы теперь не помогаете мне? Меня задело, что ваша сестра не захотела ответить мне сама, и я подумал, что без разрешения родителей глупо посылать ей письма, которые могут невесте кому попасть на глаза, но, начав, я никак не могу этого дела оставить...

Он казался опечаленным, и военачальник обрадованно думал: «Похоже, он серьезно полюбил мою сестру».

— Я не могу один решать вопрос о ее замужестве. Через даму, которая прислуживает моей матери, я сообщил о вашем намерении, и мать ответила: «Что может привлечь в такой старомодной девушке? Жаль, если она покажется генералу совершенно заурядной, не понравится ему и его отношение к ней изменится. Мне досадно было бы думать о нем как о человеке бессердечном». Я изо всех сил старался разубедить ее, но, не зная ваших намерений, разве я сам мог не беспокоиться? Что касается моего ответа на ваше письмо, я с самого начала не хотел этого делать, но сестра страшно застеснялась и никак не соглашалась ответить вам. А мать сказала, что должно выполнять буддийские обряды и времени свободного у нее нет, и она поручила мне ответить вам как можно скорее. Никогда больше я не буду писать за других. С девочками в семье одно

²² Повесть о Сагоромо

горе. Когда умер наш отец, мать решила сразу же принять монашество и покинуть столицу. Сестра была еще мала и очень боялась монахинь. Узнав о решении матери, она ни на шаг от нее не отходила и все время плакала. Мать моя, не принимая монашества, влачила унылое существование. Я все время опасался, что она покинет дольний мир, поселится в глубине гор²⁸ и увезет с собой сестру. Недавно пришло настойчивое письмо от Первой императрицы²⁹: «Покойный глава Палаты обрядов говорил о своем желании отдать дочь на службу во дворец наследника престола. К чему оставлять ее в глубокой долине, где беззвучно течет речка?»³⁰ Но мать, не имея солидных покровителей, на это не решилась. Про себя, однако, она не перестает тревожиться и никак не может покинуть наш суетный мир, прежде чем определится судьба дочери. Расстаться с ней мать все равно не сможет: это узы, которые крепко привязывают ее к бренному миру. Если мужчина добился сносного положения, если при дворе им не пренебрегают — это уже благо и можно существовать спокойно. Если его постигнет неудача, он примет монашество, и поскольку никакие воспоминания не привязывают его к жизни, он может легко достичь Просветления. С женщинами другое дело. Если у нее нет мужа, который бы серьезно заботился о ней, она влачит жалкое существование и оплакивает свою жизнь. Даже со стороны больно смотреть на это...

На глазах его показались слезы. Было видно, что участь сестры беспокоила его. Сагоромо глубоко ему сочувствовал.

— Хотя ваша матушка мыслит определить дочь на службу к наследнику престола, я после всех ваших хлопот не могу не обратиться к ней с просьбой разрешить брак. Если ваша сестра поступит на службу во дворец, отсутствие у нее покровителей будет беспокоить вашу мать и в монашестве. Если же на ней женится человек с таким положением, как у меня, госпожа сможет всецело отдаться служению Будде и помыслам о будущей жизни, зная, что у дочери есть защита. Разве я не позабочусь о вашей сестре, хотя бы для того, чтобы успокоить вашу матушку? Что же до ваших опасений, как сложатся наши отношения, — дано ли нам предвидеть, куда увлечет нас сердце? Я не так легкомыслен, чтобы не думать ни о других, ни о себе, и как я могу совершить поступки, в которых потом буду раскаиваться? Все назойливо говорят о моем упорном стремлении к монашеству, — вы, наверное, тоже об этом слышали, — но горячее чувство к вашей сестре

полностью захватило меня. Почему же вы думаете, что потом этот жар погаснет? Как только я узнал о несчастном положении вашей сестры, не имеющей никакой поддержки, я понял, что теперь не могу сказать: «Жизнь, которую не жаль»³¹.

— Мы никогда не хотели отсылать ее к наследнику престола, но, узнав о вашем обнадеживающем намерении, мы все-таки робеем, ведь к такому ничтожному существу вы и вовсе охладее-те, — сказал военачальник, намекая на супругу генерала.

На душе у Сагоромо сделалось горько. Разве он забывал о «росинке на дороге»³² и не проливал о ней слез?

В это время принесли ответ на письмо к девице. Не зная, от кого оно, второй военачальник подумал с тревогой: «Он беспре-станно получает письма от женщин». Сагоромо догадался о его мыслях, и такое положение его позабавило. Он прочитал:

«К облетающим лепесткам
Сердце твое
Несудержимо стремится...
А что утешит тебя,
Когда умчится весна?»³³

Письмо, по-видимому, было написано матерью девицы, которую он видел накануне при свете ламп. Письмо было написано без подчисток, стихотворение написано в одну строчку, и почерк показался Сагоромо великолепным³⁴. Сагоромо с большим сожалением подумал, что эта несравненная женщина уже немолода.

Едва взглянув на письмо, второй военачальник понял, кто писал его, и сказал с довольным видом:

— Вы обманули меня... Но вам, наверное, опять не нравится, что вместо девицы вам пишет пожилая особа...

12

В первый день четвертого месяца Кокидэн без мучений родила девочку. «Как жаль, что не мальчика!» — вздыхал император Сага. Но государь был чрезвычайно доволен, это был его первый ребенок, и все церемонии, начиная с посылки меча³⁵, были для него внове. Я думаю, что могу не описывать первое купанье и продолжающиеся до девятого месяца пиршества³⁶.

Хорикава и Сагоромо относились к Кокидэн с особым почтением и заботливостью, и никто не подумал бы, что они были обмануты в своих ожиданиях. Ничто не омрачало счастливой судьбы Кокидэн. Император, горя желанием увидеть дочь, не мог дожидаться возвращения супруги, и когда девочке исполнилось пятьдесят дней, ее перевезли во дворец. Отец был в восхищении от дочери. Она была так красива, что даже кормилицы, привыкшие к прелести младенцев, говорили: «Редко рождаются подобные принцессы».

Государь ни на мгновение не спускал с нее глаз, держал ее на коленях и целыми днями нянчил ее. Удивительно было смотреть, как он менял грязные пеленки.

«Ах, если бы, как все надеялись, это был бы мальчик!» — думала Кокидэн с беспредельным сожалением.

Император всегда любил ее больше, чем кого-либо из других наложниц, а теперь все время проводил у нее. Это должно было тревожить других дам.

Императрица еще не была назначена. «Кокидэн во всем замечательна, к тому же она родила ребенка, — кто может с ней сравниться?» — думал государь и издал указ о ее назначении Первой императрицей.

— Второй раз... Что скажут боги Касуга?³⁷ — беспокоились придворные, но на это можно было не обращать внимания.

Первая императрица вскоре отправилась в усадьбу Хорикава. Ее покои были заново убраны, у нее было множество прислужниц, — употреблять при описании обстановки слова вроде «великолепно» было бы слишком банально. Все, кто мог видеть, в какой она жила холе, восхищались: «Узнав, что дочь стала императрицей, отец думает, что жизнь его не напрасна».

Второй же императрицей же стала мать наследника престола³⁸.

В седьмом месяце во время соревнований по борьбе Первая императрица возвратилась во дворец для участия в празднике.

Когда на наследника престола надели головной убор взрослых, к нему на службу поступила дочь правого министра, которую поселили во Дворце живописных видов, Рэйкэйдэн. Она

была гораздо старше наследника и вряд ли могла стать настоящей наперсницей в его развлечениях. Он сам мечтал о дочери Асукаи, о которой трогательно заботился Сагоромо, — она была еще слишком молода, и наследник с нетерпением ждал, когда она подрастет.

В свое время покойный глава Палаты обрядов поговаривал о своем желании отдать на службу к наследнику престола свою дочь. Принц не забывал о его словах. Он не мог решать по собственной воле, но и мать его говорила:

— В детстве она была необыкновенно хороша. Интересно, какой она выросла.

По ее совету наследник часто посылал девице письма. На них не обращали большого внимания: мать ее считала, что без государственной поддержки принять предложение было бы опрометчиво. К тому же, отправив дочь служить во дворец, она сама не сможет принять монашества³⁹. Госпожа проводила все время в беспокойных размышлениях, не зная, на что решиться.

Со временем красота девицы стала ослепительной.

— Ни император, ни наследник престола не будут ей достойной парой, — говорил второй военачальник. — Сагоромо давно уже намекает, что хотел бы получить сестру в жены, он был бы ей под стать. Отдадим же ее за него.

Несмотря на высказанное желание, Сагоромо настойчиво брака не домогался, а когда мать девицы услышала, что помыслы его обращены к Западной горе⁴⁰ и что он думает удалиться от мира, она стала относиться с недоверием к его словам и решила на брак разрешения не давать.

Период дождей пятого месяца еще не настал, но лил беспрепятственный унылый дождь. Сагоромо отправился к наследнику престола. Тот что-то сочинял, повсюду была разбросана исписанная бумага.

Заметив письмо на необыкновенно красивой фиолетовой бумаге, по-видимому только что полученное, Сагоромо, горя желанием прочитать его, пожурил принца:

— Почему вы мне не показываете, хотя бы изредка, что вам пишут? Ведь когда вас что-то беспокоит, вы сразу же посылаете за мной.

Не успев спрятать письмо, наследник неохотно протянул его генералу.

— Матушка советует мне писать дочери покойного главы Палаты обрядов. Это ответ на стихотворение, которое я написал по указке письмоводительницы.

— Она, конечно же, учит вас превосходно, — рассмеялся Сагоромо и стал читать.

«Дождь льет непрерывно.
В бурно бегущих ручьях
Никаких отражений...
Не уверяй же себя,
Что он кончится скоро...»⁴¹

В некоторых местах кисть еле касалась бумаги, почерк был еще нетверд, но похож на каллиграфию матери девицы — Сагоромо почувствовал в нем какое-то очарование молодости. Письмо оказалось замечательнее, чем можно было предполагать, и Сагоромо стало обидно, что сам он не получал от нее таких прекрасных писем.

«Чувствуется еще что-то детское, можно не беспокоиться — она так скоро не выйдет замуж», — подумал Сагоромо. Он никак не мог отложить бумагу.

— Письмо великолепно. Я хотел бы дать его в качестве образца каллиграфии воспитаннице жены, но стихотворение такого содержания... Это было бы несерьезно, — сказал Сагоромо. — Жаль, что теперь, найдя девицу во всех отношениях замечательную, вы будете пренебрегать нашей воспитанницей.

Наследник густо покраснел и с обидой ответил:

— Вы же сами не соглашаетесь, чтобы она въехала ко мне во дворец.

«Как он еще молод!» — думал Сагоромо, улыбаясь.

Взяв бумагу и придвинув к себе тушечницу, Сагоромо написал девице письмо:

«Доколе литься дождю?
Бурно бегущий ручей
Пену уносит...
И я, как пузырь на воде,
Скоро исчезну...

Не понимая, почему не имею удовольствия видаться с Вами, я не могу найти утешения...

Какая обида!
Никто не ступает
На мост Оборванной нити.
Но бесконечны следы,
Что ведут в Облачный терем»⁴².

— Кому это письмо? Пожалуйста... Мне хотелось бы взглянуть... — сказал наследник, но просил он напрасно.

Принц был красив и благороден, но перед Сагоромо он ощущал стеснение и робость.

— Мне все труднее жить в этом мире, и — ничего не поделаешь — я тайно завязал отношения с одной простой, но милой женщиной, не зная ее положения, — равнодушно произнес Сагоромо.

Наследник громко рассмеялся.

Он всегда показывал Сагоромо заслуживающие, на его взгляд, внимания любовные письма, полученные им. Генерал исправлял в ответах наследника места, небрежно написанные письмоводительницей, и подробно объяснял непонятные иероглифы. И в тот день наследник вытащил множество писем и с увлечением читал их Сагоромо, а тот говорил, как нужно отвечать.

В комнату вошел архивариус, и Сагоромо по виду его понял, что он принес письмо от сестры второго военачальника. Так оно и оказалось. Сагоромо прошел в помещение, где никого не было, и развернул было письмо, но туда заглянул тот самый клеветник, заместитель старшего советника. Сагоромо попытался спрятать бумагу, но поздно, и тот воскликнул:

— Даже теперь вы продолжаете получать тайные письма!

— Вы напрасно подозреваете меня. Дочь написала мне записку, и я не хочу, чтобы ее еще неумелый почерк попался кому-нибудь на глаза.

— В мелкой речушке
Чомге на дне
Не укрыться.
Ясно видны
Следы предыдущих хождений...⁴³

Ваши ответы невинны, но вам есть о чем вспомнить. Покажите же мне... — не отставал заместитель советника.

Сагоромо хотелось сказать ему: «Кто распустил обо мне гнусные слухи и причинил мне страдания?»

— За холмом притаившись,
Выжидает охотник добычу.
Так и ты собираешь
Вздорные слухи,
Чтобы вновь очернить...

Я хотел умолять о помощи бога Тадасу...⁴⁴ — ответил он.

Сагоромо подумал, что и это письмо было написано не самой девицей, что оно не могло быть особенно интересным, разорвал его на мелкие клочки и отдал их заместителю советника, с удовольствием видя, как тот был раздосадован.

14

Прочитав стихотворение сестры второго военачальника к наследнику престола о лужах во дворе, Сагоромо почувствовал досаду: «Она относится ко мне равнодушно, как к совершенно чужому человеку. Вторая императрица с покойным главой Палаты обрядов была связана родственными узами, и если она серьезно решила взять его дочь на службу во дворец, вряд ли вдова отдаст предпочтение мне со всеми моими тайнами».

Ему хотелось узнать более определенно о планах императрицы, и он отправился к ней.

Поговорив о том о сем, Сагоромо сказал:

— Наследник престола уже совсем как взрослый посылает письма дочери покойного главы Палаты обрядов.

— Ее отец все время просил меня позаботиться о его дочери, но на расстоянии я не могу быть ей полезной. Поэтому я решила определить ее на службу к сыну. Мать же настроена против службы дочери во дворце и мечтает отдать ее в жены надежному человеку, который был бы ей вместо отца, а сама уйти в горы. Дамы, которые давно служат у меня, в один голос говорят, что девица была ни с кем не сравнимым ребенком, и гадают, какой она выросла. У наследника престола и возникло желание увидеть ее. Я помню, как говорили: «Такой красивой девочки в мире больше нет».

Если бы Сагоромо вразрез с такими планами увез девицу, он бы не обобрался порицаний. Что стала бы думать императрица? Сагоромо было жалко и сестру, и наследника престола, но он давно слышал похвалы этой блистательной девице, и было бы обидно так и не встретиться с ней. Узнав о намерении императрицы, Сагоромо тем не менее от своих желаний не отказывался. Посылать письма девице открыто в дом — значило бы соперничать с наследником престола, поэтому Сагоромо все время писал девице через ее брата.

К императрице явился посыльный от наследника престола, и Сагоромо оставил ее. Он был сердит на второго военачальника и отправил ему письмо, полное упреков. Девице же он писал:

«Кто сильнее —
Принц или я —
Страстью пылает?
Чью любовь можно сравнить
С дымом над Асама-горой?»⁴⁵

Сколько бы наследник ни присылал писем, его любовь не может сравниться с моей. Хотя бы сегодня ответьте мне, а не ему...»

Письмо было написано великолепно. Что можно было возразить против переписки с Сагоромо? Но мать девицы советовала ей прежде всего написать наследнику престола, к которому нельзя было относиться неуважительно. Подумав, что дочь еще не может сочинить два разных ответа поклонникам, она сама взялась за кисть и написала Сагоромо:

«Станным мне показалось,
Что можно сравнить
Горенье в груди
С дымом, стоящим
Над Асама-горой».

— Вы думаете, что чувства Сагоромо неглубоки, но он настроен серьезно, — говорил второй военачальник. — Пожалуйста, отдайте ее генералу в жены. Наследник престола уже сейчас мечтает только о том, как подрастет дочь Сагоромо, которая воспитывается у его жены. Через два-три года она въедет во дворец. Как

сестра ни хороша собой, соперничать с дочерью Сагоромо она не сможет. Да разве служба у наследника так уж заманчива? Те, кто мечтает стать императрицей, утешаются этим в своих неимоверных душевных муках, а если стать императрицей никаких надежд нет, что им остается, кроме страданий? Если же сестра выйдет замуж за самого обыкновенного придворного вроде меня и если даже она будет жить с ним душа в душу, — что хорошего в таком незавидном положении? Сагоромо женат, но, судя по искренности, которую он проявляет к сестре, он не забудет ее. Он совсем не такой равнодушный человек, как о нем говорят. Если он хотя бы время от времени будет навещать сестру, ее жизнь будет радостна.

Мать с ним соглашалась.

15

Летом мать второго военачальника почувствовала себя плохо. Домашние считали, что это обычное недомогание от сильной жары. Сама госпожа особенно не беспокоилась и ждала, когда с приходом осени задует прохладный ветер, но страдала все больше и больше, и на душе у нее становилось все мрачнее. Госпожа ни о чем другом не тревожилась, кроме как о судьбе дочери: «Если я умру и оставлю ее в этом положении, что с нею будет? Второй военачальник полностью зависит от других, и как бы он ни стремился быть полезным сестре, что он сможет для нее сделать? Может быть, пока я жива, отдать ее в жены Сагоромо? На прислуживающих дам полагаться нельзя».

Сагоромо, не зная о ее душевных страданиях, спрашивал в письмах, как себя чувствует госпожа.

«Безропотно подчинюсь,
Каким бы ни было
Ваше решение.
Но к чему так жестоко
Мучить меня ожиданием?»⁴⁶ —

писал он.

Чувствуя себя плохо, госпожа ничего не отвечала. С каждым днем она становилась все слабее. «Доживу ли я до свадьбы доче-

ри?» — думала госпожа. Превозмогая болезнь, она дала приказания втайне все приготовить для брачной церемонии, которая не должна была быть роскошной, но выполненной с большим вкусом. Она чувствовала, что ее смертный час совсем близок, и приняла монашество. С обритой головой госпожа казалась еще моложе и красивее, и прислуживающие дамы очень горевали по поводу ее пострижения.

Могла ли дочь не думать, что скоро им предстоит другая разлука? Она горевала беспредельно, плакала не переставая, и мысли у нее мешались. Даже став монахиней, госпожа не могла совершенно отринуть от себя суетный мир и беспокоилась, что будет с дочерью после ее смерти.

Сагоромо, узнав о ее пострижении, вспомнил, насколько она была красива — казалось, что такой красотой невозможно пожертвовать даже для монашества, — и с сожалением думал: «Я больше никогда не увижу ее такой, какой она была».

Он написал второму военачальнику письмо с выражением сочувствия и, как обычно, вложил в него письмо для девицы. Тот сразу же отнес письмо к матери. Было ли это следствием ее пострижения, но в тот день она себя чувствовала немного лучше.

— Действительно, сердце его полно искреннего чувства, и было бы неразумно не пойти навстречу его желаниям, — сказала госпожа слабым голосом.

В письме к девице Сагоромо писал:

«Или мне суждено
С равнодушным лицом
Мимо тебя проходить
В горестном мире,
Где ты осталась одна?»

«Он все время посылает дочери письма, но, не получая ответа, должен считать ее бесчувственной», — подумала госпожа.

— Ответь ему сама. Я мечтала только о том, чтобы устроить твое будущее, а потом принять монашество и умереть спокойно. Но этому не суждено исполниться. Скоро я покину этот мир, так и не найдя тебе защитника. Я боюсь, что новое положение будет мучительно, и, чтобы о тебе не говорили как о неразумном существе, тебе лучше пойти навстречу желаниям генерала. Поэтому,

пока я жива, научись достойно отвечать на его письма, — сказала мать, глядя по голове дочь, которая, охваченная тоской, лежала возле нее.

Девница горько плакала и не поднималась. Госпожа придвинула к ней тушечницу и, приподняв голову, ободряла ее. Выражение лица девницы и спутанные волосы — все было столь очаровательно, что даже совершенно посторонний человек, которому предстояло отправиться в последний путь, взглянув только раз на нее, уже не смог бы отвести от нее взгляда. Как же могла госпожа, беспокоившаяся о судьбе дочери, спокойно с ней расстаться?

«Узнала впервые,
Насколько горька
Наша жизнь.
Как ни любила меня,
Мать отвернулась от мира...» —

написала девница, не вкладывая души.

Сагоромо так обрадовался, что наконец дождался ответа от нее, что, прочитав его, вспылал любовью еще больше, чем раньше. Жить без нее он не мог. Он сразу же написал ответ.

«Утром матери немного лучше, но надеяться на выздоровление еще нельзя. Сегодня я перевезу ее в храм, как я Вам говорил», — ответил ему второй военачальник.

16

У подножия горы Камэ⁴⁷, недалеко от храма Дзисин⁴⁸, покойный глава Палаты обрядов построил великолепный храм и часто проводил там время в непрерывных провозглашениях имени Будды Амида. После его смерти вдова дважды в год, в праздник Другого берега⁴⁹, ездила туда для совершения служб.

В ту осень она из-за болезни не могла совершить паломничество, но задумала: «Поеду в девятом месяце, чтобы помолиться усердно, а там и умереть». Когда она после долгого перерыва вновь увидела увитую лозами изгородь из сосновых кольев, ей стало еще более грустно⁵⁰. «Когда трава совсем увянет, а деревья облетят, с каким чувством дочь, оставшись одна, будет смотреть

на эту картину? — думала госпожа. Ее нестерпимо мучила только мысль о будущем девницы. — Нет, мне не следует тревожиться. Я не оставляю ее в безнадежном положении. Для меня же эти колебания становятся препятствием на пути достижения Просветления». Госпожа начала сорокадевятидневное затворничество. Внимая святым словам, она сожалела: «Я так долго оставалась в дольном мире... Почему я раньше не удалилась от него и не искупила хоть немного свои прегрешения?» Преодолевая страдания, она выполняла обряды, и ей все чаще приходило на ум: «Не исчезну ли я раньше, чем высохнет эта роса?»

Генерал каждый день через гонца справлялся о ее здоровье, и монахиня с признательностью думала, какая у него замечательная душа.

В двадцатый день месяца Сагоромо сам тайком отправился в храм. Как раз в это время второй военачальник по какому-то делу уехал в столицу. Луна еще не появилась на небе, не было видно домов, где бы можно было справиться о госпоже. Сагоромо остановился в нерешительности и осмотрелся: много больших часовен, благоговейная тишина, располагающая к молитвам и медитации, редкие кельи, там и сям темные заросли бамбука — это была обитель для долгой сосредоточенной жизни. С горы стекала река; вода с помощью бамбуковых желобов, направленных во все стороны, распределялась между домами. Зимой беспокойству не было конца: «Что будет, если вода станет как ледяные кольца?»⁵¹

Здание, в котором находилась мать второго военачальника, располагалось в стороне от храма. Журчащая в тесной долине река⁵² и скалы казались красивее, чем где бы то ни было. Насаженные во множестве клены были великолепны. Казалось, что никто не посещал дома, заросшего низким тростником. На цветах блестели, как жемчужины, капли росы. Ничего не было слышно, кроме стрекотания цикад. Махровый хмель поднимался до самой стрехи, не было видно человеческих следов, во всем чувствовалась печаль осени⁵³. Шелест листьев риса⁵⁴, непривычный для Сагоромо, и крики птиц *инаосэ*⁵⁵ наполняли его душу странными ощущениями. Вокруг никого не было видно, и глубокое уныние охватило генерала.

Госпожа после молитвы все еще находилась в часовне с изображением Девяти ступеней Чистой земли⁵⁶. Часовня была замечательно украшена, все дышало святостью, и могло показаться,

что это обитель самого Будды. «Почему я до сих пор не видел всего этого?» — подумал с сожалением Сагоромо. Неясно слышались голоса молодых монахов, читающих в кельях покаянные молитвы и *Сутру Будды Амида*. Все навевало тихую печаль, и трудно было представить, что здесь находится тяжелобольная.

Митисуэ двинулся в сторону, откуда доносились голоса, и попросил доложить госпоже, что прибыл Сагоромо. Удивившись его приезду, она велела разложить подушки перед занавесью, за которой лежала, и пригласила гостя войти.

Луна еще не взошла, но на небе сияли звезды. Генерал сидел на веранде, и монахиня, ясно видя его, убедилась, что он замечательно хорош собой. Дуновением ветра до нее донесло чудесный аромат, и она подумала, что действительно его нельзя сравнивать с обычными людьми. Он был гораздо красивее, чем она представляла по рассказам. Ей стало не по себе, и она с робостью спросила себя, может ли ее дочь быть ему достойной парой. «Надо было сделать все, чтобы выдать дочь замуж за такого человека. Почему я не устроила этого брака до того, как приняла монашество?» — укоряла себя монахиня. Волнение все больше и больше охватывало ее. С усилием подняв голову, она любовалась Сагоромо.

— Все это время я беспокоился о вашем здоровье, но из-за разных дел до сих пор никак не мог навестить вас. Я начал опасаться, не сочтете ли вы меня человеком равнодушным, несмотря на мое искреннее чувство, и сегодня вечером, не дожидаясь восхода луны, поспешил сюда. Но в темноте трудно было идти быстро по такой дороге, — сказал Сагоромо.

Монахине казалось, что даже второй военачальник, который во всех отношениях был образцовым сыном, не относится к ней с такой почтительностью. Отвечать через посредников было бы неучтивостью, и, с большим усилием приблизившись к занавеси, она произнесла:

— Вы были так любезны и часто присылали гонцов, чтобы справиться о моем здоровье, а сейчас пожаловали лично. Такой радости я и не ждала.

Она казалась очень ослабевшей, но столь же молодой и красивой, как тогда, когда он увидел ее при свете лампы. Сагоромо упрекал себя, что не навестил ее раньше, когда ее состояние не стало таким серьезным. Это была женщина, о кончине которой

многие сожалели бы, и Сагоромо не мог не испытывать глубокого волнения.

— Я так давно знаю о вас, что мне кажется, это не первая наша встреча. До сих пор я не наносил вам визита, и, когда узнал о вашей болезни, мне стало горько и обидно, что я упустил столько времени. Мне никого нельзя винить, кроме себя самого.

Было видно, что он очень опечален. Его скорбь была глубже, чем у людей, которые катаются по полу и рыдают в голос.

«Если бы я догадывалась, какое у него сердце!» — говорила себе госпожа, беспокоясь прежде всего о любимой дочери.

— Я не думала, что буду жить столько, сколько близкие мне люди⁵⁷, но все-таки не предполагала, что мой смертный час настанет так быстро. Тревога, что дочь моя останется без всякой поддержки, не дает мне умереть спокойно. Вы отправились в далекую горную деревню, чтобы проведать меня, — это вселяет в меня некоторую надежду. Но дочь так меня любит и тоскует, что хочет вместе со мной превратиться в дым. Что с ней будет?

Она не могла продолжать. Сагоромо услышал, что она заплакала, и представил себе, в каком подавленном состоянии она находится. Неизбывная печаль охватила его, а когда он подумал, что должна ощущать девица, острая жалость славилась ему грудь.

— Все, что вы говорите, верно, но вы слишком убиваетесь о судьбе дочери, а она, глядя на вас, страдает еще больше. Вероятно, найдется человек, который утешит ее, — серьезно сказал Сагоромо и тихо добавил:

— В Масуда-пруду
Кувшинки колеблет.
Так и я опять не могу
Плыть в одном направлении
И мучусь безмерно...⁵⁸

Стихотворение было исполнено такого вкуса, что все, кто понимает суть вещей, должны были бы услышать его. Но разве могла госпожа понять его разноречивые чувства?⁵⁹

— Недолго продлится
Существование
Кувшинки.

И воды пруда Масуда
Ей уже не помогут⁶⁰, —

печально произнесла госпожа прерывающимся голосом.

Сагоромо никак не мог уйти, но дальнейший разговор был бы изнурителен для больной.

— Теперь я знаю дорогу и смогу часто навещать вас, — сказал он и направился к выходу.

Идя по галерее, он услышал за перегородкой женский голос: «Где же он? Принесите светильник».

— Гость ушел, теперь ты можешь пойти туда, — раздался голос мальчика, которого он видел в усадьбе при свете лампы.

Он открыл боковую дверь, возле которой находился генерал, и вышел из помещения. Сагоромо, обрадовавшись открывшейся возможности, приблизился и заглянул внутрь. Перед статуей Будды слабо мерцали лампы и было трудно что-то разглядеть, но как раз в это время молоденькая служанка принесла зажженную лампу. Там не было ничего, кроме переносных занавесок.

«По-видимому, у занавески лежит сестра военачальника... Рядом с ней только две дамы...» — думал Сагоромо. Неожиданно ворвавшийся в открытую дверь сильный порыв ветра задул лампу.

— Зажгите и принесите лучину, — раздался голос.

В том помещении обычно спали прислуживающие дамы, и девица скрылась туда, когда пришел незнакомый посетитель. Услышав, что гость удалился, она бесшумно поднялась, чтобы идти к матери, и в сопровождении мальчика выползла на колени через открытые перегородки в галерею, где притаился Сагоромо. Он остановил ее, и девица испуганно оглянулась. Она не могла при блеске звезд ясно увидеть, кто это, но, разглядев мужской головной убор, легла ничком на пол и от испуга не могла произнести ни слова. Брат, который поторапливал ее, удивленный, что она не следует за ним, обернулся и, увидев мужчину, в страхе скрылся.

Сагоромо закрыл раздвижные перегородки и приблизился к девице, лежавшей неподвижно. Несколько месяцев болезни госпожи измучили ее, к тому же она была в страхе, и Сагоромо подумал, что дыхание ее вот-вот прервется.

— Я никогда не совершу греха перед Буддой и ни в коем случае не причиню вам вреда. Успокойтесь. Но я уверен, что ваша

матушка совсем бы не удивилась, если бы я и был к вам непочтителен. Чего же вам бояться?

Мальчик, без сомнения, рассказал, что кто-то проник к ним; в комнату вошла пожилая дама и раздвинула перегородки.

— Кто здесь? Или вы забыли, что находитесь в святой обители? Возмутительно! — заговорила она, ощупью продвигаясь вперед.

— Меня привел сюда Будда в ответ на мои молитвы, — сказал со смешком Сагоромо, ложась рядом с девицей.

«Не генерал ли это?» — подумала дама облегченно, но тут же забеспокоилась: «Очень неподходящее время, она все время в тревоге из-за болезни матери». Тем не менее она не решилась возражать Сагоромо.

— Ухаживая за больной матерью, бедняжка сама совершенно измучилась. Похоже, она ничего не понимает, что вы ей говорите, — горестно пробормотала она.

Сагоромо решил, что это кормилица девицы.

— Если я останусь подле нее, она немного успокоится, — сказал он. — Я хотел было ехать домой, но стало совсем темно, и я решил дожидаться восхода луны.

— Пожалуйте сюда, — произнесла дама. — Что же там, у самого порога...

Взяв сестру военачальника на руки, Сагоромо перенес ее в глубину комнаты. Она была вся покрыта потом, как простая крестьянка, которая работает в поле⁶¹. Тем не менее Сагоромо убедился, что это редкая красавица и не уступила бы даже бесподобной Гэндзи-мией. Ему хотелось рассмотреть ее. «Чего я так долго выжидал?» — укорял себя молодой человек. Он бы увез девицу из обители Будды в ту же самую ночь, но она даже на короткое время не могла оставить мать — и действительно, у нее были причины для тревоги.

«Видя состояние госпожи...» — думал Сагоромо, всячески усмиряя свое нетерпение.

Он мягко заговорил с девицей о своих надеждах на будущее. Она успокоилась, справилась с показавшимися на глазах слезами, но ей было не по себе оттого, что он никак не уходил и пристально разглядывал ее. Девица пила горячую воду и думала только об одном: «Как себя чувствует матушка? Что она скажет о том, что я так долго остаюсь с ним?» Слова Сагоромо были для нее подобны исчезающей на траве росе.

На небе показалась яркая луна, и в комнату через решетку проникал ее свет⁶². Желая разглядеть девицу, Сагоромо, сняв засов, открыл решетку, и лунный свет залил помещение. Девица в крайнем смущении натянула на голову одежду, но Сагоромо заставил ее открыть лицо. Она была удивительно похожа на Гэндзи-мия. Как Таманоо, красота которой не померкла и после смерти⁶³, она блистала, как драгоценный камень, и Сагоромо захотелось, завернув в рукав и спрятав от людей, посвятить себя заботам о ней. Наконец-то он нашел женщину из хорошего дома, которая могла бы хоть немного утешить его сердце.

«Боги, видя, что я так люблю Гэндзи-мия, пожалели меня и послали мне вместо нее...» — подумал Сагоромо, и из глаз его полились слезы.

— Свет луны, что заставил
Страдать мое сердце!
Ты напомнил мне ночи,
Когда я без сна
Мучился думами⁶⁴, —

произнес он, но она ничего не ответила, и ему стало досадно.

«Сейчас я вижу ее так близко, но что, если ей предопределено судьбой стать женой другого? Останусь ли я тогда надолго в этом мире? — думал он. — Какие пучины и мели ждут меня?»⁶⁵ Сагоромо снова и снова заговаривал о своих планах на будущее. Светало, и сопровождающие, находившиеся неподалеку, стали торопить Сагоромо с возвращением.

— Не знаю, как я дождусь следующей встречи. Вряд ли в дальнейшем нам будет так трудно встретиться, как сегодня. Но меня удручает, что вы относитесь ко мне холодно. Не лучше ли нам под покровом густого тумана незаметно вместе уйти отсюда? — сказал он.

«Неужели он и в самом деле хочет взять меня в жены?» — Эта мысль так изумила девицу, что она не знала, что сказать.

— Ни слова в ответ! Совсем как принц Каваори⁶⁶, — рассмеялся он столь очаровательно, что его смех хотелось слушать еще и еще.

Кормилица, лежавшая недалеко от них, сказала одной прислуживающей даме:

— Поскорее бы она связала с ним свою жизнь! Только бы стало лучше госпоже!

Сагоромо негромко щелкнул веером, и кормилица приблизилась к нему.

— Как провела ночь госпожа? — спросил он. — Я до рассвета молился в часовне, и молитва должна принести облегчение.

— Ее состояние без перемен. Она всю ночь беспокоилась, что отведенная вам комната так неказиста.

— Дамы, должно быть, насплетничали ей, что я встретился с ее дочерью, и я боюсь, что госпожа считает мое поведение неосмотрительным и безумным. Беспокоясь, как бы больной не стало хуже, я, вместо второго военачальника, провел всю ночь перед этой занавесью. В горах была страшная буря. Скажите, что я простудился и уехал, не заходя к ней и не попрощавшись. Я тоже хотел бы принять монашество и всей душой предаться служению Будде. Но я верю, что мои молитвы, пусть после бесчисленных калп, исполнятся и я получу девицу в жены. Мне хотелось бы, чтобы и вы были расположены ко мне и не отказывали в помощи, — говорил он с некоторым стеснением.

Кормилица, без сомнения, испытывала бы сожаление, если бы он так и остался для них посторонним человеком.

Госпожа, услышав о том, что Сагоромо встретился с дочерью, думала: «О чем мне теперь беспокоиться? Даже ее нервозность должна была показаться ему милой. Если он встретился с ней, могла ли она не понравиться ему? Генерал не станет подозревать ее в легкомыслии... Последнее время дочь плачет днем и ночью, она очень похудела, совсем истаяла. Какой показалась она ему в лунном свете? Сам он так красив, что она должна была робеть, как будто у нее есть какие-то недостатки. Судя по тому, что он передал через прислуживающих дам, он не был разочарован, когда увидел ее вблизи».

В таких думах госпожа провела время до самого рассвета. Сердце ее радостно билось. Она велела передать Сагоромо:

«Глубокой ночью поднялась буря, и я беспокоилась, как вы доберетесь до дому. Я не догадывалась, что вы, к счастью, остались здесь. Против обыкновения, я задремала, — не было ли это следствием ваших молитв? Теперь мне хочется приготовить вам ночлег в этом доме».

— В изголовье трава...
Не снимая одежд,

Всего одну ночь
Провел я на ложе,
Покрытом росой⁶⁷.

Мне хотелось бы, чтобы девица была со мной более доверчивой. Пока этого нет... — произнес он, улыбаясь, как будто и не в ответ ей.

Кормилица сожалела, что никто, кроме нее, этого не слышал. Она передала его слова госпоже, и та произнесла:

— Не ропщет ли
Путник,
Что на росистой траве,
Одежд не снимая,
Провел одну ночь?

Густой туман скрывал изгородь, свет луны померк. Сагоромо никак не мог подняться и покинуть дом. Митисуэ вошел с обувью для путешествия.

— Туман не рассеивается. Пора возвращаться. Нехорошо, если увидят, как вы бредете через столицу. Не послать ли кого-нибудь за экипажем? — сказал он с беспокойством.

— Ладно, ладно, не волнуйся, — сказал Сагоромо и поднялся.

«Туман, стеной окружив
В лианах плетень,
С ним не в силах расстаться.
Так и я с сожаленьем
Выхожу на дорогу...» —

подумал он. Сагоромо все еще колебался, не остаться ли здесь, но, подвязав шаровары, вышел из дому и направился к воротам по обильной росе. Сердца дам, глядевших ему вслед, трепетали от восхищения.

Вернувшись домой, Сагоромо непрерывно, с глубоким чувством думал о дочери главы Палаты обрядов. «Если я, женившись на ней, буду так сильно любить ее, то напрасны мои намерения уда-

литься от мира... — размышлял он при этом. — Отец и мать твердили: «Мы не можем удержать его, но, если какая-нибудь женщина затронет его сердце, подобные настроения у него исчезнут». Я-то думал, что такого быть не может, но, без сомнения, они правы». Сагоромо не мог заснуть и, беспокоясь о больной, рано утром послал ей письмо: «От новых ощущений не может успокоиться мое сердце.

Вместе не спали,
Одежды шнуры развязав,
И нет, казалось, причин,
Чтобы облик желанный
Сны мои посещал...»

Посыльный, вернувшись, доложил:

— Когда я пришел, там стоял громкий плач, потому что монахиня только что скончалась. Поэтому я не принес ответа.

Невозможно выразить, как был потрясен Сагоромо.

«Она уже долго не вставала с постели, но еще накануне сочинила стихотворение о росистой траве, укоряя меня за нетерпение, — думал Сагоромо в тоске. Он остро чувствовал непрочность нашего мира, и невольные слезы лились у него из глаз. — Сейчас невозможно торопить с женитьбой... Еще много раз мне нужно будет ходить туда... Но во время траура бывать там я не смогу». Он вспомнил, как впервые увидел госпожу при свете лампы, когда, очарованный цветущими вишнями, зашел в ее усадьбу, и как еще только вчера разговаривал с ней. Он скорбел так, как будто лишился близкой родственницы, и послал второму военачальнику письмо с выражением искреннего соболезнования.

В ответ военачальник писал:

«Сколько ни печалься сейчас о покойной матери, ничего поделаться нельзя, но я не знаю, как быть с сестрой, которая хочет последовать за ушедшей. Ужасно, если на меня обрушится и это горе».

«Все скорбят, когда теряют близких, но, по словам монахини, дочь так сильно ее любила, что хотела исчезнуть в дыме вместе с ней. Как она, должно быть, страдает, — подумал Сагоромо, прочитав письмо. — Если бы я ни разу не видел девицу, ее горе не трогало бы меня так сильно. Ощущение от легкого прикосновения, весь ее облик, освещенный яркой луной, — все это до такой степени проникло в душу оттого, что я мечтал о матери. Какая судьба! Что будет со мной, если и дочь последует за покойной?»

Ни о чем другом он не мог думать.

«Остановившись
Перед заставой,
Ночь провел я в стенаньях.
Наступит ли время,
Чтобы на гору Встреч я поднялся?»⁶⁸

Как же быть? Боги и будды не позволяют, чтобы я потерял ее». Он усердно молился сам и заказывал монахам молитвы, в чудодейственной силе которых был уверен.

Похороны занимался второй военачальник. Сагоромо тайно всячески содействовал ему и даже послал в подмогу многих слуг из своего дома. Военачальник был благодарен ему за это участие.

18

Чем больше проходило времени, тем сильнее тосковал Сагоромо по сестре второго военачальника, которую видел в ярком свете луны. Не имея возможности навещать ее, он, ложась спать, надевал наизнанку ночное платье⁶⁹. Сам удивляясь таким непреодолимым чувствам, он писал второму военачальнику:

«В изголовье рукав постелив,
Ночь провожу
В наизнанку надетой одежде.
Неужели сердце мое
Так сильно любить способно?»

Тот отвечал ему одно: «Сестра ни о чем не думает, кроме смерти».

В тоске Сагоромо не мог дожждаться конца траура и тайком отправился в дом второго военачальника. Хозяин вышел к Сагоромо, но оставался погруженным в неизбывную печаль. Он рассказывал, как сильно любил он покойную мать.

— Мне очень жаль, что она оставила этот мир, так и неждавшись времени, когда я добился бы успеха в жизни, — сказал он с непереносимой мукой.

— Я встретился с вашей матерью перед самой ее кончиной, и она обратилась ко мне с глубоко проникновенными словами.

Я скорблю о потере так же, как и вы. Наш мир был мне ненавистен, но если бы я женился на вашей сестре, я был бы готов оставаться в нем как угодно долго. Бесконечно жаль, что ваша мать не дождалась... Перед ее тенью мне было бы неприятно показаться ненадежным человеком, но, если состояние вашей сестры внушает опасения, мне снова придется вернуться к мыслям о монашестве, — говорил Сагоромо с глубокой скорбью.

— Сестра во всем полагалась на мать, совсем как ребенок, и теперь до такой степени предается отчаянию, что сама вот-вот расстанется с жизнью. Боюсь, что скоро я потеряю и ее...

Глядя на его мрачное лицо, Сагоромо еще больше тревожился о девице. Он не мог сказать, что готов ухаживать за ней, и, нехотя поднявшись, распрощался со вторым военачальником.

19

На Третьем проспекте Хорикава построил очень красивый и просторный дом, отделал его со всей тщательностью, предназначая для Сагоромо, но тот, собираясь уйти в монастырь, думал: «К чему это мне?» — и душа у него к новой усадьбе не лежала. Возвратившись от военачальника, он подумал, не поселить ли там девицу, которую видел при свете луны, и приказал незамедлительно убрать его со всевозможной роскошью. Он побаивался, что о его намерении узнает Вторая императрица⁷⁰, но не допускал мысли, что уступит девицу кому-нибудь другому.

После сорок девятого дня со смерти монахини Сагоромо хотел немедленно перевезти девицу на Третий проспект, но как раз в то время в императрицу-мать вселился злой дух и положение ее стало угрожающим. Государь навестил ее. Все близкие находились в непрерывной тревоге. Сагоромо ни на мгновение не мог отлучиться от больной и, не имея известий о той, которая жила в горной деревне⁷¹, не находил покоя.

«Вспоминаю с досадой
О нашей встрече в горах.
Если мне не дано
Заставу пройти,
Для чего я увидел тебя?

Безжалостно, что от Вас нет новостей. Помня о прошлом ⁷², Вы не должны относиться ко мне так холодно», — укорял он ее в письме.

Второй военачальник говорил сестре:

— И впрямь, ты уже не в том возрасте, чтобы не понимать, что к чему. При всех добрых его намерениях относиться к нему так холодно... Или тебе не жаль его?

Сестра же все время горевала об утрате, вспоминала облик покойной, и у нее не было мысли написать в ответ хотя бы строчку. Натянув на голову одежду, она не поднималась с постели и плакала. Никто не мог утешить ее.

В течение сорока девяти дней, когда казалось, что душа покойной все еще находится в доме, девица каждый день рассматривала сутры и изображения на алтаре, которые остались ей на память о матери, и в этом находила какое-то облегчение, а когда траур кончился и убранство помещений сменили на обычное светлое, скорбь ее только усилилась, и состояние обострилось.

«Под каким предлогом Сагоромо будет носить траур?» ⁷³ — думал печально второй военачальник.

Как-то вечером девица, ища в тоске успокоения, села перед красиво, с любовью выполненными изображениями десяти будд ⁷⁴, как это делала обычно покойная. Она помнила, как мать часто повторяла: «Молись только Царю Исцеления», — но сейчас ей уже не могли помочь ни небесная амброзия, ни лекарство Будды, и она просила: «Возьми меня туда, где находится моя мать. Тебе, Царь Исцелитель, это нетрудно. Но, видно, твой обет: “сиять непрерывно всем живым существам” ⁷⁵ — для меня оказался невыполнимым.

Напрасно мечтала
От страшного сна
Ясным утром проснуться.
Минул уж давно
Сорок девятый день...»

Сколько ни проходило времени, она все плакала, прижимая к лицу рукав. Если бы кто-нибудь нарисовал ее в черной одежде, которая подчеркивала ее красоту, с падающими на плечи волосами, и показал читателю!

Когда Сагоромо, выбрав подходящий день, собрался перевезти сестру военачальника на Третий проспект, скончалась императрица-мать, и во время траура он не мог выходить из дому. «Так пройдут намеченные дни, намерение мое не осуществится. Чем все это кончится?» — думал Сагоромо с досадой. Беспокоясь о здоровье девицы, он посылал ей несколько писем в день, но ответа от нее не было, даже крошечного, как росинка. Сагоромо не мог дожидаться осуществления своих желаний.

«Как только окончится траур, я приеду за вашей сестрой», — писал он второму военачальнику.

«Разве можно что-либо возразить? Надо отдать ее ему в жены», — думал военачальник и ответил генералу: «Не сегодня завтра я перевезу сестру домой. Я все устрою по Вашему желанию».

Девица не хотела покидать храм, где все напоминало ей о покойной матери. Однако второй военачальник ночевать там не мог: с весны он навещал дочь старшего советника, бывшего одновременно инспектором над властями в провинциях, она была в положении, и он, отлучаясь из столицы, не находил себе места от беспокойства. Военачальник часто навещал свою избранницу, но жизнь врозь была для обоих мучительна. Молодой человек мечтал взять дочь советника к себе и заботиться о ней и о сестре.

Год подходил к концу, и сестра вернулась из храма. Привычная обстановка заставляла ее печалиться донельзя. Ей казалось, что мать была рядом с ней, не отходила от нее, и оставаться одной в усадьбе девице было страшно. Второй военачальник жалел сестру, но по ночам уходил к дочери советника.

Несколько дней подряд шел снег, особенно много его навалило перед Новым годом. Глядя на сплошную, нетающую пелену, девица сложила:

«В исходе года,
Как часто бывает,

Саваном белым
Всю землю покрыло...
И сугробы не тают...»⁷⁶

Она находила утешение в нанизывании пустых слов и воспоминаниях о матери. Вечером свирепо завыл ветер, косой град громко застучал по крыше — все наводило страх на душу. Дамы поспешили опустить решетки и, собравшись возле госпожи, погрузились в печальные размышления. Раньше в подобное время девица преодолевала боязнь, прижимаясь к матери, а сейчас она себя чувствовала совсем одиноко. Дамы укоряли ее брата за черствость.

Сагоромо узнал, что сестра военачальника возвратилась домой, но один за другим следовали неблагоприятные дни, и он, не имея возможности навестить ее, маялся в тревоге. Наконец траур по императрице-матери окончился, наступил благоприятный день, и Сагоромо в совершенной тайне, под покровом бурной ночи отправился в дом второго военачальника. Из-за ветра он то и дело останавливался. Ему казалось, что он по-прежнему пробирается к ней в глухую деревушку. На улицах было очень мало народу, можно было не опасаться, что кто-то заметит его.

Казалось, что двор был отдан во власть снегу. Сагоромо смотрел на сплошной печальный покров и думал: «В такой обстановке молоденькая девица не может, конечно, отвлечься от своих мыслей. Что у нее на душе?» Увидев монаха, направляющегося в часовню, чтобы зажечь погасшие лампы и читать сутры, Сагоромо приблизился к нему.

— Дома ли второй военачальник?

— Вчера ушел и пока не возвращался. Дочь старшего советника нездорова, он проводит все время подле нее и здесь появляется редко.

— Доложите, что я хочу встретиться с дамой Бэн.

Монах знал, что это кормилица девицы. Он скрылся в доме. Сагоромо подошел к двухстворчатой двери, в которую ушел монах. Дверь была открыта. Сагоромо вошел во внушающую благоговение молельню, в которой выполняла обряды покойная госпожа. Сагоромо поспешил в ту сторону, где мерцал свет. Он нарочно надел такую одежду, которая при ходьбе не производила шума,⁷⁷ к тому же из-за завывания ветра его никто не услышал.

Войдя в среднюю дверь, Сагоромо очутился в спальне. Оставаясь в тени, он заглянул через ширму, которая скрывала постель, и сразу узнал красавицу. Опиравшаяся на скамеечку-подлокотник и пристально глядевшая на огонь лампы⁷⁸, она была так похожа на жрицу Камо, что у генерала перехватило дыхание. Он почувствовал страшное волнение и был готов приблизиться к девице, но в это время показалась дама, — по-видимому, Бэн.

— Монах сказал, что ко мне пришел какой-то благородный человек и что он ждет меня в западном коридоре. Не могу представить, кто бы это был. Что, если генерал? Но вчера он прислал письмо и не сообщал, что собирается посетить нас. Пойду посмотрю... — сказала она.

— Возможно, это он, — отозвался кто-то. — Лампа горит слишком ярко. Да и через решетку все видно...

Дамы убавили огонь в лампе, а госпожа легла, окружив себя маленькими переносными занавесками.

— Не отходите от нее, — сказала Бэн на ходу, но тут же возвратилась. — В ту комнату давно никто не входил, но в ней стоит такой удивительный аромат, что мне сделалось жутко. Там очень темно, надо взять лучину.

Она ушла в свою комнату. Молодые дамы испуганно заахали, а пожилые заговорили: «Не шумите. Госпожа еще больше испугается... С чего вы подняли такой переполох?.. Где это видано, чтобы от чертей исходило благоухание? Это, должно быть, аромат Будды». Кое-кто даже пошутил: «Не второй ли советник в плащевидимке проник к нам?»⁷⁹

Девица в страхе легла на пол и натянула на голову одеяло.

Дама возвратилась с лучиной. Никто не заметил, как Сагоромо проскользнул за полог.

Бэн ушла в западный коридор. Послышался ее голос:

— Где же гость?

Не получив ответа, она вернулась.

— Как странно! Монах куда-то ушел. Никого нет. Что же произошло? Дверь осталась распахнутой, в комнату налетело много снега. Луны нет, но во дворе совсем светло. Какая удивительная ночь! В такое время повесы высыпают на улицу, не боясь, что могут простудиться... Наверное, это был чей-то вздохатель, но так и ушел, ничего не сказав. Очень жаль!

Дамы рассмеялись.

Тихонько приподняв полог, Сагоромо сказал:

— У западных дверей я очень долго напрасно ждал ответа, и когда увидел свет лучины, направился сюда. Я промерз до самых костей и возвратиться домой не могу. Пусти же меня поскорее в свою постель, — и привлек к себе девуцу с таким видом, как будто это было самое обычное дело.

Дамы от изумления не могли вымолвить ни слова. Да и что в этом положении было сказать генералу? Бэн проворчала, как будто говоря сама с собой:

— Насколько я понимаю, это все задумал второй военачальник. Очень жалко бедняжку. К чему было действовать так поспешно? Ведь никому, кроме генерала, ее и не собирались отдавать...

— Разве я явился бы сюда без ведома второго военачальника? Пожалуйста, успокойтесь, — беззаботно отозвался Сагоромо.

— Госпожа даже не оделась, как подобает... — горестно вздохнула Бэн и ушла в свою комнату.

Когда Сагоромо в храме проник к девице, он, боясь гнева Будды, оставался всю ночь одетым, но на этот раз, раздевшись, спокойно лег в постель. Девица, страшно напуганная, плакала. Ее было донельзя жалко. В ту ночь Сагоромо не вспоминал об уходе в монахи, он совершенно забыл о времени — и неожиданно для себя увидел, что рассвело. В то утро Сагоромо понял всю жестокость утреннего щебетания птиц.

В комнату вошла Бэн.

— Или вы не видите, что скоро утро? Ваши сопровождающие говорят, что оставаться долее неприлично...

— Еще глубокая ночь. Или вы уподобились богу Кадзураки?⁸⁰ — ответил Сагоромо.

Но он все-таки встал и, завязывая шаровары, с грустью подумал, что долгое время будет в разлуке с девицей. «Когда я успел так привязаться к ней, что любовь доставляет мне мучения?» — упрекал он сам себя.

— Развязав наконец
Одежды шнурки,
Как вновь завязать их?
Мнится, что с каждым узлом
Связь наша рвется, —

произнес Сагоромо и сам испугался дурного предзнаменования, проскользнувшего в конце стихотворения. Но кормилице Бэн оно доставило удовольствие.

К скорби сестры военачальника добавилось потрясение от посещения Сагоромо — она проплакала всю ночь, и в омуте ее слез можно было бы уплыть. Сагоромо было очень жалко ее, и он не мог покинуть этот дом. Он сможет прийти сюда только вечером, и до тех пор не найдет себе места от беспокойства. А если пробраться сюда, не дожидаясь темноты, кто-нибудь обязательно об этом узнает, поползут слухи — как перенесет он такой позор?

«Не ставя в известность даже второго военачальника, перевести ее в усадьбу к отцу... Если я неотлучно буду рядом с ней, буду утешать ее, она обязательно забудет свою скорбь».

— Подведите сюда экипаж. На душе очень тяжело, не могу выйти во двор, — приказал он.

Слуги подвели экипаж к самому дому.

Двадцатый день месяца уже прошел, но луна светила еще очень ярко, и от сверкающего снега было светло, как днем. Сагоромо, открыв решетку и отодвинув переносные занавески, которые стояли у изголовья, смотрел на открывающийся пейзаж. Как было узнать, какое дерево — слива?⁸¹ Ветки, покрытые снегом, были удивительно похожи на дерево вишни, которое он видел когда-то в этой усадьбе. Сагоромо вспомнил облик покойной госпожи при свете лампы, и страшная печаль сдавила ему грудь. Он рассказал госпоже, как слышал ее игру на цитре.

— Когда я неожиданно увидел твою мать, я принял ее за тебя, такой она выглядела молодой и красивой. Я чуть было не влюбился в нее вместо тебя, но поскольку я никогда не меняю своих намерений, то, любя тебя, подавил в себе зарождавшееся чувство. Эти веточки напоминают мне ту ночь. Посмотри же...

Он уговорил ее подняться.

— Снег? Или вишни цветы,
Что ненароком
Увидел когда-то?
Сильнее тоскую
По ушедшей весне... —

сказал он.

Госпожа при упоминании о покойной матери заплакала еще горше. Слушая его, она думала: «Как стыдно, что он тогда слышал меня!

Почему с цветами вишни прекрасной,
Которой залюбовался прохожий,
Не осыпалась и эта ветка,
А остается в саду,
Покрытая снегом?»⁸²

Сопровождающие подняли оглобли, и Сагоромо, взяв сестру военачальника на руки, быстро перенес ее в экипаж.

— Уж такого я никак не ожидала! — воскликнула Бэн. — Не лучше бы вам в течение некоторого времени посещать госпожу здесь?

— Как будет удивлен господин второй военачальник! — поддакнула другая дама.

— Здесь мне пришлось бы вставать затемно, а я не привык... — ответил Сагоромо. — Пусть госпожа кормилица поскорее садится в экипаж.

Торопливо одевшись и отдав распоряжения остающимся дамам, Бэн уехала с госпожой.

22

Прибыв в усадьбу отца, Сагоромо вышел первым, расставил перед экипажем переносные занавески и вывел девицу. Бэн тоже вышла.

— Кормилице непривычно на новом месте, — сказал Сагоромо Митисуэ. — Позаботься, чтобы помещение для нее было приготовлено должным образом.

— Не думайте, что вас ждет временный приют, как у посторонних людей во время путешествия, — обратился Митисуэ к даме. — Вы сразу же почувствуете себя как дома.

Он старался изо всех сил, чтобы Бэн понравилась ее комната.

Солнце стояло уже высоко, а Сагоромо, довольный переездом к нему девицы, все еще оставался в своих покоях. Явился слуга и доложил, что отец ждет его. Сагоромо наконец-то поднялся.

В комнату вошла кормилица Дайни, жена заместителя на Цукуси, и сказала:

— Вчера ваш отец спрашивал, куда вы отправились. Я не могла ничего ответить, и он стал меня бранить за нерадивость, — я прямо не знала, что делать. Откройте же, куда вы ездили.

Сагоромо засмеялся.

— «Горные тропы, вступив на которые все блуждают...»⁸³ Хотя я и открою, где я был, найти меня там все равно невозможно. Если тебе не терпится узнать, куда я еду, стань моим сопровождающим, — пошутил он.

Голос молодого человека был так хорош, что его хотелось слушать еще и еще. Дама Бэн, сидевшая неподалеку одна, заулыбалась и через ленты переносной занавески взглянула на Сагоромо. На нем было великолепное алое платье на вате и бледно-фиолетовое верхнее платье, затканное узорами. Одежда, попав под вчерашний снег, кое-где полиняла, но и это производило столь изысканное впечатление, что, казалось, было сделано нарочно. Шляпа немного сдвинулась на затылок, волосы были в беспорядке. Лицо и заспанные глаза были ясно видны в блеске снега. Казалось, чарующая красота Сагоромо озаряют все помещение.

Кормилица приготовила ему кашу и без какой-либо застенчивости села напротив Сагоромо. С улыбкой глядя на молодого человека, она явно радовалась. Бэн подумала, что у нее не может быть никаких забот и что ее жизни можно только завидовать.

Сагоромо умылся и сказал, что пойдет к отцу. Не переодеваясь, он направился к выходу.

— Каша остынет. Сначала покушали бы... — сказала кормилица.

— Пора бы тебе оставить свои привычки и не относиться ко мне, как к ребенку... Если тебе жалко кашу, съешь ее сама.

— Мои привычки не принесут вам вреда, — со смехом возразила кормилица. Она выглядела очень благородно.

— Девица, о которой я тебе говорил, возвратившись одна домой, чувствовала себя очень одиноко, поэтому я привез ее сюда. Ничего не говори матушке, пока она сама не спросит. Очень неловко получилось по отношению к жене, и мать вряд ли одобрит мой поступок. Девицу лучше было бы отвезти на Третий проспект и тайно там навещать. С ней только одна старуха, позаботься, чтобы все было как следует...

Кормилица, слушая его, улыбалась.

— Я не знаю, что скажут отец и мать. Но я-то с чего бы стала упрекать вас? Вы хотели найти женщину, которая пришлась бы вам по вкусу... Девица из хорошего дома... Вашим родителям остается только радоваться. Да и чем тут быть недовольным? И я отныне не буду беспокоиться о вас...

— Сразу трудно решить, нравится девица или нет... Но она так печальна и беспомощна! Как было ее оставить? При моих сложных отношениях с женой она, может быть, будет мне утешением.

Сагоромо ушел к отцу, а кормилица, приблизившись к постели, подняла полог. Девица съехала под одеялом, и, если бы не густая масса волос, заполнившая постель, можно было бы подумать, что там никого нет.

«Вряд ли бы он привез в дом простушку», — подумала кормилица. Она придвинулась ближе и стала разглаживать волосы госпожи. Невозможно было не восхищаться такой красотой.

«Не о ней ли сказано: не было ни одного спутанного волоса?» — подумала она. Волосы скользили в руках и были необыкновенно красивы, совсем как у Гэндзи-мия. «Сдается мне, что они чуть-чуть короче, но ведь жрица старше», — думала кормилица, восторженно ахая. К постели приблизилась дама Бэн.

— Я никогда не видела у генерала такого довольного вида, — сказала ей Дайни. — Я была изумлена и подошла, чтобы взглянуть на его избранницу. Ничего удивительного! Достаточно посмотреть только на ее волосы... Мой господин до сих пор не находил удовлетворения в нашем мире и этим огорчал не только отца и мать, но даже меня. Родители искали женщину, которая хоть немного привязала бы его к нашему миру, и даже в Танское государство хотели ехать за ней. Не результат ли это их молитв? Теперь-то беспокоиться нечего. А уж как обрадуется его мать! Сагоромо опасается, что, когда новость дойдет до его супруги, она рассердится: сразу, мол, после смерти императрицы! — поэтому он просил, чтобы пока никому ни звука...

Она подробно рассказывала Бэн о многолетней тревоге: ни одна дама не могла хоть немного успокоить сердце Сагоромо.

— Еще не бывало, чтобы он так сильно кого-нибудь полюбил. Неизвестно, в какой омут он попадет завтра⁸⁴, но сегодня... Какая счастливая судьба связала их? — радовалась донельзя Дайни.

— Удивительно, как быстро рассеялись бесследно стремления генерала уйти в монастырь! — сказала Бэн. — В этом году он часто говорил о своей любви к молодой госпоже, но ее мать думала: «Среди бесчисленных женщин, к которым он сам стремился, ему никто не нравился», — и на предложения не отвечала. Мать скончалась, оставив дочь беспомощной, и сразу же госпожа покинула свой дом. Что с ней будет дальше? Императрица хотела, чтобы она поступила на службу к наследнику престола... Чем все это кончится? Не оказала ли я сама ей плохую услугу? Я укоряла себя за опрометчивость, но сейчас, рассказав все вам, облегчила душу...

Ее спокойная манера говорить производила хорошее впечатление.

— Ах нет! Сагоромо вряд ли решился увезти госпожу, тщательно всего не взвесив. Посудите сами. Ей не будет здесь хуже, чем у наследника престола, — сказала Дайни с гордостью, не переставая разглаживать волосы госпожи.

Второй военачальник провел ночь у дочери советника и, когда утром собрался послать письмо сестре, получил послание от Сагоромо.

«Я и сам укоряю себя за поспешность, но оказалось, что потом долго не будет благоприятного дня, и вчера я перевез Вашу сестру к себе. Бэн очень боится, что Вы будете бранить ее, но на снегу во дворе не было видно Ваших следов⁸⁵, и я не мог оставить Вашу сестру одну... Если Вы на меня не сердитесь, пожалуйста вечером ко мне, мы обо всем поговорим».

«Наконец-то! — подумал второй военачальник, но не мог не огорчаться, что сестра переехала в дом Сагоромо внезапно, без каких-либо церемоний. — Коли уж так вышло, предоставим все генералу. Если об этом узнает император, возникнут осложнения⁸⁶, поэтому он и совершил все втайне».

Он написал в ответ:

«Дочь старшего советника, которая больна несколько месяцев, особенно мучится последние дни. Я отправился навестить ее, оставил дом в страшном беспорядке и очень смущен, что именно в это время Вы пожаловали к нам. Но почему при этом Вы не послали за мной, чтобы я сопровождал Вас на обратном пути?»

Он написал письмо кормилице Бэн: «Очень жаль, что сестра переехала к генералу так внезапно», — и послал вместе с траурной, но необыкновенно красивой одеждой для сестры.

— Я получила от вашего брата письмо, — сказала Бэн девице и помогла ей сменить мокрую от слез одежду.

Сама Бэн наложила на лицо грим и приделалась.

Строения в усадьбе — одна над другой три-четыре крыши⁸⁷ — как будто блистали. Прислуживающие дамы в роскошных платьях были столь великолепны, что обычным людям нельзя было и стоять рядом с ними, и Бэн, как водоплавающая птица, вышедшая на берег, не знала, как ей быть. Недалеко от дома, где проживал Сагоромо, было небольшое здание в пять *кэн*⁸⁸ с каждой стороны, с флигелями и галереями, для прислуживающих дам, слуг и чиновников домашней управы. Песок, которым был посыпан двор, казался золотым; деревья и травы здесь были не такими, как в других усадьбах; даже шум ветра был очень мелодичным. Посторонние люди, заглянувшие в ворота и увидевшие удивительные растения, решили бы, что это неземная обитель.

«О чем заботиться, живя здесь? — думала Бэн. — Какие же люди служат в этом дворце?» Отныне она сама будет жить в этой усадьбе, и ей казалось, что, любуясь садом, она уже стала совсем другой.

Монахи необыкновенных добродетелей, сменяя друг друга, постоянно посещали усадьбу. Утром и вечером они усердно выполняли церемонии, стараясь прежде всего быть замеченными Сагоромо; даже одного его слова было достаточно, чтобы они чувствовали безмерную радость. Важные сановники стремились прежде всего не в императорский дворец, а к Хорикава, и в течение всего года проводили в усадьбе дни и ночи напролет, любуясь цветами вишни, листьями кленов и искусственными горками, — но при этом они больше жаждали увидеть Сагоромо, чем советника.

Генерала ценили и уважали и, когда речь заходила об игре на струнных и духовых инструментах, различных науках, правильном разрешении всевозможных жалоб, стремились всегда следовать его мнению.

«Среди тех, кого мне приходилось видеть, нет ни одного человека, с которым можно было бы сравнить господина. Такого красота, такие манеры больше не найдешь в нашем мире, — думала Бэн каждый раз, когда видела Сагоромо. — Какая завидная судьба у моей госпожи! Как высоко вознеслась она над другими женщинами!»

Сагоромо каждую ночь проводил с сестрой второго военачальника. Изредка он отправлялся к своей жене, но никогда не ночевал у нее и даже днем старался побыстрее покинуть ее. Бэн рассказывали, что у Сагоромо сердце изменчиво, как лунная трава⁸⁹, и она не могла не беспокоиться за свою госпожу, но все-таки ей казалось, что глубина его любви превосходит все ожидания. Так Бэн проводила дни, то тревожась за сестру второго военачальника, то успокаиваясь.

23

Сагоромо обрел душевное спокойствие, и Хорикава с женой радовались, что их молитвы оказались действенными. Их огорчало только то, что сын совершенно не ночевал у своей жены, но они не упрекали его. Молодой господин, однако, очень сердился:

— В доме у Сагоромо появилась госпожа, похожая на жрицу Камо. Кажется, это дочь главы Палаты обрядов. Поэтому-то Сагоромо больше не приходит ночевать ко мне, — сказал он однажды.

Услышав его, мать Сагоромо удивилась и, когда к ней пришла кормилица Дайни, спросила, правда ли это. Та выложила ей все.

— Сагоромо наказывал мне не говорить ни вам, ни господину советнику, пока вы сами не спросите, боясь, что вы будете упрекать его. Поэтому я ничего не говорила. Навешать супругу ему становится все тягостнее, а кроме того, он больше не отправляется ночами на поиски приключений. Меня радует, что Сагоромо находит удовольствие в обычных земных чувствах, и благодарить за это надо богов и будд. Госпожа такая красавица, под стать Сагоромо. Она разительно похожа на жрицу Камо.

Жена Хорикава возликовала.

— Как же ты могла, несмотря на его наказ, не сказать мне об этом по секрету? Если бы даже Сагоромо полюбил женщину незначительного происхождения, я не стала бы относиться к ней с презрением. Дочь главы Палаты обрядов, недавно потерявшую мать, очень жалко. Неожиданно очутившись в нашем доме, она, должно быть, крайне смущена.

К ним вошел Хорикава и поинтересовался, о чем идет разговор. Жена рассказала ему новости.

— Как странно, что мы до сих пор ничего не знали об этом! Может ли он один окружить ее достаточной заботой? — сказала она.

Хорикава был крайне изумлен и рассержен.

— Ты, Дайни, оказалась совсем не рассудительной. Сам Сагоромо опасается, что государь узнает о госпоже, и хочет все это скрыть. Поэтому и тебе надо было бы сделать вид, что ты ничего не знаешь. Как, должно быть, беспокоятся и недоумевают прислуживающая ей дама и второй военачальник!

Хорикава велел полностью обновить у Сагоромо убранство комнат и утварь. Он так же усердно заботился о сестре второго военачальника, как в свое время о Гэндзи-мия. На службу к ней пригласили множество замечательных дам, в том числе тех, которые находились в доме главы Палаты обрядов. Вторым военачальником приезжал в усадьбу Хорикава всякий раз, когда ему хотелось увидеться с сестрой. «При жизни отца было решено, что она поступит на службу во дворец, но там она не была бы так счастлива», — думал он. Вспоминая, как беспокоилась о будущем дочери умирающая мать, он сожалел, что она не дожидая до радостной перемены.

Беспредельно заботясь о госпоже, Хорикава сетовал, что Сагоромо редко видел свою жену. Выбрав подходящий момент и стараясь не раздражать сына, он постарался внушить ему, что надо посещать принцессу и не навлекать на себя нареканий. Сагоромо и сам знал, что в его положении нельзя поступать, как хочется, но, слушая отца, спрашивал себя, за что на его долю выпали такие страдания. Он ничего не отвечал и сидел, не двигаясь, с серьезным видом.

«Как бы он опять не вознамерился уйти в монахи! — встревожился Хорикава. — Если бы не вмешательство богов, разве видел бы я его до сих пор в этом мире? Что бы он ни делал, я не скажу ему ни слова».

Все были чрезвычайно довольны, что Сагоромо обрел утешение, и Хорикава больше к неприятному разговору не возвращался, но сам Сагоромо не хотел никому давать повода говорить, что после переезда к нему сестры военачальника он забыл о жене, и стал чаще навещать ее. Принцесса вела себя очень благородно, относилась к мужу по-прежнему, как ни в чем не бывало. Сагоромо всегда жалел ее, восхищался ее изысканностью,

но — можно ли этому не изумляться? — она ни одной ночи не была с ним откровенна, чувствовала себя неловко, держалась отчужденно и холодно. Бывало, на какое-нибудь неважное замечание мужа она, терзаемая подозрениями, ничего не отвечала и только робко бросала на него проницательные укоризненные взгляды. Со временем Сагоромо страдал все больше. Он ни о чем не рассказывал жене, не пытался ее утешить. Мучаясь тягостным положением, он молчал, подобно дереву, погребенному в долине⁹⁰, а принцесса страдала, считая его равнодушным. Она не могла упрекнуть мужа в непочтительности и приходила к заключению, что он вообще чувствует отвращение к миру и что нельзя его обвинять в черствости.

Когда же ей стало известно, что Сагоромо завязал с дочерью главы Палаты обрядов сердечные отношения, каких раньше у него ни с кем не бывало, что эта женщина поселилась у него, принцесса совершенно перестала общаться с ним. «Как только окончится срок траура по матери, я приму постриг и никогда больше Сагоромо не увижу, — думала она. — Однако, если, укоряя его и себя⁹¹, я стану монахиней, об том будут долго судачить и смеяться, мне будет неприятно. Но еще глупее сохранять наружные отношения с мужем, которые давно прервались. Мне, видно, не найти утешения...»

После окончания траура принцесса продолжала носить серое платье. Когда муж навещал ее, она от него пряталась. Поскольку ни к одной даме в ее доме у Сагоромо не лежало сердце, раньше в подобных случаях он спал, положив на грудь дочь Асукаи, или развлекался до рассвета пустыми разговорами с молодыми дамами. Сагоромо по-прежнему никому не говорил о своем недовольстве, но, горя желанием видеть сестру второго военачальника, не пытался сохранять видимость приличия и немедленно уезжал из дворца. Ее это унижало, и часто, не вставая с постели по два-три дня, она горько плакала.

Наступил новый год⁹². В пятнадцатый день первого месяца, последний день новогодних церемоний, в покоях Сагоромо прислуживающие дамы надели одно на другое парчовые платья

весенних цветов. Только сестра военачальника не сменила траурных одежд. Все поздравляли друг друга. Молодые дамы, пряча за пазухой красивые палочки из дров для варки каши⁹³, старались ударить друг друга и увернуться от нападения. Зрелище было забавно, и Сагоромо смотрел на них с удовольствием.

— Вам всем нужно ударить меня, — сказал он. — Тогда у меня в этом году родится сын. Я вытерплю побои, если они окажутся благодетельными.

Раздался дружный смех.

— Если бы какая-нибудь из нас и намеревалась рожать от вас, сейчас-то и подавно ей не удалось бы...⁹⁴ — тихо сказала одна дама.

Вытащив палочки из-за пазухи, дамы начали осыпать Сагоромо ударами. Он сам смеялся, комично благодаря:

— Как приятно! Вы так щедро сыплете удары, что обязательно родится мальчик.

Вскоре Сагоромо, взяв у одной дамы палочку и спрятав ее в складках платья, заглянул за переносную занавеску, где находилась госпожа. Дамам стало смешно, они захихикали, а Сагоромо замахал на них руками. Бэн, довольная, все же опасалась, как бы он не ударил госпожу слишком сильно. Было смешно видеть, как она покраснела.

Носить в Новый год траурное платье было бы недобрым знаком, и госпожа надела не черное, но два синих, темное и светлое, одно на другое, а поверх верхнее, такого же цвета, без узоров. Оно было грубым⁹⁵, но госпожа и в нем выглядела чрезвычайно нарядно, изящно и благородно. Она что-то писала, опираясь на скамеечку-подлокотник и опустив голову. Она казалась столь хрупкой, что Сагоромо беспокоился, как бы ее не сдуло ветром. Он не мог ударить ее палочкой и сказал:

— Взгляни-ка сюда... Мой отец жалуется, что не может дождаться внука, и дал эту палочку молодой даме, чтобы она ударила меня по бедрам. Было больно, но я вытерпел. Если то, что говорят, правда, тебе в этом году придется помучиться...

Она сильно покраснела и еще ниже опустила голову. Мила она была необыкновенно, и Сагоромо подумал с глубоким чувством: «Она поразительно похожа на мою любимую. Наверное, боги решили вознаградить меня за потерю Гэндзи-мия». Он опять чувствовал в сердце страсть к жрице и, взяв кисть, написал небрежно, так, чтобы никто не мог прочесть:

«Забрел далеко,
Чтоб отыскать криптомерию.
Нашел ли ее?
Или ее двойника?
Доселе блуждаю в священных горах...»⁹⁶

Госпожа прекрасно писала и китайские иероглифы, и знаки японской азбуки. Сагоромо не мог налюбоваться на ее каллиграфию.

«Итак, я обрел то, к чему стремился, — подумал он. — Разве серьезны были мои блуждания в священных горах?»⁹⁷

Возле тушечницы лежал свернутый, необыкновенно красивый двойной лист бумаги, сверху белый, а снизу красный. Сагоромо взял его. Оказалось, что это письмо от Второй императрицы:

«Не имея последнее время от Вас известий, я тревожилась, но Ваш брат успокоил меня, сказав, что Вы поселились близко⁹⁸. Все время думаю о растущих у реки ивах⁹⁹.

Если решил соловей
Вить гнездо
На дереве сливы,
Почему не высокую ветку,
А низкую выбрал?»

— Так уничижительно назвать меня низкой веткой, как будто она мне не сестра, — сказал с улыбкой Сагоромо. — А что ты написала ей?

Госпожа ответила что-то невнятное.

— Наследник престола, по-видимому, действительно не может примириться с неудачей, потеряв тебя. Мне самому его жаль. Может быть, я ошибаюсь, но он и сейчас хотел бы, чтобы я уступил тебя ему. Когда я прочитал твоё стихотворение о непрерывном дожде¹⁰⁰, то догадался, что наследник хочет видеть тебя в своем дворце. Тебя должно было привлекать его исключительное положение, и, выходя за меня замуж, ты в душе, наверное, жаловалась на свою участь. А что ты думаешь сейчас? Пусть и не жена наследника, но твоя жизнь не безрадостна...

Отношения между ними были столь прекрасными, что все, кто их видел, испытывали глубокую радость.

Проводя время с прелестной госпожой, Сагоромо забыл всех, кто в прошлом заставлял его страдать; и только когда он утешал Молодого господина, который сердился, что генерал не ночует у него, на душе у Сагоромо становилось тяжело: он по-прежнему горевал о его матери. «Брак с принцессой и увоз сестры второго военачальника только усугубляют мою вину перед ней. Женившись, я думал: «Если правда, что души путешествуют во сне, пусть Вторая принцесса узнает, как я мучусь от любви к ней». Меня очень огорчило ее стихотворение: «никому не суждено испытать подобную черствость»¹⁰¹, и меня утешала мысль о том, что она объясняет холодное отношение к ней самой и к моей жене отращиванием к миру. Но что она должна думать обо мне сейчас, когда я спокойно смотрю на луну над Горой брошенной тетки¹⁰² и так долго не посылаю ей писем?» — думал он, обвиняя только себя.

Как-то раз он лежал дома один, глядя на вечернее небо. Горестные мысли о принцессе-монахине охватили его, и, не в силах вынести печаль, он написал ей:

«Не стелется дым
По небу, что ты созерцаешь
Вечерней порой.
Встает он там,
Куда никогда ты не смотришь»¹⁰³.

Ответ, как всегда, был написан дамой Тюнагон, Сагоромо к этому должен был привыкнуть. «Почему у меня такая судьба? Не оттого ли, что сердце мое холодно?» Но что толку спрашивать самого себя? Горя любовью к принцессе, как будто встретился с ней только накануне, Сагоромо в одиночестве горько стенал.

Глядя на подрастающую воспитанницу жены Сагоромо, все убеждались, что она не простого происхождения. С каждым днем она становилась все более похожей на генерала. К ней относи-

лись сердечно, но сама приемная мать, уверенная в отцовстве Сагоромо, не могла заставить себя любить девочку. «Только ради нее муж изредка показывался у меня, — думала принцесса. — Ему тяжело оставлять ее у меня. К чему ждать, пока я приму монашество? Не лучше ли ему объявить ее своей дочерью и перевезти к себе?» В глубине души она жалела свою милую простодушную воспитанницу, которая не ведала о ее мучениях. О чувствах принцессы знала ее кормилица, но генералу об этом она даже не заикалась и только вздыхала, глядя на необыкновенную красоту ребенка.

Сагоромо догадывался о настроениях жены. «Чем это кончится? — часто думал он. — Не перевезет ли она куда-нибудь ребенка? Я не признавался жене, что это моя дочь, она любила воспитанницу и всячески заботилась о ней. Если бы так продолжалось, мне не надо было бы сожалеть и беспокоиться о будущем дочери. Но, видно, невозможно, чтобы мы оставались в хороших отношениях и оба заботились о воспитании девочки».

Супруги, испытывая друг к другу отчуждение, страдали оба. Часто вспоминая Асукаи, Сагоромо думал: «Она не была знатной, и я относился к ней несерьезно. Но ведь именно от нее у меня родился ребенок. Если бы она оставалась в живых, я бы никогда не оставил ее...» Сагоромо, как всегда в подобных случаях, проливал горькие слезы. Даже когда он проводил время с сестрой второго военачальника, не в силах насытиться ее очарованием и забывая прежние страдания, мысли о дочери мучили его, и тяжелые вздохи часто вырывались у него из груди.

«Трудно проникнуть в его думы... Много тайн в его сердце...» — думала госпожа.

Хорикава не терпелось увидеть сестру второго военачальника, и он все время жаловался, что такой возможности ему не представлялось, но Сагоромо отвечал только: «Сейчас по некоторым причинам это невозможно, но вскоре вы ее обязательно увидите».

Наступила жара. Сагоромо наслаждался досугом, не выходил из покоев госпожи, и ему казалось, что нигде не было так прохладно, как возле нее.

Он давно не навещал жрицу Камо. Дождавшись прохладного вечера, он отправился к ней. В обители было мало народу, повсюду царил покойствие. В комнате жрицы спали две или три прислуживающие дамы. Тихонько приблизившись, Сагоромо заглянул через переносную занавеску. Жрица тоже спала. На ней было тонкое платье темно-фиолетового цвета, которое она натянула на голову, но сквозь шелк можно было хорошо видеть и лицо и фигуру. Длинные блестящие волосы стелились по полу. Челка откинулась со лба.

Никогда Сагоромо не удавалось так долго и так близко рассматривать Гэндзи-мия. Упиваясь возможностью, он пристально смотрел на спящую, и — потому ли, что его страстная любовь к ней стала еще глубже, чем раньше? — он подумал: «На свете нет другой столь прекрасной женщины! Ах, какая у меня плачевная судьба! Я так и не смог получить ее в жены... Даже слова: "отдал бы за встречу с тобой"¹⁰⁴ обращены не к столь прекрасной даме. Если бы судьбой мне было велено превратиться в столь блистательную женщину, я бы нисколько не сожалел. Как я нашел в себе силы навсегда отдать ее богам? Если бы она не была жрицей, как легко было бы сделать ее своей». В сердце его, которое на некоторое время успокоилось в общении с сестрой военачальника, опять пробудились печальные думы. Опираясь спиной на балку, не двигаясь, Сагоромо весь отдался мыслям о Гэндзи-мие.

Жрица проснулась и встретила с ним глазами. «Увидеть меня спящей, в таком виде...» — смутилась она и, покраснев, скрылась за переносной занавеской. Сагоромо почувствовал сильное сожаление. Прислуживающие дамы тоже проснулись и, двигаясь на коленях, удалились в глубину помещения.

— Последнее время я чувствовал себя очень плохо, и от непосильных страданий не мог выходить из дому, — сказал Сагоромо. — Поэтому я так давно не показывался здесь. Если я хоть один день не вижу тебя, меня терзает беспокойство. Но ты обо мне совсем не вспоминаешь.

— Ты так давно не навещал меня. Я не знала о твоём недомогании. А почему не приезжал Молодой господин?

«Она горела нетерпением увидеть меня и была уверена, что я не приезжал из-за другой женщины», — с волнением в сердце подумал он. Горькие сожаления охватили его.

— Молодому господину очень хочется навестить тебя, и мать на днях собирается с ним приехать. А я сегодня явился сюда прямо из дворца. Правду сказать, на сердце у меня одна тайна. Наверное, грозные боги пожалели меня, и, потеряв тебя, я взял в дом одну девицу. Но разве боги дали мне сердце, способное хоть на некоторое время забыть былое? Моя любовь к тебе стала еще сильнее... Мне кажется, что она похожа на тебя, — но так ли это? Мне бы хотелось сравнить ваши отражения в зеркале.

Он поглядел на Гэндзи-мие с улыбкой.

— Не та ли это женщина, о которой кормилица Дайни рассказывала родителям?

Не отвечая на вопрос, Сагоромо со вздохом произнес:

— На взморье Нагуса
Бросился в воду...
Но лишь увидел тебя,
Как вновь рукава
Стали мокры от слез...¹⁰⁵

И, как всегда в таких случаях, из глаз его полились слезы. Жрица почувствовала себя неловко, сделала вид, что ей очень хочется спать, и удалилась.

«Почему я рассказал ей об этом?» — укорял себя Сагоромо.

28

В столице распространилась страшная эпидемия. Во дворце и на улицах лежали пораженные болезнью люди, смерть унесла очень много благородных господ. Все остро сознавали бренность существования. Император, непрерывно видя сны, значения которых не мог понять, находился в подавленном расположении духа. «Не приближается ли мой конец?» — спрашивал он себя с тоской. Его донельзя тревожило, что у него не было наследника. Император подолгу беседовал с Хорикава.

— Мне кажется, что моя жизнь подходит к концу. Если я буду беззаботно оставаться на престоле и не приму монашества, я совершу большой грех перед Буддой. Я слышал о намерении сделать подданным Молодого господина, которого воспитывает

Сагоромо. В нашей стране бывали разные примеры. Однажды, когда император был еще в пеленках, верховную власть передали государыне¹⁰⁶. Кроме того, императорами становились Минамото в первом поколении¹⁰⁷. Первый министр¹⁰⁸ в противоположность мнению умудренного опытом Сагоромо считает, что не стоит объявлять Молодого господина наследником, а лучше сразу передать ему престол¹⁰⁹. Что ты по этому поводу думаешь? Если я под предлогом того, что нет наследника, останусь на престоле, постигшие страну несчастья будут продолжаться до самой моей смерти. А мне хотелось бы хотя бы один день провести в спокойном состоянии духа.

Мог ли Хорикава сразу согласиться с императором?

— Постигшие страну несчастья предопределены круговоротом жизни, и государю не следует беспокоиться и упрекать себя в том, что обусловлено прегрешениями людей в предыдущих рождениях. Надо заказать молебны, и вы снова обретете покой. А успешная передача престола может привести к еще большим беспорядкам.

Однако создавшееся положение не могло не тревожить Хорикава, и он сам спрашивал себя, что же их ждет в будущем. Ничто не препятствовало Молодому господину стать наследником, Хорикава воспитывал его соответственно, но Сагоромо высказывался против, не открывая, однако, причины.

«Действительно, при императрице Дзингу не было наследника... Что нас ждет? — размышлял Сагоромо про себя. — Как я буду рад, если осуществится пророчество покойной Второй императрицы о молодой сосне на скале в день рождения ребенка!¹¹⁰ Значит, я не напрасно родился на свет. И как бы ни была равнодушна ко мне Вторая принцесса, сможет ли она считать недостойными узы, нас связывающие?» Он крайне сожалел, что не имел ни малейшей возможности поговорить откровенно с принцессой-монахиней.

Дама Тюнагон и кормилица Дайни были сестрами и ничего не скрывали друг от друга, как если бы они были одним телом, разделенным надвое. Дайни никому не передавала того, что рассказывала сестра, но о рождении Молодого господина Тюнагон ей не поведала, думая: «Это тайна, которую покойная императрица не хотела никому доверить, и если я кому-нибудь разболтаю, она узнает и из-под земли. Она с неудовольствием

заметила, что я догадалась, в чем дело. Да и принцесса-монахиня опасается, не разнюхал бы об этом кто-нибудь из окружения генерала. Если я разглашу секрет, так или иначе это дойдет до нее, и она станет считать меня человеком ненадежным. Сейчас никто не думает плохо о Молодом господине, и говорить ни о чем не надо».

29

В течение лета эпидемия все разрасталась, гибли и благородные господа и простолюдины, и столица делалась малолюдной. Вид луны, солнца, неба, звезд и облаков внушали страх. Болезнь императора обострялась, и он думал, что жизнь его подошла к концу. Он хотел переселиться во дворец на Первом проспекте, в котором раньше жил его отец¹¹¹. Государь давно горевал, что у него нет наследника, но надежда на рождение сына не покидала его. Со временем императору оставалось только скорбеть, что чаяния его не исполнились.

Придворные были в тревоге:

— Ведь государь находится еще в расцвете сил...

— Молодого господина, которого отрекшийся император сделал простым подданным, нужно снова возвести в ранг принца и объявить наследником престола. Тогда вряд ли нужно будет нынешнему императору отречься от власти...

Хорикава же говорил:

— Молодой господин рожден императрицей, которая сама была высокого происхождения, поэтому положение его незаурядное. Его не следовало объявлять подданным...

Слушая его, Сагоромо думал: «Как удивительно, что никто не проник в тайну!»

На равнине Сага не проявляли большого интереса к мирским делам, но мог ли император-инок, услышав, что его сын станет наследником, не радоваться, что дожил до этого? Однако его огорчила новость, что жрица Исэ¹¹² очень страдает и произносит в наитии непонятные вещи.

Прошло некоторое время. Однажды лицо жрицы совершенно изменилось, в нем явно проступили черты богини Аматаэрасу, и из уст раздался ясный божественный голос:

— Если император не понял, что у Сагоромо внушающая трепет судьба, что он при своих талантах и внешности не должен быть обычным подданным, то он недостоин править страной. Молодой господин должен взойти на престол после Сагоромо, — невозможно, чтобы отец государя оставался простым смертным. Это принесет вред и царствующему императору. Если же он передаст правление Сагоромо, его жизнь продлится. Я об этом много раз говорила государю во сне, но он меня не понимал.

Я записала ее высокие слова совершенно точно, любезный читатель.

Сказанное богиней жрица передала только императору и верховному советнику. Изумлению их не было предела, значения слов о Молодом господине они не понимали. Нельзя выразить, что почувствовали Хорикава и его супруга при этом известии. Речь шла о повелении богини, их души были объаты страхом. Такой невиданный поворот судьбы! Что будет с их сыном в будущем?

После сообщения жрицы ни император, ни Хорикава ни о чем другом не думали, и каждую ночь им обоим снилось одно и то же. «Если государь в ближайшем времени не передаст страну Сагоромо, мир постигнут невиданные несчастья», — говорил им голос. Поэтому император, не мешкая, объявил Сагоромо принцем и собирался в восьмом месяце передать ему престол.

30

Никто не возражал императору, что таких примеров в недавние времена не бывало, но многие по этому поводу недоумевали. Женщины, благородные господа и простолюдины, не зная причин высочайшего решения, печалились, что у них исчезла возможность видеть время от времени Сагоромо, и так горевали, как будто он скончался.

Сам Сагоромо был в сомнении и тревоге, и будущее не сулило ему утешения. Ему приходилось отказываться от своего давнишнего намерения уйти в монастырь; его угнетало, что отныне не сможет видаться со жрицей Камо. «Такая участь совсем не по мне, — думал он с горьким сожалением. — Правильно говорят в свете, что это недопустимо. К тому же я вряд ли смогу долго оста-

ваться на престоле... Если я стану императором, тайна рождения Молодого господина всем станет известной».

Состояние императора ухудшилось, и он переехал во дворец на Первом проспекте; Сагоромо было не избежать восшествия на престол. Отныне ему не следовало даже выходить на прогулку, но тем не менее однажды ночью, в строжайшей тайне, он отправился в Камо.

Такой жары, как тогда, не было давно, и Гэндзи-мия очень страдала. Вечером слабо повеял прохладный ветерок. Жрица с прислуживающими дамами сидела у самого края веранды, ожидая восхода луны, когда Сагоромо незаметно проник в обитель, и Гэндзи-мия не могла быстро скрыться в глубине покоев. Генералу показалось, что никогда она не была ему ближе, чем в то мгновение.

— Отныне посещения станут для меня невозможны, поэтому сегодня вечером я захотел увидеть тебя еще один раз. Я, вероятно, не останусь долго в этом мире, но во всех случаях мы больше не встретимся... — сказал он и замолчал, не в силах продолжать.

Прислуживающие дамы, видя его неизбывную скорбь, восхищались сердечными отношениями между братом и сестрой. «Как тут не печалиться, зная, что больше не увидишь такую красавицу! Тут и одного-двух дней не выдержишь...» — думали они.

Всегда, когда Сагоромо приезжал к жрице, она говорила себе, что это их последняя встреча¹¹³, но в тот раз она подумала: «Его восшествие на престол — радость для него, однако мы действительно больше не увидимся». Внимательно слушая Сагоромо, она хранила обычное молчание. На душе у генерала стало совсем беспрочно.

Казалось, человеку под багрянником¹¹⁴, столь же печальному, как Сагоромо, стало жаль его. Тучи, покрывавшие все небо, рассеялись, и показалась блистающая луна. В ее сиянье Сагоромо мог ясно видеть лицо и стелющиеся по полу волосы жрицы. Если бы он достиг степени Просветления бодхисаттвы¹¹⁵, он и тогда бы сожалел, что больше ее не увидит. Сагоромо никогда не был привязан к нашему миру, но разве он мог не страдать, глядя на девицу? Отныне ему нужно как-то справиться с собой и забыть о своих нелепых мечтах, но он знал, что и в заоблачных чертогах¹¹⁶ он будет тосковать о Гэндзи-мия непрерывно, как белые волны

без устали набегают на камни ¹¹⁷. «Смогу ли я вытерпеть столько долгих лет?» — думал Сагоромо.

— Встретиться вновь
Никаких надежд
Не осталось.
Где кончается путь
Плывущей в небе луны? —

произнес он, глядя на ночное светило и представляя себе свое унылое будущее. Он утирал рукавом слезы. Гэндзи-мия стало очень неловко, и она закрылась от него переносными занавесками.

— Если бы облака
Не затемняли луны,
Я бы каждую ночь,
Ее в рукав завернув,
Любовалась сияньем ¹¹⁸, —

тихо произнесла она, желая утешить Сагоромо, и эти слова стали любовными путами, которые он никогда не сможет разорвать.

Генерал в последний раз видел и прислуживающих жрице дам, и даже их пустой разговор был ему мил. Дамы же, слушая его полные грусти и сожаления слова, забывали, что его ждет необыкновенное будущее, и все больше и больше увлажняли слезами рукава.

Луна скрылась за горами. В его нынешнем положении, Сагоромо не следовало бы совершать такие легкомысленные прогулки и проводить всю ночь в подобных разговорах. Заставляя себя покинуть обитель, он хотел бы пожаловаться человеку, жившему в древности, который собирал омежник ¹¹⁹.

Светало, а Сагоромо убеждал себя, что еще глубокая ночь. Наконец он покинул жрицу. Навстречу ему ехало множество тяжелых возов с «любовь-травой» ¹²⁰. Сагоромо ехал в очень скромном экипаже с немногими сопровождающими, и возницы, не зная, кто это, без признаков робости проезжали совсем близко от него.

«Они едут в ту сторону, куда стремится моя душа», — подумал Сагоромо и долго смотрел им вслед. Возницы были такими жалкими, что, казалось, потеряли человеческий облик, но это их не

тяготило. Вдруг грубыми голосами они затянули простонародную песню *имаё* ¹²¹, которую тогда повсюду распевали дети. Сагоромо думал об этих беззаботных наглецах и пробормотал:

— Семь возов нагрузил
Я «любовь-травой»,
Но не сякнет запас.
И сколько бы
О своей любви ни твердил...

31

Двадцатого дня восьмого месяца состоялась церемония передачи страны новому императору. Уже давно все в свете только и говорили об этом редчайшем событии, но Сагоромо, даже сменив на престоле бывшего государя, еще не осознавал, что все произошло наяву. И раньше, с какой стороны ни возьми, с Сагоромо нельзя было сравнить никого в Поднебесной, но все-таки он оставался подданным, а ныне между ним и теми, кто прежде вместе с ним являлся во дворец, расстояние было как от неба до земли, и придворным оставалось только в изумлении взирать на него. Казалось, что даже его лицо и манеры изменились, что от него исходило изумительное сияние, и на него, до тех пор простого придворного, взирали с благоговением. Хорикава передал должность верховного советника левому министру и получил титул отца императора ¹²², а мать Сагоромо стала императрицей-матерью.

Такое неожиданное возвышение семьи было предопределено в предыдущих рождениях, но Хорикава был глубоко благодарен отрешенному от престола императору Итидзё за необыкновенную милость по отношению к сыну.

Император ¹²³ не мог относиться к супруге по-прежнему, он велел перевезти ее в усадьбу отца и затем, как можно скорее, в императорский дворец.

«Я с трудом переносила, когда муж против воли время от времени навещал меня, — думала она. — Для чего мне сейчас переселяться к нему? Стать посмешищем всего света? В этой юдоли скорби мне лучше, воспользовавшись восшествием мужа на престол, принять монашество».

¹²⁵ Повесть о Сагоромо

Брат ее, отрекшийся от престола император Итидзё, узнав о ее нежелании, рассердился и выговаривал принцессе: «Нелепое решение, достойное вульгарной женщины». Он распорядился, чтобы, несмотря на ее сопротивление, готовились к ее въезду во дворец. Принцесса чрезвычайно страдала.

В ночь, назначенную для переезда, она решила, что не надо увеличивать число «неприятных мест»¹²⁴, и отправила туда только дочь Асукаи в сопровождении кормилиц. Никто, даже дамы, прислуживающие принцессе, не знали, что она останется на Первом проспекте.

Император перед встречей с супругой чувствовал себя смущенно. «Как она относится к перемене моего положения?» — спрашивал он себя. Он оделся с особой тщательностью к приезду супруги, но ему доложили: «Госпожа, чувствуя себя плохо, осталась у себя, а прислала только воспитанницу». Обманутый в надеждах, император почувствовал досаду. «Больно видеть, какой у нее неуступчивый характер!» — подумал он. Ему не терпелось увидеть дочь, и он сразу же отправился в ее покои. Маленькая красавица расставляла кукол, и когда император увидел ее, слезы затуманили ему глаза.

— Принцесса передала мне заботу о своей воспитаннице. Отныне я буду относиться к ней с еще большим участием. Здесь жен у меня нет, мне очень скучно. Девочка будет развлечением для меня. Заботьтесь же о ней, — наказал он кормилицам дочери.

Он очень беспокоился, чтобы дочь не тосковала во дворце.

Когда отрекшийся император Итидзё услышал, что принцесса осталась у себя, он снова и снова писал ей: «Прискорбный поступок, мне это не нравится». Но принцесса своего решения не меняла. Брату она ничего не отвечала, а прислуживающие дамы ему докладывали: «Госпожа очень страдает».

Из императорского дворца приходили каждый день письма с упреками, но, отговариваясь болезнью, принцесса императору тоже ничего не отвечала.

Каждый день император во Дворце щедрых наград, Кокидэн, учил дочь играть на цитре. Девочка была умна, и под ее пальцами инструмент звучал прекрасно. Во всем проявляла она редкие способности. Император с радостью представлял, какой она вырастет. Все чаще вспоминая об Асукаи, он думал: «Если бы она была жива, она бы служила во дворце как любимая жена».

32

Итак, въезд принцессы во дворец не состоялся, и ее отсутствие причиняло императору страдания. Даму, о которой он написал стихотворение о бухте Нагасу¹²⁵, после восшествия на престол он не видел. Жалуюсь, что во дворце нет никого, кто бы мог развлечь его, император решил, что можно не скрывать далее своих отношений с госпожой, и велел второму военачальнику побыстрее заняться подготовкой въезда сестры во дворец.

Положение госпожи, однако, не было обычным¹²⁶, она сильно мучилась. Когда военачальник узнал, что с ней, он доложил императору. Услышав об этом, тот совсем потерял покой. Ночью он не отправлялся в опочивальню, но проводил время, играя на музыкальных инструментах или читая китайские книги. Он с нежностью вспоминал даже о дамах, с которыми мимолетно сводила его судьба, и до самого рассвета не смыкал глаз.

33

Однажды ночью император сидел на веранде, любясь садом, залитым лунным сиянием. Он вспомнил, как Гэндзи-мия произнесла: «Каждую ночь, в рукав завернув...»¹²⁷, и почувствовал, как страстно он любит ее. Луна скрылась за облаками. Император, ощущая на сердце страшную пустоту, написал жрице письмо:

«Слезы любовной тоски,
Облаками к небу поднявшись,
Окутывают луну.
Так же, как ее лик,
Мокры насквозь мои рукава¹²⁸».

Когда тучи рассеиваются, я спрашиваю себя, о чем ты думаешь, глядя на луну, и горю желанием встретиться с тобой».

Он послал письмо с придворным подростком, который постоянно находился возле него. Когда тот доставил послание, жрица,

как и предполагал император, любуясь ярким светилом, размышляла: «С каким чувством Сагоромо смотрит на луну?»¹²⁹

Письмо было исполнено тонкого вкуса. Жрица со смущением подумала, что ныне, когда Сагоромо стал императором, ответ нельзя поручать никому. Она написала только вот что:

«Или свет осенней луны,
Пробуждающий в сердце печаль,
Не дружен с моим рукавом?
Разве вчуже смотрю
На него равнодушно?»

Посыльному было вручено платье, затканное хризантемами; он накинул его на себя и отправился назад. Озаренный луной, подросток был необыкновенно красив, вокруг него вился неземной аромат, которым была пропитана одежда жрицы.

Когда император прочитал ответ, его любовь к Гэндзи-мия заплыла с новой силой, и, думая о ней, он втайне от всех проливал слезы. На этот раз жрица открыто выразила свое расположение к нему, и императору казалось, что они разговаривают по душам, сидя лицом друг к другу. Спать ему вовсе не хотелось, и он бормотал в одиночестве: «В Ласточкином тереме...»¹³⁰ Раздался голос стражника: «Наступил час Быка»¹³¹.

Даже тогда, когда император наслаждался положением подданного, он страдал, не имея возможности следовать своим желаниям¹³², а после восшествия на престол он не мог исполнить даже танец¹³³.

34

Придворные, преданные супруге императора, с печалью рассказывали ей, в какой меланхолии пребывает государь из-за ее отказа въехать во дворец, но она не могла при этом не думать с насмешкой: «Он угрюм от природы, а тут еще сестра второго военачальника никак не въезжает во дворец...» К ней непрерывно прибывали гонцы с укоризненными письмами от императора; принцесса же своего решения не меняла, и не только потому, что сердилась на холодность Сагоромо. Она обнаружила у себя при-

знаки болезни, которая привела к кончине ее мать, и думала, что вряд ли протянет долго. Она стала отвечать императору с большей теплотой, но о переезде во дворец совершенно не думала и мечтала поскорее принять постриг.

35

Кормилица Бэн сообщила о необычном состоянии госпожи императрице-матери, которая была посвящена в тайну дочери Асукаи, но не догадывалась, что Молодой господин — сын Сагоромо. Услышав о близившемся событии, она чрезвычайно обрадовалась.

«После того как он перевез к себе эту девицу, он перестал бродить неизвестно где, не находя дома покоя, и душа его успокоилась. А после того, как судьба вознесла его столь высоко, остается считать, что их отношения были предопределены предыдущими рожденьями», — думал, безмерно ликую, отец императора и доложил о предстоящем событии сыну. Государь и без того горел желанием видеть подле себя госпожу, а ныне, беспокоясь о ее положении, от нетерпения не находил себе места.

«В этом месяце нужно воздерживаться»¹³⁴, — сказали ему, и император вынужден был терпеть разлуку; в десятом же месяце было очень много служб богам, но император прервал их на некоторое время и велел привезти госпожу во дворец. Ее поселили в Павильоне глициний, Фудзицубо¹³⁵.

Даже когда она носила траур по матери, ее можно было сравнить с Гэндзи-мия, а ныне, в красном парчовом платье, она была необыкновенно пленительна. Император сожалел, что их разлука длилась так долго. Приезд Фудзицубо принес ему утешение. Она разительно походила на жрицу Камо, — император часто вспоминал дорогой облик, и грудь его переполняла печаль. «Раньше я не предполагал, что, оставаясь в этом мире, я не смогу видеть жрицу», — думал император и, забывая о красоте Фудзицубо, погружался в глубокую задумчивость.

«Давно терпел
Любовные муки.
Но мог ли предвидеть,

Как буду терзаться,
Когда видеть ее не смогу?» —

думал он. Мысли его непрерывно блуждали между двумя женщинами. При этом ему было жаль Фудзицубо, которая так сильно мучилась. Если бы он был вынужден покидать ее ради другой наложницы, пусть столь же блистательной, он чувствовал бы себя очень несчастным. Ее любовь не могла наскучить государю, и будущее с ней сулило ему одни радости. Он все время проводил в ее обществе и не покидал ее покоев.

36

Многие сановники и принцы давно мечтали отдать своих дочерей в жены Сагоромо, даже заранее соглашаясь на недолговечность брака. Став императором, он, может быть, согласится принять их на службу во дворец? Его супруга чувствует себя плохо, собирается принять монашество... Заботливые отцы считали это, без сомнения, счастливым стечением обстоятельств и пытались узнать о намерениях императора через кормилицу Дайни, которая получила третий ранг¹³⁶.

Некоторых из этих девиц Сагоромо в свое время тайно навещал; с некоторыми, посмотрев на них при яркой луне или при свете лампы, он не захотел входить в близкие отношения. Став императором, он не собирался приглашать всех без разбора на службу во дворец и отвечал искателям:

— Мне кажется, что я не долго буду оставаться на престоле, и не хочу быть опрометчивым. Если же я пойму, что царствование мое будет долгим, я обязательно приглашу на службу во дворец вашу дочь.

Придворные, зная, что он в свое время посещал их дома, были очень недовольны. Император жалел девиц, и если бы не его прискорбное положение, разве он оставил бы их так? «Моим желанием в этом мире не суждено было сбыться ни в отношении Гэндзи-мия, ни принятия пострига, но лучше не собирать вокруг себя дам, с которыми я должен был бы в душевном ослеплении предаваться утехам. Через два-три года я разорву все узы с этим миром и уйду в монастырь», — думал он.

В одиннадцатом месяце, после исполнения танца *Пяти мановений*, Фудзицубо должна была покинуть дворец¹³⁷. «Почему моя жизнь подчинена таким ограничениям?» — повторял император. Он никак не мог дать ей разрешения на отъезд, но нужно было следовать предписаниям, и, как он ни сожалел, задерживать ее он не мог. «Теперь у меня нет ни развлечений, ни утешения», — думал император.

37

Тем временем наступил новый год¹³⁸. Перед праздником Камо от императора для участия в церемонии очищения жрицы был назначен посланец. Вспоминая прошлое, государь тосковал по Гэндзи-мия сильнее, чем обычно.

Придворные преподнесли жрице множество вееров, но она пользовалась только тем, который с большой тщательностью сделал для нее император. Он не хотел украшать его шаблонным рисунком, и искусный архивариус замечательно расписал веер по его указанию. Даже для прислуживающих ей дам по приказу императора были изготовлены великолепные веера. Завернув подарок жрице в особенно красивую бумагу, государь написал на ней:

«Очарован названием,
С надеждой шлю веер.
Мановеньем руки
Нельзя разорвать
Нашу близость»¹³⁹.

Он подумал с опасением, что его отец непременно увидит это стихотворение. Но вряд ли оно приведет в волнение жрицу, — и не стал менять обертку.

Подарок доставил архивариус пятого ранга¹⁴⁰. Как и предполагал император, у жрицы находился его отец, который принял посылного очень приветливо. Что же касается веера, отец нашел его слишком роскошным, не соответствующим официальному подарку, но очень им восхищался. Он внимательно рассматривал вещь и прочитал стихотворение, но, не догадываясь о столь

долгой любви сына, увидел в нем лишь обычное приветствие, а от удивительного почерка сына пришел в такое восхищение, что стал утирать рукавом слезы.

Жрица же прекрасно поняла смысл написанного и почувствовала сильную печаль. Хорикава торопил ее с ответом, и она, долго не раздумывая, написала:

«С любовью смотрю
На вещицу с милым названием.
Если изменится сердце,
Горьким мне станет
Навеванье прохлады».

Когда император прочитал стихотворение, он почувствовал, что его любовь к Гэндзи-мия только крепнет.

В день праздника красиво одетый офицер Личной императорской охраны отправился посланцем в Камо, и император с завистью смотрел ему вслед.

«Придворных толпа
На праздник спешит,
Шляпу мальвой украсив,
Мне одному не дано
Священный предел посетить»¹⁴¹, —

думал он, и всякий, кто взглянул бы на его столь благородное лицо, решил бы, что даже престола для него недостаточно.

Приближалось время родов Фудзицубо. В усадьбе Хорикава было шумно: в ней собралось множество народу, придворных и монахов, — там были все, кто хоть что-то представлял собой в этом мире. Непрерывно приходили гонцы от императора, многочисленные, как капли дождя. Государь с нетерпением ждал новостей, тревожась о госпоже. Можно ли представить его радость, когда он услышал, что все прошло благополучно и родился мальчик! Ликование его отца, который заботился о Фудзицубо, было

беспредельным. Даже сама госпожа не радовалась новорожденному так, как он.

Никто не знал, что дочь Асукаи — дочь императора, и думали, что родившийся ребенок — его первенец. Придворные между собой обсуждали положение: «Молодой господин во всех отношениях великолепен, но как станет отныне относиться к нему государь?.. Вряд ли теперь Молодой господин будет избран наследником престола».

Хоть до назначения наследника было еще далеко, в свете об этом непрерывно толковали, и даже отрекшийся император Сага стал беспокоиться о будущем Молодого господина. Разве не были вздором все эти разговоры?

Император любил новорожденного беспредельно, и непосвященным в тайну Хорикава с супругой и в голову не приходило, что сын Фудзицубо займет положение ниже, чем Молодой господин. Беря на колени и лаская младенца, они не сомневались, что все, о чем говорили в свете, обязательно исполнится.

Кормилица Дайни отправилась во дворец и рассказала императору, как беспредельно его родители любят внука. Император при этом вспоминал, как безучастно он отнесся к известию о рождении Молодого господина, как дама Тюнагон намекнула ему об истинном положении вещей, в какое он пришел в отчаяние и как, забыв об осторожности и благоразумии, проник ко Второй принцессе и в снежную ночь впервые услышал «крик журавленка». «Разве мог бы я заботиться о нем больше, если бы он был признан моим сыном? — с болью подумал он. — Никто мне не дорог так, как он. Больше всех я любил его и Вторую принцессу, о судьбе которой я всегда буду беспредельно сожалеть и о которой тоскую по-прежнему. Сколько бы в будущем у меня ни родилось прекрасных сыновей, они никогда не будут мне так милы, как Молодой господин. В свете уже сейчас судачат об избрании наследника престола... Что, если эти толки дошли до принцессы-монахини?»

Молодой господин к тому времени вырос и стал так прекрасен, что его лицо, казалось, своим блеском освещало окрестности.

Как-то раз император позвал его к себе и, глядя его прекрасные, как у женщины, волосы, сказал:

— Я очень беспокоился о принце, который родился в усадьбе на канале Хорикава, и, к сожалению, давно тебя не видел. Никто не любит тебя так, как я.

Молодой господин выглядел не по годам взрослым и рассудительным. Он был растроган словами государя, покраснел, и на глазах у него показались слезы. Восхищаясь его лицом и волосами, император не мог сдерживать слез и подумал: «Он так напоминает мне тот облик, который я видел давно при слабом блеске лампы! Если бы, видя, как он привязан ко мне, принцесса-монахиня простила меня! Если бы она знала, что у нее будет такой замечательный сын, она вряд ли отвернулась бы от мира! Это из-за моего легкомыслия она приняла монашество». Он угрызался так, как будто все произошло вчера или сегодня. Открыв тушечницу и взяв кисть, он написал:

«Вся нежность моя,
Вся любовь
Тебе одному.
Никто в моем сердце
Место твое не займет».

Он показал стихотворение Молодому господину. Улыбнувшись, тот сказал:

— Я никак не могу написать так красиво, как вы, — и, повернувшись боком, с явным смущением написал:

«Если другому
Предназначены будут
Милости государя,
Вряд ли смогу я втайне
Горькие слезы не лить».

Движенья руки, державшей кисть, были столь грациозны, что хотелось, чтобы он был принцессой.

«Неудивительно, что он пишет так красиво. На чей почерк это похоже? Принцессы-монахини? Она-то во всем замечательна», — подумал император. Слова «втайне горькие слезы» наполнили скорбью его сердце, и он подумал: «Лучше не открывать ему того, чего не знает и отрекшийся от престола император Сага...»

Когда и не столь любимая дама рожала императору сына, он обычно совершал выезд в дом ее родителей. Для Сагоромо, кроме того, это был повод встретиться с матерью, визиты к которой он

не мог часто устраивать, — поэтому император не мог дожидаться мгновения, когда он увидит ребенка, Фудзицубо и свою мать.

Как только прошло семь дней после рождения сына, он совершил выезд в усадьбу на канале Хорикава. На улицах, по которым он ехал, собралось невероятное количество народу — и благородных в экипажах, и пешего люда, которые давно сетовали, что не могут видеть государя. Император с непереносимой грустью смотрел на хижины бедняков, на двери из твердых пород ¹⁴² домов, мимо которых он в свое время, из-за живущих там девиц, не мог проехать равнодушно. Все пленяло его. Глядя на помосты и экипажи, в которых сидели благородные дамы, он думал со страданием в душе: «Все они считают меня жестоким» ¹⁴³, — и искоса бросал на дам сочувственные взгляды. И действительно, было много дам, которые только и ждали с его стороны приглашения ¹⁴⁴.

В усадьбе на канале императора ждало множество народу различных званий. Все радовались его приезду, и его мать не могла сдерживать слез, хотя плакать в такой день было не к добру. Император, поговорив немного с ней, прошел в покои, где находился младенец. Мальчик был необыкновенно красив и как две капли воды походил на Молодого господина, которому несколько дней назад император написал: «Место твое не займет». С восхищением глядя на новорожденного, он подумал, что Сагоромо не может относиться к нему равнодушно.

Фудзицубо была очень слаба, она заметно похудела. Император с беспокойством и жалостью смотрел на нее. Как ни трудно было расстаться с ней, с наступлением сумерек государь возвратился во дворец. Управляющие и слуги отца императора, как всегда бывает в таких случаях, получили повышение в ранге.

Известие о радостном событии глубоко опечалило супругу императора, и, может быть, поэтому ее болезнь приняла худой оборот. Она постриглась в монахини, что крайне огорчило и ее брата, и Сагоромо, а через несколько дней после принятия пострига принцесса скончалась. Все горевали и оплакивали ее. Император сожалел, что их отношения до самого конца остались недружелюбными.

«Мало ей было отпущено времени жизни! Почему я был с ней настолько черств?» — укорял себя император. Как обычно, он проливал о прошлом горькие слезы.

После смерти принцессы император решил объявить Фудзицубо императрицей. Она вместе с сыном переехала во дворец. Как бы государь ни горевал об умершей, но когда он увидел прибывших, то скорбь его рассеялась. Да и к чему было теперь так печалиться о принцессе?

— Я не люблю никого, кроме тебя. Когда мы покинем этот мир, мы возродимся в одном лотосе в Чистой земле, — клялся император госпоже. Он все время проводил с ней одной. В древности не было таких примеров, чтобы государь, как простой смертный, ограничивался любовью одной дамы, и в свете повторяли: «Какое необыкновенное счастье выпало на долю Фудзицубо!»

40

Время проходило быстро¹⁴⁵. Сорокадевятидневный траур по принцессе кончился. Осенью и зимой того года император совершал выезды в храмы Оохарано¹⁴⁶, Касуга, Камо и Хирано¹⁴⁷. Выезды были обставлены замечательно, и хотя кое-что было так же, как всегда, это были события, о которых долго вспоминали с тоской. Красота и манеры императора достигли к этому времени совершенства. Многие господа из числа сопровождающих, обладающие прекрасным вкусом, изо всех сил старались поразить зрителей, и их костюмы, седла, одежда слуг и конюхов, которые как на подбор были замечательными красавцами, — все было великолепно.

Экипажей на улицах было еще больше, чем в день посещения императором усадьбы Хорикава; жители столицы горели желанием взглянуть на императора, и огромное людское море волновалось на проспектах.

Выезд в Камо состоялся в последний день девятого месяца. В поле уже завяли травы, и только роса, лежащая на них, оставалась все той же.

«Пусть моим желаниям не дано было осуществиться, но раньше я беспрепятственно, сколько угодно, мог ездить в Камо.

На что мне тогда было жаловаться?» — думал император, вспоминая с нежностью Гэндзи-мия.

Когда переправлялись через реку, несущие паланкин слуги, не догадываясь о грусти императора, громкими криками подбадривали друг друга. Их голоса неприятно действовали ему на слух, и он подумал: «Почему они так спокойно покрикивают, переправляясь через реку, в которую я от скорби готов броситься?»¹⁴⁸

О, волны Камо-реки!
Сколько раз видел вас,
Храм посещая,
Источник неразделенной любви
И горького негодованья!

Я осознаю свое преступление перед богами Камо, что я любил и буду любить их жрицу. Они меня за это не только не наказали, но вознесли на недостигаемую высоту, и я благодарен им за эту милость», — думал император. Боги проявили-таки свое недовольство: жрицу он в тот приезд не увидел.

В верхнем святилище была проведена церемония очищения. Жрецы громко читали молитвы:

— В прошлом году вы, милостивые боги, вняли просьбам государя¹⁴⁹, и теперь даруйте ему жизнь в сто двадцать лет¹⁵⁰. Пусть и Освещающая небеса богиня¹⁵¹ преклонит ухо к нашим словам...

Представляя себе, что он так долго будет оставаться на престоле, император радости не ощущал.

«О боги, хранители
Восьми островов!
Разве просил я,
Чтобы вдали от нее
Крепла моя любовь?»¹⁵²

Ни одна молитва моя не была услышана», — подумал он.

В десятый день десятого месяца состоялся выезд императора в Хирано. Листва на деревьях была красной и желтой, и император ехал по равнине, глядя на растущие там дубы и деревья на горах, покрытые багрянцем. Раньше во время своих тайных поез-

док он видел много замечательных мест; он вспомнил об одном из таких — местечко, которое посещал советник *сайсё* из «Повести о мокрых рукавах»¹⁵³, на северной горе у храма Хоон¹⁵⁴. Деревья были покрыты алыми листьями, там и сям поднимался дым от костра, подножие горы было окутано туманом. Глядя с особым чувством на эту картину, государь все более и более тосковал о Гэндзи-мия: в нижнем святилище, где она обитала, листья были красивее и покрывали землю, как разноцветная парча.

На вершинах гор сильный порывистый ветер срывал листву и устилал ею почву. Картина была столь изумительна, что ее хотелось нарисовать, чтобы долго любоваться. Такой вид приводит душу в восхищение даже в местах, где не живут дорогие вам люди. Но император, сосредоточенно думая о жрице, не обращал на него внимания.

Не растут криптомерии
У ограды священной,
Но так прекрасны
Багряные листья,
Что входа нельзя не заметить¹⁵⁵.

Ничего в северных горах его не радовало. Только на обратном пути он смотрел на Лодочный холм¹⁵⁶, обращенный в сторону Камо, как на своего лучшего друга.

«Если бы можно было заехать к жрице! Что она сейчас делает? Как себя чувствует? Если бы душа, покинув тело, отправилась туда...¹⁵⁷ — повторял он про себя, горя желанием увидеть ее. —

Разве сердце,
Полное страстной тоски,
Не сможет в лодке,
Через холм переплыв,
Заветного края достичь?»¹⁵⁸

Смотрел ли он на равнины, горы или глубокие реки, государь ни на мгновение не забывал о Гэндзи-мия. И хотя он относился к Фудзицубо как нельзя лучше и собственную судьбу во всех отношениях считал необыкновенно счастливой, император тосковал о жрице и не мог утешиться.

Император очень жалел дочь Асукаи, которая одна жила во Дворце щедрых наград. После смерти ее приемной матери Хорикава часто навещался туда и навещал внука. Он знал, что мать ее не была знатной дамой, но девочка была настолько красива, что скоро все должны были заговорить о ней, и дед печально думал, что и Асукаи, без сомнения, была так же хороша собой. Хорикава не допускал мысли, чтобы из-за невысокого происхождения матери относились с презрением к его внучке, и решил сразу после церемонии надевания головного убора взрослых на Молодого господина провести над ней обряд надевания юбки. Церемония должна была носить частный характер, но Хорикава готовился к ней так, чтобы она осталась образцом для последующих поколений.

Поскольку сама покойная принцесса относилась в последнее время к воспитаннице равнодушно, никто, кроме дочери монахини из Токива и кормилиц, не обращал на нее внимания. Но положение изменилось: дочь Асукаи была окружена прислужницами, среди которых многие были очень благородны.

Отрекшийся император Итидзё помнил, что в первое время его сестра очень любила свою воспитанницу, и думал: «О ком мне заботиться в память о ней, кроме этой девочки?» Он, конечно, слышал о готовящемся обряде и послал ей к этому дню необычайно красивую одежду, веера и благовония.

Мне лучше опустить эти события. Если бы вдобавок к двум церемониям в ту же ночь надевали на Второго принца¹⁵⁹ штаны, удивительных вещей было бы слишком много, и если бы я и вознамерилась их описать, я только испортила бы впечатление. Эти обряды были столь замечательно продуманы, что выделялись среди множества других великолепных церемоний.

Когда принцу завязали узлом на макушке волосы, он показался еще блистательнее, чем прежде, и император спрашивал себя, беспокоясь за сына: «Кем был он в прежних рождениях? Где находился?» Он всегда необыкновенно любил мальчика, но в то мгновение его чувства были столь сильны, что сравнить их не с чем.

Дочь Асукаи в ту ночь поражала своей красотой, и не было ни малейших причин презирать ее за незнатное происхождение. Император провозгласил ее принцессой первого ранга. Он вспоминал, как неожиданно он встретил ее мать, как убежал отворачи-

тельный монах... Все было ему мило. Он донельзя сожалел, что не может присутствовать на церемонии надевания юбки.

«Я услышал во сне, как Асукаи произнесла: "Жизнь мою без следов унесет"¹⁶⁰, — и проснулся... Я тревожился, не понимая, что предвещает сон. У меня не было возможности заботиться о дочери, как мне следовало бы, и я малодушно думал, что делать нечего. А покойная принцесса взяла ее на воспитание и, скончавшись, оставила мне. Как печален этот мир!» — думал император с глубокой скорбью, но проливать слезы в такой день было бы дурным предзнаменованием, и он удержался. Однако подобные мысли его не оставляли.

42

После обряда надевания головного убора Молодой господин был назначен главой Военного ведомства. На следующий день после церемонии он отправился в храм на равнине Сага.

Император смотрел, как наряжали принца, и беспокоился о том, что его красота с каждым днем становится все ослепительнее и может привести к несчастью. «Вряд ли принцесса-монахиня может оставаться равнодушной к такому сыну, — с уверенностью подумал император. — Но как она упряма! Сколько бы ни проходило времени, она по-прежнему остается непреклонной». В тот день, однако, лучше было бы воздерживаться от каких бы то ни было упреков. Став императором, он, к глубокому сожалению, лишился возможности навещать принцессу-монахиню, но часто посылал ей длинные письма.

Сожалея, что она не могла присутствовать на церемонии надевания головного убора, он писал:

«День долгожданный
Настал.
Если б могла обо мне
Думать отныне с участием
И старое горе забыть!

Если Вы не станете читать, как проходила церемония, любой согласится, что Вы лишены человеческих чувств».

— Передай это принцессе-монахине так, чтобы никто не видел, как ты обычно делаешь, — сказал он принцу.

Тот положил за пазуху письмо и отправился на равнину Сага. Император со слезами на глазах долго смотрел ему вслед.

Отрекшийся император Сага ждал принца с нетерпением, и как он ему обрадовался! Поразительно, как принц стал похож на императора! «Не может быть! Но ведь об этом сказала сама богиня Аматаэрасу — значит, так оно и есть», — думал император Сага, чувствуя жалость к покойной супруге.

После визита к отрекшемуся императору, которого он приветствовал, как подобает сыну, принц пошел к монахине. Разве не прискорбно, что он относился к ней как к сестре?¹⁶¹ Он украдкой передал ей письмо.

Прислуживающие принцессе дамы как-то прослышали о словах богини Аматаэрасу и недоуменно шептались об этом между собой, что повергало принцессу-монахиню в глубокую скорбь. Когда же она увидела принца, который стал так похож на императора, что никаких сомнений не могло оставаться, ее охватил стыд, и она никак не могла не только более любезно отвечать на письмо, но даже прочитать его. Раньше в подобных случаях принц всегда настойчиво просил монахиню написать ответ, но в тот раз он только смотрел на ее страдающее лицо и не мог вымолвить ни слова. Он сочувствовал и ей, и императору, а кроме того, опасался: «Государь просил, чтобы я обязательно принес ответ, и когда я вернусь с пустыми руками, он решит, что я человек никчемный».

Знавшие тайну кормилица Идзумо и дама Тюнагон, находившиеся в комнате, заливались слезами.

Сожалея, что отношения между императором и монахиней не стали дружелюбнее, принц возвратился в столицу. Государь находился у Фудзицубо. Глава Военного ведомства сразу же направился туда, и император вышел к нему на веранду.

— Что говорил отрекшийся император? Виделся ли ты с принцессой-монахиней? — стал расспрашивать он принца.

«Как прискорбно, что не могу публично признать его своим сыном!» — думал он.

Со временем принц стал понимать, что государь любит его больше, чем отрекшийся император Сага, и отвечал ему горячей привязанностью. Сидя на веранде и разговаривая с государем, он производил впечатление не по годам взрослого человека; у него

были такие прекрасные манеры, что находившимся рядом с ним следовало бы стесняться за свое убожество. Фудзицубо совершенно к нему привыкла, и государь стал побаиваться, как бы принц не влюбился в нее, и больше не приглашал его во внутренние покои.

— Что с письмом, которое я дал тебе? — тихо спросил император.

— Я передал его...

Было ясно, что и на этот раз монахиня не написала в ответ ни слова.

«Неужели даже сегодня она не может пересилить свою неприязнь и не относиться ко мне так бессердечно?» — думал император с обидой. Он давно зарекался посылать ей письма, но, глядя на принца, сидевшего перед ним, он спрашивал себя, возможно ли разорвать такие нерасторжимые узы?

— «Вновь возвращается мое сердце...»¹⁶² — невольно произнес он тихо, но Фудзицубо услышала и догадалась, что между ее супругом и принцессой-монахиней существовали какие-то отношения.

Она в это время занималась каллиграфией и написала:

«Вспомнил о прошлом,
И старые чувства кипят.
А казалось, ручей,
Что бежал средь полей,
Давно травой зарос...»¹⁶³

«Какими же они связаны клятвами?»

Увидев, что император вернулся в комнату и приближается к ней, госпожа, кое-как зачеркнув написанное, сунула листок под сиденье.

— При отношениях, как у нас, ужасно, если ты хочешь что-то скрыть от меня. Откуда у тебя такая привычка? — пожурил он ее и вытащил листок.

Разобрать написанное было вполне возможно, и император понял, что она услышала его слова и поняла, что его сердце неудержимо стремится к принцессе-монахине.

«Вновь полюбить не могу.
Только раз зачерпнул

Чистой воды из ручья,
Но неведомо мне,
Куда он бежит», —

написал он и протянул ей листок со словами:

— Я не укоряю тебя за стихотворение. Меня встревожило, что ты что-то прячешь от меня. Прочти, что я написал...

Вынужденный таким образом сообщить госпоже о своих чувствах к принцессе-монахине, он думал: «Разве таковы были эти отношения, чтобы говорить так беспечно?» Он, как прежде, чувствовал всю непростительность совершенного греха, из глаз его полились слезы, и, чтобы рассеять подозрения Фудзицубо, он сказал:

— Отрекшийся император Сага беспредельно благоволил ко мне и хотел отдать мне в жены свою любимицу, Вторую принцессу. Я же, не желая долго оставаться в этом мире, сделал вид, что не заметил этого намерения. Как я думаю сейчас, это было с моей стороны страшным заблуждением. С давних пор я не хотел связывать себя с женщинами, мечтая о монашестве и достижении Просветления. И только когда встретил тебя, я, как это ни прискорбно, понял, что не смогу оставить этот мир... Но к чему рассказывать? Ведь еще Будда говорил: «Остановись, остановись! Ничего объяснять не нужно!»¹⁶⁴

43

С каждым днем глава Военного ведомства становился все блистательнее и был решительно похож на Сагоромо и лицом, и манерами. Придворные, мечтавшие отдать своих дочерей за будущего наследника престола, стали тем не менее подумывать: «Как можно пропустить такого красавца?» Многие из них намекали императору о желании породниться с принцем. Среди них был тот самый второй военачальник Личной императорской охраны, который тайно посетил Имахимэ, в свое время поразившую Сагоромо повторением стихотворения о реке Ёсино¹⁶⁵. Ныне он был старшим советником и главой Ведомства двора наследника престола. Это его в злополучную ночь родственница Имахимэ приняла за правителя западных провинций и осыпала бранью.

Вскоре после того он увез девицу к себе и прекрасно к ней относился. Отсутствие у Имахимэ тонкого ума его не смущало. У них было очень милое потомство.

Старшая дочь была замечательная красавица, отец решил непременно отдать ее за наследника престола и сделать императрицей, но жена упрямо возражала ему:

— Мои желания поступить на службу во дворец не осуществились, я ни разу не посетила императорского чертога и не видела государя, а сейчас я хочу видеть нашу дочь женой главы Военного ведомства.

Можно ли было противиться тому, на чем она так настаивала? Старший советник через кормилицу принцессы первого ранга¹⁶⁶ доложил императору о своем желании.

«Когда я в свое время приходил к Имахимэ, дамы, чтобы посмотреть на меня, отталкивали друг друга от переносных занавесок, — я помню, как будто это было вчера. А прошло столько времени, что мы с ней заводим разговор о браке детей, — думал император с грустной улыбкой. — Но как воспитали родители самую девицу? Старший советник, по-видимому, не входил в детали, и жена обучала дочь шитью, окраске тканей, равно как искусству стихосложения, каллиграфии, музыки, что обычно передается из поколения в поколения в семье... Если бы она не справлялась с воспитанием детей, советник, без сомнения, вмешался бы... Но ведь он и сам человек грубый, самодовольный...» Все заставляло его предполагать, что девица воспитана плохо. «Может быть, мать учила ее играть на лютне...» — подумал он, не в силах сдержать улыбки.

— Принц еще очень молод, и было бы неразумно связывать его браком, — сказал император советнику. — Если через несколько лет он не сделает выбора, предлагайте любую из ваших дочерей.

Он приказал великолепным образом отделать Павильон павлонии, как будто для самой императрицы, пригласил множество дам редкой красоты и поселил там главу Военного ведомства. Так же роскошно были приготовлены для него покои в усадьбе Хорикава, в которых раньше жил сам Сагоромо, и принц всегда встречал на канале радужный прием.

Фудзицубо переехала во дворец на Третьем проспекте, который император отстроил для нее¹⁶⁷, а ее покои в усадьбе Хорика-

ва предназначили для принцессы первого ранга и тщательно их отделяли. Император днем и ночью заботился о своем любимце главе Военного ведомства и дочери Асукаи. Отец же его больше всех любил сына Фудзицубо, но внешне относился к главе Военного ведомства так же горячо, как Сагоромо.

44

Принцесса первого ранга была уже взрослой, и наследник престола¹⁶⁸ не забывал о ней. Он постоянно посылал ей письма и сердился на императора за то, что тот тянет с ее поступлением к нему на службу. Сагоромо, однако, вспоминая о своей покойной супруге, думал: «Принцессам лучше замуж не выходить и всю жизнь проводить в занятиях утонченными искусствами. Покойная была слишком горда и страдала от брака со мной, — мне всегда было жаль ее. Насколько было бы лучше, если бы ту недолгую жизнь, которая ей была отпущена, она провела в одиночестве и никто не мог бы в чем-либо упрекнуть ее».

Поэтому он решительно отказывался посылать дочь к наследнику. К тому же у принцессы со стороны матери не было могущественных родственников, которые бы заботились о ней и на которых можно было бы положиться, и по поводу ее будущего нельзя было быть спокойным. К чему было спешить с ее въездом во дворец, не зная, какие быстрыны и омуты ждут ее?

Император приставил к принцессе превосходных кормилиц и прислуживающих дам и сам ревностно заботился о ее воспитании. «Сагоромо не был особенно привязан к своей супруге, а вот о воспитаннице ее печется как о настоящей принцессе», — думал с чувством благодарности отрекшийся император Итидзё. Так же поначалу думали и придворные, но после обряда надевания юбки никто не сомневался, что принцесса — дочь Сагоромо.

45

Сагоромо, узнав, что это правитель провинции Микава увез Асукаи, оставив его в неведении, куда она скрылась, и лишив возможности вновь встретиться с ней,¹⁶⁹ охладел к нему, но к его

матери ¹⁷⁰ государь был привязан, и по этой причине не хотел чинить препятствий своему бывшему слуге в продвижении по службе. Несмотря на молодые годы, Митинари был назначен наместником на Цукуси. Со своей женой, которую он взял из благородного дома, он отправился на место назначения. В пути печальные воспоминания охватили его, а когда прибыли в Карадомари, не мог справиться со слезами, хотя в путешествии это было недобрым знаком. Горько плача, он произнес:

— Что ищешь
В Карадомари?
В какие глубины
Ее теченьем
Умчало?

Долгие годы он глубоко сожалел, что так и не обменялся нерушимыми клятвами с Асукаи, обладавшей редкой красотой и изысканными манерами, и не мог забыть о своем заблуждении, которое привело ее к гибели. Когда же он прибыл в столицу и ему рассказали историю дочери Асукаи, он осознал всю глубину собственного преступления. Сожалея о содеянном и трепеща перед императором, он думал: «Теперь мне не следует даже вспоминать о ней с любовью. Это было бы грехом перед государем».

46

В Токива скончалась старая монахиня. Почувствовав, что наступает ее последнее мгновение, она вручила дочери ¹⁷¹ маленький изящный китайский сундучок.

— Сохрани его и, когда сможешь, передай принцессе первого ранга так, чтобы никто не видел. Здесь платице, в которое ее одели, когда она родилась, а еще картинки, которые рисовала ее мать, чтобы как-то развлечься. Я собрала их, потому что мне было жаль, если бы она их порвала или выбросила. Это память о матери, о которой девочка ничего не слышала. Я хранила все это, чтобы показать ей, когда она начнет понимать, что к чему.

Через сорок девять дней дочь покойной как-то раз подошла к принцессе, когда та в одиночестве ничем не занималась, и рассказала о смерти старой монахини и о сундучке. Принцесса и

раньше слышала, что мать ее хорошо рисовала, и ей хотелось на память о ней иметь хотя бы кое-какие картинки. Она попросила сразу же показать ей сундучок, и Тюдзё, расставив вокруг передвижные занавески, открыла его. Сначала она вытащила платице. Принцесса не могла представить, что она была такой маленькой, и, глядя на бедное одеяние, с невыразимой печалью думала: «Как должна была горевать моя мать, когда ей пришлось меня, такую крошку, оторвать от себя и отдать чужим людям!»

Можно представить, какие чувства испытывала принцесса, когда прочитала стихотворение, приложенное к платице.

Это болото
Никому не известно.
Здесь, скрывшись от всех,
Платье из журавлиных перьев,
Плача, на тебя надеваю ¹⁷².

Глядя на страдающее лицо госпожи, Тюдзё упрекала себя: «Зачем я это ей сказала? Она еще так юна... Надо было подождать, когда она повзрослеет и сможет переносить горести более спокойно». Однако ей самой не терпелось увидеть замечательные рисунки, в которых было отражено так много печальных событий, и она стала раскладывать их перед принцессой.

Неожиданно в покои вошел император. Тюдзё, быстро собрав бумагу, отодвинулась от госпожи. Император подошел к принцессе и сказал:

— Мне скучно, и я пришел, чтобы поиграть с тобой на цитре. Занимаясь вместе музицированием, я научу тебя замечательным вещам.

Принцесса попыталась скрыть свое волнение, но император заметил, что она плакала.

— Что случилось? — спросил он с беспокойством.

Она ничего не отвечала и только еще ниже склонила голову. Глядя с жалостью на ее струящиеся по плечам волосы и пленительное лицо, император думал, как она похожа на Асукаи.

— Моя покойная мать собирала всякую старую бумагу и перед смертью велела мне показать принцессе, — сказала Тюдзё. — Я не забыла об этом и принесла сюда, чтобы развлечь госпожу, чем только ее опечалила.

— Неудивительно, что принцесса так загрустила. Монахиня приходилась ей дальней родственницей, но она обещала мне заботиться о принцессе, как родная мать. Увы! — ее клятвам не суждено было сбыться. Я очень сожалею, что не сразу узнал о ее кончине, Митисуэ сообщил мне об этом много дней спустя. Я давно не получал от нее известий, выбирал благоприятный день для отправки письма, но такого все не было, а тем временем наши отношения навсегда прервались. Как это грустно! Я не видел вас во дворце, но, зная, что вы часто отлучаетесь, не придавал этому значения. Ваша мать очень хотела бы увидеть, как живет принцесса...

Он придвинул к себе сундучок.

— Это то, что осталось от старых времен? «Посмотришь, и на сердце печаль...» — как сказал в свое время блистательный Гэндзи¹⁷³, — произнес он.

Оказалось, что эти рисунки сама Асукаи нарисовала и собрала. Такое мастерство редко можно было встретить в нашем мире, каждый штрих был замечателен. Асукаи изобразила день за днем все, что с ней происходило, начиная с тех пор, как Сагоромо начал посещать ее.

Беспредельная печаль охватила его. Асукаи очень точно изобразила и себя, и его. Она рисовала все, что казалось ей замечательным, что волновало ее сердце в те ночи, когда Сагоромо таинственно появлялся в ее доме: блеск луны, деревья под порывами ветра, вечернее небо, утреннюю зарю. Но наибольшее впечатление произвели на императора рисунки, изображающие, как она против воли ехала на Цукуси, — глаза у него затуманились, и он не мог различить изображенное.

Стихотворения к картинкам были те же, что и на веере, который попал Сагоромо в руки, поэтому я их здесь не привожу.

В Токива Асукаи немного успокоилась и много размышляла о своей участи. «Какая жестокая судьба! Как горько, что я не могу сообщить ему, что я жива! Он, по-видимому, никогда больше не услышит о соринке на морском дне¹⁷⁴. Он не знает, что я еще жива, и скоро забудет меня». Она написала стихотворение:

«Если, меня не забыв,
Он сквозь горные заросли
Путь сюда не проложит,

То будет думать, что я погрузилась
На дно морское».

После рождения дочери Асукаи все чаще и чаще задумывалась о ее судьбе. Она чувствовала, что сама не будет жить долго, но невозможно выразить, какая скорбь охватывала ее, когда она представляла, что отдаст дочку на воспитание принцессе первого ранга¹⁷⁵. За девочкой приехала от принцессы кормилица, и Асукаи, преодолевая страдания, обняла дочь и, стараясь улыбаться как ни в чем не бывало, громко говорила с ней, но по щекам ее покатились слезы, и она закрыла лицо рукавом.

«Скоро вечер, пора ехать...» — торопили ее, но она была не в силах оторвать ребенка от себя.

— Нельзя так убиваться. От этого твоя болезнь только обострится, — уговаривала ее монахиня. — Когда ты поправишься, ты сможешь втайне видиться с дочкой. Надеемся, что проживешь еще долго. А плакать в такой момент — дурная примета.

Она взяла девочку на руки. Асукаи не могла даже вымолвить: «Еще немножко...»

Впоследствии она написала об этом дне:

«Нет надежды, что жизнь
Долго продлится.
И уже с сосновым ростком
На крепкой скале
Время расстаться пришло»¹⁷⁶.

«Что почувствовала принцесса, читая это стихотворение?» — спрашивал себя император.

Став монахиней, Асукаи ни о чем другом не думала, как о клятвах, которыми она обменивалась с Сагоромо.

«Если б не горькое сожаленье,
Что напрасно клялись
Вместе с жизнью расстаться,
Я бы не убивалась,
Этот мир покидая!»

А когда почувствовала, что приближается ее конец, она написала:

«Если бы суждено
Было в мире остаться,
Жизнь посвятила бы ожиданию
Встречи с любимым.
Но ждала бы напрасно».

«Скоро костер погребальный
Дымом небеса затуманит.
Глядя на низкие облака,
Ты не узнаешь,
Чья душа в них скрыта».

Когда император прочитал эти стихотворения, он зарыдал так сильно, что его могла слышать Тюдзё. Он понимал, что это непротерпимая слабость, но справиться с собой не мог.

«Пусть дым погребальный,
В туман превратившись,
В небе помедлит.
Если бы вслед за ним
В тоске о тебе я вознесся...»

«Бурно несется
Слезный поток,
Но сколько б ни плакал,
К прошлому
Нет возвращенья», —

написал он. О былом можно было сожалеть бесконечно.

— Глядя на эти картинки, ты всегда будешь проливать слезы, — сказал император принцессе. — Они показывают, насколько умершая была привязана к этому миру, поэтому пусть они станут приношением Будде, который укажет ей путь в обитель прохлады¹⁷⁷. Сейчас уже ничего не поделаешь, и не оплакивай так свою мать.

Взяв бумаги, император ушел в свои покои, а принцессе было так жалко расстаться, не насмотревшись, с ними, что она весь день проплакала.

Днем и ночью, сидя в одиночестве, император рассматривал рисунки. Все в них: море, горы, волны, тучи, гонимые ветром, — было изображено великолепно, с душой, свободными движениями кисти, и трудно было представить, что это рисовала женщина. Императору хотелось показать картинки кому-нибудь, кто был бы способен оценить их по достоинству. Кому же, как не жрице Камо? Но самому ему ехать к ней нельзя, а выпустить рисунки из рук он тоже не мог... «Оставить при себе? Никто не знает, будет ли жить завтра. Лучше для пользы самой Асукаи сделать приношение Будде. Если бы не я, она бы еще долго жила на свете, — вот что будет препятствием на моем пути к Просветлению не только в этом мире, но и в будущих», — решил он. Сожалея о судьбе Асукаи, он подумал:

«Н прошлое глядя,
Скорбь сдержать я не в силах.
Свою печальную жизнь
В рисунках оставив,
С миром простилась».

Император оставил у себя все, а картинки изорвал на мелкие кусочки и велел добавить их к сырию, из которого делали свитки для сутр. Затем он приказал обсыпать бумагу золотым порошком и собственноручно переписал на ней *Сутру о нирване*¹⁷⁸. В Токива, где жила и умерла Асукаи, он построил храм, щедро раздавал милостыню и велел молиться о лучшей участи в ее последующих рождениях.

Отрекшийся от престола император Сага давно чувствовал себя плохо¹⁷⁹. Он ото всех это скрывал, ел один раз в день ровно столько, сколько монахи отдают демонам и животным¹⁸⁰, и непрерывно молился Будде Амида: «Поскорее прими меня в свою Чистую землю!» С середины месяца¹⁸¹ он уже не мог долго

оставаться на ногах. Все были в тревоге. И императрица Итидзё¹⁸², и глава Военного ведомства неотлучно находились при нем. Они так беспокоились и горевали, что смотреть на них было жалко.

С давних пор отношения между отрeksiмися императором и Сагоромо были самыми сердечными. Тревожные новости опечалили государя. Больной просил передать, он желает увидеться с ним.

В первый день девятого месяца император отправился на равнину Сага. Инок чрезвычайно обрадовался, заставил себя подняться с постели и вышел к прибывшему. С последней их встречи Сагоромо стал еще великолепно, он находился в расцвете сил, и Сага показалось, что, когда он смотрел на императора, продлевалась его собственная жизнь.

— Последние месяцы меня мучат мрачные думы, со дня на день я жду смерти, но до встречи с вами я все-таки дожил, — сказал он, плача.

Он был очень слаб, вид его внушал опасения, и Сагоромо с невыразимой печалью смотрел на него.

— Ваше положение ухудшилось — почему же до сих пор вы не заказывали молебны и ничего мне не сообщали? Я очень огорчен. Когда вы хворали легко, я готов был дни и ночи оставаться возле вас и делать все, что в моих силах, а ныне до сих пор даже не навещил вас! — сказал император, сам проливая слезы.

Сердце отрeksiшегося императора было переполнено благодарностью и печалью.

— Я уже в таком возрасте, что не должен сожалеть о жизни. Я с радостью думаю, что, когда меня не станет, государь позаботится о близких мне существах. За главу Военного ведомства я спокоен — вы и сейчас его так любите, что не оставите после моей смерти. Вторая принцесса молит только о том, чтобы вместе со мной отправиться в последний путь. Мне самому тяжело расставаться с ней, но надеюсь, что ее мольбы не исполнятся. Пожалуйста, не оставьте ее. Среди многих государственных дел вам будет трудно найти время для забот о моих близких, остающихся в этом грустном жилище, но я знаю ваше доброе сердце и полагаюсь на вас. Не дайте прийти этому храму в запустение, и в конце жизни, отказавшись от престола, поселитесь в нем.

Император обещал все выполнить.

Стемнело. Пора было отправляться в обратный путь. Император приблизился к покоям принцессы-монахини и тихонько шелкнул веером. Дама Тюнагон вышла к нему. Императору почудилось, что ожило прошлое, и тоска сдавила ему грудь.

— Вы совсем не появляетесь в моем дворце. Осенью равнина так прекрасна, что вам, конечно, не хочется уезжать отсюда. Я прибыл навестить императора-инока, и если сейчас не увижусь с вашей госпожой, то, боюсь, подобной возможности больше не представится.

Тюнагон никогда не видела его в таком волнении. Она передала его слова Второй принцессе. Та пришла в страшное смещение. «Что же я скажу ему?» — повторяла она, не в силах пошевелиться.

Услышав слова дочери, отрeksiвшийся император велел передать ей: «Поговори с государем с глазу на глаз: о некоторых вещах нельзя говорить через третьих лиц».

Принцесса совершенно оробела. Она приблизилась к раздвижным перегородкам, за которыми находился император, и он почувствовал пленительное благоухание. Никогда еще принцесса не соглашалась говорить с ним. Его сердце сильно забилося от радости.

«Сейчас мне ни в коем случае нельзя обнаружить своих чувств к ней, — думал он. — Она согласилась выслушать меня, потому что я навещил ее отца. К чему теперь упрекать ее же за принятие пострига?»

Стараясь успокоиться, император начал подробно рассказывать о состоянии больного. Слова его не были мучительно неприятны принцессе, но она ничего не отвечала и горько плакала. Император был охвачен скорбью и сочувствием и думал: «По моей вине она стала монахиней».

— Я понимаю ваше отношение ко мне, и никого, кроме себя, не могу винить в этом. Я давно желаю уйти от мира, туда, где нет таких страданий. Но к чему желать? Вы по-прежнему будете неприязненно ко мне относиться, и я даже в монашестве не обрету умиротворения. Ужасно, если и в последующих рожденьях я буду гореть в любовной муке¹⁸³. Может быть, я и не умру от неразделенной любви¹⁸⁴, но ваша ненависть будет всегда тяготить меня.

Существование окончив
И тело предав сожжению,
Дымом любовным
Встав над землею,
Покинуть тебя не смогу.

Он просунул голову за занавесь и потянул принцессу за рукав. По щекам его струились слезы, и монахиня сжалась от страха.

В это мгновение из покоев отрекшегося императора явился прислужник и сказал:

— Государю надо поскорее возвратиться, пока совсем не стемнело. Состояние моего господина ухудшилось — кажется, дыхание его вот-вот прервется.

Страшная весть поразила и императора, и принцессу, они не могли собрать мыслей. Вошел левый генерал и доложил, что паланкин стоит у дверей.

«Много лет я ждал этой встречи, но она не принесла удовлетворения», — думал император, направляясь к выходу. Он никак не мог покинуть храм.

В саду распустились цветы, на раскрытых чашечках тяжелыми каплями лежала вечерняя роса. Разве можно было отдать какому-нибудь предпочтению? Но «девичья краса»¹⁸⁵ была особенно очаровательна: она как будто старалась скрыться во мгле и досадовала, что ее все-таки можно видеть. Мог ли император пройти мимо, не сложив стихотворения?

Трудно обитель покинуть,
Тебя не сорвав,
«Девичья краса».
В вечернем тумане
У ограды шаги замедляю...¹⁸⁶

На его задумчивое лицо ложился отблеск вечерней зари, и казалось, в мире никогда не будет столь красивого человека. «Какими предыдущими рожденьями предопределено, чтобы я шел по жизни, испытывая одни страдания?» — спрашивал он себя.

В молодости я записывала все, что казалось мне печальным или забавным. Все события, описанные здесь, — правда, и они

были многим известны, но сейчас они стали подобны гнилому дереву, на которое не падает солнечный свет¹⁸⁷, их считают лишенными интереса, и никто о них не вспоминает. Однако мне казалось, что Сагоромо подобен генералу Каору¹⁸⁸ или Третьему принцу, искавшему труп¹⁸⁹, что его сердце исполнено добрых чувств. Мне всегда были интересны глубокие сердечные стремления мужчин и женщин, и поэтому я описала их в своей повести.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Камму рёдзю кё* (Сутра о созерцании будды Амитабха): «Для того чтобы возродиться в Чистой земле, необходимо обладать тремя благодатями. Первая — быть почитательным к отцу и матери» (*НКБТ*, т. 79, с. 504).
- ² В *ХК* (т. 3, с. 288—312) рассказывается, как два сына царя Шубхавьюха (яп. Мёсёго) вступили на путь служения Будде и предавались долгой аскезе. Чтобы обратить в буддизм отца, они совершили пред ним ряд чудес, показывая силу буддийского учения. Царь последовал их примеру и в конце концов стал бодхисаттвой Прорастающей добродетели (Катоку).
- ³ См. примеч. 58 к третьей части.
- ⁴ Положение было парадоксальным: буддийские монахи молились, чтобы Сагоромо не встал на путь служения Будде.
- ⁵ Стих. постросно на омонимах: *ама* — «рыбачка» и *ама* — «монахиня»; *укисима* — «плавающий остров» и *укисима* — «горестный остров» (т. е. наш мир).
- ⁶ См. примеч. 42 к третьей части.
- ⁷ См. примеч. 159 ко второй части.
- ⁸ Стих. неизвестного автора, *М* № 2644: «Если в стороне Охарида, / У Итада, / Развалился мост, / Все равно по бревнам я пройду. / Не тоскуй, любимая моя!»
- ⁹ Т. е. были прочитаны до конца.
- ¹⁰ Иллиций священный (*сикими*) — дерево; из его растертых листьев и коры делали благовоние, которое возжигали перед изображением Будды.
- ¹¹ Из-за беременности Кокидэн не могла оставаться во дворце во время синтоистских церемоний. См. примеч. 42 ко второй части.
- ¹² Стих. из *ГМ*: «Каждый день лодочник на переправе спует по реке Удзи, и от брызг, которые летят с шеста, скоро совсем стгнут рукава его платья (так и у меня от слез стгнут рукава)» (*НКБТ*, т. 17, с. 323).
- ¹³ Отсюда начинается 7 год повествования.
- ¹⁴ См. примеч. 30 к третьей части.
- ¹⁵ Стих. Сугавара Митидзанэ, *С* № 1006: «Как только задует восточный ветер, присылай мне с ним, цветущая слива, свое благоуханье! Пусть хозяин уехал, не забывая цвести каждой весной!» Написано перед отправлением в ссылку, когда Митидзанэ смотрел на любимое дерево сливы.
- ¹⁶ Гэндзи-мия стала жрицей вместо того, чтобы въехать во дворец, а Кокидэн, бывшая жрица, стала супругой императора.
- ¹⁷ См. примеч. 57 к третьей части.
- ¹⁸ Речь идет о матери второго военачальника (см. гл. 27 третьей части).
- ¹⁹ *ХК*, история царя Шубхавьюха и его сыновей (см. примеч. 2): «Лицезреть Будду столь же труднодостижимое дело, как найти цветок *удумбара* или слепой на один глаз черепахе попасть головой в отверстие в плавающем дереве» (т. 3, с. 298). *Удумбара* — цветок сказочного дерева (или цветок инжира), который распускается якобы один раз в 3000 лет и предсказывает явление Будды. Упоминание о слепой черепахе объясняется следующим образом. В океане плавает дерево с отверстием, на дне океана живет слепая на один глаз черепаха, которая

поднимается на поверхность один раз в сто лет. Невероятно, чтобы она при этом попала головой в отверстие дерева, но еще труднее глупому человеку, плавающему по пяти путям, вновь возродиться в образе человека. Пять путей — открываются перед существом в момент его смерти: путь богов, человека, животных, голодных духов и существ ада.

²⁰ Намек на несохранившуюся повесть.

²¹ См. примеч. 145 к первой части.

²² Прозвище Югири (сына Гэндзи, героя *ГМ*). Описание игры в мяч содержится в гл. «Первая зелень (начало)».

²³ Возможно, это цитата из китайского стих., источник не установлен.

²⁴ См. *ГМ*, эпизод игры в мяч (*НКБТ*, т. 16, с. 306).

²⁵ *Сакурабито* (Дева из Сакура), название *сайбара*.

²⁶ Под «облетающей вишней» подразумевается мать второго военачальника, под «разноречивыми думами» — любовь к ней и ее дочери.

²⁷ Цитата из стих. второго военачальника (см. гл. 27 третьей части).

²⁸ См. примеч. 10 ко второй части.

²⁹ Первая императрица — супруга Сага, мать наследника престола, сестра Сагоромо, является внучкой главы Палаты обрядов.

³⁰ Стих. неизвестного автора, *Г* № 567: «Как беззвучно течет речка в долине горы Ивасэ, так я провожу дни, тихо, чтобы никто не заметил, проливая слезы».

³¹ Стих. из *ГМ*: «Если бы можно было обменять мою жизнь, которой я не дорожу, на несколько лишних мгновений, чтобы отдалить разлуку!» (*НКБТ*, т. 15, с. 29).

³² Имеется в виду Асукаи.

³³ Имеется в виду: «Если ты стремишься к старой женщине, что ты будешь чувствовать, когда она скончается?»

³⁴ О великольном почерке жены Сикибукё говорит Хорикава в 7 главе 4 части.

³⁵ Новорожденному принцу от императора посылали меч, а принцессе — штаны (*хакама*). Но в конце эпохи Хэйан бывало, что и принцессе посылали меч.

³⁶ См. примеч. 57 ко второй части.

³⁷ Касута — родовой храм Фудзивара. Второй раз императрицей становится супруга императора не из этого рода. Первой императрицей при Сага была дочь Минамото (Хорикава), а затем императрицей становится дочь Сага.

³⁸ Второй императрицей назначена дочь Хорикава, которая была Первой императрицей при Сага. Подобный случай имел место в истории. Когда Сиракава (1072—1086) вступил на престол, *тюгу* была назначена супруга из рода Минамото, а императрицей *кого* — *тюгу* предыдущего императора Госандзё (1068—1072).

³⁹ Когда дочь поступала на службу во дворец, мать обычно пересажала туда вместе с ней и всячески помогала.

⁴⁰ Т. е. к Чистой земле.

⁴¹ Под «потоками дождя» подразумеваются слезы, которая девица проливает по умершему отцу. Девица хочет сказать: «чтобы наследник не надеялся на ее въезд во дворец».

27 Повесть о Сагоромо

⁴² Мост Одаэ существовал в местечке Фурукава, где располагается совр. город с тем же названием в пров. Мияги. Часто упоминается в поэзии. Стих. Фудзивара Митимаса (992–1054), *ГС* № 751: «Не похоже ли все это на мост Оборванной нити? Каждый день объят страхом, ступить на него или нет (т. е. получу от тебя письмо или нет)». Стих. основано на омонимах: *фуми* — «письмо» и *фуми* — «ступать». В стих. Сагоромо мост упоминается в таком же контексте.

⁴³ Во второй половине стих. содержится намек на посещения принцессы первого ранга.

⁴⁴ См. примеч. 70 к третьей части.

⁴⁵ Асама — действующий вулкан (пров. Нагано, уезд Гумма).

⁴⁶ Под «решением» подразумевается выбор мужа для дочери.

⁴⁷ Гора, находящаяся на западе от столицы.

⁴⁸ Дзисин (храм Сострадающего сердца) — в различных списках название храма варьируется. Неизвестно, существовал ли он в действительности.

⁴⁹ Праздник Другого берега (Хиган-э) — праздновался во втором и восьмом месяцах, в течение которых молились о достижении другого мира.

⁵⁰ Стих. Сонэ Ёситада, *СК* № 1567: «В горной деревне изгородь из веток сосны так плотно обвила лозы, что не осталось просвета. Так же осенью душу объемлет печаль».

⁵¹ См. примеч. 2 к третьей части.

⁵² Стих. неизвестного автора, *М* № 1102: «Чистота журчанья струй текущих / Средь долин зеленых узкой речки, / Что обвила поясом / Микаса-горы, / Схожие с короной государя!» В данном случае имеется в виду поток, текущий возле здания.

⁵³ Стих. Эгё-хоси (вторая пол. X в.), *С* № 140: «Махровый хмель густо разросся, вокруг печального жилища нет ничьих следов, — пришла осень».

⁵⁴ Стих. неизвестного автора, *К* № 172: «Не вчера ли сажали рассадку риса? Но уже задул осенний ветер и шелестит его листьями».

⁵⁵ Стих. неизвестного автора, *К* № 208: «Перед моими воротами поют птицы *инаосэ*. Сегодня утром задул осенний ветер и донес крики прилетающих диких гусей». *Инаосэ* — неизвестно, что это за птица.

⁵⁶ Девять ступеней Чистой земли, или девять ступеней возрождения в Чистой земле, — рай Будды Амида разделен на 9 классов, в которых возрождались праведники в зависимости от своих добродетелей. В храмах это символически изображали в виде девяти статуй с Буддой Амида в центре.

⁵⁷ Стих. Идзуми-сикибу, *Идзуми-сикибу сю* № 782: «Нельзя на что-либо надеяться, но я думала, что ты будешь жить столько же, сколько я».

⁵⁸ Имеется в виду, что Сагоромо колеблется между чувством к матери и к дочери. Стих. неизвестного автора, *С* № 894: «Страдания твои длиннее, чем стебли кувшинков в пруду Масуда, а мои возросли до такой степени, что нет смысла оставаться в живых». Стих. построено на омонимах: *куру* — «наматывать» и первая часть слова *курусиси* — «мучительный»; *масу* — «возрастать» и *масу* — часть названия пруда; *икэ* — «пруд» и *икэ* — «оживлять». Пруд Масуда находится в пров. Ямато, уезде Такаити.

⁵⁹ «Разноречивые чувства» — любовь к матери и дочери.

⁶⁰ Под «кувшинкой» подразумевается сама госпожа, под «водами пруда» — милости Сагоромо.

⁶¹ Это место в тексте непонятно.

⁶² См. примеч. 205 к третьей части.

⁶³ По-видимому, героиня несохранившейся повести *Кабанэ тадзунуру мия* (Принц, который искал труп), которая и после смерти осталась такой же прекрасной, как при жизни.

⁶⁴ Под «светом луны» подразумевается сестра второго военачальника. «Бессонные ночи» относятся к Гэндзи-мия.

⁶⁵ Стих. неизвестного автора, *К* № 933: «Что постоянно в этом мире? Там, где на реке Асука вчера была пучина, сегодня мель». «Пучины и мели» — превратности жизни.

⁶⁶ Герой несохранившейся повести *Каваори-мия* (Принц Каваори). О сюжете практически ничего неизвестно.

⁶⁷ «Покрытое росой» имеет дополнительное значение — «мокрое от слез».

⁶⁸ «Остановившись перед заставой» — не завязав отношений с девицей. Гора Встреч — см. примеч. 149 к первой части.

⁶⁹ Было распространено поверье, что, надев наизнанку ночное платье, увидишь во сне любимого человека. В древности было достаточно вывернуть рукав, что отражено в некоторых стих. *М*, в частности № 2937: «Не оттого ли, что рукав свой белотканый / Я вывернул, / Тоскуя о тебе, / Что нынче ночью облик твой любимый / Явился в сновиденье наконец!» В эпоху Хэйан стали выворачивать всё ночное платье. Стих. Оно Комати, *К* № 554: «Печалюсь и тоскую, желая увидеть тебя хотя бы во сне, я ложусь спать в вывернутом наизнанку ночном платье».

⁷⁰ Сестра Сагоромо, поскольку она предназначала сестру военачальника в жены наследнику престола.

⁷¹ Сестра военачальника, которая жила в храме.

⁷² Сагоромо имеет в виду согласие матери девицы на брак с дочерью.

⁷³ Стих. неизвестного автора, *К* № 654: «Влюбленные, встречающиеся тайно! Если смерть разлучит вас, под каким предлогом вы будете носить траур?»

⁷⁴ По-видимому, девять будд (см. примеч. 56 к четвертой части) и Царь Исцеления (см. примеч. 177 ко второй части).

⁷⁵ Один из двенадцати обетов Царя Исцеления.

⁷⁶ В стих. содержится намек на мать, которая в противоположность снегу растаяла (скончалась).

⁷⁷ Т. е. не накрахмаленную.

⁷⁸ См. примеч. 177 к первой части.

⁷⁹ По-видимому, имеется в виду герой несохранившейся повести. См. примеч. 49 к первой части.

⁸⁰ См. примеч. 20 к второй части.

⁸¹ Стих. Ки Томонори, *К* № 337: «Когда падает снег, на всех деревьях как будто распускаются цветы. Хочу сломать ветку, но как узнать, какое из них — слива?»

- ⁸² Смысл стих.: «Почему я не умерла вместе с матерью, а осталась в этом мире и завязала с ним отношения?»
- ⁸³ Стих. неизвестного автора, *КР* № 2833: «Погрузившись в любовные думы, люди уходят далеко в глухие горы и все как один там блуждают».
- ⁸⁴ См. примеч. 65.
- ⁸⁵ Стих. неизвестного автора, *К* № 322: «В моем доме снегом скрыло все тропки, и никто не прокладывает пути ко мне».
- ⁸⁶ Император может быть недоволен из-за сестры, жены Сагоромо.
- ⁸⁷ *Сайбара* «Этот дворец» (*Коно доно*): «...здания построены с тремя или четырьмя крышами».
- ⁸⁸ *Кэн* — мера длины, равная 1,81 м.
- ⁸⁹ Лунная трава (*цукигуса*) — цветет синими цветами, которые быстро меняют цвет, поэтому в поэзии служит символом изменяющихся чувств. См. *МН* № 3059: «Пусть сотни раз, пусть много тысяч раз / Шумит молва людская — все равно! / Ах, не такое сердце у меня, / Чтоб свой меняло цвет, / Как лунная трава!» Также стих. неизвестного автора, *К* № 711: «Только на словах ты хороша, а сердце твое изменчиво, как лунная трава».
- ⁹⁰ Стих. Фудзивара Акисуэ (1090–1155), *Сэндзай вакасю* № 651: «Давно люблю тебя, но сказать об этом не могу. Мое чувство сгниет, как погребенное в долине дерево».
- ⁹¹ См. примеч. 172 к первой части.
- ⁹² Отсюда начинается 8 год повествования.
- ⁹³ Имеется в виду каша из семи трав, которую обычно варили на седьмой день нового года. Существовало поверье, что, если палочкой из дров, приготовленных для костра, на котором варили кашу, ударить по бедрам женщину, она родит мальчика. См. *МС* № 3.
- ⁹⁴ Т. е., привезя в дом сестру воспитанника, Сагоромо совсем не обращает внимания на прислуживающих дам.
- ⁹⁵ Верхнее траурное платье было из холста.
- ⁹⁶ Под «криптомерией» подразумевается Гэндзи-мия, под «ее двойником» — сестра второго военачальника. Стих. неизвестного автора, *К* № 982: «Моя хижина находится у подножия горы Мива. Если любишь меня, приходи. Ты узнаешь ее по криптомерии, что растет у ворот».
- ⁹⁷ Подразумевается любовь к жрице (Гэндзи-мия).
- ⁹⁸ Имеется в виду: у близкого родственника, Сагоромо, сводного брата императрицы.
- ⁹⁹ Стих. из *Нихон сёки* (Анналы Японии), *НКБТ* (т. 3, с. 180): «Ивы, растущие вдоль реки Инамусиро, все время клонятся к бегущей воде, но не могут оторваться от корней». Императрица удивляется, как вышло, что сестра военачальника (ива) смогла последовать за Сагоромо (бегущая вода).
- ¹⁰⁰ Стих. дамы из гл. 13.
- ¹⁰¹ Стих. из гл. 13 третьей части.
- ¹⁰² «Спокойно смотреть на луну над Горой брошенной тетки» — найти утешение. См. примеч. 109 к первой части.

- ¹⁰³ Под «дымом» подразумевается любовь Сагоромо, о которой принцесса не догадывается.
- ¹⁰⁴ См. примеч. 145 к первой части.
- ¹⁰⁵ Нагуса — восточная часть бухты Вака в пров. Кии, известная живописным видом. В стихотворении упомянута из-за ассоциации со словом *нагусами* — «утешать». «На взморье Нагуса бросился в воду» — имеет значение «обрел утешенье».
- ¹⁰⁶ Императрица Дзингу (201–269), жена императора Тюай. После смерти мужа в 200 г., будучи беременной, в 9 месяце возглавила поход против корейского царства Силла. Она вернулась с победой в Японию в 12 месяце и родила сына, будущего императора Одзин. В следующем году, в 10 месяце, получила титул императрицы-матери и стала регентшей.
- ¹⁰⁷ В истории Японии было несколько примеров, когда принцам, получившим фамилию, вновь присуждали ранг принца, после чего они становились императорами: Конин (770–781), Камму (781–806), Коко (884–887), Уда (887–889).
- ¹⁰⁸ Отец Тоин.
- ¹⁰⁹ В *СМ* не объясняется, почему император не передал престола назначенному наследнику, сыну Сага и Первой императрицы.
- ¹¹⁰ См. стих. Второй императрицы из гл. 12 второй части.
- ¹¹¹ «Переселиться во дворец на Первом проспекте» — отречься от престола и покинуть императорский дворец.
- ¹¹² Жрица Исэ — Третья принцесса.
- ¹¹³ Стих. Аривару Нарихира, *ИМ* № 75: «И как сосна морская, / с промокшим платьем рыбаки / которую жнут, сушат, — / за то свидание приняв, / на том остановиться хочешь?» Стих. построено на омонимах: *миру* — название съедобной водоросли (иероглифическое написание «морская сосна») и *миру* — «видеть». Вся первая половина стих. представляет собой развернутое введение к слову *миру* и не имеет самостоятельного значения. Основной смысл стих., таким образом, сводится к тому, что дама, к которой обращено стих., решила положить конец свиданиям с влюбленным в нее придворным (день, когда они встретились, считать их последним свиданием).
- ¹¹⁴ «Человек под багрянником» (*кацурабито*) — по представлениям японцев, на Луне растет багряник, возле которого живет человек.
- ¹¹⁵ *Тогаку* (санскр. *самьяк самбодхи*) — Просветление бодхисаттвы, которому до будды осталась одна ступень.
- ¹¹⁶ «В заоблачных чертогах» — в императорском дворце, т. е. став императором.
- ¹¹⁷ Стих. неизвестного автора, *К* № 682: «Как белые волны возвращаются к скалам, так и я, не в силах насытить взора, снова возвращаюсь к тебе».
- ¹¹⁸ Под «луной» подразумевается Сагоромо. Смысл стихотворения: «Если бы нас не разлучили, я бы все время была рядом с тобой».
- ¹¹⁹ См. примеч. 78 к третьей части.
- ¹²⁰ Цитата из стих. неизвестного автора, *М* № 694: «Коигуса — “любовь-траву”, / Что восемь заняла б возов, / Я на один сложила воз... / Копила долго я любовь, — / И в этом сердце виновато!»

- ¹²¹ *Имаё* — «современные песни»; возникли в эпоху Хэйан в противоположность старинным песням *кагура*, *сайбара*, *фудзокука*. В узком смысле — распространившиеся в конце эпохи Хэйан песни в четыре строки по 5 и 7 слогов.
- ¹²² *Тайдзё тэнно* — отрекшийся император, отец царствующего императора. Введение этого необычного титула (хотя и встречающегося в китайских источниках) обусловлено тем, что нынешний император не является сыном предыдущего.
- ¹²³ Сагоромо.
- ¹²⁴ Стих. неизвестного автора, Г № 705: «Переехав на новое место, напрасно жду тебя. Слишком много мест, которые тебе неприятны». Стих. написано по следующему поводу. Дама, автор стихотворения, находилась временно в одном доме, и ее возлюбленный, разлюбив ее, сказал, что не может там посещать ее, поскольку дом этот ему неприятен. Когда дама переехала в новое жилище, он по-прежнему не показывался у нее.
- ¹²⁵ Сестра второго военачальника.
- ¹²⁶ Она была беременна.
- ¹²⁷ Стих. из гл. 30.
- ¹²⁸ Стих. поэтессы Исэ, К № 756: «Всегда после встречи с тобой погружаюсь в грустные думы. И лик луны, что отразился в моем рукаве, залит слезами».
- ¹²⁹ См. примеч. 143 к первой части.
- ¹³⁰ *Розй* на стих. Бо Цзюйи *Яныцзы лоу* (Ласточкин терем), ВР № 235: «Морозная ночь, ярко сияет луна. В Ласточкином тереме сижу один. Долго тянутся осенние ночи».
- ¹³¹ Час Быка — время с 1 до 3 часов ночи.
- ¹³² Стих. поэтессы Исэ, Г № 937: «В таком трудном нахожусь положении, что не могу сказать ни да, ни нет. Опекаемая родителями, я не могу следовать своим желаниям».
- ¹³³ Стих. из ГМ: «Охваченный тяжкими думами, не могу как следует исполнить даже танца. Понятно ли тебе, что у меня на сердце, когда я машу рукавами?» (НКБТ, т. 14, с. 272).
- ¹³⁴ Пятый и девятый месяцы были неблагоприятными для свадеб (для въезда супруги во дворец). Здесь речь о девятом месяце.
- ¹³⁵ Отсюда сестра второго военачальника зовется Фудзицубо.
- ¹³⁶ МС № 186: «Когда кормилицу императора назначают распорядительницей Отделения дворцовых прислужниц, ей присваивают третий ранг, она становится важной во дворце персоной».
- ¹³⁷ См. примеч. 42 ко второй части.
- ¹³⁸ Отсюда начинается 9 год повествования.
- ¹³⁹ Веер (*афуги*) понимается как «дерево встреч» (*афу ги*). «Мановенье руки» — обмахивание веером.
- ¹⁴⁰ Архивариус, следующий непосредственно за главным архивариусом.
- ¹⁴¹ Мальва (*афухи*) понимается как «день встреч» (*афу хи*).
- ¹⁴² Стих. неизвестного автора, К № 690: «Придешь ли ты ко мне, пойду ли к тебе я, — не закрывая двери из твердых пород, лежу в постели».

- ¹⁴³ Дамы могли считать его жестоким, потому что он не соглашался на их въезд во дворец.
- ¹⁴⁴ Шуточное стих. неизвестного автора, ГС № 1212: «Если бы я и забыл, твое письмо: “Какая прекрасная лунная ночь!” — напомнило бы мне, что я должен тебя посетить. Не посылай же слишком много писем». Оно основано на стих. неизвестного автора, К № 692: «Если бы ты прислала письмо: “Какая прекрасная лунная ночь!” — это было бы приглашением посетить тебя. Я жду его...»
- ¹⁴⁵ Отсюда начинается 10 год повествования.
- ¹⁴⁶ Синтоистский храм в местечке Оохарано (ныне в западной части Киото), основанный представителями рода Фудзивара для почитания богов Касуга после перенесения столицы в Хэйанкё. В этот храм регулярно совершались приношения двора.
- ¹⁴⁷ Храм Хирано — находился к северу от столицы, в нем почитались корейские божества, предки императора Камму с материнской стороны, который основал столицу Хэйан. В храм совершались регулярные приношения двора.
- ¹⁴⁸ Стих. Фудзивара Окикадзэ (Х в.), *Сёку госюи вака сю* (Продолжение второго собрания японских песен, не вошедших в прежние антологии) № 719: «Не внемлю утешеньям, и от любовной тоски готов броситься (в воду)». См. также примеч. 8 к первой части.
- ¹⁴⁹ Возможно, имеется в виду рождение сына. В тексте о мольбах Сагоромо ничего не сказано.
- ¹⁵⁰ Китайцы различали три степени долголетия: большое — в 120 лет, среднее — в 100 и малое — в 80 лет.
- ¹⁵¹ Аматаэрасу.
- ¹⁵² См. стих. из гл. 22 третьей части. Восемь островов — т. е. множество островов, обозначение Японии.
- ¹⁵³ См. примеч. 175 к третьей части.
- ¹⁵⁴ Храм Хоон (храм Проповеди) находился на север от столицы.
- ¹⁵⁵ См. примеч. 96.
- ¹⁵⁶ Фунаока — холм на западе равнины Мурасакино.
- ¹⁵⁷ См. примеч. 148 ко второй части.
- ¹⁵⁸ Лодка упомянута в стих. в связи с названием холма. Слово *коги* («гresti»), связанное по смыслу с лодкой, ассоциируется с *когарэ* — «пылать от любви».
- ¹⁵⁹ Сын Фудзицубо.
- ¹⁶⁰ Стих. Асукаи из гл. 20 первой части.
- ¹⁶¹ Не зная истинного положения вещей, принц не проявляет должной почтительности к матери.
- ¹⁶² Стих. Ки Цураюки, К № 734: «Вновь возвращается сердце к прошлому. Любовь не знает забвения».
- ¹⁶³ Стих. неизвестного автора, К № 887: «Ручей, текущий в полях, который когда-то был студеным, стал теплым, но человек, помня, каким он был раньше, по-прежнему приходит черпать из него воду». Также стих., К № 1079: «Студена вода у меня в колодезе. Но деревня далеко, никто не приходит черпать из него воду, и колодец зарастает травой».

¹⁶⁴ Т. е. «сколько я ни объясняй, ты все равно не поймешь». В первом свитке ХК рассказывается, как Шарипутра обратился к Будде с просьбой объяснить путь, ведущий все существа к Просветлению. Будда поначалу отказывается: «Остановись, остановись! Ничего больше объяснять не нужно. Если я стану объяснять, все живые существа, небожители и люди будут объаты страхом». Затем он говорит: «Оставь, оставь! Ничего больше объяснять не нужно. Знание это тонко, постичь его трудно. Если самонадеянные невежды и услышат о нем, они ему не поверят» (т. 1, с. 80–84).

¹⁶⁵ Старший брат Тоин, супруги Хорикава, проникший к Имахимэ, ее воспитаннице (см. главу 8 третьей части). Имахимэ в свое время повторила перед Сагоромо стихотворение, сочиненное ее родственницей (см. гл. 6 третьей части).

¹⁶⁶ Дочь Асукаи.

¹⁶⁷ Усадьба, в которой она должна была жить во время отлучек из императорского дворца.

¹⁶⁸ Сын императора Сага и Первой императрицы, дочери Хорикава.

¹⁶⁹ Стих. Осикоти Мицунэ, К № 611: «Не знаю, куда приведет (не знаю, куда отправится) моя неразделенная любовь, и не могу достичь цели. А ведь цель моя — встретиться с тобой».

¹⁷⁰ Кормилица Дайни.

¹⁷¹ Дама Тюдзё.

¹⁷² «Платье из журавлиных перьев» — белое платье, которое надевают на новорожденного. Стих. поэтессы Акадзомэ-эмон, ГС № 438: «Надеюсь увидеть, как через несколько лет к облакам взлетит этот птенец, на которого сейчас надеваем платье из журавлиных перьев». (Написано в то время, когда шили платье для новорожденного правнука поэтессы Оэ Масафуса.) Под «болотом» подразумевается убежище, в котором скрылась Асукаи.

¹⁷³ Сагоромо намекает на ГМ, гл. «Кудесник-лаос», в которой описывается, как Гэндзи сжигает письма Мурасаки. По-видимому, цитата должна соответствовать стих.: «Сгреб старые письма, как водоросли для выжигания соли, — но что толку читать их? Пусть же они превратятся в дым и вознесутся к облакам, как унеслась к небесам та, которая писала их» (НКБТ, т. 17, с. 15).

¹⁷⁴ См. стих. Асукаи из гл. 24 первой части.

¹⁷⁵ Покойная супруга Сагоромо.

¹⁷⁶ «Сосна, растущая на крепкой скале» — новорожденное дитя.

¹⁷⁷ Обозначение Чистой земли.

¹⁷⁸ *Нихангё* (*Дайхацу нэхангё*) — сутр под таким названием известно две. Первая, в трех свитках, относящаяся к раннему буддизму (малая колесница), описывает уход в нирвану Будды Шакьямуни; вторая, основываясь на подобном описании, объясняет путь достижения Просветления всеми живыми существами. Последняя сутра имеет две версии — в 36 и 40 свитках.

¹⁷⁹ Последний отрывок относится к 11 году повествования.

¹⁸⁰ В буддийских храмах монахи отделяли некоторую часть пищи для приношения демонам и на прокорм птицам и зверям.

¹⁸¹ Исходя из дальнейшего, восьмого месяца.

¹⁸² Первая дочь Сага, супруга Итидзё.

¹⁸³ Стих. неизвестного автора, К № 544: «Как летняя мошка гибнет в пламени свечи, так и я сгораю от любви».

¹⁸⁴ Здесь, по-видимому, цитата из стих. или какая-то поговорка, но источник не установлен, и смысл остается неясным.

¹⁸⁵ «Девичья краса» — патриния.

¹⁸⁶ Под «цветком патринии» подразумевается Вторая принцесса.

¹⁸⁷ Стих. Каньин, Г № 1175: «Не понимаю, наступила ли весна, прошла ли осень... Влачу существование, как гнилое дерево, на которое не падает солнечный свет». Написано в то время, когда поэтесса жила в деревне и ее прежний возлюбленный спросил ее, с каких пор она живет там.

¹⁸⁸ См. примеч. 19 к первой части.

¹⁸⁹ См. примеч. 63.

ПОВЕСТЬ О ТАКАМУРА (ТАКАМУРА МОНОГАТАРИ)

1

Жила-была девица, которую родители воспитывали с особой заботой. Она полностью овладела искусствами, необходимыми для женщины ¹, и отец решил просить кого-нибудь из родственников обучить ее китайской словесности.

Единокровный брат девицы, Такамура, был студентом университета. Дети от разных матерей, они не знали друг друга. Девица не хотела открывать лица перед братом, и отец, попеняв ей: «Ведь он не посторонний тебе человек», — велел, чтобы они занимались, разделенные завесой и переносной перегородкой.

Такамура увидел, что сестра его очень красива. Когда они немного привыкли друг к другу, девица стала разговаривать с ним, не пряча лица. Однажды она попросила проставить в китайском тексте пунктуацию и, получив книгу обратно, увидела стихотворение, написанное палочкой из слоновой кости ²:

«Если б река Ёсино
Между двух гор
Мелкою стала!
Брат, брод перейдя,
Смог бы увидеть сестру...»³

«Неужели он питает подобные намерения? — встревожилась девица. — Но можно ли показать себя бессердечной?» Она написала брату:

Повесть о Такамура 457

«Пусть станет мутной
Вода в Ёсино,
Чтоб отражений друг друга
Брат и Сестра
Видеть в ней не могли!»⁴

А молодой человек на это:

«Не вечно мутны
Воды в реке.
Крепко надеюсь:
Скоро чистыми станут,
И мель обнажится»⁵.

Тогда девица написала:

«Пучины, стремнины —
Как узнать тебе мое сердце?
Мнится, что рано
Речь заводить
О переправе»⁶.

Такамура же передал ей такое стихотворение:

«Как знать, какие пучины,
Какие мели нас ожидают?
Но думаю, что непременно
Брат и Сестра,
В реку сойдя, рядом станут».

Так они общались, и поскольку в этом мире невозможно ненавидеть женщин ⁷, вскоре они больше друг друга не чуждались.

2

В ночь пятнадцатого дня двенадцатого месяца на небе показалась яркая луна. Такамура на веранде разговаривал с сестрой. Кто-то, увидев его, сказал:

— С кем это ты беседуешь? Что за прозаическое зрелище! Как можно восхищаться лунной ночью двенадцатого месяца!

Такамура произнес:

— Месяц последний
В исходе,
И ожиданье весны
Даже такую луну
Делает милой.

А тот ему в ответ:

— Сколько бы лет ни прошло,
С чувством глубоким
Вспомнят влюбленные эту луну,
Немого свидетеля
Их тайных встреч.

Было уже поздно.

«Как бы не начали обо мне сплетничать!» — подумала девица и удалилась в задние покои. Брат же не отправился к себе, а долго бродил по саду, что-то напевая.

3

На следующее утро отец, видя, что сын его не приступает к занятиям с сестрой, сказал:

— Странно, что не видно Такамура.

Он велел позвать его. Молодой человек явился и, как всегда, сел с девицей за книги, но, думая только о ней, то и дело ошибался. Он написал палочкой из слоновой кости:

«Почему меня затрудняют такие легкие тексты? Никак не могу сегодня собрать мыслей.

Сердце в смятенье.
О своих обещаньях
Не помню.

Об одной лишь тебе
Я забыть не могу».

Девица ответила:

«Разве можно
Наставнику верить?
Ведь обо всем
Сердце людское
Способно забыть».

Такамура написал ей:

«Все, что читал,
Что когда-либо слышал,
Забыть я способен,
Лишь о тебе
Буду помнить всегда».

Так Такамура все время изливал свои стенания на бумаге *.

4

Дав в свое время обет, девица во втором месяце, в первый день лошади ⁹, отправилась в паломничество в храм Инари ¹⁰. Ее сопровождали только две взрослых и две молоденьких служанки. Взрослые выбрали платья для паломничества по собственному усмотрению, а девочки были в одеждах одного и того же цвета. Сама же девица была в нижнем платье из лощеного узорчатого шелка и поверх него в китайском платье из белого шелка на розовой подкладке. Волосы у нее были великолепны; когда она стояла, они стелились на полу на один сяку ¹¹. Головка была изумительна, лицо необыкновенно красиво. С женщинами шло несколько молодых слуг. Кроме того, в храм отправился Такамура, но он не то чтобы сопровождал сестру, а то оставлял сзади паломников, то сильно отставал от них.

Девица устала. Жалея ее, брат подходил к ней со словами:

— Обопришь на меня.

Но она отвечала: «Нет, нет!» — и шла по дороге одна.

В тот день помощник военачальника Императорского эскорта, молодой человек приятной наружности около двадцати лет, тоже совершая паломничество, оказался вместе с ними в храме. На обратном пути он нагнал девицу.

— Больно смотреть на вас! Как вы отправились в храм в таком состоянии? — обратился он к ней.

— <...> — сказал Такамура, ревнуя сестру¹².

— Вам подобал бы китайский экипаж, вы должны были бы ехать, как императрица. Но кто бы был в таком случае государем? — продолжал помощник военачальника¹³.

Солнце клонилось к закату. Паломники остановились, чтобы поесть, и достали коробки со снедью. Они предполагали, что незнакомец при этом поедет своей дорогой, но он тоже решил отдохнуть и слез с лошади. Он послал девице стихотворение:

«Если бы богом была,
Что может читать
В сердце, для взоров закрытом,
Стали б известны тебе
Думы мои»¹⁴.

Она ему ответила:

«Разве каменный бог,
Которому в храме
Не место,
Может знать, что творится
В темных душах людских?»¹⁵

Помощник военачальника послал еще одно письмо, но Такамура поспешно посадил сестру в экипаж, и они уехали.

Помощник военачальника послал вслед слугу, чтобы узнать, куда они поедут. Слуга доложил ему, где жила девица.

На следующее утро от молодого человека пришло письмо:

«По наущению богов, указавших мне Ваш дом, посылаю Вам письмо. А если бы я сегодня посетил обитель каменного бога?»

Как только девица взяла письмо и стала читать его, к ней подбежал Такамура и сказал:

— Отец наш все слышал и очень гневается. Откуда явился этот прислужник? Его, наверное, послал какой-то искатель приключений¹⁶.

Слуга помощника военачальника возвратился домой и доложил своему господину:

— Когда я отнес туда ваше письмо, человек, которого мы видели вчера, стал кричать: «От кого он явился?» Потом из дома раздался голос какого-то деда: «Что происходит?» Это было нестерпимо, и я ушел.

— Ах ты, плут! — стал ругать его молодой человек.

На следующее утро он снова послал письмо:

«Вчера я так и не получил от вас ответа. Сколько я ни посылаю писем, от Вас ничего не имею. Мой слуга только напрасно ходит к Вам...

Исчезли следы
Множества птиц
На прибрежном песке...
Не знаю, где ты,
И нет мученьям конца...»

Когда слуга принес его, Такамура дома не было, он ушел в университет. Письмо приняла служанка, выполнявшая грязную работу, и отнесла госпоже. Та сказала ей:

— Как бы не узнал об этом мой брат, который учится в университете. Пусть посыльный подождет у соседнего дома.

В ответ она написала:

«Письмо Ваше я вчера прочитала, но...

Тебя ли увидела я
У копия из нефрита
На развилке дорог?
Разве судьбой суждено
Нам встретиться вновь?»¹⁷

Помощник военачальника, прочитав ее письмо, подумал: «Не шутит ли она? В ее стихотворении содержится дурное предзнаменование... Что на это ответить?»

Он был сыном старшего советника министра. Он написал девице:

«Хоть и сказано, что нет никаких следов, разве раньше не шел никто по дороге?

Сколько раз повторяешь,
Чтобы оставил
На свиданье надежду!
Но неужели на той же дороге
Нам не увидаться вновь?»

Он отправил с письмом того же подростка. На улице его встретил Такамура.

— Я сам принесу ответ, — сказал он.

Взяв послание, он разорвал его¹⁸.

Слуга рассказал об этом своему господину.

— Безмозглый ты дурень! Как же можно было отдавать письмо человеку, ко мне недружелюбному? В Инари я сразу понял по глазам, что он человек очень неприятный. Письмо написал он сам. Как же мне добиться ответа от девицы?

Когда Такамура встретил на улице слугу помощника военачальника с письмом, он сказал:

— Сестру, которой ты носил послания, ночью похитили. Я как раз отправляюсь на ее поиски. Возможно, обидчик и есть тот человек, который написал это письмо. Веди меня к нему!

Подросток что-то испуганно пробормотал через плечо и убежал от него.

Помощник военачальника подумал, что, может быть, так оно и было, и больше писем не посылал.

Девушка, не догадываясь о хитрости брата, удивлялась, что от помощника военачальника нет ответа. Такамура пришел к ней, чтобы, как обычно, заниматься китайской словесностью.

— Встретив человека на дороге и не зная, кто он таков, ты вступила с ним в переписку и полюбила его, — вот какое у тебя сердце! Скоро он возьмет тебя в жены. Лучше было бы обратиться к свахе. Но при этом маловероятно, чтобы отец согласился на брак, — сказал он.

— Чем я могла ему понравиться? Я его не знаю и о нем не думаю.

— Лучше бы тебе, которая совершенно ничего не понимает, не вступать в подобную переписку. Ведь ты совсем неопытна. Как это неприятно! Это все так неожиданно.

Девушка не знала, как быть.

— Разве может человек взять в жены женщину, которая ему не нравится? — наконец сказала она и ушла к себе.

5

Отец решил обучить дочь китайской словесности, мечтая определить ее на службу в Отделение дворцовых прислужниц.

Занимаясь с сестрой, Такамура испытывал мучительное волнение.

— Ты не обращаешь внимания на сердце, которое ни на миг не забывает о тебе, а мечтаешь о человеке постороннем. Как это больно!

Видеть близко тебя я могу.
Но напрасны старанья, —
Горько мне знать,
Что сердце твое
К иному стремится, —

сказал он однажды.

А девушка ответила:

— Я не знаю, что у тебя в мыслях.

Лишь о тебе
Печалью полно
Мое сердце.
Знай, что ни в чем
Не нахожу утешенья!

Никто об этом не догадывается!

У брата стало легко на душе, и он сказал:

— Все громче
Стенанья твои,

И все ярче моя
Пылает любовь,
Что не знает отрады.

Такамура давно уже хотел посетить ее, но боялся отца и стеснялся слуг. Но однажды он вошел к ней в спальню. Было еще темно, когда он тайком возвратился от нее.

После того ему только изредка удавалось проникнуть к ней, встречаться им было трудно. Они виделись лишь днем, а ночью нет. Такамура стал рассеян, он проводил время в печальных размышлениях, что предпринять.

«Не поговорить по душам...
Только во сне
Видеть тебя мне дано,
И тем горше
Мое пробужденье», —

написал он сестре.

А она ему в ответ:

«Глаз не смыкая,
Сна не увидеть...
Всю ночь напролет
Горько стенаю,
Что не встречаюсь с тобой».

Только во сне могли они разговаривать друг с другом наедине.

6

Сестра была беременна. Она не могла заставить себя заниматься китайскими классиками. Видя ее необычайное положение, служанки шептались: «И крови прекратились...»

Такамура очень жалел ее¹⁹. Стояла весна. Девушка ничего не брала в рот; брат умолял ее съесть хотя бы мандарин или цитрус *татибана*. О положении ее он не догадывался.

Отец уговаривал ее поесть. Однажды в университете устраивался пир, и Такамура, завернув в бумагу несколько цитрусов, принес сестре.

— Сильнее благоуханья
Цветов *татибана*,
Чья красота напрасно
С деревьев слетает,
Аромат зеленых одежд²⁰, —

и если ты это съешь...

Она ответила:

— Чем этот цитрус
Может тебя напомнить?
Сколько ни нюхаю,
Аромата зеленых одежд
Не различаю²¹.

Их услышала мать девицы. Не говоря ни слова, она некоторое время наблюдала за молодыми людьми, сидящими друг против друга, а потом, взяв дочь за руку, увела ее и заперла в комнате. Она рассказала о своих подозрениях мужу, но тот, будучи человеком беспечным, ответил:

— Сын мой благоразумен, а дочь — не младенец. Значит, была какая-то причина. Позволь им по-прежнему заниматься науками.

— Все-таки, несмотря на твои слова... — ответила жена.

Она наказала слугам неотступно следить за дочерью и замазала в комнате, в которой заперла ее, скважину землей. Студента она распорядилась в дом не впускать²².

Такамура сидел у себя и горько плакал. Ночью он пошел к дому, где находилась сестра, и обнаружил в стене небольшое отверстие. Такамура подозревал девицу. Они смогли разговаривать друг с другом и плакать вместе. Девушке хотелось выйти, но она была совсем молодой, не было никого, кто бы мог дать ей совет²³, и она не знала, что делать. Да и что тут можно было предпринять?

Всю ночь они, печалась, говорили друг с другом. Приближался рассвет. Молодой человек произнес:

— Был бы я в силе,
 Нам не пришлось бы
 Такого изведать.
 Что может быть горше,
 Чем носить из пеньки одежду?²⁴

А она ответила:

— Лишь подумаю о тебе,
 Дым от огня моих чувств
 Возносится к небу.
 И тело мое плывущим
 Облаком стало.²⁵

Оба заплакали.

Рассвело. Такамура возвратился к себе. Он приготовил еду для сестры и собирался понести ей, но был так удручен, что не мог сделать ни шагу. Что придумать? Он позвал слугу, которому доверял, и сказал ему:

— Я сейчас чувствую себя так плохо, что не могу пойти туда. Пусть она это съест. Когда мне станет лучше, я сам навещу ее...

Сестра ждала брата у отверстия в стене и, когда слуга передал ей слова Такамура, произнесла:

— Если б кому-нибудь
 Моя уходящая жизнь
 Была дорога,
 Движимый жалостью,
 Он бы ее удержал...

Еду она не взяла. Слуга возвратился к Такамура и доложил об этом.

Молодой человек, пересилив себя, направился туда. Погруженная в печальные думы, сестра уже несколько дней ничего не брала в рот, и дыхание ее готово было прерваться.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Такамура.

— Когда я исчезну
 Из этого мира

И тело станет золою,
 Душа моя будет
 Во сне являться к тебе... —

сказала она.

Он на это ответил:

— Души столь тонки,
 Что невозможно
 К ним прикоснуться.
 Как же мы сможем
 Встретиться вновь?

Плача, он долго говорил ей что-то, но она ничего не отвечала. Тогда молодой человек закричал:

— Она умирает!

На крик его прибежал отец и открыл дверь. Такамура, увидев, что в девице дыхание вот-вот прервется, в замешательстве убежал к себе. Когда он увидел, что отец удалился, он вышел из своей комнаты и направился к дому сестры.

Она лежала мертвая. Он горько заплакал. Но разве это могло помочь?

Ночью Такамура, плача, сидел при тусклой лампе. Вдруг возле него раздался шорох. Он погасил светильник — ему показалось, что кто-то лежит рядом с ним. Он услышал голос покойной сестры. Рассказ ее был печален. Это, без сомнения, была она, и Такамура заговорил с ней. Плача, он искал ее ошупью, но напрасно. Она прилегла к нему на грудь. Не заботясь о том, что с ним будет, он хотел только быть рядом с ней.

— Раньше лежали
 На ложе, мокрым от слез,
 Что бежали рекой,
 А ныне ничто
 Нас не может связать.²⁶ —

произнес Такамура.

Она ответила:

— Горько думать,
 Что было нам суждено
 Встретиться лишь на мгновенье.
 Промчались свиданья,
 Как пузыри на воде...

Рассвело. Сестры возле него не было.

7

Отец предоставил заниматься похоронами Такамура. С несколькими слугами молодой человек тщательно убрал комнату покойной, расставил перед алтарем цветы, воскурил ароматы, поодаль зажег лампу.

Душа ее являлась каждую ночь и говорила с ним. Прошел двадцать один день, все это время Такамура мог видеть ее совершенно ясно. Затем в течение семи дней она появлялась реже. Такамура безутешно плакал. Собрав свои слезы в тушечницу, он переписал *Лотосовую сутру*. Он отправился на гору Хизэй и в Зале просветления выполнял службы до сорок девятого дня со смерти сестры. После этого она еще время от времени являлась ему.

Прошло три года. Такамура больше совсем не видел покойную. Она не посещала его даже во сне. Он очень тосковал. Такамура по-прежнему любил ее, он не женился и жил один.

8

Такамура задумал взять в жены дочь правого министра. Он искусно написал письмо и вручил его министру, ехавшему во дворец. Тот прочитал и сказал:

— Я отвечу вам, как только вернусь домой.

Такамура направился в университет.

Возвратившись к себе, сановник рассказал старшей из своих трех дочерей о молодом человеке и спросил, что она думает.

Девушка пришла в негодование, заплакала и удалилась к себе.

Со средней было то же самое. Дошла очередь до младшей дочери.

— Как батюшка скажет, так я и поступлю, — ответила она.

Министр распорядился красиво убрать главное помещение в доме, выбрал благоприятный день и пригласил молодого человека. Такамура, получив письмо, надел на себя какие-то лохмотья темно-серого цвета²⁷, туфли со стоптанными каблуками и взял книгу в старом футляре. В таком виде он явился в дом министра и вошел в спальню девицы. Первым делом он протянул ей книгу. Девушка ее не взяла. Такамура повернулся, чтобы уйти, но она потянула его за кожаный пояс, и он у нее остался.

Глядя на все это в просвет между занавесями, отец девицы радовался: «Прекрасно! Если бы он ушел от нее, пошли бы кри-вотолки. Все вышло очень хорошо».

На третью ночь к приему зятя приготовились самым прекрасным образом. Раньше Такамура сопровождал всего лишь один молоденький слуга, а как он явится на этот раз?

У себя дома Такамура вошел в комнату покойной сестры; печальные воспоминания охватили его, и он заснул.

— Ясно не вижу,
 Тот ли ты человек,
 С которым когда-то встречалась.
 Думала, что никогда
 Он меня не забудет... —

раздался голос сестры.

Такамура горько заплакал и никуда не пошел. Он не показывался и в следующие дни, и министр не знал, что и думать. Наконец, после семи дней Такамура появился у тестя.

— Почему ты не приходил все это время? — спросил тот.

Такамура, всегда бывший человеком прямодушным, выложил все начистоту.

— Какая удивительная история! Как глубоко проникает она в сердце! — сказала его жена. — Если бы ты и меня любил так сильно! В умершей все: и душа, и внешность — привлекает твое сердце, и сколько бы ни прошло времени, забыть ее ты не сможешь. Я привязалась к тебе так, что и сказать нельзя, к тебе, который встречался с этой женщиной. Что будет с нами в будущих рождениях?

К чему тебе,
Сердцу живому,
Печалиться о душе,
Что покинула мир,
Любви до конца не изведав?

Тебе должно быть стыдно!

— Откуда у тебя такие мысли? — сказал Такамура. — Наши отношения из-за этого не могут прерваться. Или из-за этого про-
исшествия мне не дано будет узнать, какова у тебя душа?

Даже расставшись
И долго друг друга не видя,
Можно ли не поддаться
Воспоминаньям
О старой любви?

Когда я собрался уйти из твоей комнаты, ты удержала меня за пояс и до сего времени не отпускаешь. Твое же нынешнее отношение неприятно.

9

В молодости Такамура часто не ладил с женой и проводил ночи в других домах. Он добился успеха, вознесся выше, чем советник *сайсё*. Это тот самый Такамура, который был очень известен. Об учености его и говорить нечего, а кроме того, он был очень искусен в сочинении стихов, — в нашей стране сравнить с ним было решительно некого. Даже среди его детей и внуков не было ни одного, кто не слагал бы прекрасных стихов.

Две дочери министра, не подчинившиеся отцу, вышли замуж за людей низкого звания и жили милостями Такамура. Достигнув большого успеха в жизни, он окружил свою жену большой заботой. А есть ли в наше время сановник, который отдал бы свою дочь в жены студенту? Ведь правый министр полагался только на сердце, внешность и талант молодого человека. А разве есть еще такой студент, который, задумав жениться на дочери высокопоставленного лица, написал бы столь прекрасное письмо?

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имеется в виду каллиграфия, сложение стихов, игра на цитре.
- ² *Какухити* — палочка из слоновой кости или бамбука, по форме напоминающая кисть, которой писали или при чтении китайских текстов делали отметины на бумаге.
- ³ Сэ и Имо («брат и сестра» или «муж и жена») — названия гор по обеим сторонам реки Ёсино. Под «рекой» подразумевается завеса или переносная занавеска. Такамура хотел бы, отбросив это препятствие, увидеть сестру. Под словом «видеть» подразумевается также «жениться».
- ⁴ Под «водой реки» подразумевается перегородка. «Мутная вода» — бурный поток, через который нельзя перейти.
- ⁵ Стих. построено на двух значениях слова *суми*: «стать чистым» и «жить (где-то)» в смысле «жить вместе, пожениться». Первый слог в слове *мидзу* — «вода» понимается как *ми* — «видеть».
- ⁶ Стих. неизвестного автора, К № 933: «Что неизменно в мире? Там, где на реке Асука вчера была пучина, сегодня обнажилась мель».
- ⁷ Стих. неизвестного автора, К № 631: «Не научился на горьком опыте, и вновь поползли вздорные слухи; ведь живя в этом мире, возненавидеть женщин я не могу».
- ⁸ В этом месте текст испорчен; предполагается, что речь идет о литературном жанре плача.
- ⁹ День лошади — для обозначения дней пользовались календарными знаками (крыса, лошадь, бык и т. д.).
- ¹⁰ Инари — синтоистский храм, расположенный к югу от Киото. Посвящен трем богам урожая. Основанный в 711 г. представителем семьи Хата, этот храм имел всего лишь пятый ранг, но в 942 г. ему был присвоен первый ранг и императорский двор регулярно совершал в него приношения.
- ¹¹ *Сяку* равен 30,3 см.
- ¹² Предполагается, что в тексте здесь пропуск.
- ¹³ Перевод условен, так как отрывок сильно испорчен.
- ¹⁴ Имеется в виду бог Таласу, обитающий в роше Таласу в нижнем святилище Камо, который, по поверью, мог разоблачить ложь.
- ¹⁵ «Каменный бог» — камни, которым поклонялись в древности, обычно находились у обочины дорог. Девушка продолжает образ полученного стих., но скромно отождествляет себя с простым камнем.
- ¹⁶ По-видимому, в тексте здесь пропуск.
- ¹⁷ На развилине трех дорог и у входа в деревню ставилось копые. В поэзии это слово стало постоянным эпитетом к слову «дорога».
- ¹⁸ Здесь явно пропущен эпизод, как Такамура, написав ответ, вручил его слуге.
- ¹⁹ Здесь предполагается пропуск.
- ²⁰ Чиновники шестого класса носили темно-зеленые одежды, а седьмого — светло-зеленые. *Татибана* — цитрус.
- ²¹ Поскольку цитрус находился за пазухой Такамура, он мог бы пахнуть его одеж-

дами, которые в эпоху Хэйан окуривались благовониями.

²² Жены отца Такамура с детьми жили в разных домах.

²³ Место неясно.

²⁴ Стих. неизвестного автора, К № 888: «И у простолюдинов, которые одеваются в платье из пеньки, какое носили в древности, и у благородных в жизни есть пора расцвета». Такамура имеет в виду, что он не могуществен.

²⁵ Стих. основано на игре слов: *уки* — «плыть» и *уки* — «несчастный». Кроме того, последний слог слова *оахи* («думы, чувства») понимается как *хи* («огонь»).

²⁶ Текст второй половины стих. испорчен.

²⁷ Темно-серую одежду предписывалось носить людям низкого положения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАПИСКИ БЕЗ НАЗВАНИЯ

(Мумё дзоси)

(отрывок, посвященный «Повести о Сагоромо»)

Если бы меня попросили назвать повесть, которая казалась бы мне замечательной и при этом не нравилась, я бы с некоторым смущением сказала бы вот что.

«Повесть о Сагоромо» оценивают высоко и ставят ее на второе место после «Повести о Гэндзи», но...

С первой же фразы: «Как ни жаль, что проходит весна юности...» — выбор слов чарует, производит великолепное и благородное впечатление, но в «Повести» ничего не проникает особенно в сердце. А недостатков в ней много.

Принцесса первого ранга в обращении нелюбезна, но она необыкновенно изысканна. В повестях подобные ей женщины теряют голову от любви, а если нет, то всей душой предаются выполнению буддийских обрядов. Персонаж этот превосходен.

Замысел автора чрезвычайно удачен, что Вторая принцесса принимает постриг. Очень хорош эпизод, когда после женитьбы на принцессе первого ранга Сагоромо посылает ей стихотворение:

«Мимо старого дома,
Заросшего хмелем,
Уныло бреду.
Могу ли я спать
На ложе из трав?»

На это письмо отвечает отрешившийся от престола император:

«Покинутая деревня
Давно стала полем,
Тростником заросшим.
Печальная осень...
Лишь цикады громко звенят. —

Я рад за тебя».

Смерть Второй императрицы¹ глубоко волнует. Могла ли мать не отчаиваться, узнав, что дочь ее беременна от какого-то неизвестного мужчины? Превосходно место, когда она неожиданно решает скрыть грех дочери, объявив, что сама ждет ребенка.

Полон печали эпизод, когда императрица сочиняет стихотворение:

«Пусть молодая сосна,
Что растет на скале,
Небесных чертогов вершиной коснется!
Но тот, кто ее посадил,
Сюда не приходит».

Вторая принцесса, не колеблясь, приняла монашество, — это кажется правдоподобным.

Гэндзи-мия, казалось бы, великолепно, но к себе особенно не располагает; однако ее тоска и страх вызывают сочувствие.

«Придорожная трава»² необыкновенно очаровательна. Очень хороши ее стихотворения:

Завтра начнет прибывать
Речная вода.
И вместо мелкого брода
Увидишь стремнину
И омут страшный.

О, птицы с пучками волокон!
Расскажите, когда он придет,
Как я колебалась,

Прежде чем выйти
Из Небесного грота.

О, ветер на веере!
Отнеси ему весть:
В быстром проливе,
На дне,
Стала соринкой.

Превосходен и ее дневник, написанный в Токива.

Очень мне нравится, что ее глубоко полюбил такой тонкий человек, как Сагоромо. Ее первое появление, когда она едет в экипаже с монахом, производит печальное впечатление, и в дальнейшем эпизод, когда она против воли уезжает с прислужником Сагоромо, проникает до глубины души. Ужасная судьба! Хотелось бы, чтобы она еще немного оставалась в живых и чтобы было показано, как глубоко любит ее Сагоромо. Так или иначе, участь ее действительно вызывает жалость.

К недостаткам «Повести» надо отнести следующие эпизоды: изумительную игру Сагоромо на флейте и явление небесного отрока; явление бодхисаттвы Фугэн в храме Кокава; сон Хорикава, когда бог Камо передает письмо для Гэндзи-мия (мне возражает, что сны такими и являются, но в данном случае появление бога слишком явно); изъявление воли божества, когда Сагоромо играет на *кото* перед Гэндзи-мией.

И более всего кажется невероятным восшествие Сагоромо на престол. Пусть в нашем мире и существует такой талантливый и образованный человек, но должна ли его жизнь сопровождаться столь ужасными потрясениями всего мира?³ Это очень страшно и неправдоподобно. И в «Повести о Гэндзи» производит странное впечатление эпизод, когда блистательный герой получает титул отрешившегося государя; но Гэндзи является сыном императора, и во время своего правления отрешившийся император Рэйдзэй⁴, зная, что он является его настоящим отцом, смущаясь, пожаловал ему этот титул. В «Повести о Гэндзи» все это не является таким уж недостатком. Иногда подданные становились императорами, но в «Повести о Сагоромо» этот эпизод далек от действительного положения вещей, и это производит досадное впечатление, тем более что Сагоромо является не сыном императора, а внуком, его

отец стал подданным и ему была пожалована фамилия. Повесть написана женщиной, лишенной глубокого понимания вещей, и совершенно разочаровывает. К тому же и Хорикава объявляется отрешившимся императором.

Во всех отношениях «Повесть» неправдоподобна — вот ее отличительная особенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мать Второй принцессы.

² Асукаи.

³ Описание эпидемии и необыкновенных знамений в гл. 28 четвертой части.

⁴ Сын Гэндзи и Фудзигубо, официально сын императора (отца Гэндзи), который отрекся от престола после упомянутого эпизода.

Список сокращений, принятых в примечаниях:

ВР — *Вакан розэйсю* (Собрание японских и китайских *розэй*)

Г — *Госэн вакасю* (Последующее собрание японских песен)

ГМ — *Гэндзи моногатари* (Повесть о Гэндзи)

ГС — *Госюи вакасю* (Последующее собрание старых и новых японских песен, не вошедших в прежние антологии)

ИМ — *Исэ моногатари* (Повесть из Исэ; стих. цит. в пер. Н. И. Конрада по изданию: Исэ моногатари / Пер. с яп., вступит. ст. и примеч. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979)

К — *Кокин вакасю* (Собрание старых и новых японских песен)

КР — *Кокин вака рокудзё* (Шесть тетрадей старых и новых японских песен)

М — *Манъёсю* (Собрание мириад листьев; стих. цит. в пер. А. Е. Глускиной по изданию: Манъёсю (Собрание мириад листьев): В 3 т. / Пер. с яп., вступит. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971–1972)

МС — *Макура соси* (Записки у изголовья)

НКБТ — *Нихон котэн бунгаку тайкэй* (серия «Японская классическая литература»)

С — *Сюи вакасю* (Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии)

СК — *Син кокин вакасю* (Новое собрание старых и новых японских песен)

СМ — *Сагоромо моногатари* (Повесть о Сагоромо)

ХК — *Хоккэкё* (Сутра Лотоса, цитируется по изданию: Хоккэкё: В 3 т. / Под ред. Сакамото Юкио и Ивamoto Ютака. Токио: Иванами сётэн, 1990)

УМ — *Уцухо моногатари* (Повесть о дупле)

ЯМ — *Ямато моногатари* (Повесть о Ямато)

Серия
«Восточная коллекция»

**Повесть о Сагоромо
(Сагоромо моногатари)
Повесть о Такамура
(Такамура моногатари)**

Перевод с японского *В. И. Сисаури*

Издатель *И. А. Мадий*

Главный редактор серии *А. Р. Вяткин*
Исполнительный директор *В. А. Мадий*

Художник *Г. С. Джаладян*

Корректор *Т. Г. Шаманова*

Компьютерная верстка: *А. А. Козлов*

Подписано в печать 10.11.06. Формат 60 x 84 1/16
Бумага писчая. Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Усл. печ. л. 28,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 4520

Издательство «Наталис»

119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (495) 201-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru
Сайт в интернете: www.natalis.ru

ИД «Рипол Классик»

107140, Москва, Краснопрудная ул., д. 22а, стр. 1
Телефон (495) 513-57-77, e-mail: info@ripol.ru
Сайт в интернете: www.ripol.ru

По вопросам оптовой закупки книги
обращаться в издательство «Рипол Классик»
по телефону (495) 513-57-77

и в издательство «Наталис» по адресу:
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
Телефон: (495) 201-34-38; e-mail: natalis_press@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: ippps@atnet.ru

ISBN 978-8062-0245-2

9 785806 202452 >

